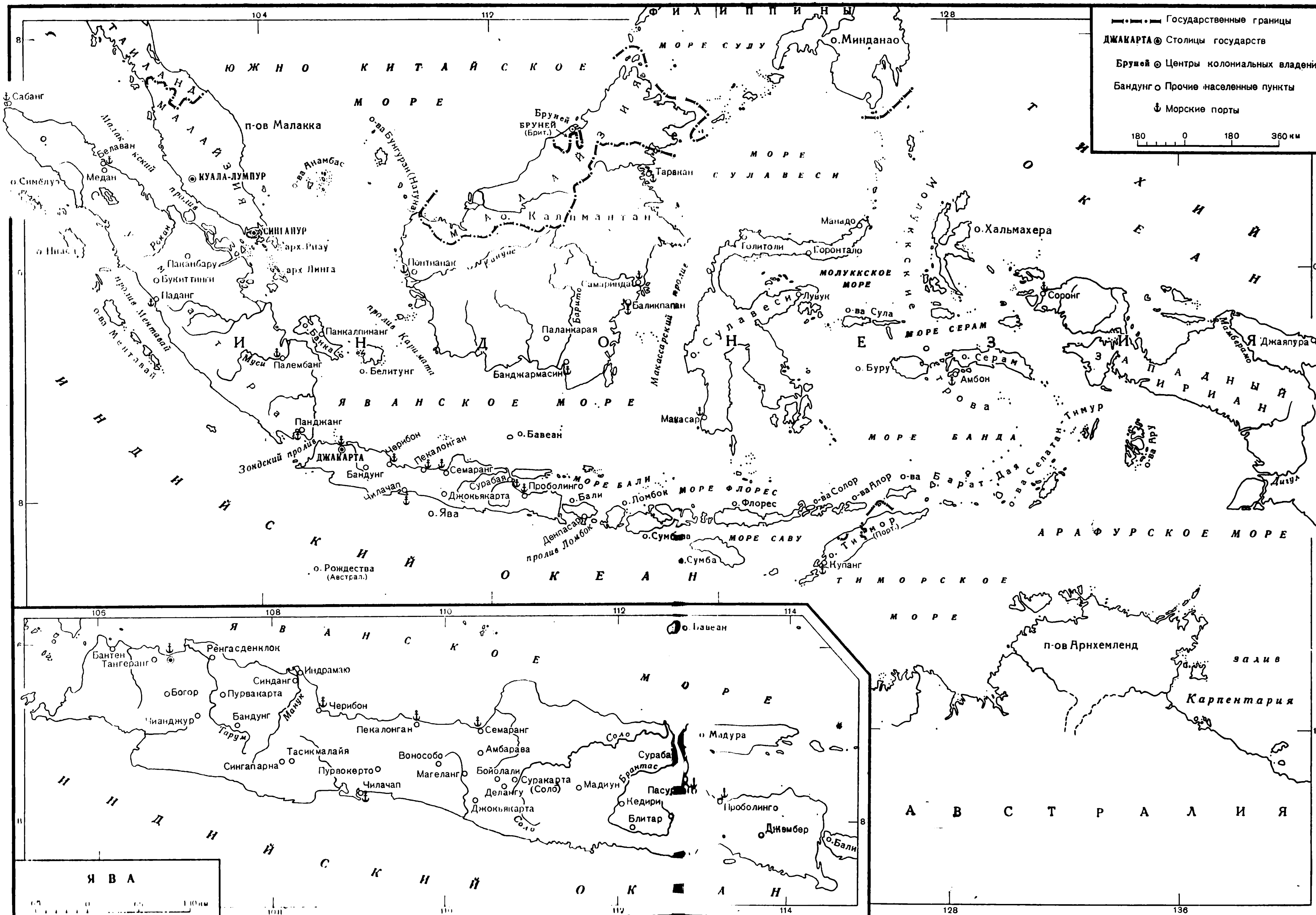
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДОНЕЗИИ

(1942—1965)

Государственные границы
ДЖАКАРТА Столицы государств
Бруней Центры колониальных владений
Бандунг Прочие населенные пункты
Морские порты
180 0 180 360 км
ФИЛИППИНЫ
ЮЖНО КИТАЙСКОЕ МОРЕ
МОРЕ СУЛУ
о. Минданао
ТИХИЙ ОКЕАН
МАЛАЙЗИЯ
ТАИЛАНД
п-ов Малакка
КУАЛА-ЛУМПУР
СИНГАПУР
Сабанг
Белаван
Медан
о. Симелуэ
о. Ниас
Малаккский пролив
Рокан
Пеканбару
Букиттинги
Паданг
о-ва Ментавай
пролив Ментавай
арх. Риау
арх. Линга
о-ва Анамбас
о-ва Бунгуран (Натуна)
Бруней
БРУНЕЙ (Брит.)
Таракан
МОРЕ СУЛАВЕСИ
о. Калимантан
Понтианак
Капуас
Самаринда
Баликпапан
Барито
Палангкарая
Банджармасин
Макассарский пролив
Манадо
Горонтало
Голитоли
о. Хальмахера
Молуккские о-ва
МОЛУККСКОЕ МОРЕ
Лувук
о-ва Сула
МОРЕ СЕРАМ
Сорong
ИНДОНЕЗИЯ
Суматра
Муси
Палембанг
о. Банка
Панкалпинанг
о. Белитунг
пролив Каримата
ЯВАНСКОЕ МОРЕ
Панджанг
Зондский пролив
ДЖАКАРТА
Бандунг
Чилачап
Черибон
Пекалонган
Семаранг
Сурабая
Джокьякарта
Пробoлинго
о. Ява
о. Бавеан
МОРЕ БАЛИ
о. Бали
Денпасар
пролив Ломбок
о. Ломбок
МОРЕ ФЛОРЕС
о. Флорес
о. Сумбава
о. Сумба
МОРЕ САВУ
о-ва Солор
о-ва Алор
о-ва Барат-Дая
о-ва Селатан-Тимур
о. Тимор (Порт.)
Купанг
ТИМОРСКОЕ МОРЕ
о. Сулавеси
Макасар
о. Буру
о. Серам
Амбон
МОРЕ БАНДА
о-ва Ару
Мамберамо
Джаяпура
ЗАПАДНЫЙ ИРИАН
Дигул
НОВ. ГВИНЕЯ (опека Австрал.)
ПАПУА (Австрал.)
АРАФУРСКОЕ МОРЕ
п-ов Арнхемленд
залив Карпентария
АВСТРАЛИЯ
о. Рождества (Австрал.)
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
ЯВА
ЯВАНСКОЕ МОРЕ
о. Бавеан
Бантен
Тангеранг
Ренгасденклок
Индрамаю
Синданг
Богор
Пурвакарта
Чианджур
Бандунг
Тарум
Манук
Черибон
Пекалонган
Семаранг
Тасикмалайя
Сингапарна
Пурвокерто
Вонособо
Магеланг
Амбарава
Бойолали
Суракарта (Соло)
Деланггу
Джокьякарта
Соло
Мадиун
Брантас
Кедири
Блитар
Сурабая
Пасуруан
о. Мадура
Проболинго
Джембер
о. Бали
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДОНЕЗИИ (1942—1965)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
МОСКВА 1970

9(М)7
Н35

Коллективная монография посвящена истории освободительного движения в Индонезии в годы второй мировой войны и после ее окончания, вплоть до событий 30 сентября 1965 г. Авторы анализируют соотношение классовых и политических сил в стране на различных этапах ее новейшей истории, политику различных партий и организаций и их роль в национально-освободительной борьбе, дают характеристики виднейших деятелей освободительного движения.

1-6-3
55-69

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий коллективный труд представляет собой первое в советской литературе монографическое исследование истории национально-освободительного движения в Индонезии в период со второй мировой войны и до событий 30 сентября 1965 г. Советскими исследователями опубликован ряд книг и статей, имеющих отношение к теме данной монографии, но эти работы, как правило, касаются лишь отдельных проблем, событий или этапов освободительной борьбы индонезийского народа в 1942—1965 гг.

Коллектив авторов монографии поставил перед собой задачу дать на основе возможно более широкого круга индонезийских и других источников марксистский анализ основных моментов индонезийского национально-освободительного движения в период японской оккупации (1942—1945), августовской революции и борьбы против империалистической агрессии (1945—1949) и в последующие годы. При этом авторы стремились проанализировать соотношение классовых и политических сил в стране на разных этапах ее новейшей истории, показать политику различных партий и организаций и их роль в освободительном движении, дать характеристику виднейших деятелей этого движения. В книге рассмотрены основные аспекты внутренней и внешней политики Индонезии в 1945—1965 гг. в связи с задачами освободительной борьбы, проанализировано значение поддержки СССР и других социалистических стран для завоевания и упрочения независимости Индонезии, показаны подрывные действия империалистов против этой страны. Вводная глава монографии содержит характеристику основных итогов и особенностей индонезийского национального движения к началу второй мировой войны, без учета которых невозможна правильная оценка роли различных классов и социальных сил в освободительной борьбе 1942—1965 гг.

Редакция и авторы отдают себе отчет в том, что, поскольку настоящая книга является первым опытом создания истории национально-освободительного движения в Индонезии в весьма сложный, напряженный и чрезвычайно богатый событиями период, в ней неизбежно недостаточно полное освещение некоторых проблем.

Вводная глава написана А. А. Губером, глава I — Л. М. Деминым, глава II — А. Б. Беленьким, глава III — В. А. Жаровым, глава IV — Н. А. Симония, глава V — А. Ю. Друговым и А. Б. Резниковым. В подготовке рукописи к изданию участвовал Э. Х. Кямилев, им же составлен указатель имен.

Редакция и авторский коллектив приносят благодарность В. А. Тюрину, А. С. Шину и другим товарищам, которые своими советами и замечаниями способствовали улучшению этой книги.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИИ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(вместо введения)

Вторая мировая война и захват Индонезии японскими империалистами знаменовали конец трехвекового голландского господства на Индонезийском архипелаге. Попытки Голландии при поддержке других империалистических держав ликвидировать молодую Индонезийскую республику, провозглашенную в момент краха и капитуляции Японии, закончились провалом.

Однако наследие долголетней колониальной эксплуатации все еще продолжает сказываться. Далеко не изжиты последствия насильственного перерыва процесса самостоятельного развития, достигавшего к моменту появления европейцев различного уровня в разных частях архипелага, сохраняются многие черты сложившейся в колониальный период экономической и социальной структуры.

Многие особенности национально-освободительной борьбы в Индонезии не только в колониальный период, но и после завоевания независимости, роль различных классов и социальных сил, отражение их интересов во внутренней и внешней политике Индонезийской республики могут быть правильно поняты лишь с учетом развития страны под голландским господством. И хотя почти четырехлетняя японская оккупация, как будет показано в следующей главе, во многом изменила в соответствии с интересами и военными потребностями японских агрессоров направление колониальной экономики и методы управления, радикальных изменений социально-экономической структуры не произошло. Главной задачей молодой Индонезийской республики осталась ликвидация последствий голландского владычества во всех областях материальной и духовной жизни. Именно поэтому нам представляется полезным и даже необходимым предпослать хотя бы в самом сжатом виде последовательному изложению истории борьбы индонезийского народа в период второй мировой войны и в послевоенные годы характеристику итогов голландского колониального господства.

Все освободившиеся страны Азии и Африки неизбежно начинают свое независимое существование в условиях, явившихся результатом господства колонизаторов. Колониализм как неотрывная составная часть капитализма принципиально отличен от колониальной экспансии и империализма докапиталистической формации. Общие закономерности и эволюция колониализма определяются развитием капитализма от начала его становления до периода общего его кризиса.

Общие черты, характерные для колониализма эпохи первоначального накопления, периода победы и утверждения капитализма в передовых странах и, наконец, для колониализма империалистической эпохи, могут быть прослежены как в вызревании внутренних его предпосылок у всех колониальных держав, так и в колониальной политике, характерной для каждого исторического периода развития капитализма. Однако развитие, экономическая мощь и международное положение страны, вступившей на путь колониализма, так же как исторический период, когда она на этот путь вступала, неизбежно придавали конкретные черты проявлению общих закономерностей. Но и особенности португальского, испанского, голландского, английского и других «колониализмов», и общие черты, свойственные каждому историческому периоду в развитии капитализма, в какой-то мере видоизменялись в зависимости от уровня социально-экономического развития и различных условий в странах, становившихся объектом колониализма.

Мы не можем не видеть, например, разницу между колониализмом феодально-абсолютистской Испании, с одной стороны, и осуществивших первую буржуазную революцию Нидерландов — с другой. А характерные для испанского колониализма особенности реализовались в Западном полушарии иначе, чем на Филиппинах.

Различия в методах испанского колониализма в Латинской Америке и на Филиппинах, предопределявшиеся отличием условий и обстановки в этих колониях, привели к конкретным экономическим и социальным последствиям. Этим в значительной мере объясняется, почему освободительная антииспанская революция вспыхнула на Филиппинах почти на столетие позже, чем в Латинской Америке. В то же время, происходя в другую историческую эпоху — в период империализма, филиппинская национально-освободительная революция приобрела более отчетливые буржуазно-демократические черты. Но эта же историческая эпоха делала для Филиппин возможности добиться политической независимости менее благоприятными, нежели обстановка начала XIX в. для американских колоний Испании. Едва сокрушив испанское господство, Филиппины стали колонией мощной империалистической державы — США.

Даже в пределах одной колонии колониализм метрополии модифицировался в различных ее районах в зависимости от условий, с которыми он сталкивался. Например, испанская колониальная политика в Мексике во многом отличалась от политики в Парагвае. На Филиппинах испанский колониализм в центральных районах архипелага по своим формам и последствиям для народных масс отличался от его проявлений на Минданао и Сулу на юге или в изолированных горных районах Лусона.

Германский и североамериканский колониализм, получив возможность реализоваться уже в империалистическую эпоху, сразу же приобрел черты, характерные для этой эпохи, не будучи отягощен формами и институтами, созданными старыми колониальными державами в своих старых колониях на протяжении длительного срока, на различных стадиях развития капитализма.

Все эти соображения приходится учитывать, подводя итоги трехвековому господству нидерландской буржуазии в Индонезии и анализируя то состояние, в котором находились голландские владения к началу эпохи империализма. Последнее особенно важно, поскольку именно в империалистическую эпоху вызревают предпосылки национально-освободительного движения, происходит пробуждение Азии, ускоряются в колониальных и зависимых странах процессы образования наций. И от исторически сложившихся в результате господства колониализма социально-экономических условий и классовой структуры колониальной страны зависят многие конкретные формы антиимпериалистической борьбы.

В результате особенностей голландского колониализма Индонезия к началу империалистической эпохи значительно отличалась от других старых колоний европейских держав. При этом нельзя забывать, что фактически до последних десятилетий XIX в. из всего громадного архипелага, обозначаемого как Нидерландская Ост-Индия, освоен, полностью подчинен и охвачен эксплуатацией был лишь остров Ява. Не случайно и сами голландцы до конца своего господства всегда официально разделяли свои колонии на Яву с близлежащим островом Мадурой и на Внешние владения.

До эпохи империализма далеко не все многочисленные княжества Внешних владений даже номинально признавали голландский суверенитет. Многие из них не только фактически, но и юридически были независимы. С точки зрения европейских колонизаторов, эти территории являлись «ничейными» землями. И если они не были захвачены другими колониальными державами, то только потому, что завоевание их не сулило до эпохи империализма реальных выгод.

Ява в отличие от Внешних владений уже в период господства Ост-Индской компании превратилась в объект гол-

ландской феодальной эксплуатации. Здесь к середине XVIII в. Ост-Индской компании военной силой и использованием феодальных противоречий удалось сломить мощь княжеств Матарам и Бантам, подорванную изоляцией их голландцами от внешних связей и торговли. Остатки Матарама, раздробленного на несколько княжеств, превратились в бессильных и бесправных вассалов компании. Ява, будучи плотно заселена феодально-зависимыми крестьянами, имея древнюю сельскохозяйственную культуру и развитое ремесло, открывала перед Ост-Индской компанией возможности, совершенно отличные от редконаселенных и более отсталых Внешних владений. Застав на Яве развитый феодализм, голландцы, постепенно присоединяя к своим владениям все новые и новые территории, смогли полностью использовать феодальную зависимость крестьянства в своих интересах. Эксплуатация осуществлялась при помощи прежних феодальных наместников и вассалов Матарама и Бантама. Вынужденные насильственным путем сменить своих сюзеренов на Ост-Индскую компанию, прежние феодалы постепенно из вассалов превратились в голландских чиновников, в покорное орудие управления и феодальной эксплуатации населения в интересах завоевателей. Этот процесс окончательно завершился на всей территории Явы уже в XIX в. под властью голландской короны.

За прежними феодалами на отошедших к Голландии территориях сохранялись пышные титулы, почести, свиты, передача по наследству своего поста, известная возможность эксплуатации населения в свою пользу. Но они лишились экономической основы феодальной власти — права распоряжаться землей и трудом зависимого крестьянства. Участвовать в его эксплуатации, так же как сохранить пост и передать его по наследству, они могли лишь как покорные исполнители воли колониальных хозяев. Ост-Индская компания, до тех пор пока регенты обеспечивали поставку продуктов сельского хозяйства и лесоводства, барщинный труд крестьянства на строительстве и гужевом транспорте в предписанном им объеме, не вмешивалась во взаимоотношения регентов с населением, в их административную, судебную деятельность на местах. Однако эта голландская форма «косвенного управления» может быть признана таковой лишь с большими оговорками. Она существенно отличалась от взаимоотношений Англии с местными князьями Индии и тех же голландцев с вассальными княжествами во Внешних владениях.

В результате на Яве не могли в отличие от других колоний сохраниться или возникнуть феодально-помещичьи латифундии. Класс феодальных землевладельцев на Яве был ликвидирован. Обстоятельство это и к моменту завоевания

Индонезией независимости придало существенное своеобразие аграрным отношениям и феодальным пережиткам в яванской деревне. Трансформация яванской аристократии (прияи) в колониальных чиновников во многом объясняет и ту роль, которую она играла с самого начала национально-освободительного движения.

Торговая монополия Ост-Индской компании и методы эксплуатации сказались самым решительным образом не только на крестьянстве, положение которого резко ухудшилось, но и на феодальной верхушке, подвергшейся указанной трансформации, не только на многих отраслях ремесленного производства, задушенных конкуренцией, но и на торговле. Возможности для индонезийцев не только свободной торговли, но и посреднической деятельности были сведены до минимума.

К концу XVIII в. мощь Голландии была подорвана. Четвертая англо-голландская война закончилась мирным договором 1785 г. в значительной мере за счет Ост-Индской компании. Английские корабли получили официальное право прохода через индонезийские воды. О сколько-нибудь эффективной борьбе с контрабандой (ею, кстати, усердно занимались в свою пользу и чиновники компании), о сохранении монополии не могло быть уже и речи.

Былые головокружительные дивиденды компании сменились все возрастающими убытками и долгами. Однако торгово-финансовая олигархия и связанный с компанией штатгалтер гальванизировали обреченную привилегированную компанию, что дало ей возможность просуществовать до начала XIX в.

Правящие классы Голландии не видели других способов извлечения дохода от колонии и конкуренции с английской промышленностью и торговлей в своей колонии, кроме как цепляясь за отжившие методы эпохи первоначального накопления, добиваясь устранения не связанных с компанией даже голландских предпринимателей.

Очень мало изменился подход к использованию колоний и после переворота 1795 г., изгнавшего Оранский дом и сделавшего Нидерланды сперва подчиненной союзницей послетермидореанской Франции, а затем и частью Наполеоновской империи.

Кратковременное управление голландскими колониями в Индонезии Стэмфордом Рафлзом, после их захвата Англией в 1811 г. отражало попытки приспособить Яву к нуждам английского торгово-промышленного капитала. Рафлз хотел заменить денежным налогом принудительный труд и феодальные поставки крестьян, закрепить за ними право владения их участками и этим путем вовлечь их в товарно-денежные отношения и производство экспортных культур. Он от-

крыл Индонезию для свободной торговли всех нейтральных стран и предпринимательской деятельности частного капитала. Но, за исключением административных и судебных реформ, деятельность Рафлза не успела привести к сколько-нибудь заметным последствиям.

После Венского конгресса индонезийские владения были возвращены Голландии, восстановленной в виде независимого королевства. Вопрос о методах управления и использования колониальных владений стал предметом споров в правительстве и среди господствующих классов Голландии. Голоса, выражавшие интересы крайне слабой в Нидерландах промышленной буржуазии, выступавшей за сохранение свободы частного предпринимательства, втягивание индонезийского крестьянства в товарно-денежные отношения и производство экспортных продуктов экономическими средствами, не могли повлиять на определение колониальной политики и методы эксплуатации. К тому же голландская буржуазия сразу после возвращения Голландии ее колоний столкнулась с огромными трудностями в конкуренции с Англией.

Колониальные доходы, которых жаждало голландское правительство, не поступали. Даже сохранившаяся монополия на пряности Молуккских островов потеряла свое значение. С ними успешно конкурировали плантации в колониях других держав. Спасение увидели в возврате к строжайшему контролю над сельскохозяйственным производством Явы и к принудительному внедрению экспортных культур феодальными методами. Король Виллем, по конституции бесконтрольно управлявший колониями, одобрил в 1830 г. выработанный ван дер Босхом проект «системы культур». Введенная на Яве, эта система обрекла крестьянство на монопольную государственную крепостническую эксплуатацию. Крестьянские общины обязаны были разводить указанные правительством экспортные культуры и весь продукт сдавать на правительственные склады или голландские предприятия для переработки. Хотя под экспортные культуры теоретически должна была отводиться лишь часть общинной земли, на практике сплошь и рядом ими занимали почти все обрабатываемые земли. Полученные продукты не попадали в частные руки, а реализовывались через аукционы Нидерландской торговой компании, выступавшей в качестве комиссионера правительства. Эффект насильственного расширения культуры кофе, внедрения культур сахарного тростника, табака, разведения индиго и т. д. сказался очень быстро. Полученные таким образом многомиллионные доходы обеспечивали развитие в Голландии промышленности, транспорта, судостроения.

Таким образом, когда в XIX в. колонии не только передовой промышленной державы Англии, но и отсталой Испа-

нии стали объектом эксплуатации методами промышленного капитала, когда в них росли плантации и промышленные предприятия частного иностранного капитала и зарождалась национальная промышленная буржуазия, в Индонезии голландский колониализм почти полностью исключил этот процесс.

Монопольно-крепостническая эксплуатация основной массы индонезийского населения — крестьянства Явы — изжила себя к началу 70-х годов. Принудительно и произвольно внедряемые культуры истощали почву, и продукция, естественно, падала. Жестоко эксплуатируемое крестьянство уклонялось от разведения культур, уходило в горы, пыталось восставать.

В то же время взлелеянная колониальными доходами голландская промышленная буржуазия и крупный капитал требовали свободного доступа к эксплуатации колоний и создания необходимых для этого условий. Укрепив свою политическую власть и добившись контроля парламента над колониальной политикой, буржуазия получила возможность влиять на методы эксплуатации. Приходилось Голландии считаться и с капиталом других держав, стремившихся проникнуть в Индонезию.

Начало 70-х годов ознаменовалось отменой системы принудительных культур и созданием условий для широкой деятельности частного иностранного капитала. В то же время был открыт путь для развития капитализма в яванской деревне и ускорения расслоения крестьянства. Основой бурно начавшихся процессов был аграрный закон 1870 г. Закрепляя за яванским крестьянством обрабатываемые земли и право ими распоряжаться, закон в то же время объявил государственной собственностью все «свободные» земли и предоставил возможность их долгосрочной «наследственной» аренды частным лицам и компаниям. К «свободным» землям были отнесены общинные выгоны и пустоши. Освобождение крестьян от крепостнической системы культур сопровождалось, таким образом, ограблением общинных необработанных земель, служивших пастбищами и резервом для расширения обрабатываемого фонда. Кроме того, отмена принудительной системы в земледелии сочеталась с сохранением так называемой государственной барщины по ремонту дорог, обслуживанию транспорта и т. д. Барщина в объеме до 35 рабочих дней в году впоследствии могла быть заменена ежегодным денежным выкупом. Эти повинности были отменены на Яве лишь после восстания 1927 г.

В целом законы 70-х годов, открывая широкие возможности для деятельности иностранного капитала и организации капиталистических плантаций и промышленных предприятий, способствовали сохранению различных феодальных

пережитков и сочетанию капиталистической эксплуатации с докапиталистической.

Переход к колониальной эксплуатации методами, характерными для промышленного капитала, осуществлялся Голландией с большим опозданием. Он происходил уже в период, когда капитализм перерастал в свою империалистическую стадию. В самой Голландии шел процесс сращивания промышленного капитала с банками. Как и в других передовых капиталистических странах Европы и США, к власти шли монополии.

Поэтому в Индонезии государственная монопольно-крепостническая эксплуатация основной массы населения сменилась почти без промежуточного периода свободного капитализма эксплуатацией империалистических монополий.

Переход к новым методам эксплуатации совпал с перерастанием капитализма в империалистическую стадию и с характерной для нее погоней старых и молодых империалистических хищников за новыми сферами приложения капитала. В быстрых темпах завершался территориальный раздел мира, и уже испано-американская война 1898 г. показала, что на очереди стоит борьба за передел колониальной добычи. Колонии более слабых держав могли стать первым объектом такого передела «по силе».

Для слабой в военном отношении Голландии единственным способом сохранить Индонезию явилась своеобразная политика открытых дверей в свою колонию.

На рубеже XIX и XX вв. в отличие от колоний более мощных держав, остававшихся заповедниками метрополий, Индонезия была открыта для практически неограниченного проникновения иностранных неголландских капиталов. Устремившиеся сюда капиталы больших и малых капиталистических стран привели к исключительно быстрым темпам развития плантационного хозяйства, добычи ископаемых. Из громадной суммы вложений в Индонезию, накануне второй мировой войны исчислявшихся примерно в 2,5—3 млрд. долл., почти половина принадлежала или контролировалась неголландским капиталом. Его удельный вес во внешней торговле и морских связях с Индонезией непрерывно возрастал. Раньше других иностранных держав вынужденной голландской политикой открытых дверей смогла воспользоваться самая опытная и крупная колониальная держава — Англия, владения которой соседствовали с Индонезией. Однако английская позиция своеобразной экономической «совладетельницы» Индонезии, наглядно прослеживавшаяся в таких важнейших для широкого рынка отраслях, как олово, каучук, нефть, оказалась в период между двумя мировыми войнами под угрозой. Роль Англии серьезно оспаривали США, усиленно проникали в Индонезию Япония, Германия.

При этом следует подчеркнуть, что многие районы Индонезии, на заре империализма имевшие значение лишь захваченных «про запас», где богатства недр и возможности эксплуатации не были еще разведаны и на уровне развития техники в период до первой мировой войны не сулили колониальных сверхприбылей, приобретали все большую ценность в глазах иностранного капитала.

Не приходится и говорить, что научно-техническая революция после второй мировой войны неимоверно увеличила возможности прибыльного использования индонезийских ресурсов. Отсюда неизбежный рост наступления монополистического капитала империалистических держав на Индонезию, обострение противоречий и борьбы между конкурентами, но и их общая заинтересованность в удержании Индонезийской республики в мировой капиталистической системе. В политической системе, ориентирующейся на западный мир, в отказе республики от попыток ликвидации экономического господства империалистических монополий и от построения независимой национальной экономики в равной мере заинтересованы все капиталистические страны, какой бы остроты ни достигало их соперничество за долю участия в эксплуатации Индонезии.

Каковы же были социально-классовые последствия беспрепятственного проникновения в Индонезию иностранного капитала и как они сказались на особенностях возникновения и развития национально-освободительного движения?

Прежде всего, в наибольшем объеме эти последствия сказались на Яве, где все предпосылки для деятельности иностранного капитала были созданы ее предшествующим освоением. Естественно, что именно сюда в последней четверти XIX в. устремился сперва голландский, а затем и неголландский частный капитал. Однако очень скоро внимание было приковано и к возможностям организовать плантации и добычу ископаемых во Внешних владениях. Используя независимость многих княжеств, иностранный капитал добивался, минуя голландские власти, концессий на огромные земельные участки. Угроза иностранного, неголландского экономического господства и даже политического захвата еще независимых районов Индонезии явилась главной причиной активности голландских империалистов. Именно в этот период завершается юридический и фактический захват Голландией всех еще не подчиненных территорий.

Англия, заинтересованная, чтобы соседние с ее малайскими владениями территории не попали в руки более мощных, нежели Голландия, держав, снимает наложенное договором 1824 г. запрещение захвата голландцами Аче (Северная Суматра). В длительной 40-летней войне Аче был покорен, и к началу XX в. вся Суматра оказывается под голландским

господством. Уступка по соглашениям с султаном Брунея и претендовавшим на суверенные права над этими территориями султаном Сулу огромной территории Калимантана английской акционерной компании Северного Борнео показала Голландии, что самые изолированные и, казалось бы, «нерентабельные» части Индонезии могут уплыть из ее рук. Именно поэтому два последние десятилетия XIX в. отмечены систематическим подчинением даже самых изолированных районов Калимантана, Сулавеси и других островов. Завершается и размежевание империалистических владений на Новой Гвинее, вся западная половина которой официально становится частью голландской колонии.

Одновременно шел процесс установления контроля над внутренней политикой оказавшихся под верховной властью Голландии княжеств и территорий. Они лишаются права без согласия Голландии сдавать земли под плантации. Богатства недр архипелага захватываются Голландией. Налоговая система и финансы княжеств Внешних владений, впервые отделенные от «цивильного листа» султанов и правителей, переходят в руки голландских чиновников. В целях экономии и удобства для многих мелких княжеств создаются объединенные казначейства, управляемые голландцами. В результате, несмотря на распространение политики открытых дверей и на Внешние владения, там непрерывно усиливается голландский политический контроль и растут связанные с ним экономические выгоды. Хотя общее количество выкачанных из Внешних владений в целом плантационных продуктов и ископаемых уже до первой мировой войны приблизилось по объему и по ценности к доходам от Явы, процесс империалистического освоения Внешних владений шел неравномерно. И по социальным последствиям, в частности по формированию новых классов индонезийского общества, различные их районы во многом отличались как от Явы, так и один от другого.

В результате особенностей голландского колониализма к началу империалистической эпохи нигде в Индонезии, включая и Яву, не возникли основные классы капиталистического общества, не смог сложиться капиталистический уклад. Не было ни пролетариата, ни национальной буржуазии не только в индонезийском масштабе, но и в пределах отдельных сформировавшихся национальностей.

Процесс образования наций в условиях господства голландского колониализма в Индонезии шел неизмеримо медленнее, чем в других старых колониях. И то обстоятельство, что формирование новых классов и складывание наций начались лишь в империалистическую эпоху, наложило свой отпечаток на эти процессы и на национально-освободительное движение как их отражение и фактор их ускорения.

На Яве складывание местного пролетариата и превращение его в класс началось раньше, чем возникновение местной буржуазии. Промышленный пролетариат, хотя он и не мог быть очень многочисленным при отсутствии не только тяжелой промышленности, но даже и таких отраслей, как текстильная, интенсивно складывался на иностранных предприятиях (добывающая промышленность, крупные сахарные заводы, транспорт, механические и ремонтные мастерские и доки, коммунальные предприятия городов и т. д.). Он достигал значительной концентрации. Формируясь из различных народностей, пролетариат очень рано стал приобретать характер общеиндонезийского класса.

Сельскохозяйственный пролетариат также возникал в первую очередь на крупных иностранных плантациях, при этом в тесном общении с промышленными рабочими предприятий по переработке плантационных продуктов, с транспортниками и т. д. Плантационные рабочие Явы обычно оставались связанными с деревней, с безземельным и малоземельным крестьянством. Но их контакты с промышленным пролетариатом не только воздействовали на рост их классового самосознания, но и оказывали влияние на полупролетарские слои деревни.

Еще до первой мировой войны возникла первая рабочая организация на Яве — профсоюз железнодорожников, куда наряду с голландцами входили и индонезийцы. Их число непрерывно возрастало. Появились и первые профессиональные объединения служащих различных колониальных учреждений.

Профсоюз железнодорожников, находившийся после Великой Октябрьской социалистической революции под влиянием революционных голландских трибунистов, а затем и компартии, превратился в боевую революционную организацию.

Подлинное развитие профессиональных союзов началось на Яве в конце первой мировой войны и после Октябрьской революции. То, что организация рабочих в профсоюзы проходила под руководством оказавшихся в Индонезии революционных голландских социал-демократов, способствовало проникновению идей социализма в рабочее движение. Особенностью Явы было распространение социалистических идей среди передовых слоев пролетариата одновременно с формированием его классового самосознания. Этим объясняется не только размах классовой борьбы пролетариата, но и возможность возникновения на Яве в 1920 г. первой в странах Востока массовой коммунистической партии. С самого начала выступая с общеиндонезийских позиций, пролетариат Явы мог претендовать на роль ядра формирующейся индонезийской нации, роль, которая обычно выпадает на долю зарождающейся национальной буржуазии. Совпадение классовой

борьбы пролетариата с антиимпериалистической не только делало рабочее движение важным фактором национально-освободительного движения, но и создавало благоприятные условия для борьбы рабочего класса и его авангарда — КПИ за руководящую роль в национально-колониальной революции.

Во Внешних владениях, даже в районах наиболее стремительного вторжения иностранного капитала, организация плантаций и добыча ископаемых наталкивались на проблему рабочих рук. Редкое население, возможность для него освоить новые участки и просуществовать, общинно-племенные связи — все это задерживало пролетаризацию деревни. И хотя рост товарно-денежных отношений, распад общинно-племенной собственности на землю приводили к усилению дифференциации крестьянства, беднейшая его часть находила себе применение внутри местного общества в качестве издольщиков, а в некоторых районах и наемных рабочих в местных хозяйствах.

Проблема рабочих рук на плантациях и рудниках была решена путем ввоза законтрактованных рабочих сначала из Китая, а потом главным образом за счет обезземеленного крестьянства перенаселенной Явы. До мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. около 400 тыс. рабочих на плантациях и предприятиях Внешних владений составляли законтрактованные кули. Весь срок контракта они были собственностью иностранных компаний и их жестоких надсмотрщиков, часто их содержали за колючей проволокой. Специальные уголовные законы карали нарушение контракта рабочими и охраняли полурабскую их эксплуатацию. В этих условиях была исключена возможность организации рабочих, замедлялся рост их классового самосознания. Стихийные выступления, попытки бегства, убийства наиболее ненавистных эксплуататоров были единственным проявлением борьбы, которые пресекались со всей жестокостью. В то же время ненависть к иностранным эксплуататорам, предпосылки активного участия в антиимпериалистическом движении росли и среди законтрактованных кули.

Там, где во Внешних владениях складывался «свободный» пролетариат, зарождались и его организованное движение, классовая борьба, связи с центром рабочего и коммунистического движения на Яве.

В период мирового экономического кризиса, тяжело ударившего по капиталистическому сектору и экспортному хозяйству мелких местных производителей, система принудительного труда и уголовные законы оказались ненужными империалистам. Было принято решение об их упразднении. Только в последние годы перед японской оккупацией во Внешних владениях начался интенсивный процесс формиро-

вания пролетариата, частично за счет осевших здесь бывших законтрактованных кули, частично за счет разорявшегося местного населения. Таким образом, во Внешних владениях в отличие от Явы складывание пролетариата как класса во многих районах не опережало формирования национальной буржуазии. Но как всегда, уже накопленный в Индонезии опыт рабочего движения способствовал убыстренному росту классового самосознания и борьбы молодого пролетариата Внешних владений, превращению его в важный фактор политической жизни страны. Это сказалось в полной мере в Индонезии уже после августовской революции.

Условия формирования и развития национальной буржуазии в Индонезии были особенно неблагоприятны даже по сравнению с другими старыми колониями европейских держав. В доимпериалистическую эпоху даже те сферы колониального производства и обмена, где обычно создается первоначальное накопление и рождается национальная буржуазия, были предельно ограничены особенностями голландской системы эксплуатации.

Но и те ограниченные возможности, которые все же существовали, использовались не индонезийскими, а китайскими элементами. Роль китайского капитала, весьма важная и заметная во всех странах Юго-Восточной Азии, в Индонезии была особенно велика в результате политики голландского колониализма. Еще не завладев Явой, не чувствуя себя в безопасности в Батавии (Джакарте) и ее окрестностях, не доверяя индонезийскому населению, голландская Ост-Индская компания усиленно привлекала на свою территорию китайцев — торговцев, ремесленников, огородников. Обслуживая Ост-Индскую компанию в качестве посредников, откупщиков опиумной монополии и сбора налогов на все большей территории, переходившей к голландцам, китайцы уже в XVII—XVIII вв. выдвинули немало очень состоятельных богатых семейств.

В начале XIX в., когда колониальные власти временно практиковали продажу земельных участков, многие из них, особенно вблизи крупных городов, оказались в руках китайцев. Все возраставшие доходы от опиумных откупов принадлежали китайской верхушке до 1900 г., когда система откупов была отменена и колониальная администрация непосредственно организовала продажу опиума. В конце XIX в. развитие товарно-денежных отношений, втягивание крестьянства в производство экспортных культур увеличивали потребность в посредниках. Запрещение аграрными законами 70-х годов китайцам как и другим иностранцам, приобретать землю у яванцев затрудняло помещение их накоплений в земельные владения. В результате китайский капитал шел в торговлю, ростовщические операции, в «компрадорские

функции». В эту сферу направились и капиталы, занятые до XX в. в опиумных откупах.

Своеобразие статуса китайцев в голландских владениях (они пользовались, с одной стороны, известной автономией и общинным самоуправлением, а с другой — обязаны были жить лишь в отведенных им городских кварталах, не имели права селиться в деревнях и при передвижении должны были получать специальные паспорта) не являлось непреодолимым препятствием для их деятельности.

Отмена в XX в. ограничений проживания и передвижения имела своим следствием энергичное проникновение китайского капитала в сельские местности. Почти в каждой яванской деревне возникали китайские лавки, ресторанчики, мастерские. В руках китайцев оказывалась не только посредническая торговля, но и обслуживание внутреннего рынка, розничная торговля импортными товарами и т. д. Китайский капитал подчинял себе индонезийских ремесленников, особенно в отраслях, связанных с импортным сырьем, краской и т. д. Во Внешних владениях китайские эмигранты издавна проникали в еще независимые княжества, занимались добычей золота на Калимантане, добычей олова на Бангке и Биллитоне (Биллитунг). Образовалась зажиточная китайская верхушка, богатевшая за счет местного населения и эксплуатации своих неимущих земляков и родичей, ввезенных из Китая. В конце XIX — начале XX в. во многих портах и центрах Внешних владений, как и на Яве, сложилась китайская буржуазия.

В результате и в империалистический период не могла возникнуть не только крупная, но даже сколько-нибудь влиятельная средняя индонезийская торговая и промышленная буржуазия. На пути ее формирования стояли не только иностранные монополии, но и завоевавшая позиции китайская буржуазия.

Даже в тех отраслях, где национальная буржуазия играла более заметную роль, прежде всего в производстве традиционного батика, она была торгово-промышленной, принадлежавшие ей предприятия не поднимались выше мануфактурного уровня, имели характер кустарно-ремесленных мастерских с ограниченным количеством рабочих. Такой же характер носили и предприятия по производству местных сигарет (кретек), швейные и другие мастерские, почти не применявшие механических двигателей. Все они сталкивались непосредственно с китайским капиталом как скупщиком, поставщиком сырья, конкурентом в организации предприятий.

Не случайно, что первые робкие попытки яванской торгово-промышленной буржуазии отстаивать свои экономические интересы до первой мировой войны были направлены

против китайского капитала. И в независимой Индонезии противоречия и конкуренция с китайской буржуазией лежали в основе многих китайско-индонезийских конфликтов, достигавших большой остроты.

Если возможности развития городской торговой и промышленной индонезийской буржуазии были крайне ограниченны, то процесс складывания сельской буржуазии шел довольно быстро. Рост товарно-денежных отношений и втягивание крестьянства в производство таких экспортных культур, как кофе, табак, продукты масличной и кокосовой пальмы, каучук, ускоряли расслоение крестьянства. Товарной культурой внутреннего рынка становился и рис, что не могло не сказаться на классовой дифференциации и в рисовых районах. Захват иностранными плантациями земли и, в частности, система аренды у сельских общин принадлежавших им орошаемых земель, все возраставшая нехватка земли, обезземеливание и разорение среднего и беднейшего крестьянства в свою очередь усиливали процессы дифференциации.

Помещение накоплений чиновников, деревенской администрации, слабой торговой буржуазии в землю усиливалось. Это объяснялось, во-первых, особенными трудностями конкуренции с иностранным, в том числе и китайским, капиталом в области торговли и промышленности, во-вторых, запрещением иностранцам владеть землей, что хотя бы в этой области ставило индонезийцев, обладавших известными накоплениями, в относительно выгодное положение. Кроме того, деревенской верхушке и низшей администрации в сельских районах само ее положение облегчало приобретение земли, захват лучших наделов, ростовщические операции и т. д.

В результате поляризация в сельском землевладении достигла невиданной остроты в большинстве районов Явы и в тех частях Внешних владений, которые издавна находились под непосредственным голландским господством. Не менее 30% крестьянского населения были полностью лишены земли, и основным источником их существования являлась кабальная аренда или продажа в той или иной форме своей рабочей силы. Из владевших землей яванцев 70% имели менее одного гектара. В то же время из 2% землевладельцев, обладавших более чем 4 *га*, многие представляли собой помещиков, сосредоточивших в своих руках десятки и даже сотни гектаров.

Как уже указывалось, голландский колониализм исключил возможность сохранения и образования крупных феодально-помещичьих землевладений в виде больших сплошных поместий. Все современные крупные помещичьи владения возникли в результате приобретения земли главным образом уже в эпоху империализма и усиления развития товарно-денежных

отношений. Захватывая разрозненные участки разорявшихся крестьян, часто в разных деревнях и даже районах, новая формация помещиков, как правило, лишь часть своей в целом обширной земельной собственности имела в виде крупных сплошных участков. Поэтому к капиталистическому ведению хозяйства с помощью наемных рабочих и применения более совершенной техники новые помещики могли переходить только на части своей земли. Остальные разрозненные и удаленные участки они использовали, сдавая их в аренду, часто на условиях кабальной издольщины. Это создавало выгодное для помещичье-кулацкой верхушки деревни сочетание капиталистической организации хозяйства и применения наемного труда с докапиталистической эксплуатацией арендаторов и различными формами отработок.

Процесс развития капитализма в деревне, хотя и прерываемый и ослабляемый такими явлениями, как мировой экономический кризис и японская оккупация, шел неуклонно. Об этом свидетельствует прежде всего рост наемных рабочих в индонезийских хозяйствах. Уже в середине 20-х годов более 12% сельского населения составляли такие батраки.

Своеобразный характер формирования кулацко-помещичьей верхушки, различные формы использования земли и получения ренты предопределяли противоречивые классовые и политические интересы различных ее слоев. Преобладание той или иной черты в социально-экономическом характере индонезийских помещиков и кулацкой верхушки в значительной мере определяло отношение их различных слоев к голландскому империализму и их роль в национально-освободительном движении. Помещики, для которых переход к капиталистическому хозяйству был определяющим, так же как и сельская буржуазия, были заинтересованы в развитии капитализма, в освобождении от феодальных пут и в ликвидации колониального господства Голландии. Империализм мешал их свободному капиталистическому развитию, не говоря уже о том, что политический и национальный гнет, устранение от участия в управлении своей страной все более осознавались и этими помещичьими слоями. Наоборот, помещичьи слои, связанные главным образом с феодальными и полуфеодальными методами эксплуатации, со всей системой империалистического господства, могли явиться опорой иноземного господства. В значительной мере это относится к сельской буржуазии, вышедшей из крестьянской верхушки.

При этом переплетение капиталистических интересов с феодально-ростовщическими и в среде помещиков, и у кулацкой верхушки делало их отношение к различным политическим и экономическим проблемам как в колониальный период, так и после достижения независимости противоречивым и непоследовательным. Этим в значительной мере объясняет-

ся и весьма пестрый характер не только классового состава основной массы политических партий и организаций, но и их руководства.

Во Внешних владениях феодально-помещичья верхушка не только сохранилась в многочисленных княжествах, но и процесс феодализации в известной мере сопровождал распад прежних общин под влиянием развития товарно-денежных отношений. Однако процесс превращения племенных старейшин, вождей и т. д. в феодалов был ограничен голландским господством и все возрастающим контролем. Во многих районах разложение прежних отношений в большей мере приводило к появлению капиталистического уклада.

Среди 300 так называемых самоуправляющихся княжеств и территорий крупные княжества насчитывались единицами. Но даже султаны и правители этих крупных княжеств, которым голландские империалисты сохранили относительно большие возможности феодальной эксплуатации и которые видели в империализме защиту своих интересов, не представляли собой надежной опоры колонизаторов. Поставленные под постоянный контроль голландских резидентов, лишенные выгод от сдачи земли в концессии, права распоряжаться налогами и финансами, они видели в ликвидации голландского господства прежде всего восстановление своих прав и экономических возможностей. Особенно это относилось к княжествам, где еще не ощущалось непосредственной угрозы антифеодальной борьбы населения. Сталкиваясь со все растущим проникновением иностранных плантаторов, захватывавших землю, и с голландскими властями, собиравшими налоги и использовавшими в интересах колониализма «барщинные» повинности, население Внешних владений свою борьбу направляло прежде всего против голландского империализма.

Даже те относительно крупные феодалы, которых голландцы считали своей опорой, не рисковали открыто выступать в защиту голландского господства. Они поддержали провозглашение индонезийской республики, и попытки колониализма использовать их для создания марионеточных «независимых» государств до 1950 г. и разжигания сепаратистских мятежей в последующие годы не увенчались большим успехом.

Во Внешних владениях переход феодальной верхушки к капиталистическому хозяйству, так же как и процесс образования помещиков «новой формации», не представлял собой типичного явления. В то же время формирование национальной буржуазии из среды крестьянства в ряде районов (как, например, на западном берегу Суматры, в некоторых восточных районах архипелага) подчас шло быстрее и ощутимее, чем на Яве.

В частности, на Суматре влияние конъюнктуры на мировом рынке и каучуковый бум после первой мировой войны сопровождались массовым разведением каучуконосов в крестьянских хозяйствах, что породило значительную прослойку связанной с этой культурой буржуазии. В районах, где китайский капитал не завоевал к началу усиления процессов капиталистического развития значительных позиций, складывались и объективно благоприятные условия для укрепления местной национальной торговой буржуазии. Развитие капитализма в некоторых районах Внешних владений и формирование буржуазии у местных народностей создавали предпосылки для усиления роли представителей этих народностей в общеиндонезийской освободительной борьбе, но одновременно и способствовали возникновению местного буржуазно-национального движения, свидетельствовавшего о складывании отдельных национальностей. В этом отражался сложный процесс образования наций в Индонезии, шедший как бы в двух противоположных направлениях и начавшийся по существу лишь в империалистическую эпоху. С одной стороны, охват всей Индонезии голландской империалистической эксплуатацией, формы которой все более нивелировались, усиление экономических связей и, пусть очень медленное, образование общеиндонезийского рынка создавали предпосылки постепенного складывания общеиндонезийской нации. С другой стороны, развивался, неравномерно в различных районах, процесс формирования отдельных наций путем слияния наиболее близких этнических и лингвистических групп в результате экономических процессов именно в этих районах.

До конца голландского колониального господства не успели ни сложиться единая индонезийская нация, ни завершиться или значительно продвинуться образование какой-либо отдельной нации. Этот диалектический процесс продолжается и по настоящее время.

Но, несомненно, колониальное господство порождало все усиливавшиеся предпосылки именно общеиндонезийской национально-освободительной борьбы. Огромное большинство индонезийского населения было заинтересовано в ликвидации голландского господства и превращении архипелага из колонии в единое независимое государство. Политическую и экономическую целесообразность этого прежде всего понимали передовые силы новых общественных классов, порождаемых развитием капитализма во всей Индонезии. Возможность не только изгнать голландских колонизаторов, но и сохранить политическую независимость, добиться экономической независимости перед лицом других, более мощных, нежели Голландия, империалистических держав передовые силы Индонезии видели именно в этом единстве.

В то же время, как мы пытались показать, даже докапиталистические классы и слои, заинтересованные в своих узкоклассовых целях в сохранении феодальных и полуфеодальных отношений и форм эксплуатации, рассчитывали добиться этого в независимой Индонезии.

Реализацию общенациональных задач, объективно возникших перед Индонезией, различные классы, естественно, понимали по-своему, в соответствии со своими интересами. Поэтому проблема пути, по которому должна развиваться освободительная борьба и в дальнейшем идти независимая страна, ставилась различными силами еще в ходе поднимавшегося национально-освободительного движения.

Становление и развитие классов и классового самосознания, развивающегося одновременно с ростом национального самосознания, неизбежно должны были способствовать дифференциации общенационального движения и находить свое выражение в возникновении различных новых политических партий, в размежевании сил внутри старых организаций. Этой дифференциации в известной мере способствовали и непрекращавшиеся процессы формирования отдельных наций. Но в формировавшихся нациях также происходил процесс складывания новых классовых сил их размежевания. В результате и в отдельных складывавшихся нациях появлялись силы, объективно и все более сознательно заинтересованные не в локальных буржуазно-национальных задачах, а в общеиндонезийских. Естественно, что именно передовые элементы возникавшего пролетариата и демократической интеллигенции могли явиться выразителями этих интересов.

Это, конечно, не означало, что большая часть рабочего класса не могла оказаться и не оказывалась под влиянием буржуазного национализма и в локальных рамках, и в общенациональном масштабе.

Уровень развития и классовое самосознание различных слоев рабочих, все еще большие возможности не только для буржуазно-националистических, но и для феодальных сил использовать религиозные и традиционные моменты для оказания влияния на трудящихся играли при этом немалую роль.

Борьба за руководство национально-освободительным движением в Индонезии не исчерпывалась основной проблемой: гегемония пролетариата или гегемония буржуазии. Для судеб Индонезии и ее народов далеко не безразлично было, в чьих руках окажется руководство национально-освободительным движением до завоевания гегемонии пролетариата, удастся ли повести за собой массы реакционным националистическим силам или мелкобуржуазной революционной демократии. Значительно больший по сравнению с другими старыми колониями удельный вес в политической жизни и в освободительном движении, большие объективные возмож-

ности стать выразителем борьбы за некапиталистический путь развития определили роль революционной демократии и ее идеологии в национально-освободительном движении уже в период между двумя мировыми войнами.

Несмотря на указанный процесс дифференциации и размежевания классовых сил, голландский колониализм ограниченной и заскорузлой колониальной политикой, методами эксплуатации и управления до конца своего господства способствовал непрерывному росту объективных предпосылок для единого национального фронта. Наличие общенациональных задач и первоочередная необходимость их решения делали возможным реализацию этих объективных предпосылок. История национально-освободительного движения до японской оккупации позволяет проследить диалектику его внутреннего развития. Путь, пройденный от ранних форм единого фронта в условиях еще очень слабой классовой дифференциации в годы первой мировой войны и непосредственно после ее окончания до складывания единого национального фронта уже более или менее осознавших свои интересы и выражавших их через партии различных классовых сил, получил свое дальнейшее развитие в новой обстановке после августовской революции.

В нашу задачу не входит даже краткое изложение истории национально-освободительного движения Индонезии до второй мировой войны. Мы хотим лишь отметить некоторые моменты и характерные его черты, известные конкретные особенности, как нам представляется, весьма существенные для понимания последующих процессов.

Возникновение национально-освободительного движения всегда связано с развитием капитализма и образованием наций. Но, как правило, его зарождение всегда опережает завершение этих процессов и складывание новых общественных классов. Своеобразный «дворянский» период в освободительном движении прослеживается во всех колониальных странах, ибо именно выходцы из феодальных классов, впервые получающие доступ к европейскому образованию, знакомятся с просветительскими и либерально-буржуазными философией и идеями. В модернизации своей страны, в ликвидации феодальных пережитков в общественных отношениях и в быту, в перенесении буржуазных порядков, господствующих в европейских странах и, в частности, в метрополии, они видят основную задачу. Даже возможности воскрешения своей национальной культуры и былого величия они связывают с модернизацией, европейским образованием. Реформаторско-просветительский период неизбежно предшествует политическому движению, окрашивает его первые шаги во всех колониях и зависимых странах, будь то Индия, Китай, Турция или Индонезия. Объективно выражая интересы бур-

жуазно-национального развития, просветители, вышедшие из европейско-образованных аристократических слоев и затем из зарождающейся буржуазии, на первых порах неизбежно рассчитывают на реформы при помощи колониальных властей, наивно полагают, что, представляя современные буржуазные капиталистические государства, колониализм способен содействовать модернизации их родины.

Вместе с ростом национальной буржуазии, осознанием ею своих классовых интересов и неразрешимости своих противоречий с империализмом в рамках колониального режима растут и конкретизируются политические и экономические требования, из которых главное — завоевание независимости.

В Индонезии в результате особенностей голландского колониализма просветительский реформистский этап наступил со значительным опозданием, в начале XX в., когда в большинстве старых колоний он уже был пройден. Естественно, что прежде всего он проявился на Яве, где, как мы видели, раньше возникли предпосылки для зарождения национального движения.

Под влиянием мировых революционных процессов и национально-освободительного движения в других странах этот период не только оказался очень кратким, но и его воздействие на развитие национально-освободительного движения на Яве, а затем и на других островах оказалось более быстрым и более радикальным.

Деятельность аристократки Раден Картини, просветительницы и защитницы прав женщин, не случайно так высоко ценится индонезийским народом. Возникновение в 1908 г. первой национальной просветительной организации Буди Утомо, созданной учащимися медицинской школы, также в основном выходцами из аристократических прияи, не случайно отмечается как праздник национального пробуждения.

Однако Буди Утомо оказалась под руководством старшего поколения прияи — верных слуг голландского империализма и не смогла выйти за рамки культурно-просветительных мероприятий.

В дальнейшем процессы развития неизбежно приводили все большее число выходцев из прияи в разряд разночинной мелкобуржуазной интеллигенции. Оскудение класса служилого дворянства, полная бесперспективность для множества представителей многодетных семей прияи найти себе применение в системе колониальной администрации ставили их в положение, ничем уже не отличавшееся от положения интеллигенции, формировавшейся с начала XX в. из мелких и средних торговцев, верхушки крестьянства, служащих.

Роль интеллигенции в политической жизни и борьбе во всех странах очень велика. Индонезийская интеллигенция,

как и всякая интеллигенция, не была однородна по классовому происхождению и связям. Особенности экономического развития Индонезии и образования классов, отсутствие крупной буржуазии и выражавшей ее интересы буржуазной интеллигенции с самого начала предопределили исключительно высокий удельный вес в общем составе интеллигенции мелкобуржуазных элементов.

Идейно-политическими выразителями буржуазного национализма, порождаемого развитием капитализма и процессом складывания нации, в этих условиях становилась не буржуазия, а мелкобуржуазная интеллигенция. Это обстоятельство объясняло радикализм индонезийского буржуазного национализма.

Положение большей части мелкобуржуазной интеллигенции в колониальной Индонезии, как и тех слоев и классов, из которых она выходила, толкало ее на национально-революционный путь. Первой организацией, поставившей вопрос о независимости единой в их представлении индонезийской нации, была мелкобуржуазная Индонезийская партия.

Часть мелкобуржуазной интеллигенции под воздействием мирового революционного движения после Октября и непосредственной связи с оказавшимися в Индонезии революционными голландскими социал-демократами оказалась способной стать на позиции рабочего класса и борьбы за победу социализма под его руководством.

Вместе с голландскими трибунистами она способствовала соединению социализма с рабочим движением, выражением чего и явилось образование в 1920 г. коммунистической партии.

Таким образом, в дифференциации интеллигенции отражался, как в зеркале, процесс становления различных классов, соотношения классовых сил и их размежевания. Эти процессы особенно наглядно прослеживались в массовой национальной организации, возникшей на Яве накануне первой мировой войны,— Сарекат ислама.

Путь, пройденный Сарекат исламом в течение одного десятилетия (1918—1928), ярко показал, насколько быстро в Индонезии развернулись запоздавшие процессы дифференциации.

Из первых объединений индонезийских торговцев-мусульман, выражавших стремление к самостоятельному развитию национального капитализма, пытавшихся отстоять интересы формировавшейся национальной буржуазии от конкуренции иностранного капитала и своих непосредственных соперников-китайцев, Сарекат ислам в течение нескольких лет превратился в массовую народную организацию.

Сарекат ислам при своем возникновении отражал интересы средней буржуазии (по индонезийским масштабам —

крупной). Его деятельность, пресса и т. д. финансировались богатыми торговцами и владельцами батиковых мануфактур, но оформление буржуазно-националистической идеологии Сарекат ислама под религиозно-исламскими лозунгами было делом рук мелкобуржуазных интеллигентов (Чокроаминото и др.).

В. И. Ленин в самом начале деятельности этой организации, еще до того, как она приобрела массовый антиимпериалистический характер, прозорливо увидел в пробуждении индонезийцев «под знаменем ислама» революционно-демократическое движение.

Колониальная эксплуатация создавала объективные предпосылки для активного включения в борьбу против империализма буквально всех классов индонезийского населения. Лозунг объединения мусульман (составлявших 95% всего населения архипелага) воспринимался как объединение в борьбе всех индонезийцев. При отсутствии единой нации он на первоначальном этапе национально-освободительного движения представлял собой своего рода националистическую апелляцию передовых элементов формирующейся нации к народным массам.

Противопоставление мусульманского населения иностранным колонизаторам-христианам было доступно самым отсталым слоям. В то же время мусульманские лозунги могли наполняться классовым содержанием соответственно интересам различных складывающихся классов. В короткий срок Сарекат ислам превратился в подлинно массовую организацию антиимпериалистических сил не только на Яве, но и за ее пределами. В 1919 г. число его членов превысило 2 млн. Вместе с тем Сарекат ислам не был организацией единого национального фронта, созданного различными классами, осознавшими свои классовые интересы, но объединившимися сознательно для достижения общеиндонезийских целей. Он был характерен для периода еще не дифференцированного антиимпериалистического движения.

В период первой мировой войны одновременно с ростом антиимпериалистического и массового характера Сарекат ислама активизировался и процесс становления классов, их самосознания. До известного периода это усиливало революционно-демократический характер Сарекат ислама, позволяло революционной мелкобуржуазной интеллигенции и сознательным представителям пролетариата выдвигать не только революционные, но и социалистические цели.

То обстоятельство, что такая массовая организация могла ставить такие цели, объяснялось не только важным субъективным фактором — наличием сильной революционной социал-демократической организации, не только еще слабой классовой дифференциацией, но и показанными выше особенностями положения и развития различных классов и ролью мелкобур-

жуазной интеллигенции в различных руководящих органах Сарекат ислама.

Во время войны несколько выросла и окрепла национальная буржуазия, в конце войны и первые послевоенные годы выступил как самостоятельная классовая сила пролетариат. Принимая элементы социалистической идеологии, вносимые в Сарекат ислам, буржуазия понимала их по-своему, они не казались угрозой ее классовым интересам и ее руководящей роли в антиимпериалистическом движении. Но когда рабочий класс в лице КПИ выступил с реальной претензией на гегемонию в национально-колониальной революции и массовый Сарекат ислам стал важнейшей ареной борьбы за гегемонию между пролетариатом и буржуазией, его раскол стал неизбежным.

На втором национальном конгрессе Сарекат ислама в 1917 г. и особенно на третьем в 1918 г. вопрос о борьбе «с греховным капитализмом» оказался в центре внимания как одна из основных задач. Но для индонезийской буржуазии борьба с «греховным капитализмом» означала борьбу с иностранным капиталом и его господством во имя ускорения и развития своего национального мусульманского, «негреховного». Для рабочего класса (точнее, для его авангарда, осознавшего классовые интересы пролетариата, его роль и конечные цели) низвержение «греховного капитализма» означало борьбу с капитализмом вообще, борьбу за социализм.

В 1921 г. коммунисты могли добиться принятия конгрессом Сарекат ислама социалистической в своей основе программы, слегка приукрашенной религиозно-исламской фразеологией.

Ошибочность стремлений индонезийских коммунистов навязать широкой, в основной своей массе мелкобуржуазной, организации социалистическую программу вытекала из характерных для молодой партии явлений болезни «левизны». Неверное представление о возможности в конкретных условиях 20-х годов одним ударом завоевать независимость и установить социалистический строй, о соотношении сил в стране, оказалось роковым для Коммунистической партии Индонезии.

Правое крыло в руководстве Сарекат ислама в том же 1921 г. сумело добиться резолюции о превращения его в политическую партию и запрещении его членам состоять в других партиях. Этим путем оно рассчитывало избавиться от коммунистов в Сарекат исламе и обеспечить буржуазное руководство этой массовой организацией. Основными рычагами, использованными для этой цели, были религиозно-исламские лозунги и аргументы, противопоставляемые «безбожному» коммунизму. Здесь, впервые в истории национально-освободительного движения в Индонезии, было продемонстри-

ровано большое значение религиозного фактора и возможности его использования для борьбы с коммунистами.

В 1923 г. раскол Сарекат ислама стал свершившимся фактом. Однако коммунистам удалось повести за собой ряд крупных отделений Сарекат ислама. Их стали называть Красный Сарекат ислам. Оставшаяся под руководством буржуазно-исламских лидеров часть Сарекат ислама все больше теряла связи с массами и превратилась в одну из буржуазных партий, число которых возрастало.

Красный Сарекат ислам вскоре был переименован в Сарекат ракьят (Союз народа) и превращен как бы в низшую ступень компартии.

В отношении Сарекат ракьята, массовой организации крестьян, ремесленников, городских низов, КПИ продолжала свою неправильную линию навязывания мелкобуржуазным массам социалистической программы. Вместе с тем очень скоро проявились и другие левацкие ошибки КПИ, многие из которых были непосредственно восприняты от стоявших у ее колыбели голландских трибунистов.

Самым роковым образом сказалась недооценка революционной роли крестьянства в национально-колониальной революции, приведшая к решению руководства КПИ ликвидировать Сарекат ракьят. Недостаточное понимание значения союза рабочего класса и крестьянства и важности борьбы за влияние на крестьянские массы отразилось на работе КПИ в деревне.

Все это облегчило борьбу голландских империалистов против массового антиимпериалистического движения и революционных организаций.

Голландские колонизаторы пытались мелкими политическими уступками (созданием совещательного фольксраада — колониальной карикатуры на парламент, половину членов которого назначал генерал-губернатор, расширением местных совещательных органов и т. п.), демагогическими посулами «индустриализации» и укрепления национальной буржуазии, мероприятиями в области образования привлечь на свою сторону буржуазные и мелкобуржуазные элементы, направить национально-освободительное движение в легальное реформистско-парламентское русло.

Но в качестве основного орудия против национально-освободительного движения, против упорной и героической стачечной борьбы рабочего класса под руководством компартии, против самой КПИ и связанных с ней организаций были выдвинуты чрезвычайные уголовные законы и основанные на них все возраставшие репрессии. Многие лидеры КПИ и революционных профсоюзов были арестованы и высланы, организации распущены, рядовых членов вызывали в полицию, запугивали.

Вооруженное восстание, плохо подготовленное, поднятое в разное время (в 1926 г. на Яве и в начале 1927 г. — на западном берегу Суматры), было обречено на поражение. Оно явилось поводом для жесточайшего террора империалистов. Компартия была разгромлена и запрещена. Преследования, аресты и высылка в каторжный лагерь на Западном Ириане всех, обвиненных в сочувствии коммунистам, продолжались до конца голландского господства.

Были разгромлены и запрещены все революционные профсоюзы, стоявшие на позициях классовой борьбы. Попытка восстановить «независимый профсоюз» в 1927 г. вскоре была пресечена, хотя его руководство во главе с Марсуди и избегало революционной пропаганды, но противопоставляло независимый профсоюз контролируемым правительством соглашательским организациям. Этого империалисты не желали допустить. Марсуди в 1929 г. был арестован, «независимый профсоюз» разгромлен.

Лишь в 1936 г. немногим уцелевшим коммунистам в глубоком подполье удалось восстановить руководящее ядро нелегальной компартии.

Однако ослабление организованного рабочего движения сказывалось вплоть до начала второй мировой войны. Даже в условиях мирового экономического кризиса стачки и выступления рабочих носили стихийный характер и сравнительно легко подавлялись.

Но и после разгрома революционных организаций колонизаторы продолжали сочетать репрессии с маневрами. Единственной мерой, которая в какой-то мере отвечала интересам трудящихся, была отмена на Яве денежных выкупов, заменявших барщину. Что касается некоторого расширения кредитной системы в сельских местностях в целях ослабить недовольство крестьянства и уменьшить гнет ростовщиков, то оно пошло на пользу лишь деревенской верхушке. В известной степени оно способствовало формированию сельской буржуазии.

Процесс складывания национальной буржуазии, хотя противоречиво и неравномерно, продолжался и в течение всего предвоенного десятилетия. Даже на Яве интересы растущей относительно крупной буржуазии были в значительной степени связаны с отдельными районами. Что касается Внешних владений, то здесь укрепление местной буржуазии, связанное с процессом формирования отдельных наций, способствовало появлению местного национализма, хотя одновременно многие представители складывавшейся во Внешних владениях буржуазии вливались в политические партии и организации на Яве, становились активными деятелями общеиндонезийского национального движения.

Усиление дифференциации индонезийского общества в

условиях еще не сложившейся нации способствовало появлению различных партий и организаций. Колониальные власти пытались использовать эти процессы в своих интересах. Наряду с террором против революционных борцов создание конституционных иллюзий, представлений о возможности мирным, парламентским путем постепенно из рук голландского империализма получить реформы и уступки в экономической и политической областях было методом ослабления антиимпериалистической борьбы. Голландия готова была даже допустить в программах политических партий упоминание о получении независимости при условии парламентских, реформистских средств для ее достижения и отказа от опоры на трудящиеся массы и вовлечения их в политическую борьбу.

Этому соответствовало некоторое расширение прав совещательного фольксраада, установление в нем неевропейского большинства, расширение прав местных совещательных органов. В то же время колониальные власти использовали и эти представительные органы для внесения раскола и углубления противоречий между различными национальными и религиозными группами. Так, например, представительство «иностранных азиатов», т. е. в первую очередь китайцев, было пропорционально значительно выше, нежели численность китайского населения. Создание христианских партий (католической и протестантской) преследовало цели противопоставить в политической жизни и в фольксрааде интересы христианского меньшинства индонезийцев и евразийцев остальному населению и облегчить влияние на них христиан-колонизаторов.

С развитием буржуазии увеличивалась и численность буржуазной интеллигенции, что не могло не вызвать и некоторые изменения в структуре индонезийской интеллигенции. Но хотя росло число интеллигентов, прямо связанных с феодальными, компрадорскими, ростовщическими слоями и с крупной буржуазией, интеллигенция в своей основной массе оставалась мелкобуржуазной.

В среде индонезийской интеллигенции можно было различить часть, перешедшую на позиции пролетариата (она понесла очень серьезные потери после разгрома компартии), часть, выражавшую интересы буржуазно-национального капиталистического развития, представителей полуфеодальных компрадорско-ростовщических и феодально-клерикальных слоев и, наконец, часть интеллигенции, не заинтересованную в капиталистическом пути развития и сохранении позиций реакционной имущей верхушки, способную воспринять социалистические идеи в мелкобуржуазно-народническом или религиозно-реформаторском духе. Особенности социально-экономического развития Индонезии приводили к тому, что

именно эта последняя часть интеллигенции была наиболее многочисленной.

Хотя непоследовательность противоречивого, ненаучного, мелкобуржуазного социализма делала его носителей часто своего рода переменной величиной, способной переметнуться на сторону буржуазного национализма и даже реакционных сил, но после разгрома КПИ влияние на массы политических партий, выдвигавших идеи мелкобуржуазного социализма, было очень значительным, тем более что именно эти партии и наиболее решительно ставили задачу борьбы за независимость и апеллировали к массам. В этих партиях вели легальную борьбу и уцелевшие коммунисты.

Именно эти партии вызывали со стороны голландских империалистов преследование. Но их возникновение было закономерным выражением революционно-освободительного движения, ликвидировать которое империалисты были не в силах.

Уже в 1927 г. возникла Национальная партия во главе с Сукарно. Лозунг борьбы за независимость и попытка опереться на трудящиеся массы вызвали арест Сукарно и его ближайших соратников. Партия объявила о своем роспуске, но немедленно была воссоздана под новым названием — Партия Индонезии. Принятая ею в начале 1933 г. программа выдвигала решительные аграрные и социальные требования.

После освобождения из тюрьмы Сукарно вновь стал во главе партии. Написанная им в 1933 г. брошюра «За свободную Индонезию» явилась развернутой программой его мелкобуржуазного, народнического социализма. В дальнейшем, в период японской оккупации, сформулированная им как «Панча сила», она стала официальной идеологией Индонезийской республики.

Наряду с Партией Индонезии возникла организация Пендидикан насионал Индонесиа, созданная некоторыми членами бывшей Национальной партии. Во главе Пендидикан стали Мохамед Хатта и Сутан Шарир, вернувшиеся на родину из Голландии, где они учились и активно участвовали в студенческой организации.

Хотя руководство этих партий принадлежало к мелкобуржуазной интеллигенции, в них было и немало представителей национальной буржуазии, готовых бороться за независимость. Однако выразителями интересов крепнувшей национальной буржуазии становились такие организации, как Каум Бетави в колониальной столице, Исследовательский клуб, возглавленный д-ром Сутомо, в Сурабае и возникшие на их основе и самостоятельно — путем слияния и размежевания — различные партии.

Трудно было усмотреть принципиальное различие в классовом составе многочисленных буржуазных партий. В них

отражалось стремление национальной буржуазии, капиталистических помещиков и выражавшей их интересы интеллигенции к независимости и одновременно страх перед революционной активностью масс и «незаконными действиями», способными вызвать кару колонизаторов.

Не потеряли своего значения и религиозные мусульманские лозунги как основа для организации политических партий и влияния на массы. За этими религиозными принципами скрывались конкретные интересы различных классовых сил (от феодально-клерикальной реакции и кулацко-ростовщической верхушки деревни — хаджи до мелкобуржуазного «исламского социализма»).

Независимо от того, придерживались ли партии очень распространенной в 1927—1935 гг. тактики «несотрудничества» с правительством или участвовали в представительных органах, голландским империалистам не удавалось привлечь на свою сторону даже национальную буржуазию при всей ее робости и способности к компромиссам.

Своими политическими акциями Голландия лишь обостряла и усугубляла объективно возраставшие противоречия основных масс индонезийского народа с империализмом: прогрессивные партии преследовались, популярные лидеры арестовывались и ссылались (Сукарно, Хатта и многие другие). Самые скромные политические и культурные требования национальной буржуазии, поддержанные в фольксрааде и некоторыми весьма консервативными индонезийскими депутатами, отвергались.

Но это лишь обостряло ненависть национально-революционных элементов и вызывало недовольство даже лояльных феодально-бюрократических деятелей, всегда выступавших только за реформы из рук Голландии.

Все это подготовляло почву для создания широкого фронта индонезийских организаций. Инициатором выступали наиболее последовательные партии, находившиеся под руководством революционной мелкой буржуазии. Предотвратить их воскрешение империализм был не в состоянии. Так, среди основателей возникшей в 1937 г. партии Гериндо (Геракан ракьят Индонесиа — Движение индонезийского народа) мы встречаем имена уцелевших руководителей Партии Индонезии.

Стремление к объединению партий вызвало к жизни Габунган политик Индонесиа (ГАПИ). По существу это было начало организации единого национального фронта, предусматривавшего согласование основных требований всех входивших в него партий.

Даже нарастание угрозы японского вторжения не заставило голландских империалистов изменить свою политику. Не изменилась она по отношению к индонезийским нацио-

нальным силам и после начала второй мировой войны и оккупации Голландии гитлеровской Германией.

Политика голландских колонизаторов обеспечивала известный эффект демагогической пропаганды японских агрессоров, сумевших привлечь до начала оккупации на свою сторону некоторых индонезийских деятелей. Вместе с тем наметившиеся успехи в объединении национальных сил сказались и в тяжелых условиях японской оккупации, и после второй мировой войны.

Глава I

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ЯПОНСКОЙ ОККУПАЦИИ (1942—1945)

Война на территории Индонезии

Индонезийский архипелаг был оккупирован японскими империалистами в первые месяцы 1942 г. Оккупационные силы японцев встретили весьма слабое сопротивление голландцев и их союзников. 10 января был высажен первый японский морской десант на острове Таракан, у восточного побережья Калимантана. 27 февраля произошло ожесточенное морское сражение у острова Бавеан в Яванском море, закончившееся тяжелым поражением союзной эскадры. Вслед за тем японские десанты смогли беспрепятственно высадиться на северном побережье Явы. 8 марта 1942 г. пал Бандунг — последняя твердыня голландцев. Генерал-губернатор Нидерландской Индии ван Старкенборгх Стахувер принял японское требование о безоговорочной капитуляции всех остатков голландских вооруженных сил. В стране был установлен оккупационный режим новых колониальных хозяев — японских империалистов.

Почему Япония смогла сравнительно легко завладеть Индонезийским архипелагом, не встретив здесь серьезного сопротивления? Это объяснялось вполне определенными причинами. Западные державы проводили традиционную политику попустительства фашистским агрессорам в расчете на то, чтобы столкнуть их с Советским Союзом. Надеясь на успех этой близорукой политики, на умиротворение агрессоров ценой уступок, они до последнего момента недооценивали угрозу большой войны на Тихом океане, как прежде недооценивали подобную угрозу в Европе. Поэтому правительства США и Англии верили в возможность мирного соглашения с Японией и не спешили прийти на помощь голландцам в укреплении обороны архипелага, опасаясь, что всякие демонстративные военные акции в этом районе могут вызвать раздражение японских империалистов. Нидерланды могли рассчитывать в основном на свои собственные силы, явно недо-

статочные для обороны Индонезии. Голландские колонизаторы не решались привлечь к обороне архипелага индонезийский народ, боялись дать ему в руки оружие, хотя со стороны национально-освободительных сил Индонезии делались предложения объединить все усилия для общей борьбы против фашистских агрессоров. Колониальные власти отвергали эти предложения и, более того, продолжали репрессии против индонезийских революционных деятелей.

Весьма примечателен следующий факт. По призыву явилось 100 тыс. индонезийских добровольцев, готовых сражаться против японских агрессоров. Колониальные власти, напуганные таким притоком добровольцев, зачислили во вспомогательные отряды милиции лишь 6 тыс. Просьба всех остальных не была удовлетворена ввиду недостатка вооружения, как объясняет голландский историк Флекке[1]. В действительности же голландские колонизаторы боялись вооружить такую большую массу индонезийцев.

Вопреки политике колонизаторов патриотические силы Индонезии пытались создать антифашистский национальный фронт. Однако такой фронт не оказался достаточно сильным, чтобы сыграть существенную роль в предотвращении японской агрессии, и поэтому правильнее было бы говорить лишь о попытке его создания[2].

Империалисты Японии использовали в своих целях вековую ненависть индонезийского народа к голландским колонизаторам и еще задолго до оккупации архипелага развернули на его территории искусную пропаганду. Эта пропаганда велась через многочисленную агентуру, представителей японских фирм и даже через некоторые подкупленные органы печати. Она ставила своей целью привлечь индонезийцев заверениями, что японцы придут в Индонезию в качестве освободителей от «белого империализма». Несомненно, что демагогические высказывания в адрес голландских колонизаторов, как жестоких и несправедливых захватчиков, вызывали благоприятную для японцев реакцию со стороны индонезийского населения. Немало индонезийцев обманула лживая японская пропаганда, и многие поверили, что японская армия выполняет не захватническую, а освободительную миссию.

Таким образом, обстановка для обороны архипелага складывалась весьма неблагоприятно. Но даже и в этих условиях

---

[1] B. H. M. Vlekke, Nuasantara, Cambridge, 1946, стр. 394.

[2] Попыткой создать подобный фронт можно считать образование в мае 1939 г. Габунган политик Индонесиа (ГАПИ). В него вошли семь важнейших буржуазных и мелкобуржуазных партий, а позже — ряд общественных организаций: женских, профсоюзных и религиозных. ГАПИ выдвигал лозунг «парламентарной Индонезии» и предлагал на этой основе колониальным властям совместное сотрудничество для предотвращения угрозы японского вторжения.

колониальные власти не использовали всех имеющихся возможностей и предпочли позорно капитулировать.

В этих тяжелых условиях народные массы Индонезии не оставались безучастными к судьбам своей родины. Когда японские агрессоры вторглись в Индонезию и среди голландских колонизаторов царила паника и растерянность, кое-где индонезийцы стали оказывать стихийное сопротивление захватчикам. Наблюдались выступления как против японских агрессоров, так и против голландских колонизаторов. Если судить по источникам, антиголландских выступлений народных масс в этот период было довольно много, а антияпонских — единицы. Объяснялось это многолетней ненавистью индонезийцев к голландским колонизаторам и иллюзиями, что приход японцев улучшит положение населения. Кое-где японская агентура, по-видимому без большого затруднения, инспирировала подобные антиголландские выступления, чтобы усилить панику и растерянность среди голландцев и их союзников. Однако, занимая тот или иной район и подавляя сопротивление голландских вооруженных сил, японская военщина безжалостно расправлялась и с выступлениями индонезийского народа, особенно если они принимали нежелательную национально-освободительную и социальную окраску.

В индонезийских источниках мы находим свидетельства того, что к началу военных действий на территории архипелага делались отдельные попытки выступить против колониальных порядков и создать свои местные органы власти. Наиболее значительные попытки имели место на Центральном и Северном Сулавеси и на Западной Суматре в районе Паданга.

На Сулавеси, на южном побережье гористого полуострова Минахаса, в районе Горонтало, незадолго до высадки японских войск национальные силы провозгласили народную власть и подняли индонезийский национальный красно-белый флаг — символ борьбы за независимость. Во главе этих сил стояли известные местные деятели национально-освободительного движения Дханупойо и Нани Вартабоне. Первый был избран главой военной власти, второй — гражданской. Были также созданы совет народных представителей и отряды местной самообороны. Район, контролируемый народной властью, распространялся на территорию с населением примерно 300 тыс. человек.

События в Горонтало вызвали отклик и в некоторых районах Центрального Сулавеси. В Лувуке 11 февраля восстали народные массы под руководством С. Кирдиата и Мамбу. Восставшие подняли красно-белые флаги перед всеми местными официальными учреждениями. Аналогичные события произошли и в Толи-Толи. Национальные силы арестовывали

голландцев и создавали свои органы местной власти. Однако эти органы на Сулавеси просуществовали недолго. С приходом японских оккупантов они были разогнаны, а их руководители арестованы [3].

Выступления народных масс происходили и на Западной Суматре, в районе, населенном народом минангкабау. Здесь, в то время когда голландцы капитулировали, но район еще не был занят японскими воинскими частями, крестьяне пытались поделить между собой пустующие земли плантаторов. Народные массы выступили против ненавистных колониальных порядков, отказывались признавать старые законы. Но японские оккупанты, появившись в этом районе, пресекли подобные действия масс.

Все эти выступления индонезийского народа носили в целом стихийный характер, не имея ни четкой программы, ни централизованного руководства. Тем не менее они свидетельствовали о стремлении индонезийского народа к независимости, о его непримиримости к какому бы то ни было колониальному режиму. Разгоняя органы местной власти, подавляя выступления народных масс и арестовывая их лидеров, японские оккупанты показали свою настоящую сущность колониальных хищников.

Основные черты японской оккупационной политики

Смена колонизаторов принесла индонезийскому народу новые тяжелые испытания.

Японские захватчики стремились максимально использовать сырьевые ресурсы Индонезии, в первую очередь стратегическое сырье: нефть, каучук, олово, а также продовольствие для нужд своих вооруженных сил. Осуществляя эту задачу, оккупанты начали хищническую эксплуатацию природных богатств архипелага и систематическое ограбление его населения. Они стремились использовать 70-миллионное население Индонезии в качестве даровой рабочей силы на разного рода военно-стратегических работах в Юго-Восточной Азии, а также в качестве пушечного мяса на фронтах против союзников. Ставилась цель подготовить и укрепить Индонезию как фланговый плацдарм и базу для дальнейшего наступления японских вооруженных сил против Индии и Австралии. Чтобы обеспечить выполнение всех этих задач, оккупанты проводили двойственную политику — «политику кнута и пряника». В ней сочетались, с одной стороны, некоторые уступки верхушке индонезийского общества, посулы и обещания, вплоть до обещания независимости, и,

---

[3] О событиях на Сулавеси см.: «Republik Indonesia. Propinsi Sulawesi», Djakarta, 1953, стр. 204—207.

с другой — жестокие репрессии против всех опасных для оккупационного режима сил.

Полицейский террор сочетался с заигрыванием с буржуазией, помещиками, интеллигенцией, мусульманскими клерикалами, в лице которых оккупанты стремились найти свою опору.

В самый начальный период оккупации были распущены все политические, профсоюзные и молодежные организации, почти все кооперативные общества, ликвидированы даже те псевдопредставительные органы, центральные и местные, которые были созданы голландскими властями. Причина этого не в том, что японские власти принципиально не хотели создавать видимость некоего подобия демократических свобод. Они рассчитывали перестроить некоторые из подобных институтов по своему образцу, применительно к задачам своей колониальной политики и разрешить их существование постепенно, придать вынужденным уступкам видимость благодеяний.

Вся полнота власти на островах архипелага была сосредоточена в руках японского военного командования. Прежняя колониальная система была в общих чертах сохранена, но все наиболее ответственные должности в учреждениях занимали теперь японцы [4]. Было запрещено проведение митингов, собраний, демонстраций, свободное передвижение по индонезийским водам. Широкие полномочия были предоставлены японской военной полиции (кэмпэйтай), которая по методам своей деятельности напоминала гитлеровскую тайную полицию (гестапо). В застенках кэмпэйтай применялись самые изощренные пытки. Японские оккупанты оскорбляли национальные чувства индонезийского народа, пытались проводить политику насильственной японизации. Они пренебрежительно относились к местным традиционным обычаям, ввели чуждый для индонезийцев японский язык в качестве одного из официальных, повсеместно заменяли старые названия улиц и площадей японскими, пытались японизировать систему школьного обучения. Индонезийцев принуждали в часы утренней молитвы отвешивать поклон на север, в сторону резиденции японского императора.

Японские колонизаторы продолжали полицейскую политику своих голландских предшественников в отношении активных демократических сил. Многие прогрессивные деятели, которых не успели арестовать голландцы, были арестованы японцами. «С самого начала японские военные власти,

---

[4] О системе управления в Индонезии в период японской оккупации см.: M. A. Azis, Japan's Colonialism and Indonesia, the Hague, 1955, стр. 152—199; W. E. Elisbree, Japan's Role in Southeast Asian Nationalism Movements, 1940—1945, Cambridge, 1953, стр. 77—78.

не зная милосердия, арестовывали прогрессивных руководителей и кадровых деятелей, в первую очередь руководителей коммунистической партии, которые в то время работали в подполье, а также демократических деятелей из Гериндо» [5], — указывает индонезийский автор Сидик Кертапати.

Экономическую политику японских оккупантов можно охарактеризовать как политику безудержного грабежа и эксплуатации. Главную роль в ограблении страны играли крупные японские монополистические фирмы — дзайбацу. Их представители шли следом за оккупационными войсками.

Япония не могла использовать всю продукцию основных видов индонезийских экспортных культур, потребляемую прежде на европейских и американских рынках, и в то же время нуждалась в продовольственных товарах. Поэтому оккупанты стремились изменить традиционный профиль индонезийского плантационного хозяйства и заставить производителей выращивать продовольственные культуры и отчасти хлопок. Это привело к резкому сокращению производства традиционных культур. На восточном побережье Суматры было раскорчевано 14% площадей каучуковых плантаций. В целом же в Индонезии за годы японской оккупации эта площадь сократилась на 64 тыс. акров. Был издан указ, предписывающий раскорчевать половину всех кофейных плантаций. Из 220 чайных фабрик действовало только 50. Общее производство сахара на Яве в 1945 г. составило лишь 6,3% от уровня производства 1942 г. [6]. Активно используемая площадь под посадки масличной пальмы сократилась почти до нуля [7].

Крестьяне, не располагавшие необходимыми средствами, инвентарем, семенами, в большинстве случаев оказывались не в состоянии перейти к выращиванию продовольственных культур. Часть сельского населения саботировала приказы властей сеять ту или иную культуру, не желая, чтобы его урожай доставался оккупантам. Поэтому производство продовольственных культур в стране за годы оккупации не только не поднялось, но и значительно сократилось [8].

---

[5] S. Kertapati, Sekitar Proklamasi 17 Augustus 1945, Djakarta, 1957, стр. 7.

[6] «The Dutch in the Far East, Proud of their Achievements, Confident in the Future», Rotterdam — Amsterdam, 1946, № 2, стр. 22—23.

[7] J. E. Metcalf, The Agricultural Economy of Indonesia, Washington 1952, стр. 68.

[8] По свидетельству очевидца, американского автора Чарлза Вольфа, на Яве за время японского господства сбор риса упал на 25%, злаковых — на 36, маниоки — почти на 50, латекса (сок каучуконосов) — более чем на 80%. На Яве и Суматре урожай чая снизился на 95%, кофе — почти на 70, пальмового масла — почти на 75%. См.: Ch. Wolf, The Indonesian Story Growth and Structure of Indonesian Republic, New York, 1948, стр. 7.

Оккупанты грабили население, реквизируя на нужды армии крупный и мелкий рогатый скот. «Скотоводство Бали, Суматры и Мадуры очень сильно пострадало во время оккупации, а на Яве стада почти совсем исчезли» [9],— отмечалось в одном английском экономическом издании.

В стране ощущался острый недостаток всех видов товаров. Росла инфляция, создававшая все больший разрыв между находившимся в обращении количеством денежных знаков и количеством товаров на рынке. Цены на продовольственные товары поднялись в 10—15 раз по сравнению с довоенным уровнем [10]. Процветала спекуляция.

Хозяйничанье японских оккупантов привело экономику Индонезии в состояние упадка. Резкое сокращение производства, закрытие предприятий, бездействие шахт и рудников способствовали массовой безработице. Значительная часть трудящегося населения голодала. Изоляция Индонезии от традиционных рынков сбыта плантационных культур разоряла крестьянство, специализировавшееся на выращивании каучуконосов, чая, сахарного тростника, кофе. Безработица и систематические реквизиции продовольствия у населения, инфляция и рост цен усиливали голод и обнищание масс.

Большие бедствия приносили индонезийскому народу насильственные мобилизации для отбывания трудовой повинности. Японские власти создавали специальные трудовые батальоны Хейхо. Они входили как вспомогательные подразделения в состав японских вооруженных сил и использовались для обозного обслуживания армии, строительства укреплений, разгрузки военно-транспортных судов, переноски различных грузов. Положение солдат Хейхо обычно ничем не отличалось от так называемых ромуся — насильственно мобилизованных для отбывания тяжелой трудовой повинности рабочих и крестьян, не включенных в трудовые батальоны. Часть ромуся посылалась за пределы Индонезии: в Бирму, на острова Тихого океана и использовалась там на строительстве дорог и фортификационных сооружений. Они находились в условиях каторжного режима, получая лишь полуголодный паек. Десятки тысяч ромуся гибли от голода, болезней и непосильного труда. Индонезийский автор Мухаммад Димьяти отмечает, что «о многих из них лишь пришли извещения, сообщавшие, что они погибли на тихоокеанском фронте как „гордость нации“» [11].

---

[9] «Indonesia. Review of Commercial Conditions», July 1951, стр. 43.

[10] «The Dutch in the Far East, Proud of their Achievements, Confident in the Future», 1946, № 2, стр. 24—25; M. A. Azis, Japan's Colonialism and Indonesia, стр. 191.

[11] M. Dimyati, Sedjarah perdjuangan Indonesia, Djakarta, 1951, стр. 62.

Осенью 1943 г. японские власти начали создавать так называемую Добровольную армию защитников родины (ПЕТА) [12]. Было инсценировано обращение специально подобранных для этого пропагандистского трюка «представителей индонезийской общественности» с «требованием» разрешить создание подобной армии, чтобы участвовать в «общей священной войне». Разрешение, разумеется, последовало. Если сперва властям удалось привлечь в ПЕТА некоторое число добровольцев, то в дальнейшем пришлось прибегнуть к мобилизации молодежи. Создавались и учебные центры по подготовке сержантов и младших офицеров. Сравнительно небольшая армия ПЕТА предназначалась в качестве территориальных сил обороны в помощь основным японским силам на случай вторжения на острова архипелага англо-американских частей. Но в дальнейшем на ее базе предполагалось развернуть более значительный контингент для использования в качестве пушечного мяса на фронтах Юго-Восточной Азии. Ненадежность индонезийской армии помешала осуществить этот план.

Обучение и идеологическая подготовка армии ПЕТА находились в руках японских инструкторов, насаждавших бессмысленную муштру и дух расовой дискриминации. Это служило причиной частых волнений среди военнослужащих-индонезийцев [13]. В качестве резерва армии ПЕТА создавались различные молодежные военизированные организации, частично привлекавшиеся к полицейской и охранной службе. Их члены подвергались усиленной идеологической обработке и получали некоторую военную подготовку. Создавая большое количество молодежных организаций, перед которыми подчас ставились одни и те же задачи, японские власти стремились помешать консолидации индонезийской молодежи, расколоть молодежное движение, установить над ним строгий контроль и мелочную опеку.

Вопреки расчетам японских оккупантов индонезийский народ не желал быть слепым орудием японской империалистической политики, не желал проливать кровь во имя интересов своих поработителей. Патриотические настроения охватывали и армию ПЕТА, и японское командование не рискнуло послать на фронт ни один из ее батальонов.

Не оправдались надежды японцев и на то, чтобы создать опору в стране в лице буржуазно-помещичьих элементов, при-

---

[12] PETA — Soekarela tentara Pembela Tanah Air. В отличие от батальонов Хейхо армия ПЕТА формально не входила в состав японских вооруженных сил. Общее число ее батальонов к концу оккупации достигло 81, а численность личного состава — 37 тыс. человек.

[13] Об обстановке в армии ПЕТА рассказывает книга: O. Bahsan, Tjatatan ringkas tentang PETA (Soekarela tentara Pembela Tanah Air) dan peristiwa Rengasdengklok, Bandung, 1955.

влечь на службу некоторых видных национальных лидеров и таким путем обмануть индонезийский народ, отвлечь его от национально-освободительной борьбы.

В начале 1943 г. оккупационные власти допустили возникновение так называемого Центра народных сил — Пусат тенага ракьят (Путера), сфера деятельности которого ограничивалась Явой и Мадурой. Не правы те исследователи, которые пытаются усматривать в Путера своего рода марионеточное правительство. Это была созданная в пропагандистских целях и для заигрывания с местной буржуазией политическая организация. Во главе ее были поставлены видные деятели национально-освободительного движения Сукарно и Хатта, представлявшие его различные течения. К моменту японской оккупации они находились в заключении, будучи арестованными голландскими колониальными властями. Освобождая их из заключения и привлекая к политической деятельности, оккупационные власти рассчитывали на благоприятную реакцию индонезийской общественности и на создание в Индонезии определенной политической опоры. По мнению империалистических кругов Японии, не было необходимости в более серьезных уступках в Индонезии, например в предоставлении этой стране формальной независимости по типу, скажем, бирманской или филиппинской. Такой подход основывался на убежденности, что после голландского колониального террора национально-освободительные силы не смогут достаточно быстро сплотиться и активизироваться.

Через год Путера был распущен и заменен новой организацией — Союзом верности народу (Джава хококай), поставленной под еще более строгий контроль властей. В конце 1943 г. были образованы консультативные советы, которые должны были создать видимость представительных органов с совещательными функциями при японском командовании. В значительной мере их состав назначался японским командованием. Консультативные советы располагали еще более жалкими правами, чем так называемые народные советы, существовавшие при голландцах. Делались и некоторые другие незначительные уступки индонезийской буржуазии, помещикам, мусульманским клерикалам.

Представители местной буржуазии и помещиков были привлечены в ведомство по управлению плантационным сельским хозяйством. В 1944 г. в трех резидентствах (областях) Явы на посты резидентов были назначены индонезийцы, в других же резидентствах Явы и Мадуры индонезийцам были предоставлены посты вице-резидентов. Создавались различные политические организации, расширяющие возможности для политической деятельности национальной буржуазии и помещиков и за пределами Явы.

По мере роста национально-освободительного движения в стране и перехода войск союзников в наступление японские оккупационные власти активизировали политику заигрывания с местной буржуазией и были вынуждены все чаще и чаще заговаривать о предоставлении Индонезии независимости. Любопытно проследить эволюцию этих высказываний, отражавшую активизацию движения Сопротивления.

Если в начале оккупации японцы и не помышляли о каких-либо обещаниях предоставить стране в будущем независимость или даже ограниченную автономию, то, столкнувшись с провалом своей оккупационной политики, убедившись в своей неспособности предотвратить подъем национально-освободительного движения и удовлетворить национальную буржуазию мелкими уступками, оккупанты вынуждены были заговорить о предоставлении Индонезии в будущем независимости.

В 1943 г. командующий армейской группой войск на Яве Осаму заявил: «При первом же удобном случае следует выступить с прокламацией независимости с той целью, чтобы народу Явы был предоставлен значительный уровень самоуправления. Это должно произойти в подходящее время после окончания великой восточноазиатской войны» [14].

Как мы видим, здесь еще вовсе не идет речь о независимости Индонезии. Речь идет лишь о некоем уровне самоуправления, обещанном после окончания второй мировой войны. Еще рассчитывая выйти из войны победителем, правящие круги Японии были убеждены, что потом, в иной обстановке, они смогут установить для Индонезии такой статус, который будет отвечать их империалистическим интересам.

С аналогичными высказываниями выступали японское министерство иностранных дел, министерство по делам Великой Восточной Азии и отдельные государственные руководители и представители армейского командования Японии.

В официальном документе от 20 мая 1944 г., подписанном армейским начальником гражданской администрации Киудзиро Хаяши, был разработан план дальнейшего управления Явой. В нем подчеркивалось, что в условиях усилившегося наступления союзных войск необходимо всемерное использование ресурсов оккупированных территорий в районе Южных морей. Но при этом нельзя забывать и о необходимости завоевывать симпатии местного населения и гарантировать мир и порядок, иными словами, предотвращать антияпонские выступления. Для осуществления этих целей району Явы, Мадуры и Бали следует обещать независимость. Что же касается других островов, то они останутся имперскими терри-

---

[14] «Japanese Military Administration in Indonesia: Selected Documents», Translation Series № 6, Detroit, 1965, стр. 237.

ториями, т. е. японскими колониями. Лишь в очень туманных, неопределенных выражениях говорилось, что их статус может быть пересмотрен в будущем, после окончания войны, если для этого возникнут необходимые условия. Этот документ обещал также более широкое привлечение индонезийцев в местный административный аппарат.

Вскоре, 25 августа того же года, министерство по делам Великой Восточной Азии, фактически министерство по делам колоний, выпустило документ «Пункты, касающиеся независимости Явы и других островов». В нем уже говорилось о будущей независимости всей Индонезии, в первую очередь Явы. Но при этом подчеркивалось, что «дата независимости в настоящее время не ясна и она определится в зависимости от таких факторов, как возможности военной ситуации и прогресс в подготовке независимости...» [15]. Нетрудно заметить, что никаких конкретных обещаний о сроках провозглашения независимости не давалось.

Вслед за опубликованием «Пунктов...» с аналогичными документами выступили военное министерство, министерство иностранных дел и управление военной администрации Юго-Восточного района. С такими же, очень неопределенными обещаниями дать Индонезии в будущем независимость выступил 9 сентября 1944 г. на 85-й сессии японского парламента премьер-министр Койсо [16].

В то же время в приказах японских военных властей, не предназначенных для открытой публикации, можно было уловить истинный смысл этих обещаний. Вот, например, выдержка из приказа начальника штаба сингапурской армии, распространявшей свой контроль и на Суматру: «Недопустимо касаться ни срока предоставления независимости, ни предполагаемых пределов территории, ни будущего государственного строя Восточной Индии до тех пор, пока все эти элементы не будут окончательно установлены. Национальную сознательность нужно поднять на наибольшую высоту. Она должна быть направлена на усиление обороны, на сотрудничество с военным ведомством, чтобы создать из Явы и Японии одно неделимое целое. В политической и экономической структуре наступят только те изменения, которые предусмотрены военным ведомством» [17]. Далее в том же приказе подчеркивалось, что японцы должны руководить местным населением «подобно родителям или старшим братьям и сестрам».

Лишь в 1945 г., когда военно-стратегическое положение Японии стало критическим, ее правящие круги стали более определенно говорить о будущей независимости Индонезии.

---

[15] Там же, стр. 244—249.

[16] Там же, стр. 251—256, 259.

[17] «Nederlandsch-Indie onder Japanese bezetting. Gegevens en documenten over de jaren 1942—1945», [б. м.], 1960, стр. 582.

Естественно, национальная буржуазия не могла удовлетвориться подобными уступками и обещаниями. Она в свою очередь рассматривала вынужденное сотрудничество с японскими колониальными властями как неизбежный политический маневр, как возможность политически окрепнуть и распространить свое влияние на массы через легально существующие организации. Лидеры национальной буржуазии и мелкой буржуазии, возглавляя Путера и Джава хококай, были в той или иной степени связаны с подпольным антияпонским движением. Они тяготились ролью простых чиновников-исполнителей в японской колониальной администрации, распространяли среди масс идеи национализма, борьбы за национальную независимость.

Расстановка классовых сил

Японским оккупантам, сочетавшим политику жестокого террора и некоторых уступок, не удалось приостановить национально-освободительного движения, достигшего значительного размаха к лету 1945 г.

Размах и характер национально-освободительной борьбы против японских оккупантов определялись расстановкой классовых сил в Индонезии. Эта расстановка сил отличалась сложностью и своеобразием.

Феодально-помещичьи слои, феодально-бюрократическая верхушка, слабая и малочисленная компрадорская буржуазия представляли крайне правые, консервативные слои индонезийского общества.

Феодалы, как и при прежнем колониальном режиме, выступали против какой-либо решительной борьбы с колонизаторами. Тем не менее в случае поражения Японии они готовы были примкнуть к национально-освободительным силам, с тем чтобы занять в независимом индонезийском государстве привилегированное положение, помешать его демократизации.

В целом японские оккупационные власти настороженно относились к феодально-бюрократической аристократии, связанной с прежним голландским колониальным режимом, и делали основную ставку на буржуазные элементы, недовольные господством голландцев. По мнению японцев, политика их голландских предшественников, опиравшихся в основном на феодально-аристократические круги и компрадоров, не могла быть достаточно эффективной. Поэтому новые колониальные хозяева, стремясь создать себе более широкую опору, пытались в известной мере идти дальше голландцев, заигрывая не только с аристократией, но и с буржуазией.

Основную часть немногочисленной компрадорской буржуазии составляли местные китайцы. И в годы японской окку-

пации эта прослойка продолжала участвовать в империалистическом грабеже страны, сохраняя роль посредника между колонизаторами и местным рынком. Японские оккупационные власти стремились привлечь компрадоров на свою сторону некоторыми уступками, например участием в управлении плантационным хозяйством, сохранив за ними права банковских вкладчиков и пр.

Силы, принимавшие то или иное участие в национально-освободительной борьбе, как уже было отмечено, отличались значительной пестротой. Их правое крыло составляли капиталистические предприниматели в сельском хозяйстве, немногочисленная промышленная буржуазия, буржуазная интеллигенция. Все они выдвигали антиимпериалистические лозунги борьбы, так как были заинтересованы в независимом капиталистическом развитии Индонезии, в создании собственного буржуазного национального правительства. В период японской оккупации эти элементы вели буржуазно-националистическую пропаганду среди масс, принимали участие в подпольном антияпонском движении. Однако они боялись вооруженной национально-освободительной борьбы народных масс и в первую очередь искали возможности получить независимость из рук колонизаторов. Страх перед революционной инициативой неизбежно приводил к непоследовательности, а на определенных этапах и к соглашательству с империалистами.

Эта двойственная природа буржуазной верхушки Индонезии не исключала в то время острых противоречий между нею и империалистической буржуазией. Буржуазно-помещичьи круги не хотели мириться со своим политическим бесправием и с позицией японских оккупантов, не думавших всерьез о предоставлении Индонезии независимости или даже ограниченной автономии. Поэтому-то к концу японской оккупации буржуазно-помещичьи националисты Индонезии начали довольно активно участвовать в движении Сопротивления.

Более последовательным борцом против оккупантов была мелкая буржуазия. Это объяснялось ее незавидным положением, которое мало отличалось от положения других неимущих слоев населения. Мелкие торговцы, владельцы небольших предприятий кустарного типа остро ощущали засилье иностранного монополистического капитала и не могли конкурировать с крупными предпринимателями-иностранцами [18].

Национальная, и особенно мелкая, буржуазия выражала открытое недовольство своим политическим бесправием, засильем иностранного монополистического капитала. Это недовольство обострилось в годы японской оккупации. Закры-

---

[18] Tauchid Mochammed, Masalah agraria, Djakarta, 1952, стр. 186.

тие японцами десятков мелких национальных предприятий, прекращение традиционных торговых связей с рынками Европы и Америки, нарушение нормальных связей между островами архипелага и упадок внутренней торговли — все это разоряло местных предпринимателей, особенно мелких. Мелкая буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция принимали активное участие в деятельности подпольных антияпонских организаций, в борьбе против оккупантов наряду с другими представителями народных масс.

Революционный лагерь индонезийского общества был представлен рабочим классом, крестьянством, сельскохозяйственным пролетариатом, мелкими служащими, мелкобуржуазной интеллигенцией, мелкой и частично средней буржуазией. Все эти силы были заинтересованы в ликвидации колониальной зависимости, в устранении засилья иностранного монополистического капитала и феодальной эксплуатации, в осуществлении демократических преобразований, в ликвидации произвола бюрократической аристократии. Усиление колониального гнета в годы японской оккупации, значительное ухудшение положения всего населения страны заставляли народные массы активизировать свою борьбу за национальное освобождение.

К началу второй мировой войны пролетариат Индонезии был распылен преимущественно по мелким предприятиям и в силу своей малочисленности еще не мог играть слишком заметной роли в национально-освободительном движении. Его основные массы концентрировались в плантационном сельском хозяйстве, в горнодобывающей, пищевой, лесной промышленности, на транспорте[19].

И в годы японской оккупации рабочий класс подвергался безжалостной эксплуатации. Значительные массы промышленных и сельскохозяйственных рабочих лишились своего скудного заработка, вследствие того что многие плантации были заброшены или раскорчеваны, а фабрики и заводы закрывались. В стране появилась большая резервная армия безработных, и это давало возможность предпринимателям еще сильнее эксплуатировать тех, кому удавалось сохранить более или менее постоянную работу. Японские оккупанты лишили трудящихся даже тех ничтожных политических прав, какие удалось завоевать при голландском коло-

[19] По сведениям голландской переписи 1930 г., общая численность индонезийского пролетариата составляла 4 млн. По статистическим данным за 1938 г., 1630 тыс. индонезийцев классифицированы как промышленные рабочие. Но подавляющее большинство их составляют кустари или рабочие мелких предприятий. Лишь 120 тыс., или менее 10%, работали на крупных предприятиях — нефтеперегонных заводах, арсенале, текстильных фабриках, сахарных заводах, автосборочном заводе и пр. См.: R. Kennedy, The Ageless Indies, New York, 1942, стр. 181; «Republik», 1950, № 9, стр. 10.

ниальном режиме. Рабочий класс не имел права создавать профсоюзные, молодежные организации, проводить собрания, митинги. На предприятиях насаждалась система тайной слежки, доносов, полицейского произвола. Все эти причины не могли не препятствовать революционной организованности рабочего класса, его активному вовлечению в антияпонскую национально-освободительную борьбу.

Бедственным было положение и индонезийского крестьянства. Значительная его часть располагала лишь карликовыми наделами, недостаточными для существования, и вынуждена была арендовать землю у кулаков и помещиков либо наниматься на плантации. По данным одного из индонезийских журналов, на Яве 70% крестьян-землевладельцев имеют наделы площадью менее 1 *га*, 20% — 1—2 *га*, 8% — 2—4 *га* и 2% — свыше 4 *га*[20]. Безземельное и малоземельное крестьянство было источником дешевой рабочей силы для плантаторов.

В годы японской оккупации положение крестьянства чрезвычайно ухудшилось. Налоги и реквизиции на нужды японской армии принимали характер прямого и ничем не ограниченного грабежа. Нередко у крестьянина конфисковывался весь урожай. Многие малоземельные крестьяне, которые прежде могли найти подсобный заработок на сезонных плантационных работах, теперь лишились этой возможности. Потеря традиционных рынков сбыта не только ударила по интересам крупных плантаторов, но и разоряла крестьянство, которое также выступало в роли производителей экспортных культур. Не могли не вызвать широкое недовольство попытки японских оккупантов регламентировать сельскохозяйственное производство, заставить крестьян выращивать те культуры, которые были нужны для продовольственного снабжения оккупационной армии.

Задавленные непосильными налогами и реквизициями, крестьяне были вынуждены обращаться к традиционному источнику кредита — странствующим деревенским ростовщикам. Преимущественно в этой роли выступали местные богатые китайцы. В условиях растущей инфляции ростовщики отказывались принимать в уплату за предоставленные кредиты обесцененные денежные знаки и требовали возмещения долга продуктами сельского хозяйства и высоких процентов[21].

Широкое недовольство крестьянства вызывала насильственная мобилизация молодежи для отбывания трудовой по-

---

[20] «Bintang Merah», 1951, № 1, стр. 304. Хотя эти данные относятся к первым послевоенным годам, они характеризуют социальный состав индонезийской деревни и в военные годы.

[21] G. Mc. T. Kahin, Nationalism and Revolution in Indonesia, New York, 1952, стр. 128—129.

винности в качестве подневольных чернорабочих-ромуся и в трудовых батальонах Хейхо.

Все эти причины делали крестьянство, наиболее многочисленную и эксплуатируемую часть индонезийского общества, внушительной потенциальной силой в борьбе с колонизаторами. Однако следовало иметь в виду относительно слабую самостоятельную политическую активность крестьянской массы, в основном неграмотной. Какие силы смогут повести за собой крестьянство — этот вопрос в значительной мере должен был определить характер и лидерство в индонезийской революции.

Компартия в период японской оккупации оказалась в чрезвычайно сложных условиях борьбы, ее ряды были малочисленны. Еще при голландском колониальном режиме, в ходе и после подавления восстания 1926—1927 гг. на Яве и Суматре, Коммунистическая партия Индонезии была разгромлена, уцелевшие коммунисты были вынуждены уйти в глубокое подполье. Лишь в 1936 г. удалось восстановить в нелегальных условиях руководящее ядро партии. Многие ее руководители и активные члены были истреблены, брошены в концлагеря и тюрьмы либо эмигрировали.

С приходом японских оккупантов компартия столкнулась с еще большими трудностями. Заигрывая с индонезийскими революционерами буржуазно-националистического толка и выпуская их из тюрем, оккупационные власти преследовали и истребляли коммунистов. В результате этого можно было говорить лишь о деятельности отдельных, весьма немногочисленных партийных ячеек.

И в сложных условиях террора, находясь в глубоком подполье, коммунисты продолжали борьбу. Коммунисты приспосабливали тактику к новой обстановке, стремились максимально использовать легальные возможности работы в различных созданных японцами организациях. Главную задачу своей борьбы в годы японской оккупации коммунисты видели в создании единого фронта всех национальных патриотических сил, включая и буржуазию, против захватчиков [22]. Отдельные коммунисты активно участвовали в деятельности некоторых подпольных антияпонских организаций и даже входили в состав их руководства (Шарифуддин, Викана и др.).

Развертывание движения Сопротивления против японских оккупантов

Национально-освободительное движение индонезийского народа против японских оккупантов принимало разнообразные формы. Наблюдались выступления трудящихся, особен-

---

[22] «Bintang Merah», 1951, № 9—10, стр. 463; Д. Н. Айдит, Уроки истории Коммунистической партии Индонезии, М., 1961, стр. 10.

но активизировавшиеся после нового закона о труде, который был введен оккупационными властями в 1943 г. и устанавливал крайне низкие ставки заработной платы. В условиях запрещения всех профсоюзных организаций и жестокого террора борьба рабочих не могла стать массовой и открытой. Она проявлялась, как указывает Кертапати, в актах саботажа, порче фабричного оборудования, уклонении от работы под предлогом болезни, задержке транспорта и пр.[23].

Крестьяне по своей инициативе захватывали земли, брошенные плантаторами-европейцами, оказывали сопротивление при реквизиции продуктов, скрывались от насильственной мобилизации для отбывания трудовой повинности.

Уже на втором году японской оккупации в различных районах страны стали вспыхивать открытые крестьянские волнения. Имели место неоднократные волнения среди солдат-индонезийцев в армии ПЕТА. К концу японского господства в ряде районов Индонезии действовали небольшие партизанские группы, нападавшие на японские военные посты и карательные отряды. Однако вооруженное партизанское движение против японских оккупантов не приобрело в Индонезии такого широкого масштаба, как в некоторых соседних странах Юго-Восточной Азии. В значительной мере это объяснялось специфическими географическими условиями, малоблагоприятными для широкой партизанской борьбы, — островным расположением страны, высокой перенаселенностью и густой сетью дорог в ее наиболее важных районах. Давала себя знать и длительная политика террора и наступления на революционные силы, проводившаяся голландскими колонизаторами.

Все же создавались и действовали подпольные антияпонские организации, особенно активизировавшие свою деятельность позже, в конце 1944 — начале 1945 г. В начальный период оккупации проявила активность группа Амира Шарифуддина, крупного революционного деятеля. Накануне японской оккупации он являлся одним из руководителей радикальной мелкобуржуазной партии Гериндо и одним из инициаторов борьбы за создание единого национального антифашистского фронта. За участие в борьбе против колониального господства Шарифуддин арестовывался голландскими властями. Однако перед японским вторжением он выступил в поддержку голландских оборонительных мероприятий, так как видел главную задачу всех национальных сил в борьбе против фашистских агрессоров.

Шарифуддин создал боевую подпольную организацию. Многие ее члены, в том числе и сам Шарифуддин, принадлежали к нелегальной коммунистической партии. Но вскоре

---

[23] S. Kertapati, Sekitar Proklamasi 17 Agustus 1945, стр. 14—15.

японским властям удалось арестовать некоторых неосторожных членов организации и, применяя пытки в застенках военной полиции, постепенно раскрыть значительную часть группы Шарифуддина. Он сам и 54 его сторонника были арестованы в Сурабае в начале 1943 г. 29 февраля следующего года Шарифуддин и другие арестованные были приговорены к смертной казни. Однако оккупационные власти были вынуждены посчитаться с огромным личным авторитетом Шарифуддина в стране и, опасаясь нежелательной реакции индонезийской общественности, заменили смертную казнь для него пожизненным тюремным заключением.

В начале 1944 г. начались значительные крестьянские волнения в ряде районов Явы, в частности в районе Индрамаю и Тасикмалайя. Крестьяне выступали против принудительных поставок и реквизиций продовольствия и скота. Население деревни Сингапарна возле городка Тасикмалайя пыталось оказать сопротивление отряду японской военной полиции, прибывшему на броневиках [24].

В округах Лохбенер и Синданг японским карателям потребовалось несколько месяцев, чтобы подавить волнения. Антияпонские выступления имели место также в Бантене, Мадиуне, Блитаре и других районах. Вблизи Маланга был пущен под откос японский воинский эшелон.

Антияпонские волнения не ограничивались пределами Явы. На Суматре одним из районов наиболее активной борьбы против оккупантов был крайний север острова — область Аче. Здесь волнения начались еще в 1942 г. Руководители антияпонских выступлений пытались придать борьбе религиозную окраску и выдвигали лозунг «перанг сабил», т. е. «священной войны». Одним из первых вооруженных выступлений в этом районе руководил молодой мусульманский проповедник тенгку Абдул Джамиль. Его отряд из местных жителей выдержал бой с превосходящими силами японских солдат и полиции и лишь после повторных атак был рассеян [25].

Активные выступления народных масс против японских оккупантов происходили в ряде районов Сулавеси, на Молуккских островах. К концу японской оккупации на острове Хальмахера действовали партизаны во главе с Саленду, бывшим сержантом голландской колониальной армии.

Осенью 1943 г. японцы раскрыли заговор в Понтианаке на Западном Калимантане и произвели здесь массовые расстрелы всех подозрительных лиц. Арестованных вывозили на грузовиках за город группами и там расстреливали. Как сви-

---

[24] M. Dimyati, Sedjarah perdjuangan Indonesia, стр. 64.

[25] A. N. Nasution, TNI. Tentara nasional Indonesia, dj. I, Djakarta, 1956, стр. 62.

детельствует генерал Насутион, число зарегистрированных жертв японского террора в Понтианаке достигло 1614[26].

В мае 1945 г. восстали даякские племена во внутренних лесных районах Калимантана. Японские оккупанты были вытеснены из ряда внутренних районов в прибрежные укрепленные пункты. Происходили также антияпонские выступления папуасских племен Западного Ириана и близлежащих островов. В руководстве повстанческой борьбой на Ириане видную роль играл известный деятель папуасского национально-освободительного движения Рукорем. Действия повстанцев охватили районы Холландии, Маноквари, Телук Бинтуни, Факфака и др. Японцы были вынуждены сосредоточиваться в укрепленных поселениях на побережье[27].

Повстанческие отряды обычно были вооружены лишь бамбуковыми копьями да несколькими устаревшими голландскими винтовками. Но после первых же удачных нападений на японские полицейские посты и карательные отряды удавалось раздобыть винтовки, пулеметы и даже минометы.

Но все эти разрозненные, стихийные выступления не имели ни единого централизованного руководства, ни четкой программы. Поэтому оккупантам удавалось обычно подавить их, расправляясь с лицами, подозреваемыми в симпатии к повстанцам. Многие из видных лидеров национальной и мелкой буржуазии, хотя и стремились к национальной независимости Индонезии, боялись революционной инициативы народа и возлагали надежды на возможные уступки со стороны японских оккупационных властей. Демократические силы, представленные в рядах антияпонских организаций, были разрозненны и недостаточно сильны для того, чтобы координировать и возглавить стихийные, разобщенные выступления против оккупантов. Поэтому локальные волнения и восстания не вылились в единый, мощный поток.

Заметную роль в движении Сопротивления против японских оккупантов играли выступления в батальонах ПЕТА и Хейхо. Молодежь, насильственно оторванная от семейных очагов, от хозяйств, не хотела мириться с духом бессмысленной муштры и расовой дискриминации, насаждаемым японской военщиной в индонезийских частях. Индонезийцы-солдаты начинали понимать, что их готовят проливать кровь на фронтах Азии во имя интересов их поработителей, и стихийно тянулись к национально-освободительной борьбе. Видя рост революционных настроений в батальонах ПЕТА, японское командование с большой опаской и осторожностью вооружало индонезийцев. Солдаты-индонезийцы получали бое-

---

[26] Там же; см. также «Republik Indonesia. Propinsi Kalimantan», Bandjarmasin, 1953, стр. 110—111.

[27] A. N. N a s u t i o n, TNI, Tentara nasional Indonesia, dj. I, стр. 63.

вое оружие только на время учений, а их повседневные занятия проходили с деревянными винтовками[28].

Концентрация большой массы боеспособной и антияпонски настроенной молодежи, получившей определенную военную подготовку и частично вооруженной, создавала сильный резерв национально-освободительных сил. Военные навыки, приобретенные молодежью в частях ПЕТА, пригодились впоследствии, когда пришлось с оружием в руках отстаивать молодую республику.

Наиболее значительным выступлением в армии ПЕТА было восстание блитарского батальона на Восточной Яве в феврале 1945 г.[29].

Японские инструкторы заставляли личный состав батальона заниматься интенсивной боевой подготовкой, работать в подсобном хозяйстве, строить фортификационные сооружения. Подразделения батальона непрерывно перебрасывали из одного района в другой для строительства все новых и новых укреплений. На строительство привлекались и подневольные рабочие-ромуся, насильственно мобилизованные крестьяне соседних деревень. Они рассказывали солдатам батальона о бедственном положении в деревне, о массовых поборах и насилиях со стороны оккупантов. В самом батальоне обстановка была крайне напряженной, что было вызвано противоречиями между заносчивыми японскими офицерами-инструкторами и индонезийским личным составом. Особенное недовольство вызывали слухи о возможной отправке батальона на фронт. Толчком, ускорившим восстание в Блитаре, послужил приказ японского командования батальону переместиться на северо-восточное побережье Явы для очередного строительства укреплений. Солдаты были уверены, что отсюда их перебросят морем за пределы Индонезии на фронт.

В ночь на 14 февраля 1945 г. блитарский батальон восстал. Инициаторами восстания оказались младшие офицеры Муради, Суприйяди и Супарьоно и командир отделения Сунанто. Солдаты и часть офицеров батальона уже давно стремились повернуть оружие против японцев и подать сигнал к всенародному восстанию против оккупантов.

Восставшим удалось захватить склад с оружием и боеприпасами и поднять батальон, а затем под прикрытием минометного огня провести операцию по очистке г. Блитара и его окрестностей от врага. Почти все японцы, военные, полицейские и гражданские лица, находившиеся в районе Блита-

---

[28] Об обстановке в армии ПЕТА см.: S. Prawiroatmodjo, Perlawanan bersendjata terhadap fasisme Djepang, Djakarta, 1953; P. Bahsan, Tjatatan ringkas tentang..., стр. 26.

[29] О восстании в Блитаре см.: S. Prawiroatmodjo, Perlawanan bersendjata terhadap fasisme Djepang.

ра, были перебиты. Завершив эту операцию, батальон сосредоточился в районе горы Келуд. Здесь руководители восстания рассчитывали дождаться подобных же выступлений в других частях ПЕТА.

Пока восставшие занимали выжидательную позицию, японское командование стянуло в район Блитара сильную армейскую группировку с танками и тяжелой артиллерией. Не имея продуманного тактического плана и налаженных связей с другими частями ПЕТА, руководители восстания обманулись в своих ожиданиях. Одновременного выступления других батальонов ПЕТА не произошло. Слабо вооруженный блитарский батальон столкнулся с превосходящими силами противника.

В этих условиях японское командование смогло убедить восставших возвратиться в блитарские казармы, обещая, что батальон не будет наказан. Но через два месяца оккупационные власти нарушили обещание и отдали под суд военного трибунала 52 активных участника восстания. Восемь из них были приговорны к смертной казни и 28 человек — к различным срокам тюремного заключения.

Неудача блитарского восстания объяснялась многими причинами. Восстание носило локальный характер. Не было налаженных связей с другими батальонами и местным населением. Не имея достаточного опыта, руководители не сумели выработать наступательный тактический план восстания, рассчитанный на широкую поддержку местного населения. Они не учитывали возможностей маневренных партизанских действий, которые могли бы сделать батальон ядром широкого антияпонского вооруженного движения.

Все же нельзя недооценивать значение блитарского восстания. События в Блитаре показали, что армия ПЕТА постепенно революционизировалась, пропитывалась антияпонскими настроениями и становилась важным резервом сил Сопротивления, который в критический для японского империализма момент выступает с оружием в руках за независимость родины. Очевидец событий в Блитаре Правироатмоджо писал о значении восстания: «С военной точки зрения восстание не было очень значительным, но с точки зрения борьбы за свободу страны и народа его значение было весьма велико» [30].

Как ни пытались японские власти скрыть от населения и в особенности от солдат армии ПЕТА блитарские события, слухи о них проникли во все индонезийские части, распространились по всей Яве. Они усилили антияпонские настроения среди индонезийских солдат и офицеров.

---

[30] S. Prawiroatmodjo, Perlawanan bersendjata terhadap fasisme Djepang, стр. 174.

Блитарские события оказали, в частности, влияние на события в другом батальоне армии ПЕТА, дислоцированном в районе Пурвакарта, к востоку от Джакарты. В одной из рот батальона в местечке Ренгасденклок была создана тайная антияпонская организация, установившая связи с местным населением района и с силами Сопротивления в Джакарте. Эти контакты позволили демократическим силам оказать свое влияние на пурвакартский батальон и помочь ему избежать ошибок и просчетов, допущенных руководителями блитарского восстания. К середине августа 1945 г. рота Ренгасденклока была уже достаточно подготовлена, чтобы выступить против оккупантов. Руководители подпольных антияпонских организаций, готовившихся к провозглашению независимости, рассматривали гарнизон Ренгасденклока как один из наиболее надежных и использовали его как опору национально-освободительных сил [31].

Стихийные антияпонские выступления происходили и в других батальонах ПЕТА. Кумар Гошал в книге «Народ в колониях» упоминает о пяти восстаниях в армии ПЕТА [32]. Из выступлений за пределами Явы можно назвать волнения на крайнем севере Суматры в районе Аче [33].

По мере нарастания национально-освободительного движения в стране активизировалась и деятельность подпольных антияпонских организаций [34].

После разгрома японскими властями группы Шарифуддина в стране действовало немало других антияпонских организаций разных направлений. Все они ставили своей целью ведение пропаганды среди населения по разоблачению политики японских оккупантов, накопление сил для будущей борьбы за создание независимой республики. Социальный состав антияпонских организаций был весьма пестрым: мелкие служащие, интеллигенция, мелкая и средняя национальная буржуазия, рабочие, крестьяне, а в отдельных случаях — и солдаты армии ПЕТА, вчерашние рабочие и крестьяне. В некоторых из этих организаций участвовали и коммунисты, стремившиеся использовать все легальные и нелегальные возможности для работы в массах. Хотя в целом руководство антияпонскими подпольными организациями было буржуазным, представители левых демократических сил оказывали определенное влияние на их деятельность.

Одной из подпольных организаций, в которых работали коммунисты, была Геракан Индонесиа Мердека (Герин-

---

[31] О событиях в Ренгасденклоке см.: O. Bahsan, Tjatatan ringkas tentang..., стр. 26.

[32] Кумар Гошал, Народ в колониях, М., 1949, стр. 230.

[33] A. N. Nasution, TNI. Tentara nasional Indonesia, dj. I, стр. 62.

[34] См.: S. Kertapati, Sekitar Proklamasi 17 Agustus 1945, стр. 12—14; A. Malik, Riwajat Proklamasi 17 Agustus 1945, Djakarta, 1950; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 112—114.

дом) — Движение свободной Индонезии. Ее члены проникали в ряды созданных японцами молодежных военизированных организаций и вели там пропагандистскую работу, разъясняли смысл истинной политики оккупантов.

Влияние коммунистов было заметно и в другой подпольной организации, созданной среди бывших членов профсоюзов и молодежи на железнодорожном транспорте. Ее представители вели аналогичную работу среди машинистов, кочегаров, рабочих депо Западной Явы, а также на железнодорожных курсах.

Кроме указанных выше организаций источниками упоминаются группа Джойобойо и связанная с ней группа Супрапто, имевшие некоторое влияние на рабочих автотранспорта, нефтяников и плантационных рабочих, немногочисленная группа Кайгун, объединявшая силы Сопротивления во вспомогательной морской охранной службе, а также группы Сукарни, Шарира и Объединение учащихся.

Группа, возглавляемая Сукарни, будущим лидером одной из левых политических партий — Мурба, играла довольно активную роль в антияпонском движении Сопротивления. Она включала представителей различных социальных слоев: мелкобуржуазные элементы, рабочую и крестьянскую молодежь. О деятельности группы Сукарни сообщает Адам Малик, сам активный ее участник [35]. Группа вела антияпонскую пропаганду среди населения, распространяла информацию о положении на фронтах второй мировой войны и о военных поражениях японцев, установила контакт с молодежными организациями и с армией ПЕТА. В период августовских революционных событий группа и ее лидеры играли активную роль в борьбе за провозглашение республики.

Группа Шарира, которую источники называют иногда группой Хатта — Шарира, также включала представителей различных социальных групп [36]. Характер ее деятельности в значительной мере определялся политической ориентацией Шарира и близких к нему лиц. В отличие от буржуазного либерала Хатта, возлагавшего основные надежды на уступки японцев, Шарир принимал заметное участие в антияпонском движении Сопротивления. Но во многом, особенно по вопросу будущих путей развития независимой Индонезии, его взгляды смыкались со взглядами буржуазно-либеральных кругов.

Персатуан Махасисва — Объединение учащихся — объединяла сравнительно небольшой круг лиц из числа индонезийских студентов и интеллигенции. С первых же дней окку-

---

[35] A. Malik, Riwajat Proklamasi 17 Agustus 1945.

[36] Американский автор Кейн утверждает, что эта группа была наиболее значительной и имела свои отделения во многих пунктах Явы.

пации японские военные власти закрыли все немногочисленные высшие учебные заведения Индонезии [37], чтобы покончить с прежней голландской колониальной системой образования, не отвечавшей японским интересам, и нанести удар по студенческому движению, развитию национального самосознания индонезийцев. Но в дальнейшем последовало разрешение некоторым из учебных заведений возобновить занятия в целях подготовки тех кадров, которые могли быть полезными для вооруженных сил. Речь шла прежде всего о подготовке специалистов для технической, медицинской и ветеринарной служб [38]. Студенты вновь открытых учебных заведений принимали участие в антияпонском движении Сопротивления и, в частности, участвовали в деятельности Персатуан Махасисва. В этой организации преобладали студенты-медики. При ее участии незадолго до падения японского господства была проведена демонстрация в парке Радена Салеха в Джакарте под лозунгом «свободная и единая Индонезийская республика» [39].

В бандунгском техническом колледже вспыхнули волнения студентов из-за того, что у них на глазах японский профессор дал пощечину своему коллеге, преподавателю-индонезийцу. Случай этот весьма типичен для нравов того времени. И хотя воинственный профессор вынужден был принести извинения, студенты не были этим удовлетворены и требовали его увольнения [40].

Активность подпольных организаций росла по мере того, как усиливалась ненависть народа к японскому империализму и уверенность в неизбежном поражении Японии. Этому способствовали переход союзников в наступление в бассейне Тихого океана, а также победы Советской Армии в Европе.

Выше отмечалось, что руководство подпольным антияпонским движением оказалось преимущественно в руках буржуазных и отчасти мелкобуржуазных элементов. Вожди буржуазного и мелкобуржуазного крыла национально-освободительного движения смогли значительно укрепить свои позиции и влияние в стране, используя для этого как легальные, так и нелегальные возможности. Они распространяли среди масс националистические идеи, пользуясь широко разветвлен-

---

[37] Речь идет о юридическом колледже, медицинском колледже и высшей школе гуманитарных наук в Джакарте, сельскохозяйственном колледже в Богоре, техническом колледже в Бандунге и зубоврачебной школе в Сурабае. См. «Indonesian Affairs», 1952, № 5—6, стр. 46.

[38] Были вновь открыты медицинский, технический колледжи, зубоврачебная школа; на базе сельскохозяйственного колледжа в Богоре был открыт ветеринарный колледж; начались занятия также в нескольких фармацевтических школах. См. «Indonesian Affairs», 1952, № 5—6, стр. 46.

[39] Источники не сообщают точной даты этой демонстрации.

[40] «Nederlandsch-Indie onder Japanese bezetting. Gegevens en documenten over de jaren 1942—1945», стр. 597.

ным аппаратом созданных японскими властями организаций Путера и Джава хококай, различными молодежными военизированными организациями. Ряд видных индонезийских политических деятелей различной ориентации, например Хатта, Шарир, Субарджо, Викана и другие, были привлечены японскими властями для чтения лекций в политической школе Асрама Индонесиа Мердека в Джакарте. Школа эта, по замыслу японцев, должна была давать необходимую идеологическую прояпонскую подготовку сотрудникам административного и пропагандистского аппарата, а также различных молодежных и политических организаций. Конечно, привлеченные оккупационными властями лекторы пропагандировали среди слушателей далеко не те идеи, которые были желательны японским оккупантам.

Связь подпольных организаций с широкими народными массами — пролетариатом, крестьянством, армией ПЕТА — была недостаточной. Сами организации не могли сплотиться в единый фронт, наладить между собой надежные контакты и перейти к массовым согласованным действиям против оккупантов. Этому препятствовали не только специфические, тяжелые условия японской оккупации, но и противоречия между отдельными буржуазно-националистическими группировками, недоверчивое отношение правых группировок к демократическим силам.

Предпосылки августовской революции 1945 г. складывались из многих факторов. К ним прежде всего следует отнести различные формы национально-освободительной борьбы, о которых шла речь выше: выступления крестьянства и городской бедноты, восстания племен окраинных районов, волнения в армии ПЕТА, деятельность подпольных антияпонских организаций, открытые националистические требования буржуазии, неудовлетворенной уступками и маневрами оккупантов. Вооружая и обучая индонезийскую армию и давая некоторую военную подготовку различным военизированным молодежным организациям и трудовым батальонам, японские оккупационные власти сами способствовали созданию боевой силы, охваченной революционными настроениями и готовой в определенной обстановке выступить с оружием в руках против оккупантов. Все эти формирования впоследствии сыграли активную роль в августовских революционных событиях, а затем влились в состав вооруженных сил Республики Индонезии. Стремясь расширить свою социальную опору и вынужденные делать одну за другой уступки индонезийской буржуазии, японские оккупанты сами способствовали ее политическому укреплению. Такие видные национальные деятели, как Сукарно, Хатта и другие, получили широкие возможности выступать с лекциями, в прессе, по радио, работать в различных легальных организациях. Оккупационные власти

рассчитывали использовать их авторитет для оказания влияния на массы в интересах японской империалистической политики. Но подобные деятели успешно использовали такие возможности в иных целях — для распространения среди индонезийского народа идеи национального освобождения. Не удовлетворяясь частными уступками японцев, индонезийская буржуазия стремилась к достижению независимости. Внешнеполитические и военные осложнения японского империализма приближали возможность революционного взрыва в Индонезии.

«Панча сила» — программа национально-освободительной борьбы — и политические маневры оккупантов

В обстановке национально-освободительного подъема и приближения краха японского господства 1 июня 1945 г. Сукарно выступил с докладом в Комиссии по подготовке независимости. Этот доклад, ставший программным документом национально-освободительных сил, известен в истории Республики Индонезии как рождение «Панча сила». Принципы, изложенные в этом выступлении, сам Сукарно называл «философской основой» будущего независимого государства, т. е. общей программой борьбы за независимую Индонезию. «Панча сила» означает пять принципов. Сукарно имел в виду следующие принципы: национализм, интернационализм, демократия, социальное благосостояние и вера в единого бога [41].

Излагая первый принцип, Сукарно подчеркивал: «Вот к этому мы все и должны стремиться: к созданию национального государства на единой территории Индонезии от севера Суматры вплоть до Ириана» [42]. Под принципом национализма имелась в виду идея создания единого национального государства, объединение всех индонезийцев в единую нацию. Этот национализм Индонезии в целом, т. е. чувство единой нации, единой государственности, не имеет ничего общего с местным национализмом Суматры, Калимантана, Сулавеси, Бали и др. Здесь в высказываниях Сукарно мы видим определенное предостережение против местного сепаратизма, который мог возникнуть в отдельных районах архипелага. Это предостережение имело основание. В дальнейшем сепаратистские движения, возглавляемые местными феодала-

---

[41] Сукарно, Индонезия обвиняет, М., 1956. В феврале 1958 г. Сукарно выступил с циклом лекций о принципах «Панча сила», где развил свою теорию философской основы индонезийского государства. В этих лекциях принцип религиозности ставился на первое место (см.: Bung Karno, Pantjasila dasar filsafat negara, Djakarta, 1960).

[42] Сукарно, Индонезия обвиняет, стр. 263.

ми, помещиками, местной буржуазией, поддерживались и использовались империалистами, пытавшимися расчленить Индонезию в целях сохранения в той или иной форме своего колониального господства.

Говоря о национализме, Сукарно предостерегал также, что этот принцип не должен выливаться в шовинизм, вроде того шовинизма, который разжигали, например, носители лозунга «Германия превыше всего». «Мы не должны заявлять, что индонезийская нация — самая лучшая и самая славная, принижая в то же время остальные нации, — говорил Сукарно. — Мы должны стремиться к единству мира, к дружбе во всем мире»[43]. Это высказывание было непосредственно направлено против колониальной политики расовой дискриминации, национального неравноправия, испытываемой и индонезийским народом.

Второй принцип — интернационализм — был тесно связан с первым принципом. «Мы должны не только создать независимую Индонезию, но мы должны также стремиться к содружеству наций»[44],— подчеркивал Сукарно. Говоря об интернационализме, он имел в виду требование для Индонезии равных прав с другими нациями и установления с ними отношений на основе равноправного международного сотрудничества, взаимного уважения суверенитета. Указывалось также, что этот принцип не имеет ничего общего с космополитизмом, сбрасывающим со счета интересы той или иной нации.

Это высказывание Сукарно было направлено против возможных попыток империалистов ущемить, ограничить суверенитет Индонезии под предлогом «интернациональных» интересов, а также против тенденциозного подхода к внешней политике, основанной на развитии нормальных отношений только с какой-то одной группой стран в ущерб отношениям с другими странами.

Третий принцип — демократия —требовал создания представительных институтов, осуществления элементарных норм демократических свобод, недоступных для индонезийского народа в условиях колониального режима. Хотя это требование не было облечено в конкретную программу последовательных демократических преобразований и носило слишком общий характер, оно несомненно отражало требования демократической общественности Индонезии.

Четвертый принцип — социальное благосостояние —также не содержал конкретной и далеко идущей программы социального переустройства общества. Но в общих чертах выдвигалось требование бороться за повышение жизненного

---

[43] Там же, стр. 265.
[44] Там же.

уровня населения, за экономический подъем страны. Это отвечало интересам и требованиям демократического крыла национально-освободительного движения. Выражая естественное недоверие к демократическим институтам западных государств, выступавших в роли колониальных хищников, Сукарно высказывал мнение, что следует пойти не путем западной демократии, а собственным путем. Этот путь был назван «политико-экономической демократией». Он мог рассматриваться как такой путь, который давал бы возможность бороться за повышение благосостояния народа, проведение социальных реформ, за освобождение от гнета иностранного монополистического капитала.

Пятый принцип — вера в единого бога, «создание независимой Индонезии, преданной всевышнему господу богу»[45]. Под этим принципом имелась в виду веротерпимость, предостережение против «религиозного эгоизма», означающего фанатичную нетерпимость одной господствующей религии ко всем остальным.

В этом пункте можно было усмотреть определенное предостережение правым мусульманским силам, представлявшим интересы наиболее консервативной части индонезийского общества. Эти силы претендовали на ведущую роль в будущем независимом индонезийском государстве и поэтому настаивали, чтобы в программных документах и будущих государственных актах, определяющих характер государства, ислам рассматривался как единственная официально признанная религия. Такое признание роли ислама давало бы исламистским течениям некое юридическое основание претендовать на исключительную роль ведущих политических течений.

В октябре 1943 г. с разрешения японских властей была создана мусульманская ассоциация Маджелис Шуро Муслимин Индонесиа (Машуми) — Консультативный совет индонезийских мусульман. Во главе ее стояли консервативные элементы. Они рассчитывали при первой же возможности создать на базе своей ассоциации крупную правую партию с религиозной мусульманской программой, претендующую на роль ведущей партии Индонезии. Поэтому эти элементы, представлявшие интересы высшего мусульманского духовенства, богатых дельцов, помещиков, кулачества, реакционного чиновничества, и добивались объявления ислама единственной официально признанной религией[46].

Недовольные пятым принципом «Панча сила» буржуазно-консервативные и клерикальные круги выступили со своими

---

[45] Там же, стр. 269.

[46] На базе ассоциации в ноябре 1945 г. была создана реакционная мусульманская партия Машуми (см.: G. Mc. T. Kahin, Some Aspects of Indonesian Politics and Nationalism, New York, 1950, стр. 2).

контртребованиями еще до провозглашения независимости Индонезии.

22 июня 1945 г. группа влиятельных индонезийских политических деятелей подписала так называемую Джакартскую хартию. В ней отмечалось, что свобода является правом всех народов, а поэтому колониальное господство должно быть уничтожено как не соответствующее гуманности и справедливости. Далее кратко излагались пять принципов «Панча сила», на которых будет основываться будущее независимое индонезийское государство. Однако в угоду правым кругам и мусульманским клерикалам принцип религиозности здесь ставился на первое место и связывался с «долгом осуществлять шариат ислама для его последователей» [47]. О других религиях, распространенных в Индонезии, ничего не говорилось. При вольном толковании этого компромиссного документа клерикалы могли найти некое юридическое основание считать Индонезию исламистским государством, а себя — руководящей политической силой. Однако впоследствии они не сумели добиться включения подобных формулировок в конституцию и в другие важные юридические акты Республики Индонезии. Но в то время борьба вокруг пятого принципа «Панча сила» была весьма показательна. Она свидетельствовала о пестроте рядов национально-освободительного движения, о противоречиях в его рядах.

В целом пять принципов «Панча сила» можно рассматривать как прогрессивную антиколониальную и антиимпериалистическую программу борьбы за создание независимой республики. Она выражала основное требование широких народных масс — требование независимости страны, освобождения от колониального гнета, равенства с другими государствами. Поэтому эта программа была более или менее приемлема для всех участников национально-освободительного движения, могла стать базой объединения всех пестрых, неоднородных сил Сопротивления. В этом ее важное историческое значение для национально-освободительной борьбы индонезийского народа.

Автор этой программы не мог не видеть пестроту национально-освободительных сил, противоречия между их отдельными группировками. Они могли быть особенно острыми в понимании дальнейших путей развития независимой Индонезии, курса ее внутренней и внешней политики, степени ее демократизации. Общие и неконкретные определения демократии и социальной справедливости в программе Сукарно мог-

---

[47] О Джакартской хартии см.: «Republik Indonesia, Kotapradja Djakarta Raja», [б. м.], [б. г.], стр. 34—35. Этот документ подписали девять видных политических деятелей: Сукарно, Хатта, А. Марамис, Абикусно Чокросуйосо, Абдулькахар Музаккир, Хаджи Агус Салим, Субарджо, Вахид Хашим и Мухаммед Ямин.

ли интерпретироваться различными силами с весьма противоположных позиций. Сам Сукарно определял характер будущего независимого индонезийского государства термином «готонг-ройонг», т. е. государство взаимной помощи. Выдвигая этот принцип, Сукарно призывал различные социальные слои к взаимному сотрудничеству. В середине 1945 г. все социальные силы Индонезии, участвовавшие в движении Сопротивления, смогли сплотиться на базе программы «Панча сила», так как ее сформулированные в общей форме требования отвечали интересам всего индонезийского общества.

Откликом на выступление Сукарно с докладом «Рождение Панча сила» послужили новые антияпонские волнения в стране, в частности события в Сурабае

В июне 1945 г. в этом городе японские военные власти попытались провести в пропагандистских целях молодежный митинг. По замыслу оккупантов, он должен был продемонстрировать единство индонезийской молодежи и японцев в «священной войне против белых империалистов». На митинг, транслировавшийся по радио всей Явы, собралось более 4 тыс. студентов, молодежи. Но все произошло не по программе, предусмотренной властями. Один из ораторов, представитель сурабайской молодежи, заявил, что индонезийцы должны бороться за независимость и решительно отвергать требование воевать во имя интересов японских поработителей. Эти слова были встречены громом аплодисментов. Митинг окончился столкновением молодых индонезийцев с японской военной полицией. Японцам удалось разогнать толпу, только приведя в действие сирены, возвещавшие обычно о воздушных налетах союзной авиации [48].

Это событие в Сурабае свидетельствовало о провале попыток японцев подчинить индонезийскую молодежь своему влиянию. Не ограничиваясь ранее созданными молодежными военизированными организациями, подвергавшимися интенсивной идеологической обработке, японские военные власти создали еще в середине 1944 г. новую организацию. Она получила название Ангкатан муда — Молодое поколение. На нее оккупанты возлагали большие надежды, привлекая в ее ряды известных представителей молодой интеллигенции Индонезии. В Ангкатан муда вошли Б. М. Диах, Хайрул Салех, Иса Аншари, Харсоно Чокроаминото, Сукарни, Руслан Абдулгани, Д. Н. Айдит и др. Все они впоследствии стали видными государственными деятелями, лидерами политических партий, дипломатами и даже министрами правительства Республики Индонезии. Японские оккупанты рассчитывали, что Ангкатан муда станет играть роль лояльной политической организации под строгим контролем военных властей,

---

[48] G. M c. T. K a h i n, Nationalism..., стр. 122.

что это даст возможность держать влиятельных и активных деятелей национально-освободительного движения на виду и направлять их политическую деятельность в нужное русло.

Этот план провалился. Во время митинга в Сурабае, о котором речь шла выше, молодым индонезийцем, выступавшим с призывом к борьбе за независимость, оказался видный член местного отделения Ангкатан муда.

В последние месяцы японского господства в стране проходили митинги, собрания; на них студенты, молодежь, рабочие-железнодорожники открыто требовали предоставления независимости.

Этот размах национально-освободительного движения заставил японских оккупантов прибегнуть к новым маневрам и уступкам, новым демагогическим обещаниям. С целью очередного маневра японцы создали 1 марта 1945 г. на Яве Исследовательскую комиссию по подготовке независимости Индонезии во главе с д-ром Раджиманом. И это не означало серьезных намерений предоставить индонезийскому народу независимость. В конце июля 1945 г. на Суматре была создана комиссия, сходная с Исследовательской комиссией по подготовке индонезийской независимости на Яве.

Незадолго до этого, 11 мая 1945 г., министерство по делам Великой Восточной Азии выступило с заявлением, что район, который должен стать независимым, охватит всю бывшую Нидерландскую Индию. Датой предоставления независимости будет 1 января 1946 г. Индонезия будет федеративным государством, которое выступит на стороне Японии [49].

Характерно, что даже в условиях крайне критической обстановки, когда для многих уже был очевиден неминуемый разгром Японии, японские правящие круги прибегали лишь ни к чему не обязывающим обещаниям, не рассчитывая всерьез выполнять их.

Но все ухудшающееся внешнеполитическое положение Японии заставило японских оккупантов перейти к более определенным шагам. Прежняя тактика заигрывания с буржуазными националистами и уклонения от прямого и конкретного требования предоставить независимость уже никого не могли обмануть. Поражения фашистских государств на фронтах Европы и района Тихого океана заставляли не только народные массы Индонезии, но и буржуазных лидеров все более решительно выступать со своими требованиями.

В голландском издании «Нидерландская Индия в период японской оккупации» приводится весьма любопытное показание видного представителя японской военной администрации Ямамото Мотиро, сделанное им после капитуляции япон-

---

[49] «Japanese Military Administration in Indonesia, Selected Documents», стр. 265.

ских вооруженных сил. Он признавал, что лишь за два месяца до капитуляции позиция Японии в вопросе предоставления независимости Индонезии несколько изменилась. «До этого момента все предпринимаемые шаги вовсе не производили впечатления, что дело может этим закончиться. Все это приводило к непрерывным трениям между радикальными националистами и 16-й армией. Первые требовали независимости, ставя нас тем самым в затруднительное положение» [50].

Далее Ямамото Мотиро откровенно признавал, что лишь сложная военная обстановка заставляла японские власти сохранять внешнее впечатление единства. В действительности же никакого единства между оккупантами и индонезийцами не было и на протяжении всей японской оккупации между ними шла острая борьба.

5 апреля 1945 г. Советский Союз, соблюдая союзнические обязательства, денонсировал советско-японский договор о нейтралитете. Эта акция Советского правительства и последовавшая вскоре после этого безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии поставили Японию в положение политической изоляции.

Правительство империалистической Японии, отклонив требование союзников о безоговорочной капитуляции, еще рассчитывало на успех новых политических маневров в оккупированных странах. Японский главнокомандующий в Юго-Восточной Азии маршал Тераути получил из Токио инструкции начать с индонезийскими лидерами переговоры о предоставлении Индонезии независимости на определенных условиях. Из телеграммы Тераути заместителю военного министра от 2 августа 1945 г. видно, что одним из этих условий было вступление Индонезии в войну против США, Англии и Голландии [51]. Функции японского посла в Индонезии должны были возлагаться на местного армейского командующего, в национальном правительстве Индонезии предполагалось присутствие японских советников для наблюдения за его деятельностью. Внешние сношения нового государства должны были находиться под «позитивным наблюдением», т. е. под фактическим контролем Японии [52].

Эти условия не оставляли сомнения в том, о какой независимости Индонезии шла речь. Японские империалисты рассчитывали ограничиться формальной декларацией независимости, сохраняя Индонезийский архипелаг под контролем своих военно-оккупационных властей.

---

[50] «Nederlandsch-Indie onder Japanese bezetting. Gegevens en documenten over de jaren 1942—1945», стр. 547.

[51] «Japanese Military Administration in Indonesia; Selected Documents», стр. 276.

[52] Там же.

6 августа 1945 г. Сукарно, Хатта и Раджиман (председатель Исследовательской комиссии по подготовке независимости) вылетели в Сайгон в штаб Тераути по вызову последнего. Это произошло за три дня до того, как Советский Союз вступил в войну с Японией [53]. 7 августа индонезийская сторона получила от штаба Тераути разрешение создать всеиндонезийскую Комиссию по подготовке независимости с участием представителей не только Явы, но и других районов Индонезии. Было официально объявлено, что комиссия создана с целью провести подготовку для принятия правительственной власти от японских вооруженных сил.

Однако переговоры индонезийской делегации с маршалом Тераути ограничились лишь несколькими встречами. 9 августа Советский Союз начал военные действия против Японии, последнего участника фашистского блока. Началось стремительное наступление советских войск в Маньчжурии, Корее и на Сахалине. В этих условиях дальнейшие политические маневры Японии в Юго-Восточной Азии уже становились беспредметными.

14 августа империалистическая Япония заявила о своем согласии на безоговорочную капитуляцию. В тот же день Сукарно и его коллеги возвратились в Джакарту.

---

[53] О сайгонских переговорах см.: A. Malik, Riwajat Proklamasi 17 Agustus 1945, стр. 14; Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 9.

Глава II

АВГУСТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БОРЬБА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ (1945—1949)

Провозглашение независимости Индонезии

В августе 1945 г. в Индонезии сложилась революционная ситуация. Разгром империалистической Японии при решающем участии Советского Союза привел к дезорганизации японского оккупационного режима и деморализации оккупационных войск. Это создало условия для революционного выступления индонезийского народа, нужда и бедствия которого обострились до крайности в результате грабительской политики оккупантов. Резко повысилась революционная активность широких масс, о чем свидетельствовали многочисленные антияпонские выступления, охватившие даже созданные оккупантами индонезийские вооруженные силы. Вопреки целям и расчетам японских империалистов объективным результатом оккупации ими Индонезии явился рост национального самосознания ее населения и усиление стремления к независимости, достижение которой облегчалось полученными индонезийцами навыками в области административного управления и военного дела.

Вернувшись в Джакарту, председатель Комиссии по подготовке независимости Сукарно, его заместитель Хатта и их коллеги убедились, что участники подпольных антияпонских групп категорически выступают против получения независимости «в дар» от японских империалистов и требуют, чтобы она была немедленно провозглашена революционным путем представителями самого индонезийского народа. Только в этом случае независимость будет подлинной, причем союзники, войска которых уже появились на восточных окраинах Индонезийского архипелага, не смогут изобразить ее как «маневр японцев» и будут вынуждены считаться с волей индонезийцев.

Индонезийские источники [1] свидетельствуют о том, что Сукарно и Хатта, опасавшиеся вооруженного конфликта с японцами при отсутствии регулярных индонезийских войск, испытывали серьезные колебания и пошли на провозглашение независимости лишь под сильным давлением революционной молодежи. Попытка Хатты опровергнуть это обстоятельство в статье «Легенда и действительность» [2] выглядит крайне неубедительной. В то же время члены антияпонских подпольных организаций учитывали большой авторитет, завоеванный Сукарно и Хаттой за долгие годы антиколониальной борьбы, и не решались пойти на провозглашение независимости без их участия. В период японской оккупации популярность Сукарно и его соратников еще более возросла, поскольку общественное мнение страны расценивало их не как прояпонских деятелей, а как национальных политиков, сумевших обмануть японцев и подготовить условия для завоевания Индонезией независимости.

14 августа в Джакарте узнали о согласии Японии на безоговорочную капитуляцию. 15 августа вечером в саду Бактериологической лаборатории на улице Пегангсаан Тимур состоялось собрание лидеров различных подпольных молодежных групп под председательством представителя Объединения учащихся Х. Салеха. Среди участников этого собрания были и коммунисты — Викана, Айдит и др. Совещание руководителей подпольных групп приняло два решения: 1) независимость Индонезии должна быть объявлена ее народом, а не получена «в дар» от Японии; 2) просить Сукарно и Хатту немедленно провозгласить независимость. Группа участников собрания явилась в дом Сукарно и сообщила ему об этих решениях. После того как Сукарно посоветовался с несколькими бывшими в его доме национальными лидерами, Хатта от имени совещавшихся заявил представителям подпольных групп, что независимость нельзя провозгласить прежде, чем станет официально известно о капитуляции Японии и о намерениях японских оккупационных властей. Тогда новое собрание представителей подполья в резиденции Объединения учащихся на улице Чикини решило вывезти Сукарно и Хатту из столицы, чтобы обсудить с ними вопрос о провозглашении независимости в таком месте, где японцы не смогут оказать на них никакого давления,— в расположенном недалеко от Джакарты Ренгасденклоке, где гарнизон ПЕТА

---

[1] Основные из них — работы участников провозглашения независимости: S. Kertapati, Sekitar Proklamasi 17 Agustus 1945. Tjetakan II, Djakarta, 1961, стр. 75—99; A. Malik, Riwajat dan perdjuangan sekitar proklamasi kemerdekaan Indonesia 17 Agustus 1945. Tjetakan III, Djakarta, 1956, стр. 16—62.

[2] См.: O. Raliby, Documenta historica, Djakarta, 1953, стр. 655—659.

был готов восстать за независимость. В этот городок рано утром 16 августа Сукарни, Юсуф Кунто и другие лидеры антияпонских групп доставили Сукарно и Хатту.

Тем временем в самой столице революционные группы развернули агитацию среди учащихся, служащих, рабочих железнодорожных мастерских, окрестных крестьян, сообщая им о капитуляции Японии и призывая к борьбе за независимость. Утром 16 августа лидеры молодежи Х. Салех, Викана и другие договорились с представителями командования расположенных в районе Джакарты частей ПЕТА, что последние (при поддержке отрядов молодежи) атакуют в ночь на 17 августа японский гарнизон и захватят столицу. Однако вследствие колебаний среди старшего офицерства ПЕТА этот план не был реализован.

В Ренгасденклоке Сукарно и Хатте была устроена торжественная встреча. Гарнизон ПЕТА арестовал японских инструкторов и прояпонских чиновников и поднял взамен японского флага красно-белый флаг Индонезии. После переговоров с Субарджо, Сукарни и другими Сукарно и Хатта согласились по возвращении в столицу подготовить и зачитать Декларацию независимости. В ночь на 17 августа текст этой декларации был выработан на совещании с участием Сукарно, Хатты, Раджимана и других членов Комиссии по подготовке независимости, с одной стороны, и представителей подпольных групп Х. Салеха и Сукарни — с другой.

Первоначально предполагалось зачитать Декларацию независимости на площади Икада (ныне площадь Мердека), но затем, во избежание преждевременного столкновения с японцами, было решено перенести церемонию в дом Сукарно на улице Пегангсаан Тимур, 56. В 10 часов утра 17 августа Сукарно выступил перед собравшимися во дворе его дома представителями студенчества, рабочих, служащих, торговцев и других жителей столицы. Он произнес краткую речь [3], в которой отметил, что индонезийский народ сотни лет боролся за независимость своей родины и не прекратил этой борьбы в период японской оккупации. «Ныне настал момент взять нашу судьбу в собственные руки», — заявил Сукарно и зачитал следующий текст Декларации независимости: «Мы, индонезийская нация, настоящим провозглашаем независимость Индонезии. Вопросы, касающиеся перехода власти, и другие будут решены тщательным образом и в кратчайший срок.

Джакарта, 17 августа 1945.

От имени индонезийской нации Сукарно, Хатта» [4].

Церемония завершилась торжественным поднятием индонезийского флага.

---

[3] Полный текст речи см.: O. R a l i b y, Documenta historica, стр. 13—14.

[4] Там же, стр. 4.

К утру 17 августа члены подпольных групп отпечатали тысячи листовок с текстом Декларации и начали распространять их в столице. В то же время индонезийские служащие японского агентства Домей передали Декларацию по радио, ознакомив с ней всю Индонезию и зарубежные страны. На стенах зданий столицы, на трамваях и поездах появились лозунги «Свобода или смерть!», «Независимость навсегда!».

Несмотря на осторожную формулировку относительно перехода власти, Декларация независимости была воспринята индонезийским народом как призыв к восстанию. Повсюду стихийно возникали революционные отряды, которые начали отвоевывать власть у японских оккупантов.

Индонезийская революция явилась одной из первых национально-освободительных революций, вспыхнувших в результате второй мировой войны и разгрома фашистских держав. Основными движущими силами ее являлись пролетариат, крестьянство, городская мелкая буржуазия, национальная буржуазия, буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция. К революции примкнула и часть яванской служилой аристократии, рассчитывавшая занять в независимой Индонезии более высокое положение, нежели она имела при колониальном режиме.

Социальная опора голландских колонизаторов в Индонезии (и особенно на Яве, где проживало две трети населения страны и где находился основной центр революции) была весьма слабой. Их поддерживала лишь часть бывших чиновников колониального аппарата и военнослужащих колониальной армии (главным образом выходцы из феодальных кругов), и часть феодалов Суматры, Калимантана, Сулавеси и других островов вне Явы. На Яве роль феодалов была настолько незначительной, что существенного значения для хода революции их позиция не имела. К тому же правители двух из четырех яванских феодальных княжеств — султан Джокьякарты Хаменгку Бувоно IX и князь Паку Алам — сразу же поддержали августовскую революцию и создание республики [5].

Для Индонезии были весьма характерны высокий удельный вес мелкобуржуазных элементов и крайняя слабость национальной буржуазии, задавленной не только империалистическим гнетом, но и конкуренцией местного китайского капитала. Накануне второй мировой войны общие вложения индонезийского национального капитала едва превышали 60 млн. гульденов, в то время как иностранные инвестиции в

---

[5] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», Jogjakarta, 1953, стр. 35—43.

стране составляли 6 млрд. гульденов, а инвестиции проживавшей в Индонезии китайской буржуазии — почти 500 млн. гульденов [6].

Слабость национальной буржуазии облегчала создание единого национального антиимпериалистического фронта, главной задачей которого являлась защита только что завоеванной независимости.

Поскольку буржуазия была слишком слаба для установления своей гегемонии в революции, в первые годы существования Республики Индонезии у власти находился блок национальной буржуазии с мелкобуржуазной революционной демократией, а в отдельные периоды и с представителями пролетариата. При этом особенно активную роль играли мелкобуржуазные демократы, выдвигавшие в условиях борьбы с засильем иностранного капитала не только антиимпериалистические, но и антикапиталистические и социалистические лозунги.

Начало становления нового государства

Провозглашение независимости произошло в чрезвычайно благоприятных для Индонезии условиях: японские войска были деморализованы, а вооруженные силы союзников, не ожидавших столь быстрой капитуляции Японии, находились еще далеко от основных жизненных центров страны. С 17 августа до высадки первых английских частей на Яве прошло около полутора месяцев. Этот промежуток был довольно эффективно использован индонезийскими национальными силами для создания нового независимого государства.

Поскольку силы движения Сопротивления в Индонезии не были объединены и не имели общего руководства, роль всеиндонезийского учредительного органа сыграла Комиссия по подготовке независимости, являвшаяся в то время единственной общеиндонезийской организацией, куда входили представители не только Явы, но и Суматры, Сулавеси, Калимантана и других островов [7]. К тому же состав Комиссии после провозглашения независимости был расширен с 21 до 27 человек путем включения некоторых видных деятелей национально-освободительного движения.

18 августа Комиссия утвердила текст временной конституции Республики Индонезии, избрала ее президентом Сукар-

---

[6] В. А. Вальков, Индонезия на пути независимого развития, М., 1960, стр. 10—19.

[7] См.: Л. Я. Дадиани, Образование независимой Индонезии и конституция 1945 г.,— «Ученые записки ИМО», вып. 3, серия юридическая, М., 1961, стр. 124; Л. М. Демин, Японская оккупация Индонезии (1942—1945 гг.), М., 1963, стр. 202—203.

но, а вице-президентом Хатту [8]. На другой день, 19 августа, комиссия наметила программу первоочередных мероприятий по организации государственного управления. В частности, было решено разделить территорию Индонезии на провинции (три на Яве и по одной на Суматре, Калимантане, Сулавеси, Молуккских островах, Малых Зондских островах) во главе с губернаторами, которым будут помогать местные национальные комитеты; намечено провести чистку и реорганизацию полиции; решено распустить ПЕТА и Хейхо, поскольку они созданы японскими оккупантами, и создать национальную индонезийскую армию для обороны республики без какого-либо сотрудничества с Японией. Был утвержден список министерств в будущем правительстве республики, намечены меры по передаче в руки правительства средств транспорта и др.

Принятая 18 августа конституция вошла в историю Индонезии как «конституция 1945 г.». Текст ее был в основном выработан Исследовательской комиссией по подготовке независимости в мае — июле 1945 г. [9], причем особенно активно участвовал в этом Сукарно, возглавивший созданный при комиссии редакционный комитет.

18 августа в текст конституции был внесен ряд уточнений и поправок, после чего он был окончательно утвержден [10].

Конституция 1945 г. оформляла создание на территории бывшей Нидерландской Индии нового государства — Республики Индонезии и была в целом направлена на эффективное упрочение его независимости перед лицом серьезной угрозы со стороны агрессивных империалистических держав. Отсюда вытекал ее антиколониальный и антиимпериалистический характер.

В преамбуле к конституции содержался призыв к ликвидации колониального угнетения во всем мире, провозглашалось право каждой нации на независимое существование, декларировалась полная независимость Республики Индонезии, основанной на суверенитете народа и принципах «Панча сила».

---

[8] Наиболее подробно ход заседаний комиссии 18 и 19 августа изложен в кн.: M. Jamin, Naskah persiapan undang [2] dasar 1945, dj. I, [Djakarta], 1959, стр. 399—473. См. также: O. Raliby, Documenta historica, стр. 14.

[9] Протоколы заседаний этой комиссии см. в кн.: M. Jamin, Naskah persiapan..., dj. I, стр. 59—396. См. также: J. H. A. Logemann, Nieuwe gegevens over het ontstaan van de Indonesische grondwet van 1945, Amsterdam, 1962.

[10] Полный текст конституции см.: M. Jamin, Naskah persiapan..., dj. I, стр. 27—34, его английский перевод — там же, стр. 47—55. На русском языке конституция опубликована в кн.: «Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана», М., 1960, стр. 153—162.

Статья 33 конституции гласила:

«1. Экономика страны создается совместными усилиями на общественной основе.

2. Важные для государства и жизни народа отрасли производства находятся в руках государства.

3. Земля, воды и природные богатства, находящиеся в них, принадлежат государству и максимально используются для поднятия благосостояния народа» [11].

Эта статья, как и ст. 34 об обязанности государства заботиться о бедняках и беспризорных детях и ст. 27 о праве на труд, в известной степени отражала не только антиимпериалистические, но и антикапиталистические устремления народных масс Индонезии и при всей своей неопределенности имела прогрессивный характер. Пункты 2 и 3 ст. 33, в частности, создавали правовую основу для контроля государства над деятельностью иностранных монополий и ограничения позиций иностранного капитала [12]. В то же время ст. 33 свидетельствовала о крайней экономической слабости индонезийской национальной буржуазии, видевшей в развитии кооперации и государственного сектора, в установлении государственного контроля над землей и водами защиту своих интересов от натиска иностранного капитала, в руках которого как раз и находились важнейшие отрасли экономики и ценнейшие природные богатства [13].

Большое прогрессивное значение имели статьи конституции о демократических правах, которых индонезийцы были лишены в годы голландского колониального режима и японской оккупации. Согласно ст. 27, 28, 29 и 31 провозглашались равенство всех граждан перед законом, право на труд и достойное человека существование, право на образование, свобода собраний, союзов, слова, печати и вероисповедания [14].

---

[11] Цит. по кн.: «Конституции государств Юго-Восточной Азии и Тихого океана». В оригинале вместо выражений «находятся в руках» и «принадлежат» (государству) применен термин dikuasai, который может означать и «контролируются» (или «управляются»), и «находятся во владении». В комментариях к конституции в книге М. Ямина этот термин не уточняется. Одни советские авторы переводят его как «контролируются», другие — как «принадлежат». Во всех переводах конституции на английский язык, в том числе и в кн.: M. Jamin, Naskah persiapan..., dj. I, стр. 47—55, говорится о «контроле» (или «регулировании») со стороны государства.

[12] Л. М. Демин, Японская оккупация Индонезии..., стр. 206—207.

[13] А. А. Губер, Индонезийский народ в борьбе за независимость,— «Кризис колониальной системы», М.— Л., 1949, стр. 152.

[14] Пункт о свободе вероисповедания явился результатом длительной борьбы между консервативными мусульманскими кругами и левыми националистами. При утверждении проекта конституции в Исследовательской комиссии 16 июля 1945 г. преамбула конституции была сформулирована в соответствии с Джакартской хартией, в ст. 29 был вставлен пункт о долге мусульман в отношении осуществления законов ислама, а в ст. 6 —

Текст конституции 1945 г. был утвержден в течение нескольких часов, причем Сукарно и Хатта всячески торопили членов Комиссии по подготовке независимости, доказывая, что сейчас надо «молниеносно» принять временную конституцию, а уж потом в спокойной обстановке можно будет выработать более полный и совершенный документ [15]. Видимо, в результате такой спешки конституция получилась не только предельно краткой, но и явно недоработанной. Очень многие статьи оканчивались словами о том, что то или иное положение «будет определено законом». При этом остались нерешенными даже такие кардинальные вопросы государственного устройства, как состав высшего органа власти — Народного консультативного конгресса, и парламента, а также порядок их формирования (путем выборов или назначения депутатов). В результате создавался большой простор для истолкования конституции теми, в чьих руках сосредоточена реальная государственная власть, в первую очередь президентом.

Согласно конституции Индонезия являлась унитарной президентской республикой. Феодальные султанаты и княжества должны были войти в ее состав как «особые районы», но не как отдельные государства. Высшим органом власти объявлялся Народный консультативный конгресс (НКК), состоящий из членов Совета народных представителей (парламента) и представителей районов и «групп населения» (состав последних не уточнялся). НКК утверждает конституцию, определяет основное направление политики государства, выбирает президента и вице-президента. Собирается он не реже чем раз в пять лет (ст. 1, 2, 3, 6). В течение же этих пяти лет вся власть практически сосредоточивалась в руках президента, наделенного огромными полномочиями (см. ст. 4, 5, 7, 10, 11, 13—15, 17, 20—22). Согласно конституции президент был главой государства и главой правительства, он назначал и смещал министров, которые были ответственны только перед ним (а не перед парламентом). Президент являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами, обладал правом амнистии и реабилитации и рядом других прав. Он делил с парламентом законодательную власть и право объявления войны и заключения мира. Полномочия президента еще более расширялись на основании

пункт о том, что президент должен исповедовать ислам. Однако 18 августа все эти пункты были сняты, а из преамбулы были удалены упоминания об обязанностях мусульман жить в соответствии с шариатом. Таким образом была ликвидирована угроза дискриминации христианского и индуистского меньшинства в Индонезии, а следовательно, и уменьшена опасность раскола национальных сил (см.: M. Jamin, Naskah persiapan..., dj. I).

[15] M. Jamin, Naskah persiapan..., dj. I, стр. 410 и сл.

приложенных к конституции «Переходных постановлений», согласно которым до образования НКК и парламента вся власть должна была осуществляться «президентом с помощью Национального комитета».

Центральный национальный комитет Индонезии (Комите Насиональ Индонесиа Пусат — КНИП), созданный как чисто совещательный орган при президенте, приступил к работе 29 августа. В его состав вошли члены упраздненной Комиссии по подготовке независимости и назначенные президентом представители основных политических течений и районов страны, всего около 200 человек [16]. Одновременно в провинциях начали создаваться местные национальные комитеты при губернаторах.

В первый кабинет министров республики вошли деятели различных направлений, в том числе известные лидеры национального движения Сукарно, Ки Хаджар Деванторо, Али Састроамиджойо, герои борьбы против японских оккупантов Амир Шарифуддин и Суприйяди [17].

В индонезийских источниках указываются различные даты сформирования этого кабинета — от 19 августа до 4 и 5 сентября. По-видимому, окончательно он был сформирован не ранее 31 августа. В первой половине сентября было создано национальное индонезийское агентство печати Антара; стала выходить первая газета Республики — «Берита Индонесиа», начало создаваться республиканское радиовещание.

В условиях, когда Индонезия все еще была оккупирована японскими войсками и в то же время существовала реальная угроза голландских колонизаторов восстановить свое господство в стране, первоочередной задачей республики являлось создание вооруженных сил, способных отстоять ее независимость.

22 августа был организован Комитет народной безопасности. На другой день в речи по радио [18] президент Сукарно призвал вступать в отряды народной безопасности всех бывших бойцов ПЕТА, Хейхо и других созданных японцами военизированных организаций.

Основной базой для создания вооруженных сил республики явились ПЕТА и (в меньшей степени) голландская колониальная армия (КНИЛ), рядовой состав которой был

---

[16] O. Raliby, Documenta historica, стр. 22—23. В дальнейшем состав КНИП неоднократно менялся, а число его членов существенно увеличилось.

[17] Состав кабинета см. там же, стр. 33. Шарифуддин был освобожден японцами только 1 октября, а судьба Суприйяди вообще неясна, но известно, что в работе кабинета он не участвовал.

[18] Полный текст речи см.: O. Raliby, Documenta historica, стр. 17—22.

индонезийским[19]. Часть бывших бойцов КНИЛ эвакуировалась вместе с голландцами в Австралию и в дальнейшем поддержала колонизаторов, часть оказалась в японских лагерях для военнопленных, а часть вступила в созданные японцами вооруженные организации. Из рядов КНИЛ вышли некоторые видные военачальники Республики Индонезии (генералы Урип Сумохарджо, Насутион, Хидайят), но основной командный состав республиканской армии был укомплектован за счет ПЕТА, в которой насчитывалось около 900 офицеров-индонезийцев, т. е. в несколько раз больше, чем в КНИЛ. После провозглашения независимости японцы объявили о роспуске ПЕТА и стали разоружать ее батальоны. Однако бойцам-индонезийцам удалось сохранить значительную часть вооружения, которое поступило в распоряжение республики.

Отряды народной безопасности стали возникать на добровольной основе по всей Яве и Суматре. Однако эти разрозненные и не имевшие общего руководства отряды не могли заменить собой регулярной армии, вопрос о создании которой встал особенно остро после высадки в Индонезии первых контингентов войск союзников. 5 октября 1945 г. был издан указ президента об организации Армии народной безопасности (Тентара кеаманан ракьят — ТКР). Первый полк этой армии был сформирован в Джакарте 7 октября[20], но процесс создания подлинной регулярной армии Республики Индонезии растянулся на несколько лет, в течение которых большую часть индонезийских вооруженных сил составляли отдельные автономные формирования с различной степенью подготовки и вооружения.

Было бы ошибочным представлять себе все действия по созданию нового государства и его вооруженных сил, по взятию власти у японцев как исключительно продиктованные сверху правительством Республики Индонезии. В условиях, когда революция развязала инициативу и энергию широких масс и когда новая государственная власть была еще очень слабой, а многие ее представители проявляли серьезные колебания, целый ряд мероприятий осуществлялся снизу, самими трудящимися. Особенно велика была в первые недели после провозглашения независимости роль революционных антияпонских групп. Главными требованиями этих, в основном молодежных по составу, групп являлись скорейшее взятие власти у японцев, разоружение японских войск, создание индонезийских вооруженных сил. Антияпонские группы

---

[19] О начале создания индонезийских вооруженных сил см.: Р. Э. Севортян, Политическая роль армии в Индонезии (канд. дисс.), М., 1966, стр. 1—40.

[20] «Republik Indonesia. Kotapradja Djakarta Raya», стр. 209—210.

своим давлением на правительство ускоряли его действия в этой области и в то же время активно действовали сами [21].

Вскоре после 17 августа среди молодежи произошло размежевание, и центром левых, радикальных сил (мелкобуржуазных революционных демократов и коммунистов) стал штаб на улице Ментенг, 31. Здесь был создан Комитет действий под руководством Сукарни, Х. Салеха, Виканы и др. Этот комитет выработал и опубликовал программу, предусматривавшую переход всей власти в стране к индонезийскому народу и его государству, разоружение оккупационных японских сил, передачу всех предприятий и учреждений народу, и прежде всего пролетариату. Комитет действий начал создавать вооруженные отряды, общее руководство которыми осуществляла АПИ (организация «Молодое поколение Индонезии»). Наряду с отрядом молодежи из разных, главным образом демократических, слоев населения были созданы отряд крестьян и рабочий отряд.

Штаб на Ментенг, 31 оказывал большое революционное влияние не только на молодежь, но и на рабочие и крестьянские массы далеко за пределами столицы. В Джакарте и вне ее начался захват учреждений и предприятий, решающую роль в котором играл революционный пролетариат. 3 сентября рабочие-железнодорожники, действовавшие в контакте со штабом на Ментенг, 31, захватили управление железных дорог Индонезии и все железнодорожные станции, мастерские, депо в районе столицы. Японцы оказали лишь очень слабое сопротивление.

По примеру железнодорожников захватили свои предприятия рабочие и служащие трамвая, работники связи, типографий, газового завода, электростанции и ряда фабрик Джакарты. Повсюду рабочие занимали фабрики, шахты, плантации, находившиеся в руках японцев, и объявляли их собственностью независимой Республики Индонезии. На предприятиях создавались вооруженные отряды рабочих (отряды нефтяников, железнодорожников, рабочих сахарных заводов и т. п.), которые не только охраняли свои предприятия, но и участвовали в разоружении японских войск. В сентябре возникла организация пролетариата всей Явы — «Рабочий фронт Индонезии», а в октябре аналогичная организация была создана и на Суматре [22].

Когда в середине сентября в Джакарту прибыли первые представители командования союзников, штаб на Ментенг, 31 решил провести в столице массовый митинг, чтобы проде-

---

[21] См. подробнее: S. Kertapati Sekitar Proklamasi..., стр. 103—134; A. Malik, Riwajat dan perdjuangan..., стр. 65—88.

[22] Э. Х. Кямилев, Борьба индонезийского народа за национальную независимость. 1945—1949 гг. (канд. дисс.), М., 1968, стр. 56.

монстрировать готовность индонезийского народа отстоять свою независимость. Несмотря на запрет японских военных властей, митинг состоялся 19 сентября на площади Икада. На митинг прибыли сотни тысяч индонезийцев не только из Джакарты, но и из различных городов и деревень Западной Явы. Море людей с красно-белыми знаменами заполнило площадь, окруженную японскими танками и пехотой. Президент Сукарно произнес краткую речь, в которой призвал народ сохранять спокойствие, доверять правительству республики и повиноваться ему, заверил, что это правительство сумеет отстоять независимость Индонезии. После митинга состоялась массовая демонстрация, которая продолжалась до вечера.

На другой день японская полиция совершила налет на Ментенг, 31 и арестовала ряд левых молодежных лидеров. Однако они вскоре бежали из тюрьмы с помощью индонезийской охраны. В ответ на аресты усилились антияпонские демонстрации, которые все чаще стали перерастать в стычки между японскими солдатами и индонезийскими отрядами.

В августе — сентябре 1945 г. в большинстве городов Явы и Суматры сложилось двоевластие: рядом с японской военной администрацией существовали республиканские национальные комитеты, рядом с японскими войсками — вооруженные индонезийские отряды. Что же касается территорий вне городов, то там контроль полностью перешел к республике. Постепенно и в городах вооруженный народ отбирал всю власть у японских оккупантов.

Этому процессу благоприятствовали деморализация японских войск и разногласия среди их командования. Часть японского генералитета считала своим долгом выполнять условия капитуляции о сохранении в Индонезии статус-кво до прибытия войск союзников, другая же часть рассматривала возникновение Республики Индонезии как удар по позициям европейских держав в Юго-Восточной Азии и не считала необходимым противодействовать республиканцам. Эти разногласия сковывали действия японских вооруженных сил [23].

Республиканские отряды постепенно разоружали и интернировали японские части. Иногда оружие приходилось брать с бою, иногда японцы сдавали его почти без сопротивления. Так, начальник японского гарнизона в Мадиуне заявил в начале сентября местным республиканским властям, что командование не разрешает ему передать оружие индонезийцам, но если они инсценируют нападение на его гарнизон, оружие будет им выдано. Республиканцы организовали демонстратив-

[23] Л. М. Демин, Японская оккупация Индонезии..., стр. 216—217.

ную атаку и получили японское оружие [24]. А в Джокьякарте японцев удалось принудить к капитуляции только после боя, который дали им 7 октября отряды народной безопасности и полиция [25]. В некоторых городах (например, в Бандунге) бои с японцами затянулись вплоть до прихода туда войск союзников. Однако над большинством городов Явы и Суматры к концу сентября — началу октября был установлен контроль республики.

Борьба против империалистической агрессии в 1945 г.

Первые годы существования Республики Индонезии были заполнены ожесточенной борьбой против попыток правящих кругов Нидерландов, опиравшихся на поддержку английских и американских империалистов, восстановить свой контроль над бывшей колонией. Незадолго до капитуляции Японии союзники приняли решение, что Индонезия будет входить в сферу действия не американского командования на Тихом океане, как предполагалось до тех пор, а английского командования в Юго-Восточной Азии, возглавлявшегося адмиралом Маунтбеттеном. Это решение было отчасти вызвано особой заинтересованностью Англии в Индонезии, расположенной поблизости от британских владений и баз в Юго-Восточной Азии. В то же время оно позволяло США сосредоточить свои усилия на установлении американского контроля над Японией и Китаем без каких-либо помех с английской стороны. И в дальнейшем США воздерживались от военного вмешательства в индонезийские дела, не желая компрометировать себя в глазах азиатских народов участием в подавлении освободительного движения в этой стране. Правящие американские круги стремились проводить по отношению к Индонезии и другим азиатским странам двойную игру, выступая на словах в качестве «антиколониальной силы», заигрывая с молодыми суверенными государствами и в то же время оказывая фактическую поддержку колониальным державам. Такая политика должна была обеспечить им выгодные позиции в Индонезии при любом обороте событий, создать наилучшие условия для экономической экспансии американских монополий в эту страну за счет их голландских и английских конкурентов [26].

---

[24] Из воспоминаний участника этих событий Сусанто Тиртопроджо (Susanto Tirtoprodjo, Sedjarah revolusi nasional Indonesia, [б. м., б. г.], стр. 30—31). Аналогичным образом развивались события в Баньюмасе и в ряде других городов.

[25] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 343—344.

[26] См. подробнее: А. С. Шин, Американский империализм и Индонезия (1945—1962), М., 1963.

Образование независимой Республики Индонезии угрожало Англии потерей важных экономических позиций (британские инвестиции в Индонезии уступали по своим размерам только голландским) и могло явиться опасным революционизирующим примером для британских колоний в Азии. Поэтому английские правящие круги были, в общем, заинтересованы в восстановлении голландского контроля над Индонезией. В то же время в условиях, когда в Индии росло возмущение против использования английским командованием в Юго-Восточной Азии индийских дивизий в своих империалистических целях, когда в самой Англии и в Австралии усиливались требования отказа от поддержки голландских колониальных интересов, когда с каждым днем росло освободительное движение в английских колониях, лейбористское правительство Великобритании стремилось избежать длительного вооруженного конфликта в Индонезии. К тому же английские правящие круги понимали невозможность прямого восстановления голландского колониального режима в его довоенных формах. В силу всех этих причин англичане, помогая своим голландским союзникам, в то же время добивались от них более гибкой политики в индонезийском вопросе [27].

В начале сентября адмирал Маунтбеттен приказал командующему японскими войсками в районе Южных морей маршалу Тераути аннулировать декларацию о создании независимой Индонезии и обеспечить «поддержание порядка» в стране до прибытия союзных сил. Однако японская армия была уже не в состоянии ликвидировать республику.

В середине сентября в Джакарту прибыла союзная военная миссия во главе с заместителем Маунтбеттена контр-адмиралом Паттерсоном. Официальной целью союзников в Индонезии являлось разоружение и интернирование японских войск и освобождение военнопленных и интернированных граждан союзных стран. Однако Паттерсон прежде всего запретил японским частям сдаваться индонезийцам и передавать им оружие. К тому же вместе с ними в Джакарту прибыли ван дер Плас и другие представители «правительства Нидерландской Индии». Появление этих лиц в столице Индонезии еще до высадки первых контингентов английских войск отнюдь не было случайностью.

В годы войны эмигрантское правительство Нидерландов в Лондоне, возглавлявшееся П. Гербранди, тщательно гото-

---

[27] О политике Англии в Индонезии и действиях английских войск см.: А. С. Шин, Политика Англии в Индонезии после второй мировой войны,— «Политика Англии в странах Южной и Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 114 и сл.; H. J. van Mook, Indonesie, Nederland en de wereld, Amsterdam, 1949, стр. 78—98.

вилось к восстановлению своего контроля над Индонезией [28]. В условиях, когда Голландия не располагала никакими реальными военными силами, а территории бывшей колонии и самой метрополии были оккупированы фашистскими державами, правительству Гербранди необходимо было дать какие-то обещания индонезийцам, чтобы привлечь их на сторону Нидерландов. К тому же общественность стран антигитлеровской коалиции была настроена отнюдь не в пользу сохранения прежних колониальных порядков в Индонезии и где бы то ни было. Поэтому 6 декабря 1942 г. королева Нидерландов Вильгельмина в речи по лондонскому радио обещала провести после войны конференцию с участием представителей Нидерландов, Нидерландской Индии, Суринама и Кюрасао с целью преобразовать Нидерландское королевство в Союз из четырех частей, пользующихся внутренней автономией. Индонезии были обещаны создание парламента, признание равноправия индонезийского языка с голландским и другие уступки. Однако в речи королевы ни слова не говорилось о независимости и, наоборот, делался упор на ответственности Нидерландов за развитие Индонезии и на необходимости тесного сотрудничества между ними.

После перехода союзников в наступление голландское правительство ускорило подготовку к восстановлению колониальной администрации в Индонезии. В декабре 1943 г. в Лондоне было воссоздано «правительство Нидерландской Индии», которое вскоре переехало поближе к Индонезии — в Брисбен (Австралия). Главой этого правительства являлся исполняющий обязанности генерал-губернатора Нидерландской Индии ван Моок, который до февраля 1945 г. одновременно был министром заморских территорий. Ван Моок родился в Индонезии [29], с молодых лет служил в колониальной администрации и перед японским вторжением возглавлял экономический департамент колониального правительства. В те годы он входил в группу «Де Стюв», объединявшую либеральных колониальных чиновников, стремившихся с помощью некоторых уступок индонезийскому национальному движению сохранить господство Нидерландов над их колонией. Главной из этих уступок являлась внутренняя автономия, которая должна была быть предоставлена лишь после длительного переходного периода.

24 августа 1945 г. было подписано англо-голландское соглашение [30], согласно которому гражданское управление осво-

---

[28] См. подробнее: Л. М. Демин, Японская оккупация Индонезии..., стр. 187—195; H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 12—66.

[29] Биографию ван Моока см. в кн.: D. M. G. Koch, Batig slot, Amsterdam, 1960, стр. 41—46.

[30] Текст соглашения см. в кн.: H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 236—237.

божденными от японцев районами Индонезии должна была осуществлять голландская НИКА (Гражданская администрация Нидерландской Индии), а в дальнейшем — «правительство Нидерландской Индии».

29 сентября в Джакарте высадилась первая группа английских войск во главе с командующим силами союзников в Нидерландской Индии генералом Кристисоном. Наряду со своими частями англичане начали использовать японские войска для «установления порядка» в Индонезии. 1 октября Паттерсон заявил, что Англия не признает правительство Сукарно. Вместе с английскими войсками в Джакарту прибывали голландские военные подразделения и голландские колониальные чиновники. 4 октября в столицу прилетел ван Моок, который расположился в генерал-губернаторском дворце и поднял над ним голландский флаг. Английское командование игнорировало протесты республики против высадки голландских войск и чиновников. Ободренные такой позицией англичан, голландские солдаты стали срывать индонезийские флаги, провоцировать столкновения с индонезийцами [31]. В ответ объявили забастовку 7 тыс. рабочих столичного порта Танджунг Приок, а отряды сил народной безопасности начали давать отпор колонизаторам.

К концу октября английские войска (три индийские дивизии) вступили в основные порты и стратегические пункты на Яве и Суматре — Джакарту, Богор, Бандунг, Семаранг, Сурабаю, Паданг, Палембанг, Медан. Еще до этого, в сентябре, австралийские войска оккупировали основные центры на остальных островах Индонезийского архипелага, где начала восстанавливаться власть голландской колониальной администрации.

Вооруженные и снаряженные США и Англией голландские отряды организовывали все новые провокации против Республики Индонезии. Участились нападения на индонезийские учреждения, убийства мирных граждан. В конце декабря голландские солдаты совершили покушения на премьер-министра и министра обороны республики [32]. Стычки между голландцами и индонезийцами становились все серьезнее. Однако первые крупные бои развернулись между республиканскими отрядами и британскими войсками, представлявшими в тот период главную опасность для Индонезии.

Важнейшим сражением с интервентами в 1945 г. являлась Сурабайская битва [33]. Сурабая была основной японской воен-

---

[31] «Republik Indonesia. Kotapradja Djakarta Raya», стр. 41—42.

[32] O. R a l i b y, Documenta historica, стр. 167—169.

[33] Подробнее о битве в Сурабае см.: «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», Surabaja, 1953, стр. 9—13, 909—928; R. A b d u l g a n i, Heroes Day and the Indonesian Revolution, Djakarta, 1964. Автор последней книги — активный участник сурабайских событий.

но-морской базой на Яве, и в ней стоял сильный гарнизон. После длительной борьбы к началу октября власть над городом перешла к индонезийцам, разоружившим все японские части. Вскоре в Сурабае появились первые представители союзного командования, а с ними — голландские офицеры. Произошел ряд столкновений между голландцами и индонезийцами. 25 октября 1945 г. в Сурабае начали высаживаться британские войска. Когда англичане потребовали сдачи оружия и выявилось их намерение оккупировать все военные объекты в городе, отряды сурабайцев 28 октября вступили с ними в бой.

30 октября при участии срочно прилетевших в Сурабаю Сукарно и других руководителей республики, стремившихся избежать войны с Англией, было заключено перемирие и начались переговоры между представителями союзников и республики. Во время переговоров вспыхнула перестрелка, в результате которой погиб английский генерал Маллаби. 9 ноября командующий сухопутными силами союзников на Восточной Яве генерал Мэнсерг предъявил индонезийцам ультиматум, в котором обвинил их в «предательском нападении» на британские войска и убийстве Маллаби, и потребовал, чтобы местные индонезийские лидеры безоговорочно сдались английскому командованию, а все индонезийцы под страхом смертной казни сложили оружие. Срок ультиматума, носившего явно провокационный характер, истекал в 6 часов утра 10 ноября. Поскольку республиканские власти в Сурабае не согласились на унизительную капитуляцию, утром 10 ноября англичане бросили против защитников города 5-ю индийскую дивизию, поддержанную корабельной и полевой артиллерией, авиацией и танками. Несмотря на огромный технический перевес противника и его боевой опыт, отряды народной безопасности, молодежные отряды под руководством Сутомо, отряд сурабайских рабочих и другие только что созданные, необстрелянные и кое-как вооруженные индонезийские формирования в течение более двух недель сражались на улицах Сурабаи, проявляя стойкость и мужество, поразившие врага. Хотя в конце концов союзники овладели Сурабаей, значение ее героической обороны было очень велико. Она пробудила дух сопротивления по всей Индонезии, способствовала сплочению ее народа в борьбе за независимость, показала всему миру, что индонезийцы намерены всерьез защищать свою республику. Недаром вплоть до наших дней 10 ноября ежегодно отмечается в Индонезии как «День героя».

Серьезное сопротивление британским войскам оказали индонезийские отряды и в некоторых других городах. Так, в Богоре бои с интервентами длились свыше месяца — с начала декабря 1945 г. до середины января 1946 г. В Бандунге воен-

ные действия между индонезийцами, с одной стороны, и японскими, британскими и голландскими частями — с другой, продолжались (с перерывами) с середины октября 1945 г. до конца марта 1946 г., когда отряды республиканцев, сопровождаемые значительной частью населения, покинули этот город [34].

Не менее упорной, чем на Восточной и Западной Яве, была борьба на Центральной Яве. В Семаранге в середине октября 1945 г. отряды народной безопасности в течение пяти дней сражались с японским гарнизоном. Бой прекратился с высадкой британских частей, однако в середине ноября республиканцам пришлось сражаться одновременно и с японцами, и с союзниками. В конце концов индонезийцы отступили из Семаранга, но сохранили контроль над окружающей его территорией. Первые серьезные успехи одержали республиканские части под командой генерала Судирмана в боях за Амбараву и Магеланг. Отбив в декабре 1945 г. оба эти города у британских войск, они предотвратили угрозу оккупации Джокьякарты, куда в январе 1946 г. переехали из захваченной противником Джакарты президент и правительство республики [35].

Возникновение партий и общественных организаций

В конце 1945 — начале 1946 г. в общественной жизни и государственном строе Республики Индонезии произошли существенные изменения. Исключительные полномочия, которыми располагал президент по конституции 1945 г., продержались недолго. Представленные в КНИП различные политические течения и группы добились расширения полномочий КНИП и соответственного ограничения власти президента. 16 октября 1945 г. был издан указ о наделении КНИП (являвшегося дотоле лишь совещательным органом при президенте) законодательными функциями и правами временного парламента и о создании Рабочего комитета КНИП, который должен был действовать в перерыве между сессиями последнего [36]. 14 ноября был сформирован первый ответственный перед КНИП кабинет. С созданием парламентского правительства Индонезия из президентской республики, какой она должна была стать согласно конституции, превратилась в парламентскую республику.

Ни один из министров нового кабинета не участвовал в созданных японскими оккупантами организациях, среди них

[34] «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Barat», Bandung, 1953, стр. 149, 181—185.

[35] «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Tengah», Semarang, 1953, стр. 21—22, 107—111, 193—196.

[36] Текст указа см.: O. Raliby, Documenta historica, стр. 511.

были такие видные деятели антияпонского подполья, как Сутан Шарир и Амир Шарифуддин. Таким образом, голландским колонизаторам было бы весьма трудно изобразить этот кабинет в качестве прояпонского. Подобный состав правительства республики увеличивал шансы на признание ее де-факто западными державами и возможность переговоров с ними.

Первым председателем Рабочего комитета КНИП был Шарир. Он же возглавил созданный в ноябре кабинет и в течение свыше полутора лет являлся премьер-министром республики, оказывая большое влияние на ее политику в целом и на внешнюю политику в особенности.

Сутан Шарир происходил из семьи чиновника-минангкабау с Западной Суматры, учился в Лейденском университете, активно участвовал в национально-освободительном движении, в 1934—1941 гг. был в ссылке. В период японской оккупации Шарир являлся одним из лидеров антияпонского подполья. По своему мировоззрению он был близок к западноевропейским социал-демократам.

Взгляды Шарира на характер, задачи и перспективы индонезийской революции довольно четко выражены в написанной им в октябре 1945 г. брошюре «Наша борьба» [37]. Эта брошюра содержала ряд бесспорных положений: об антифеодальном, а не только национальном характере революции, о необходимости широкой демократизации республики, об авангардной роли рабочего класса в революции и его солидарности с «борьбой международного пролетариата против мирового капитализма». Правда, изложенные в весьма общей форме, эти положения вовсе не представляли собой подлинной марксистской программы действий. К тому же требование демократизации государства и отстранения от руководства бывших «коллаборационистов с японским фашизмом» было использовано для компрометации не только подлинных коллаборационистов, но и Сукарно, Хатты и других национальных лидеров, действовавших легально в период оккупации. Сам Шарир согласился войти в правительство лишь после того, как убедился в невозможности отстранить Сукарно от власти ввиду его популярности в широких массах народа.

Для брошюры Шарира характерны переоценка зависимости Индонезии от англо-американского империализма, стремление избежать всего, что может вызвать конфликт с ведущими западными державами, отсутствие даже упоминания о сотрудничестве с Советским Союзом. «Индонезия находится в сфере влияния англо-американского капитализма-империализма», и, пока не будет уничтожен капитализм во всем

---

[37] Эта брошюра неоднократно переиздавалась. Мы пользовались изданием 1956 г.: S. Sjahrir, Perdjuangan kita, Bandung.

мире, индонезийцы сами не в состоянии завоевать подлинную независимость, утверждал Шарир.

Однако Шарир вовсе не являлся сторонником восстановления голландского колониального господства. Он рассчитывал путем переговоров, экономических и других уступок и компромиссов добиться признания Нидерландами Республики Индонезии. При этом особые расчеты возлагались им на использование межимпериалистических противоречий, на поддержку республики со стороны США, Англии и Австралии в обмен на создание благоприятных условий для их капиталовложений в Индонезии.

Мировоззрение и практическая программа Шарира были весьма противоречивыми. Реалистические и отдельные марксистские моменты сочетались в них с односторонней ориентацией на ведущие империалистические державы, недооценкой сил индонезийского национально-освободительного движения, с правосоциалистическими идеями «демократического социализма». Вначале на первый план выступал реалистический подход к проблемам голландско-индонезийских отношений, и этот подход (в сочетании с признанием ряда положений марксизма) сделал возможным сотрудничество Шарира и его сторонников с коммунистами в 1946—1947 гг. Однако затем Шарир полностью перешел на правосоциалистические позиции и не только порвал с коммунистами, но и стал ярым антикоммунистом.

Идеи Шарира были весьма популярны в кругах получившей западное образование индонезийской интеллигенции, которая по своему происхождению принадлежала главным образом к служилой аристократии и буржуазии. Количество приверженцев этих идей было невелико, однако многие из них занимали ключевые позиции в государственном аппарате и в вооруженных силах республики.

В самом начале существования республики президент Сукарно предпринял попытку ввести однопартийную систему путем создания государственной Национальной партии Индонезии [38]. Однако эта попытка сразу же провалилась из-за серьезных противоречий между различными политическими течениями и группами и нежелания лидеров многих из этих групп способствовать еще большему усилению президентской власти. Уже 31 августа был издан указ о прекращении подготовки к созданию всеобъемлющей Национальной партии [39], а 3 ноября 1945 г. был обнародован декрет о создании многопартийной системы [40]. В этом декрете, изданном в соответствии с предложением Рабочего комитета КНИП, говорилось, что народу предоставляются самые широкие возможности по

[38] См.: O. Raliby, Documenta historica, стр. 17—22.
[39] Там же, стр. 29.
[40] Там же, стр. 529. Декрет был подписан Хаттой.

созданию различных партий, но с условием, что все эти партии должны защищать независимость Индонезии и не нарушать общественную безопасность.

В конце 1945 г. в Республике Индонезии возникли первые партии. Часть из них образовалась на основе организаций, запрещенных в свое время голландскими властями или японскими оккупантами, часть создавалась заново. При оценке этих партий, их программ и классовой базы следует учитывать, что размежевание политических сил в республике шло не по строго классовой линии, причем возникали разнообразные союзы и коалиции между различными фракциями буржуазии, мелкой буржуазии и пролетариата [41]. Это было естественным результатом отсталости и мелкобуржуазности индонезийского общества, чрезвычайной слабости национальной буржуазии, незрелости рабочего класса.

Крупнейшей партией в первые годы индонезийской революции являлась Машуми (Консультативный совет индонезийских мусульман), созданная 7 ноября 1945 г. в Джакарте на базе одноименной общественной организации. В состав Машуми вошли все мусульманские организации страны, кроме небольшой партии ПЕРТИ, действовавшей главным образом на Суматре [42]. Наряду с организациями в Машуми входили и индивидуальные члены. Классовый состав Машуми был весьма пестрым: помещики, крупная и средняя городская и сельская буржуазия (особенно торгово-ростовщическая буржуазия), крестьянство. Благодаря огромному влиянию мусульманского духовенства на крестьян Машуми стала массовой и весьма влиятельной партией. Однако она была чрезвычайно рыхлой и в руководстве ее шла борьба между различными течениями и группами. Основными из них являлись группировка «религиозных социалистов» (М. Натсыр, М. Рум и др.), выступавшая за социальные реформы на основе принципов ислама («мусульманский социализм»), и группировка более консервативных приверженцев ислама, добивавшаяся максимальной поддержки правительством национального мелкого производства [43]. В целом политика Машуми определялась правым крылом буржуазии и помещиками. Основными программными требованиями этой партии в первые годы ее существования являлись: независимость Индонезии, создание государства, основанного на принципах ислама,

---

[41] См.: Н. Симония, Путь индонезийской революции,— «Азия и Африка сегодня», 1967, № 6, стр. 24—25.

[42] ПЕРТИ (Союз мусульманского воспитания) оформилась как партия 22 ноября 1945 г.

[43] См.: О. И. Забозлаева, Борьба индонезийского народа за упрочение независимости,— «Республика Индонезия. 1945—1960», М., 1961, стр. 42—44.

защита индонезийской буржуазии от конкуренции китайского и арабского капитала.

Большое влияние на политическую жизнь республики оказывала Национальная партия Индонезии (Партэй Насиональ Индонесиа — НПИ), созданная 29 января 1946 г. Эта партия рассматривала себя как преемницу основанной Сукарно в 1927 г. Национальной партии, причем в ее руководство вошел ряд лидеров прежней НПИ (Сартоно, Али Састроамиджойо и др.). В партию входили представители буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции (среди которых было немало ветеранов национально-освободительного движения), многие бывшие чиновники колониального аппарата, ныне перешедшие на службу к республике, часть мелкой и средней буржуазии и часть крестьянства. Если политика Машуми определялась правым крылом буржуазии и помещиками, то в Национальной партии руководящая роль принадлежала представителям левого крыла буржуазии и мелкой буржуазии. НПИ выступала за создание единого и независимого индонезийского государства на основе принципов «Панча сила». Партия исходила из сукарновской теории «мархаэнизма», в основе которой лежало народническое понимание социализма, тесно связанное с задачами национально-освободительной борьбы. Согласно этой теории, огромное большинство населения Индонезии составляют простые люди — «мархаэны», угнетаемые империализмом. Классовые противоречия внутри индонезийского общества незначительны, и их не следует разжигать, ибо до завоевания полной независимости главным является национальное единство. Социальные реформы необходимы, но они должны осуществляться уже после окончательного завершения национального этапа революции.

В конце 1945 г. были основаны две партии индонезийских христиан. Поскольку свыше 90% населения страны составляли мусульмане, христианские партии были невелики. Созданная 10 ноября 1945 г. в Джакарте партия христиан-протестантов Паркиндо (Партэй кристен Индонесиа) опиралась главным образом на часть буржуазии и буржуазной интеллигенции Сулавеси, Молуккских и Малых Зондских островов, где протестантство было довольно сильно распространено. Основанная 8 декабря 1945 г. Католическая партия охватывала исповедовавшие католицизм буржуазные круги, в основном на островах Флорес и Тимор. Обе партии выступали за независимость Индонезии и признавали принципы «Панча сила», однако примыкали в целом к правому крылу национального движения. Несмотря на свою малочисленность, христианские партии пользовались определенным политическим влиянием в республике, так как в их рядах процент интеллигентов был относительно высок. К тому же для правительства

республики участие христиан в борьбе против колонизаторов имело принципиальное значение.

21 октября 1945 г. в Джакарте была основана легальная Коммунистическая партия Индонезии (Партэй комунис Индонесиа) — КПИ [44]. Однако в нее вступило лишь около половины членов прежней подпольной КПИ. Другая половина вошла в Социалистическую и Рабочую партии, а также в Союз социалистической молодежи (Пемуда сосиалис Индонесиа — Песиндо), так как в этот период коммунисты придерживались тактики инфильтрации в формально некоммунистические организации, признававшие своей идейной основой марксизм. Расчет при этом делался на то, что через такие партии и организации коммунисты смогут объединить вокруг себя более широкие слои трудящихся.

К 1945 г. компартия завоевала немалый авторитет своей последовательной антияпонской борьбой в период оккупации. Однако она была еще очень слабой как в организационном, так и в идеологическом отношении. Японские власти арестовали и казнили основных руководителей партии (Памуджи, Сукаята и др.), в результате чего ЦК КПИ был парализован и партия не имела руководства в масштабе всей страны. Коммунисты, за исключением небольшой группы руководящих работников, были незнакомы с основными трудами классиков марксизма-ленинизма, которые в то время еще не переводились на индонезийский язык. В условиях, когда виднейшие деятели КПИ либо погибли, либо находились в эмиграции (Алимин, Муссо, Сарджоно), председателем партии стал Мохаммад Юсуф, руководивший в период японской оккупации одной из подпольных антияпонских организаций. Юсуф навязал партии авантюристическую левацкую политику, организовал, в частности, антиправительственное выступление крестьянских «красных отрядов» на Центральной Яве в феврале 1946 г., за что был арестован властями республики [45].

В марте 1946 г. на Яву прибыл один из старейших лидеров КПИ — Сарджоно, проведший 16 лет в ссылке, а затем (вместе с другими политическими заключенными) перевезенный голландцами в Австралию. После того как конференция КПИ в Джокьякарте в марте 1946 г. осудила авантюристическую линию Юсуфа, на конференции в Соло в апреле 1946 г. главой партии был избран Сарджоно. Под руководством Сарджоно и других вернувшихся на родину лидеров (Алимин, Маруто Дарусман и др.) КПИ стала проводить тактику единого национального антиимпериалистического фронта, сотрудничая с другими партиями и правительством рес-

---

[44] Э. Х. Кямилев, Борьба индонезийского народа..., стр. 90.
[45] Там же, стр. 90—91.

публики в интересах совместной борьбы против английских и голландских империалистов.

Связанная с КПИ Социалистическая партия была основана в Джокьякарте 12 ноября 1945 г. коммунистом Амиром Шарифуддином, но уже в середине декабря она объединилась с Народной социалистической партией, основанной 20 ноября 1945 г. Шариром[46]. В течение двух лет коммунисты и социалисты сотрудничали в рамках Социалистической партии, пока обострившиеся между ними разногласия не привели к расколу.

В ноябре 1945 г. был основан Песиндо. Среди его лидеров были видные коммунисты Викана и Судисман, и постепенно КПИ удалось поставить эту организацию под свое влияние. Это имело большое значение, поскольку Песиндо обладала военными отрядами численностью в 25 тыс. бойцов, которые отличились в боях с английскими интервентами.

Во главе созданной в ноябре 1945 г. Рабочей партии вскоре стали коммунисты Сетиаджид, Сакирман и др. Деятельность коммунистов в трех легальных партиях координировалась единым руководящим ядром (так называемой нелегальной КПИ). В КНИП эти три партии вместе с примыкавшими к ним массовыми организациями образовывали единое «левое крыло».

Влияние коммунистов в республике в первые годы ее существования было довольно значительным. Они располагали серьезными позициями в КНИП, правительстве и других органах власти, в вооруженных силах. Так, в начале 1947 г. «левое крыло» контролировало почти половину мест во временном парламенте республики[47]. Амир Шарифуддин являлся бессменным министром обороны с конца 1945 г. до января 1948 г., в различные кабинеты Шарира входили также коммунисты Викана, Абдулмаджид, Сетиаджид. Однако тактика инфильтрации имела и свои отрицательные стороны: она сдерживала рост и без того отнюдь не массовой КПИ и дробила силы коммунистов. В 1945—1947 гг. в компартию входило всего несколько тысяч человек, главным образом руководители и активисты различных массовых организаций, т. е. представители интеллигенции и лишь те рабочие, которые стали профессиональными революционерами. Чрезвычайно слабым было влияние партии на крестьянство.

КПИ не имела подлинной программы. Состоявшийся в январе 1947 г. в Соло IV съезд партии нацелил ее на «построение в Индонезии социалистического общества», не оп-

---

[46] Там же, стр. 88. Председателем партии был избран Шарир, а вице-председателем — Шарифуддин. Объединение значительно укрепило позиции Шарира.

[47] Ch. Wolf, The Indonesian Story, New York, 1948, стр. 56—57.

ределив ее стратегию и тактику в конкретных условиях индонезийской национально-освободительной революции [48].

Наряду с партиями в 1945—1946 гг. в республике возник ряд общественных организаций (профсоюзы, крестьянские союзы, молодежные и женские организации). Вслед за созданием Рабочего фронта стали организовываться профсоюзы, в рядах которых вскоре объединились рабочие важнейших отраслей производства (работники морского и железнодорожного транспорта, нефтяники, рабочие сахарной промышленности и др.) [49]. Индонезийские профсоюзы приняли участие в борьбе против империалистической агрессии, в эвакуации предприятий из оккупированных врагом районов, налаживании производства вооружения. 29 ноября 1946 г. был основан Всеиндонезийский профцентр — СОБСИ (Сентраль органисаси бурух селурух Индонесиа), объединивший более 30 отраслевых союзов, охватывавших около 1,5 млн. рабочих. Состоявшийся в мае 1947 г. в Маланге первый национальный конгресс СОБСИ принял программу борьбы за независимость Индонезии и защиту классовых интересов пролетариата. Конгресс одобрил решение о присоединении СОБСИ к Всемирной федерации профсоюзов. Было избрано руководство СОБСИ во главе с коммунистами Харьоно, Ньоно и др.

Стремление многочисленных молодежных организаций к объединению своих сил привело к созданию на первом конгрессе индонезийской молодежи (происходившем в Джокьякарте с 10 по 12 ноября 1945 г.) Организации конгресса молодежи Республики Индонезии — БКПРИ (Бадан конгресс пемуда Републик Индонесиа) [50]. В эту федерацию вошли 23 молодежные организации различных направлений. Однако каждая из них сохранила свою организационную самостоятельность и свои вооруженные отряды. Конгресс определил задачи БКПРИ, главными из которых являлись защита независимости Республики Индонезии и демократических прав для ее населения, а также защита интересов трудящихся. Состоявшийся в Джокьякарте 9 июня 1946 г. второй конгресс молодежи призвал ее сконцентрировать все силы на борьбе за независимость и единство Индонезии и на упрочении единого национального фронта. Конгресс выразил полную под-

---

[48] «40 tahun PKI», Djakarta, 1960, стр. 50; «Almanak lembaga² negara dan kepartaian», Djakarta, 1961, стр. 459.

[49] О рабочем и профсоюзном движении в 1945—1947 гг. см.: «Профсоюзное движение в Индонезии», М., 1961, стр. 57—60; Е. П. Заказникова, Рабочее движение в Республике Индонезии,— «Республика Индонезия. 1945—1960», стр. 133—135.

[50] О первом и втором конгрессах молодежи см.: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», Jogjakarta, 1953, стр. 363—380; «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Tengah», стр. 109—112.

держку политике правительства, задачей которого должно быть руководство «национальной и социальной революцией».

25 ноября 1945 г. в результате слияния двух крестьянских союзов был создан Крестьянский фронт Индонезии — БТИ (Барисан тани Индонесиа) [51]. Эта весьма неоднородная по составу организация объединила как беднейшее, так и зажиточное крестьянство, но основную массу ее составляли малоземельные и безземельные крестьяне. Активно участвовали в ней сельскохозяйственные рабочие. В руководстве БТИ большим влиянием пользовались левые элементы, связанные с КПИ, но были там и правые силы. В целом БТИ выступал в защиту независимости Индонезии и за ликвидацию феодальных пережитков в деревне. Эта крупнейшая крестьянская организация была, как и СОБСИ, представлена во временном парламенте республики, где обе они входили в «левое крыло».

Антифеодальная борьба и социально-экономические мероприятия в первые годы революции

Создание первых крестьянских организаций в Республике Индонезии происходило в условиях острой антифеодальной борьбы, развернувшейся после провозглашения независимости [52]. Национально-освободительная революция была прежде всего направлена против иностранных колонизаторов. Однако внутри страны колонизаторы опирались на феодальные элементы и феодализирующуюся общинную верхушку. Поэтому переплетение антиимпериалистической борьбы с антифеодальной было совершенно неизбежно [53].

Наиболее ожесточенная антифеодальная борьба происходила в первые месяцы революции на Северной и Восточной Суматре, т. е. в тех районах, где заметное развитие капиталистических отношений (в плантационном и экспортном крестьянском хозяйстве) особенно сильно сковывалось феодальными путами. В Аче (Северная Суматра) антифеодальные выступления крестьянства возглавлялись сельским духовенством — улама, выражавшими интересы местной буржуазии. В течение декабря 1945 — января 1946 г. большинство пред-

---

[51] См.: Ю. А. Сотников, Сельское хозяйство и аграрный вопрос,— «Республика Индонезия. 1945—1960», стр. 292—293. БТИ являлся наиболее массовой крестьянской организацией республики.

[52] См.: Ю. Г. Александров, Крестьянское движение в Индонезии,— «Крестьянское движение в странах Востока», М., 1967, стр. 64—70; Н. А. Симония, Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964, стр. 79—82.

[53] Н. А. Симония, Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964, стр. 79—82; O. Raliby, Documenta historica, стр. 268—275; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 175—181.

ставителей связанной с колонизаторами ачехской феодальной аристократии — улебаланги и теуку — было свергнуто, причем около половины их физически уничтожено.

В феврале — марте 1946 г. в султанатах Восточной Суматры (Дели, Асахан, Лангкат и др.) разгорелось антифеодальное восстание, получившее название «социальной революции». Здесь борьба против местных князей и султанов, которые десятки лет верой и правдой служили голландским колонизаторам и не хотели признавать республику, возглавлялась представителями трудящихся, выступавшими под антиколониальными и антифеодальными лозунгами. Все султаны и князья были свергнуты, многие из них перебиты вместе с семьями. Таким образом был ликвидирован один из главных оплотов феодализма и колониализма в стране.

Сильное крестьянское движение развернулось в так называемых автономных государствах (султанатах Суракарта и Джокьякарта, княжествах Мангкунегаран и Паку Аламан), где проживало около 10% населения Явы. Здесь наглядно проявлялся двойной — феодальный и империалистический — гнет и положение бесправных крестьян было особенно тяжелым. В результате трехлетней борьбы крестьяне добились не только отмены наиболее обременительных видов феодальной эксплуатации, но и ликвидации самих феодальных государств [54]. Антифеодальные выступления происходили на Сулавеси, Флоресе, Бали и других островах.

В результате упорной борьбы крестьянства к 1948—1950 гг. большинство феодальных княжеств в Индонезии было официально упразднено, а позиции феодальной аристократии Явы и феодалов других островов серьезно ослаблены. Значительная часть яванской служилой аристократии (прияи) была вытеснена с ключевых постов в государственном аппарате, где ее сменили выдвинувшиеся в ходе революции политические и военные деятели, главным образом мелкобуржуазного происхождения. Были подорваны и позиции феодализирующейся общинной верхушки на Яве и Суматре в результате демократизации сельского управления и изгнания крестьянами многих низших чиновников и старост, в прошлом тесно связанных с колонизаторами. Феодальная эксплуатация крестьянства несколько уменьшилась. К тому же в годы освободительной войны на территории республики не было эксплуатации крестьян европейскими плантаторами, а обесценение денег привело к фактической ликвидации земельного налога. Крестьяне и сельскохозяйственные рабочие Явы и Суматры продолжали захват пустующих плантационных и го-

---

[54] Султан Джокьякарты сразу поддержал республику и добровольно преобразовал свой султанат в «особый район», главой которого он был назначен.

сударственных земель, начатый еще в период японской оккупации. Все это привело к некоторому улучшению положения крестьянства.

Ликвидация феодальных порядков и их носителей обычно происходила в ходе массовых крестьянских выступлений, а власти республики лишь потом законодательно фиксировали то, что уже было фактически осуществлено крестьянами «снизу». В целом для социально-экономической политики правительств Республики Индонезии в годы войны за независимость были характерны следующие основные моменты: 1) стремление восстановить хозяйство, находившееся в состоянии разрухи в результате японской оккупации, а затем войны с колонизаторами; попытки наладить снабжение населения продовольствием и предметами первой необходимости [55]; 2) попытки создать национальную экономику, развивать государственный сектор и кооперацию (в соответствии с конституцией 1945 г.), в чем были заинтересованы как слабая и нуждавшаяся в государственной поддержке национальная буржуазия, так и демократические силы. При этом делались расчеты и на использование иностранных специалистов и иностранного капитала (под контролем государства), которые, однако, не были реализованы из-за военной обстановки; 3) осуществление под нажимом трудящихся некоторых социально-экономических мероприятий в интересах пролетариата и крестьянства.

Большую роль в восстановлении промышленности сыграла инициатива самих рабочих, которые восстановили и построили несколько небольших оружейных заводов и мастерских, отремонтировали сотни вагонов и паровозов и т. п. Несколько мелких фабрик было основано и национальными предпринимателями. В 1946—1947 гг. государство начало ремонт и восстановление дорог, мостов, ирригационных сооружений, были созданы государственные организации по возрождению плантационного хозяйства, сахарной, текстильной и иной промышленности. Всей деятельностью в этой области руководил Экономический плановый совет во главе с Хаттой [56].

В целях укрепления национальной экономики в 1945—1947 гг. были созданы первые индонезийские банки, в том числе эмиссионный государственный банк, который в октябре 1946 г. выпустил взамен японских оккупационных банкнот первые республиканские денежные знаки [57]. Основой государственного сектора явилась национализированная собствен-

[55] О самых первых шагах в этой области в 1945 г. см.: Э. Х. Кямилев, Первые социально-экономические мероприятия Республики Индонезия,— «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», 1967, стр. 41—45.
[56] Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 71—79.
[57] O. Raliby, Documenta historica, стр. 647—648.

ность бывшего колониального правительства Нидерландской Индии (главные железные дороги, порты, средства связи, ирригационные сооружения, электростанции и др.). Практически под контролем республики в годы войны находились и голландские плантации и предприятия [58]. Согласно теориям вице-президента Хатты, развитие кооперации должно было стать главным путем к подъему экономики страны и благосостояния ее населения. Однако реальные результаты в области развития кооперации в республике были ничтожными [59].

В 1946—1947 гг. была предпринята первая попытка государственного планирования экономического развития Республики Индонезии — выработан и опубликован так называемый десятилетний план, по существу являвшийся не столько планом, сколько программой социально-экономической политики правительства [60]. План предусматривал развитие государственного сектора, привлечение иностранного капитала, развитие легкой промышленности, транспорта, внешней торговли, поощрение кооперации. Согласно плану должно было быть издано аграрное законодательство в интересах крестьянства, трудовое законодательство для рабочих (в том числе установление минимума заработной платы), повышен жизненный уровень народа, приняты меры для развития здравоохранения и народного просвещения. На практике меры правительства в области аграрного вопроса ограничились фиксацией части того, что уже было завоевано крестьянами, первые рабочие законы появились лишь с приходом к власти в 1947 г. правительства Амира Шарифуддина, а рабочее законодательство в целом так и не было создано. Правда, и прочие меры в области восстановления и развития экономики, предусмотренные планом, были сорваны агрессией голландских колонизаторов [61].

Внутриполитическая борьба в республике в 1946 г.

В первый год существования Республики Индонезии большую активность развили сторонники Тан Малаки, одного из бывших лидеров КПИ, отошедшего от компартии в конце

---

[58] См. подробнее: Г. С. Шабалина, Борьба за экономическую независимость...,— «Республика Индонезия. 1945—1960», стр. 205 и сл.; Л. Ф. Пахомова, Национальный капитал в экономике Индонезии, М., 1966, стр. 79—80; 138—139 и др.

[59] См.: Я. Н. Гузеватый, Экономика современной Индонезии, М., 1960, стр. 42—43.

[60] Там же, стр. 49—50; Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 80—84.

[61] Некоторые реальные успехи можно было констатировать только в области народного образования, базировавшегося теперь на общегосударственном индонезийском языке.

20-х годов. С 1922 г. Тан Малака был в эмиграции, несколько лет работал в Коминтерне, объездил многие азиатские страны и лишь в 1942 г. (по другим данным — в 1944 г.) вернулся в Индонезию. Сторонники Тан Малаки утверждают, что он участвовал в антияпонском подполье, но и они признают, что он не играл сколько-нибудь заметной роли в августовских событиях 1945 г. Зато после создания республики образовалась сильная группа последователей Тан Малаки, в состав которой входили многие видные участники провозглашения независимости — Сукарни, Х. Салех, М. Ямин и др.

В своих трудах и выступлениях Тан Малака подчеркивал приверженность марксизму-ленинизму и особенно марксистскому диалектическому методу [62]. Он высоко оценивал успехи социализма в СССР и деятельность КПСС, указывая, что в борьбе двух систем победа обеспечена социализму, представленному Советским Союзом, что СССР «всецело стоит на стороне цветных угнетенных народов и пролетариев всего мира», которые в свою очередь поддерживают СССР [63]. Тан Малака и его сторонники категорически отвергали обвинения в троцкизме [64], выдвигавшиеся против них деятелями КПИ.

Знакомство Тан Малаки и некоторых его последователей с марксизмом не означало, однако, что они придерживались марксистско-ленинского курса. Нельзя было, в частности, считать марксистской созданную Тан Малакой концепцию Аслиа [65] (сокращение от «Азия — Австралия»), где проповедовалось тесное объединение в борьбе против британского империализма угнетенных народов Юго-Восточной Азии с капиталистической Австралией, причем необходимость такого объединения мотивировалась якобы существующим расовым, психологическим, природным и экономическим единством всего региона. При этом подчеркивалось, что Индонезия и Аслиа в целом должны опираться на собственные силы, и (несмотря на все похвалы в адрес СССР) ничего конкретно не говорилось о сотрудничестве с Советским Союзом и мировым пролетариатом. В результате на первом плане оказывался не подлинный пролетарский интернационализм, а «региональный интернационализм», весьма близкий к национализму.

Для сторонников Тан Малаки были характерны ультралевые лозунги, в частности отказ от всяких переговоров и компромиссов с Голландией и от использования межимпери-

---

[62] См., например, Tan Malaka, Thesis, Lawoe, 1946.

[63] Там же, стр. 1—12 и сл.; M. Jamin, Tan Malaka bapak Republik Indonesia, Djawa Timur, 1946, стр. 14—18 (статья Тан Малаки об ООН и др.).

[64] Tan Malaka, Thesis, стр. 33—36, 62—63; «Peringatan sewindu hilangnja Tan Malaka...», Djakarta, 1957.

[65] См. подробнее: Tan Malaka, Thesis, стр. 24—27, 59—62.

алистических противоречий [66]. Их деятельность носила в значительной степени авантюристический характер [67]. Основной социальной опорой танмалакистов являлась часть радикальной мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции.

Потерпев в конце 1945 г. неудачу в попытке установить свой контроль над правительством республики, Тан Малака и его сторонники основали в январе 1946 г. массовую организацию Фронт борьбы, в которую на первых порах вошли почти все крупнейшие партии и организации республики (социалистическая партия и Песиндо вышли в феврале, когда выяснилось намерение Тан Малаки свалить кабинет Шарира). Лозунги Фронта борьбы — национальное антиимпериалистическое единство, отказ от переговоров с Нидерландами до признания ими полной независимости Индонезии и до вывода из нее голландских войск, конфискация голландских плантаций и предприятий — встретили довольно широкую поддержку. Одновременно танмалакисты требовали замены правительства Шарира «народным правительством» и чистки государственного аппарата от «колеблющихся элементов» [68].

Напуганное стремлением танмалакистов к власти, правительство Шарира в марте 1946 г. арестовало Тан Малаку и его ближайших соратников. Чтобы оторвать массы от Фронта борьбы, правительство инспирировало создание в мае 1946 г. Национальной концентрации, куда вошли все партии «левого крыла», Машуми, Рабочий фронт Индонезии и БТИ. Председателем Национальной концентрации был избран руководитель КПИ Сарджоно. Однако Тан Малака продолжал пользоваться поддержкой НПИ, ряда партизанских командиров и армейских офицеров.

27 июня 1946 г. командир 3-й дивизии генерал Сударсоно освободил Тан Малаку и его соратников из тюрьмы в Суракарте, а вечером того же дня солдаты Сударсоно похитили оказавшегося проездом в этом городе премьера Шарира. В ответ президент Сукарно объявил военное положение в республике, после чего верные правительству части 1 июля освободили Шарира. Однако танмалакисты твердо решили захватить власть силой. 3 июля в резиденцию президента явилась группа сторонников Тан Малаки во главе с генералом Сударсоно, которые предъявили Сукарно готовый список своего правительства и категорически потребовали, чтобы пре-

---

[66] Сукарно не без оснований обвинял их «в детской болезни левизны» (ссылаясь на труд В. И. Ленина) в своей речи 30 июня 1946 г. (O. Raliby, Documenta historica, стр. 324—332).

[67] Характерно, что во введении в книге «Thesis» (стр. 1) Тан Малака подчеркивал, что никакие опыт и знания не приведут к общественному прогрессу, если будет отсутствовать «авантюристический дух».

[68] Tan Malaka, Thesis, стр. 27—33; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 168—194.

зидент утвердил его[69]. Эта попытка переворота была подавлена, а Тан Малака и его виднейшие сторонники вновь арестованы.

Большую роль в поражении Тан Малаки сыграла поддержка правительства Сукарно — Шарира КПИ и всем «левым крылом». Эта поддержка объяснялась не только враждебным отношением коммунистов к Тан Малаке, которого они рассматривали как ренегата и троцкиста. Другой причиной подобной позиции коммунистов было то, что КПИ и все «левое крыло» поддерживали политику переговоров с Нидерландами и, следовательно, не могли не выступить против левацкого авантюризма Тан Малаки и его сторонников.

Республика и Нидерланды в 1945—1946 гг.

Столкнувшись с перспективой нелегкой и длительной войны в Индонезии, правящие круги Англии усилили нажим на своих голландских партнеров, требуя, чтобы последние начали переговоры с республикой. Со своей стороны индонезийские руководители всячески стремились избежать войны с державами, намного превосходившими республику в военном отношении, и готовы были пойти ради этого на серьезные уступки, особенно в экономической области. Наиболее ярко эта позиция была выражена в Политическом манифесте правительства Республики Индонезии, опубликованном 1 ноября 1945 г.[70]. Под манифестом стояла подпись вице-президента Хатты, хотя не меньшую, если не большую роль в его выработке сыграл Шарир.

В Политическом манифесте подчеркивалось, что за страдания индонезийцев в период японской оккупации несут ответственность и голландские колонизаторы, которые «выдали на расправу японцам» индонезийский народ, лишив его средств обороны и капитулировав перед агрессором. Ныне, указывалось в манифесте, нельзя восстановить господство Голландии над Индонезией, не нарушив Атлантической хартии и Устава ООН. В то же время авторы манифеста отмечали, что при условии признания Нидерландами суверенитета республики они готовы на широкое экономическое сотрудничество с голландцами.

В манифесте выражалась готовность республики признать довоенные долги Нидерландской Индии и возвратить иностранцам всю их собственность в Индонезии, а за собствен-

---

[69] См. подробнее: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 131—139.

[70] Полный текст манифеста см.: O. Raliby, Documenta historica, стр. 525—528.

ность, перешедшую в управление нового государства, выплатить компенсацию «по справедливой цене».

Убеждая голландцев, что признание независимости Индонезии не нанесет им экономического ущерба, авторы манифеста рассчитывали использовать межимпериалистические противоречия и обеспечить политическую поддержку республики Соединенными Штатами, Австралией и другими капиталистическими державами в обмен на обещание участия этих держав в эксплуатации природных ресурсов Индонезии.

Именно этими расчетами объясняются неоднократные упоминания в манифесте о том, что, пока державы будут поддерживать голландские притязания на господство над Индонезией, мир будет лишен возможности пользоваться ее природными богатствами, от чего особенный ущерб понесут США, на помощь которых в виде кредитов, поставок товаров и покупки сырья Индонезия очень рассчитывает, неоднократные просьбы к США и Австралии участвовать в развитии экономики Индонезии. В манифесте подчеркивалось, что Индонезии «в течение ряда лет еще будет необходима помощь иностранных государств для развития ее экономики», будут нужны иностранные специалисты и иностранный капитал.

Ответом на Политический манифест явилось заявление «правительства Нидерландской Индии» от 6 ноября 1945 г. Следует иметь в виду, что в период войны голландские власти в Лондоне и Австралии не имели представления о подлинном положении в Индонезии[71]. Провозглашение независимости Индонезии правящие круги Нидерландов, спекулируя на антифашистских чувствах только что перенесшего гитлеровскую оккупацию голландского народа, объявили делом рук японских фашистов и их «агентов» — Сукарно, Хатты и др. Не представляя себе истинного размаха национально-освободительного движения в стране и популярности республики и ее лидеров, голландские колонизаторы воображали, что, арестовав этих лидеров как «коллаборационистов», они смогут немедленно восстановить свой контроль над Индонезией. Именно поэтому правительство Нидерландов 16 октября заявило, что Сукарно и Хатта — «совершенно неприемлемые» для него фигуры, с которыми не может быть никаких переговоров[72].

Однако вскоре после своего прибытия в Джакарту ван Моок убедился в прочности республиканского режима и неизбежности переговоров с лидерами республики, тем более

[71] Это обстоятельство признает такой авторитетный свидетель, как ван Моок (H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 71—76).

[72] C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, Amsterdam — Brussel, 1959, стр. 14.

что к этому же выводу склонялось командование британских войск, а собственные силы Нидерландов в Индонезии были в то время ничтожными [73]. 23 и 31 октября в резиденции британского главнокомандующего состоялись первые неофициальные встречи ван Моока с Сукарно. Но этот шаг ван Моока был дезавуирован голландским правительством, по указанию которого 6 ноября было опубликовано упомянутое выше правительственное заявление [74]. В заявлении повторялись обещания, содержавшиеся в речи королевы от 6 декабря 1942 г. (реорганизация структуры королевства на Конференции круглого стола, союз четырех его частей при их автономии, создание в Индонезии парламента и т. п.), но при этом уточнялось, что и после получения внутренней автономии Индонезия будет управляться правительством во главе с голландским генерал-губернатором. В заявлении в общей форме говорилось о признании «законного стремления индонезийцев к национальному существованию», но подчеркивалось, что это стремление должно быть реализовано с помощью «доброго сотрудничества между индонезийцами и голландцами и путем законной эволюции». Наконец, индонезийцам предлагалось сдать все оружие союзным властям. В целом заявление свидетельствовало о полном непризнании Республики Индонезии и содержало по существу требования ее разоружения и ликвидации в обмен на обещание весьма умеренных реформ. Не удивительно, что начавшиеся вскоре после публикации этого заявления голландско-индонезийские переговоры окончились безрезультатно.

В декабре 1945 — январе 1946 г. в результате поездки ван Моока в Гаагу и англо-голландских переговоров была выработана общая позиция голландского правительства и его представителей в Индонезии, предусматривавшая формальное признание «права Индонезии на независимость» и согласие на переговоры с республикой при условии, что будет обеспечено «длительное сотрудничество» Индонезии с Нидерландами. Эта позиция соответствовала предложениям правительства Великобритании [75].

Голландско-индонезийские переговоры возобновились в Джакарте 10 февраля 1946 г. при посредничестве видного английского дипломата А. К. Керра [76]. В этот день была опубликована декларация правительства Нидерландов, в которой частично повторялось заявление от 6 ноября, но содержался и новый пункт: предложение создать в рамках союза четырех

---

[73] H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 56, 102—115.

[74] Текст заявления см. там же, стр. 241—243.

[75] C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 14—16.

[76] О ходе переговоров см.: О. И. Забозлаева, Борьба индонезийского народа за упрочение независимости, стр. 52—53; H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 115—148.

частей королевства индонезийскую федерацию из различных районов страны с различной степенью самоуправления и сформировать правительство этой федерации во главе с представителем голландской короны. Существование республики в декларации по-прежнему игнорировалось [77]. В речи ван Моока в связи с опубликованием декларации подчеркивалось, что предоставлению Индонезии независимости должен предшествовать длительный переходный период.

Правительство республики дало ответ на декларацию 10 февраля в своей ноте от 13 марта. Выражая согласие на союз и длительное сотрудничество с Нидерландами, республика в то же время требовала признания ее суверенитета над всей территорией Индонезии и отзыва голландских войск. При этом условии она соглашалась оплатить долги Нидерландской Индии и открыть доступ в страну иностранному капиталу. Как и Политический манифест от 1 ноября 1945 г., нота от 13 марта свидетельствовала о гибком маневрировании республиканского руководства, о его готовности идти на существенные уступки ради главного — признания суверенитета молодого индонезийского государства. В ходе дальнейших переговоров позиции сторон сблизились, причем в качестве образца для компромисса они рассматривали франко-вьетнамское соглашение от 6 марта 1946 г. Намеченный к концу марта проект соглашения предусматривал признание Нидерландами де-факто власти республики на Яве и Суматре и создание с участием республики независимого индонезийского федеративного государства, входящего в союз четырех частей королевства. При этом республиканские лидеры рассчитывали, что, укрепившись на Яве и Суматре, где проживало три четверти населения Индонезии, республика постепенно охватит и остальную часть страны.

В апреле переговоры были продолжены в Нидерландах, но безрезультатно, так как голландское правительство соглашалось на признание власти республики только на Яве и выдвигало другие неприемлемые условия [78]. Не дали результатов и переговоры в Джакарте в мае — июне 1946 г.

В Нидерландах в это время развернулась острая политическая борьба по вопросу об отношении к Республике Индонезии. Позиции различных партий по этому вопросу были подробно изложены в ходе дебатов на сессии генеральных штатов (парламента) в мае 1946 г. Правые партии (католическая, антиреволюционная, христианско-исторический союз)

---

[77] По мнению хорошо информированного голландского историка Смита, авторы декларации исходили именно из того, что республика будет ликвидирована (C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 14—16).

[78] S. J. Rutgers, Sedjarah pergerakan nasional Indonesia, Surabaja, 1951, стр. 89—91.

выступали в откровенно колонизаторском духе[79]. Они утверждали, что республика — «японское изделие», что в ней царят хаос и террор, обвиняли лидеров республики и в «фашизме» и в связях с зарубежными «коммунистическими организациями». По мнению правых, республику ни в коем случае нельзя было признавать. Максимум, на что можно было пойти, — это постепенное предоставление Индонезии внутренней автономии при сохранении власти Нидерландов.

Позиция коалиционного правительства католиков и социал-демократов, возглавлявшегося социал-демократом В. Схермерхорном, была более гибкой. Оно соглашалось вести переговоры с республикой, однако целью этих переговоров являлось «убедить националистическое движение сложить оружие, отказаться от революции» и сотрудничать с Нидерландами в создании индонезийской федерации, куда республика сможет войти, но лишь в качестве одной из частей федерации, а не суверенного общеиндонезийского государства[80]. Главной опорой этой более гибкой линии в индонезийском вопросе являлась Партия труда (социал-демократы), которая больше, нежели правые партии, учитывала настроения мировой общественности, популярность республики среди индонезийцев, подъем национально-освободительного движения в Индонезии и других колониях, военную слабость Нидерландов и вытекавшую из всего этого невозможность восстановления колониальных порядков в их прежних формах. На практике эту линию проводил в Индонезии ван Моок. За признание суверенитета республики над всей Индонезией выступала только Коммунистическая партия Нидерландов[81].

После довольно ожесточенных дебатов генеральные штаты приняли в мае 1946 г. резолюцию[82], предлагавшую правительству продолжать переговоры с республикой на основе признания автономии Индонезии и одновременно с переговорами создавать марионеточные правительства за пределами Явы и Суматры, где голландцам к тому времени удалось более или менее прочно закрепиться.

В июле 1946 г., после парламентских выборов, было сформировано правительство Л. Бейла, опиравшееся на ту же коалицию, что и предыдущее, но с некоторым преобладанием католиков. Новое правительство создало генераль-

---

[79] Весьма четко точка зрения этих партий выражена в отчете парламентской комиссии по Нидерландской Индии и в речи главы этой комиссии — депутата от католической партии М. ван Полла на майской сессии генеральных штатов (см.: «Indonesie in het parlement, Mei 1946», 's-Gravenhage, 1946, стр. 11—29, 45—48).

[80] См. заявление и речь министра заморских территорий Логеманна в генеральных штатах,— там же, стр. 7—10, 53—78.

[81] Там же, стр. 43—44, 52.

[82] Там же, стр. 81—82.

ную комиссию для переговоров с республикой. Председателем комиссии являлся бывший премьер, лидер Партии труда В. Схермерхорн, членами — католик М. ван Полл, бывший директор голландской судоходной компании КПМ — де Бур и ван Моок. В середине сентября комиссия прибыла в Джакарту.

Ведя переговоры с республикой, голландские власти одновременно предпринимали против нее целый ряд враждебных акций, активность которых возрастала по мере прибытия в Индонезию новых контингентов голландских войск[83]. Колонизаторы провоцировали столкновения с республиканскими воинскими частями, расширяли свои плацдармы на территории республики, блокировали ее с моря. В соответствии с решениями майской сессии генеральных штатов голландцы приступили к созданию марионеточных государств на контролируемых ими территориях с целью раздробить и ослабить Индонезию и оторвать ряд ее районов от республики. При этом они опирались внутри страны на так называемых федералистов, представленных главным образом феодалами и некоторыми сепаратистскими группами буржуазии Внешних островов, бывшими колониальными чиновниками и офицерами КНИЛ.

На Внешних островах, власть над которыми англичане постепенно передавали Нидерландам, начались преследования сторонников республики и единства Индонезии. Голландцы арестовали республиканских губернаторов Сулавеси и Малых Зондских островов, а также ряд других индонезийских патриотов. На рост сопротивления попыткам восстановить колониальные порядки (восстание индонезийских солдат КНИЛ на Северном Сулавеси в феврале—марте 1946 г., восстание на острове Серам в апреле того же года, партизанская борьба на Бали, в некоторых районах Калимантана, на юге Сулавеси и т. п.) колонизаторы ответили жестоким террором. Кровавые события разыгрались, в частности, на Южном Сулавеси, где голландские части под командованием капитана Вестерлинга, подавляя партизанское движение, перебили в декабре 1946 — январе 1947 г. десятки тысяч мирных жителей[84].

Первым шагом по осуществлению политики раскола Индонезии явилась созванная ван Мооком конференция представителей оккупированных голландскими войсками районов (Сулавеси, Калимантана, Молуккских и других островов), которая происходила на горном курорте Малино на юге Сула-

---

[83] См.: О. И. Забозлаева, Борьба индонезийского народа за упрочение независимости, стр. 52—54.

[84] По данным республиканцев, погибло 40 тыс. человек, в том числе много женщин и детей (см.: «Lukisan revolusi rakjat Indonesia», Jogjakarta, 1949, стр. 356 и сл.).

веси с 15 по 25 июля 1946 г.[85]. Ван Мооку удалось добиться согласия этой конференции на голландский план создания федеративных Соединенных Штатов Индонезии (СШИ), которые должны будут состоять из четырех автономных «государств»: Явы, Суматры, Калимантана и Великого Востока (Сулавеси и некоторые другие острова). Одобрив этот план раскола республики, конференция высказалась также за тесное сотрудничество с Нидерландами и после предоставления СШИ независимости. Однако, несмотря на специально подобранный состав делегатов, голландцам пришлось столкнуться на конференции в Малино с сильной прореспубликанской оппозицией и с требованиями немедленного предоставления Индонезии независимости без переходного периода.

Вслед за конференцией в Малино ван Моок провел 1—12 октября 1946 г. конференцию «национальных меньшинств» (голландцев, голландско-индонезийских метисов, китайцев и арабов) в Панкалпинанге (остров Банка), где были приняты решения в духе Малино. В декабре 1946 г. на основе решений конференции в Денпасаре (остров Бали) было создано первое марионеточное государство — «Государство Восточная Индонезия»[86].

Вопреки расчетам империалистов агрессия Нидерландов и Англии против Республики Индонезии не прошла не замеченной мировой общественностью. Она вызвала резкие протесты и растущее сопротивление прогрессивных сил мира, в особенности Советского Союза, международного рабочего класса, народов азиатских стран. Уже в январе—феврале 1946 г. советские представители в ООН обратили внимание Совета Безопасности на положение в Индонезии и потребовали прекращения империалистической агрессии против индонезийского народа[87]. Хотя западным державам и удалось отвергнуть советские предложения, сама постановка индонезийского вопроса в ООН явилась серьезной морально-политической поддержкой молодой республики. Действия Советского правительства способствовали росту симпатии в Индонезии к первому в мире социалистическому государству.

Почва для этого была подготовлена. Еще до завоевания независимости индонезийские революционеры не раз ссылались на советский пример и опыт. Отнюдь не случайно Сукарно в своей речи 1 июня 1945 г., требуя немедленной независимости для Индонезии, неоднократно упоминал о примере

---

[85] Подробный отчет о работе конференции и текст принятых ею резолюций содержится в официальном издании голландской информационной службы «Malino maakt historie», Batavia, 1946.

[86] H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 159—162; Susanto Tirtoprodjo, Sedjarah revolusi nasional Indonesia, стр. 14—15.

[87] См. подробнее: Ю. Алешин, Советско-индонезийские отношения в 1945—1962 гг., М., 1963, стр. 23—28.

Ленина, создавшего независимую Советскую Россию, об успехах Советского Союза [88]. Симпатии к СССР, признательность за его поддержку выражали и другие индонезийские политические деятели. Огромное впечатление произвела на борцов за свободу Индонезии победа Советского Союза над фашистскими державами. Об этом, в частности, свидетельствовало заявление о характере индонезийской армии, опубликованное министерством обороны республики в ноябре 1945 г. [89]. Подчеркивая, что главным источником силы республиканской армии является вера ее бойцов в правоту своего дела — дела защиты независимости, министерство отмечало, что эти солдаты так же отличаются от солдат голландской колониальной армии, как отличаются «молодые бойцы русской Красной Армии от нацистской молодежи». Заявление кончалось следующими словами: «Мы уверены, что молодежь, вступающая ныне в Армию народной безопасности, проникнута духом, подобным духу русской молодежи, вступающей в Красную Армию. А следовательно, победа будет на стороне тех, кто защищает справедливость и дает отпор агрессии и колониализму!».

Большую поддержку оказал Республике Индонезии международный пролетариат. Уже в сентябре 1945 г. австралийские докеры в знак солидарности с индонезийским народом отказались обслуживать голландские суда. Бойкот голландских перевозок успешно осуществлялся австралийскими рабочими в течение более двух лет, причем в движении помощи Индонезии участвовали 25 профсоюзов, в том числе союзы докеров, моряков, железнодорожников, строителей, электриков, горняков [90]. Австралийские пролетарии помогли индонезийским морякам голландского флота создать в Австралии свой профсоюз, который внес немалый вклад в защиту республики. Находившимися в Австралии индонезийцами был создан Комитет независимости Индонезии, в работе которого активно участвовали бывшие политические заключенные (в том числе коммунисты), перевезенные голландцами в 1942 г. в Австралию из Бовен Дигула (Западный Ириан) [91]. Австралийско-индонезийская ассоциация, возглавлявшаяся лидерами крупнейших австралийских профсоюзов, организовывала митинги в защиту Республики Индонезии, вела пропагандистскую кампанию в печати и по радио.

---

[88] Сукарно, Индонезия обвиняет, М., 1957, стр .253—255 и сл.

[89] Полный текст см. в кн.: O. Raliby, Documenta historica, стр. 539—540.

[90] См.: «Merdeka. 17 August 1945 — 17 August 1946», Brisbane, 1946; S. Kertapati, Sekitar Proklamasi..., стр. 138—140; O. Raliby, Documenta historica, стр. 110.

[91] Представление об их пропагандистской деятельности дает составленная Сарджоно листовка «Indonesia Calling», напечатанная в Австралии в декабре 1945 г. или январе 1946 г.

Движение в защиту индонезийского народа развернулось также в Англии и США [92]. Компартия Великобритании под лозунгом «Руки прочь от Явы!» организовала кампанию за немедленное прекращение английской интервенции в Индонезии. С протестами против этой интервенции выступали в 1945—1946 гг. в парламенте депутаты-коммунисты и левые лейбористы. В марте 1946 г. исполком КПВ направил премьеру Республики Индонезии Шариру письмо с обещанием поддержки со стороны «британских рабочих и всех демократов».

В США индонезийские моряки и эмигранты организовали ряд демонстраций с требованием признания Республики Индонезии и прекращения англо-голландской интервенции. Моряки-индонезийцы, поддержанные профсоюзом моряков США, захватили в нью-йоркском порту 11 голландских судов с американским оружием. В США был создан Американский комитет независимости Индонезии. В защиту республики выступали компартия, рабочие организации, многие деятели науки и искусства (в том числе Поль Робсон).

Поддержку Республике Индонезии оказывали рабочие и прогрессивная интеллигенция многих других стран, а также международные демократические организации — ВФП и ВФДМ (делегация последней в начале 1947 г. посетила Индонезию).

Немало сделали для поддержки борьбы индонезийского народа прогрессивные силы и особенно рабочий класс Нидерландов [93]. В авангарде борьбы в защиту Республики Индонезии шла коммунистическая партия (КПН). 2 февраля 1946 г. в Амстердаме состоялась 20-тысячная демонстрация с требованием мирного решения индонезийского вопроса путем переговоров с республикой. В демонстрации участвовали коммунисты, левые социал-демократы, члены различных молодежных организаций. Серьезные события разыгрались в Амстердаме в сентябре 1946 г. 21 сентября полиция расстреляла организованную КПН демонстрацию протеста против интервенции в Индонезии. В ответ на это 24 сентября в столице началась всеобщая стачка, которая вскоре распространилась и на другие районы страны. Давление голландского пролетариата сыграло немалую роль в том, что представители Нидерландов пошли в октябре—ноябре 1946 г. на соглашение с республикой. Кроме рабочего класса за право Индоне-

---

[92] См.: «Merdeka...», стр. 14; S. Kertapati, Sekitar Proklamasi.., стр. 136—137; O. Raliby, Documenta historica, стр. 51—53, 74, 92, 142—144, 285—286; J. Coast, Recruit to Revolution, London, 1952, стр. 18—19.

[93] См.: A. Averink, De anti-imperialistische strijd van de CPN(II),— «Politiek en cultuur», Amsterdam, 1964, № 1, стр. 1—5; S. Kertapati, Sekitar Proklamasi..., стр. 136; O. Raliby, Documenta historica, стр. 50, 214—215; D. M. G. Koch, Verantwoording, 's-Gravenhage — Bandung, 1956, стр. 259—269.

зии на независимость выступали многие представители прогрессивной голландской интеллигенции, в том числе и находившиеся в то время в Индонезии.

Большую морально-политическую поддержку получила Республика Индонезия от народов азиатских стран [94], особенно от индийского народа. Индийские моряки и докеры в Индии и Австралии участвовали в бойкоте судов, направлявшихся в Индонезию с боеприпасами, и т. п. Руководители Индийского национального конгресса (ИНК) и лидеры Мусульманской лиги требовали отзыва индийских войск из Индонезии и выражали солидарность с борьбой индонезийского народа. 25 октября 1945 г. в Индии по инициативе ИНК был проведен день Юго-Восточной Азии, состоялись массовые митинги и демонстрации. В самой Индонезии сотни индийских солдат британской армии отказывались воевать против индонезийского народа.

Большое значение для укрепления международного авторитета республики имело заключенное летом 1946 г. с возглавлявшимся Д. Неру временным правительством Индии соглашение, по которому Республика Индонезия должна была поставить около 0,5 млн. *т* риса в обмен на индийские текстильные изделия, сельскохозяйственные орудия и другие товары [95].

Сочувствие и симпатии Республике Индонезии выражали в 1945—1946 гг. национальные организации Цейлона, Бирмы и других азиатских стран, также боровшихся в то время за свою независимость. В ноябре 1946 г. Лига арабских стран призвала своих членов признать республику в качестве суверенного государства.

В начале октября 1946 г. в Джокьякарте состоялась встреча индонезийской молодежи с представителями молодежи ряда азиатских стран (Индии, Филиппин, Малайи и др.). Участники встречи приняли решение бороться за единый фронт азиатской молодежи против колонизаторов и в защиту Республики Индонезии [96].

Протесты мировой общественности ускорили вывод британских войск из Индонезии, тем более что особенно сильное возмущение английской интервенцией наблюдалось в Индии и других владениях Великобритании. С марта 1946 г. началась замена британских войск голландскими, в июле голландцам были переданы все оккупировавшиеся союзниками

---

[94] См.: «Новейшая история Индии», М., 1959, стр. 430—431; «Lukisan revolusi...», стр. 355—356; O. R a l i b y, Documenta historica, стр. 89, 101, 367, 549; S. K e r t a p a t i, Sekitar Proklamasi..., стр. 137; «Merdeka...», стр. 28, 32—33.

[95] Кроме указанных источников см. также: C h. W o l f, The Indonesian Story, стр. 76—77. Ввиду транспортных и других трудностей практически было поставлено Индии лишь 60 тыс. *т* риса.

[96] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 381—382.

районы вне Явы и Суматры, а к концу ноября была завершена эвакуация английских войск из всей Индонезии[97]. В то же время англичане усилили нажим на своих голландских партнеров, добиваясь заключения ими соглашения с республикой.

Лингаджатское соглашение

Твердая решимость индонезийского народа отстаивать свою независимость, защита Республики Индонезии прогрессивными силами мира, в том числе и самих Нидерландов, вынудили голландские правящие круги пойти на соглашение с республикой. Этому способствовала и позиция Англии.

7 октября 1946 г. в Джакарте начались переговоры между голландской генеральной комиссией и возглавлявшейся Шариром делегацией республики[98]. В качестве посредника в переговорах выступал лорд Киллерн, который в мае 1946 г. сменил А. К. Керра. Уже 14 октября было подписано перемирие, предусматривавшее сохранение нынешних военных позиций сторон и численности их войск. Политические переговоры продолжались, причем в ноябре они были перенесены в горное местечко Лингаджати (около Черибона) на контролируемой республиканцами территории, чтобы в них могли участвовать президент и вице-президент республики. В результате этих переговоров 15 ноября 1946 г. в Джакарте было парафировано соглашение, вошедшее в историю под названием Лингаджатского[99].

Ст. 1 Лингаджатского соглашения гласила: «Нидерландское правительство признает правительство Республики Индонезии как осуществляющее власть де-факто на Яве, Мадуре и Суматре. Районы, оккупированные союзными или голландскими войсками, должны постепенно... включаться в республиканскую территорию», причем этот процесс будет завершен к 1 января 1949 г.

Соглашением предусматривалось сотрудничество обеих договаривающихся сторон в создании «суверенного, демократического государства на федеративной основе» — СШИ, которые будут состоять из республики[100], Борнео и Великого

---

[97] J. H. van Mook, Indonesie..., стр. 122—147.

[98] О ходе переговоров см.: S. Tirtoporodjo, Sedjarah revolusi..., стр. 22—23 (автор был членом республиканской делегации); C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 35—72; H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 148—158.

[99] Полный текст соглашения см.: O. Raliby, Documenta historica, стр. 649—651; C. Smith, Het akkoord van Linggadjati, стр. 52—63; Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 175—178.

[100] Таким образом, голландцам пришлось отказаться от намеченного на конференции в Малино плана отделения Суматры от Явы и полного расчленения республики.

Востока (ст. 2, 4, 5). Стороны должны были также сотрудничать в создании нидерландско-индонезийского союза под эгидой голландской короны. Союз будет иметь свои органы для защиты «общих интересов» Нидерландов и СШИ в области внешних сношений, обороны и др. Статут союза должен быть выработан на конференции представителей Нидерландов и будущих СШИ (т. е. с участием республики), причем стороны обязаны стремиться создать СШИ и Союз до 1 января 1949 г., после чего правительство Нидерландов будет добиваться принятия СШИ в ООН (ст. 6—13).

Согласно ст. 14, правительство республики обещало возвратить «всем неиндонезийцам» их права и имущество на контролируемой им де-факто территории. Ст. 17 предусматривала, что любой конфликт, который связан с данным соглашением и который не удастся урегулировать путем переговоров между сторонами, должен улаживаться путем международного арбитража.

Лингаджатское соглашение представляло собой компромисс между Нидерландами и Республикой Индонезией, достигнутый на основе уступок обеих сторон. Голландское правительство признавало власть республики де-факто на Яве, Мадуре и Суматре, причем территории на этих островах, занятые английскими и голландскими войсками, должны были быть возвращены республике. В свою очередь правительство республики соглашалось на создание федеративных СШИ, которые войдут в нидерландско-индонезийский союз, возглавляемый голландской короной. Кроме того, правительство республики признавало права голландских и других западных собственников на их предприятия, плантации и другое имущество на подвластной ему территории.

К концу 1946 — началу 1947 г. Нидерланды, опираясь на экономическую и военную помощь крупнейших империалистических держав — США и Англии, создали и перебросили в Индонезию современную механизированную армию, в то время как войска республики были крайне плохо подготовлены и вооружены. Кроме того, голландская блокада лишала индонезийцев возможности получить какую-либо экономическую помощь и тем более вооружение извне. Подобное соотношение сил требовало от республики маневров и компромиссов в ее отношениях с Нидерландами в интересах достижения независимости без тяжелой и опустошительной войны с гораздо лучше вооруженным и подготовленным противником. Лингаджатское соглашение было именно таким компромиссом, в целом приемлемым для республики [101]. Голландские импе-

---

[101] См. аналогичную оценку этого соглашения в работах А. А. Губера: Война в Индонезии, М., 1947, стр. 8—9; Индонезийский народ в борьбе за независимость,— «Кризис колониальной системы», М.— Л., 1949, стр. 159—

риалисты потому и нарушили его так скоро, что оно не способствовало, а мешало достижению их подлинных целей и являлось с их стороны вынужденной уступкой.

В самом деле, голландцы признавали власть республики над территорией, где проживало более 80% населения Индонезии и находились наиболее развитые и ценные в экономическом отношении районы страны. Опираясь на Лингаджатское соглашение, республика стала бы ведущей силой в СШИ, постепенно объединила их вокруг себя и сделала бы новое государство действительно суверенным, после чего нидерландско-индонезийский союз стал бы чистой формальностью [102].

Лингаджатское соглашение давало республике не только передышку, но и официальное признание ее Нидерландами и определенный международный статус (о чем, в частности, свидетельствовала ст. 17 об арбитраже), создавая значительно лучшие условия для борьбы за полную независимость. Разъясняя значение этого соглашения на собрании лидеров основных партий и организаций республики 3 декабря 1946 г., министр обороны Амир Шарифуддин подчеркнул, что соглашение «не блестящая победа, но и не поражение, а максимальный результат, которого можно было достигнуть путем переговоров», причем его следует рассматривать «не как окончательный итог, а как важную веху в ведущейся Индонезией борьбе» [103].

В Нидерландах Лингаджатское соглашение вызвало отчаянные протесты крайне правых колонизаторских кругов, возглавлявшихся бывшим премьером Гербранди, бывшим министром колоний Вельтером и др. [104]. Однако в правительстве преобладали сторонники более гибкой политики, которые расценивали соглашение как «нечто неизбежное» при нынешнем соотношении сил, не отказываясь при этом от расчетов на его ликвидацию в будущем. В генеральных штатах против соглашения выступали главным образом протестантские партии и правое крыло входившей в правительственную коалицию католической партии. За одобрение соглашения выступали часть католиков во главе с премьером Бейлом, Партия труда, ком-

---

164, и других. См. также оценку Лингаджатского соглашения и франко-вьетнамского соглашения 1946 г. (чрезвычайно близкого по своим условиям к Лингаджатскому) в кн.: «На новом пути», М., 1968, стр. 81 и 87—89.

[102] Именно так и развивались события после Конференции круглого стола 1949 г., а ведь решения этой конференции были значительно менее выгодными для республики, нежели Лингаджатское соглашение.

[103] Эти моменты справедливо подчеркивались в заявлении министерства информации республики от 19 ноября 1946 г. (O. Raliby, Documenta historica, стр. 453—455, 466—467).

[104] Подробнее о борьбе вокруг Лингаджатского соглашения в период от его парафирования до подписания см.: C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 72—122.

мунисты[105]. После ожесточенной дискуссии вторая палата генеральных штатов приняла 20 декабря 1946 г. резолюцию, предложенную главой католической фракции проф. Ромме и депутатом от Партии труда ван дер Гус ван Натерс. Резолюция гласила, что парламент одобряет Лингаджатское соглашение в той его интерпретации, которая давалась генеральной комиссией и правительством Нидерландов.

Между тем для данного соглашения (как и для всякого компромисса) вопрос об интерпретации имел чрезвычайно большое значение. Так, лидеры республики считали, что, несмотря на согласие последней войти в СШИ, она сохранит свой суверенитет в течение всего переходного периода, когда будет на равных с Нидерландами правах участвовать в создании СШИ. В соответствии с этим республика сохранит право на внешние сношения и собственное представительство за рубежом. Однако голландское правительство утверждало, что суверенитет и право на внешнее представительство будут только у СШИ, а до их создания Индонезия должна находиться под суверенитетом Нидерландов. Степень суверенитета будущих СШИ в рамках нидерландско-индонезийского союза тоже понималась по-разному. С точки зрения республики королева Нидерландов была лишь «символической» главой союза без реальной власти, а СШИ должны располагать такими же суверенными правами, как другой член союза — Нидерланды. К тому же республика твердо рассчитывала на лидерство в СШИ, в то время как голландцы хотели ослабить ее роль в СШИ и ограничить суверенитет последних.

В январе 1947 г. начались голландско-индонезийские переговоры об окончательном подписании Лингаджатского соглашения. Во время этих переговоров Нидерланды оказывали на республику грубый военный и экономический нажим. В январе 1947 г. была усилена морская блокада, причем голландский флот стремился не только отрезать республику от внешнего мира, но и контролировать перевозки между Явой и Суматрой. Голландские войска в январе — марте 1947 г. неоднократно нарушали демаркационную линию, особенно в районе Сурабаи на Яве и в районах Паданга и Медана на Суматре, флот и авиация обстреливали и бомбардировали республиканскую территорию. Наконец, вопреки условиям перемирия в Индонезию перебрасывались новые контингенты голландских войск.

---

[105] Состоявшаяся в ноябре 1946 г. конференция компартии Нидерландов расценила Лингаджатское соглашение как успех Республики Индонезии, добившейся официального признания, и первое поражение голландских колонизаторов. В то же время конференция отметила, что это соглашение еще не дает Индонезии независимости и не является решением индонезийского вопроса (A. Averink, De anti-imperialistische strijd van de CPN(II), стр. 5—6).

В Республике Индонезии вокруг Лингаджатского соглашения развернулась не менее острая политическая борьба, чем в Нидерландах, причем агрессивные акты голландских империалистов и резолюция генеральных штатов от 20 декабря 1946 г. способствовали активизации всех противников этого соглашения[106]. Основными партиями, выступавшими против Лингаджатского соглашения под лозунгами стопроцентной независимости и единства всей Индонезии, являлись Машуми и НПИ. Их поддержали ряд мелких партий, многие военизированные молодежные и женские организации, особенно те из них, где было сильно влияние сторонников Тан Малаки. Выступая против политики компромиссов и соглашений с Нидерландами, лидеры Машуми одновременно стремились подорвать влияние поддерживавших эту политику левых партий. Объективно позиция Машуми и НПИ угрожала расколом республиканских сил и срывом соглашения с Нидерландами, что облегчило бы последним развязывание войны против республики. 8 декабря 1946 г. противники Лингаджатского соглашения создали свой оппозиционный блок, названный ими «оплот республики».

Главной опорой правительства в вопросе о Лингаджатском соглашении являлись партии и организации, входившие в «левое крыло». 14 декабря 1946 г. «левое крыло» опубликовало заявление, в котором указывалось, что Лингаджатское соглашение затрудняет агрессию голландских империалистов, дает Республике Индонезии передышку для укрепления ее обороны, обеспечивает ей международное признание и создает более благоприятные условия для борьбы за независимость всей Индонезии, демократию и социализм. «Отвергнуть этот проект индонезийско-голландского соглашения — означает обеспечить империалистам, внешней и внутренней реакции наилучшие возможности для того, чтобы отбросить назад нашу революцию»,— говорилось в заявлении.

Чтобы обеспечить одобрение Лингаджатского соглашения КНИП, президент Сукарно издал 29 декабря 1946 г. декрет об увеличении числа членов КНИП, в результате которого соотношение сил в этом временном парламенте изменялось в пользу партий «левого крыла» и поддерживавших их рабочих, крестьянских и других организаций. Рабочий комитет КНИП голосами сторонников «оплота республики» отверг этот декрет в январе 1947 г. Тогда правительство созвало сессию КНИП, которая состоялась в Маланге 25 февраля — 5 марта 1947 г. На сессии Сукарно и Хатта пригрозили уйти в отставку, если президентский декрет не будет одобрен. Счи-

---

[106] О борьбе вокруг Лингаджатского соглашения и позициях основных партий и организаций см.: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 164—202; Susanto Tirtoprodjo, Sedjarah revolusi..., стр. 23—24.

таясь с авторитетом этих лидеров республики, сессия одобрила декрет, после чего состав КНИП и его рабочего комитета существенно изменился, а позиции «левого крыла» стали в них чрезвычайно сильными. 5 марта сессия КНИП 284 голосами против двух одобрила Лингаджатское соглашение (депутаты «оплота республики» воздержались от голосования). Одновременно сессия приняла резолюцию с требованием, чтобы правительство боролось за освобождение и включение в республику всей территории Индонезии.

В ходе голландско-индонезийских переговоров (январь — март 1947 г.) делегация республики отвергла все попытки навязать ей голландскую интерпретацию Лингаджатского соглашения. В результате правительству Нидерландов пришлось дать указание генеральной комиссии подписать первоначальный текст, парафированный в Джакарте. 25 марта 1947 г. соглашение было подписано в Джакарте: со стороны республики его подписали Шарир, М. Рум, Сусанто и А. К. Гани, со стороны Нидерландов — Схермерхорн, ван Моок и ван Полл.

Через несколько дней после подписания Лингаджатского соглашения — 31 марта — Великобритания признала де-факто Республику Индонезию. 17 апреля аналогичное решение приняли США [107]. С целью дальнейшего укрепления своего международного статуса на основе Лингаджатского соглашения республика развила большую дипломатическую активность. В конце марта — начале апреля 1947 г. ее представители — Шарир и заместитель министра иностранных дел Хаджи Агус Салим — участвовали в межазиатской конференции в Дели. Вслед за тем миссия республики во главе с Агус Салимом направилась в арабские страны. В результате ее деятельности в июне — июле 1947 г. республика была признана Египтом, Ливаном, Сирией и Ираком, причем Египет и Сирия заключили с ней договоры о дружбе. В 1947 г. Республика Индонезия имела свои официальные и неофициальные представительства в Лондоне, Нью-Йорке, Канберре, Праге, Дели. Каире, Коломбо, Рангуне [108].

Первая колониальная война (1947 г.)

Укрепление международных позиций республики, рост ее авторитета за пределами Явы и Суматры, где народ справедливо рассматривал ее как оплот свободы и независимости всей Индонезии,— все это никак не соответствовало расчетам голландских колонизаторов. Рассматривая Лингаджатское согла-

---

[107] «Lukisan revolusi...», стр. 357. Республика была также признана де-факто Австралией, Китаем и Индией.

[108] Там же, стр. 357—359; S. Tirtoprodjo, Sedjarah revolusi..., стр. 25; J. Coast, Recruit to Revolution, стр. 35—36.

шение как вынужденную и сугубо временную уступку, правящие круги Нидерландов немедленно начали нарушать его. В течение весны — лета 1947 г. они осуществили ряд мероприятий военного, экономического, политического и дипломатического характера, которые должны были обеспечить наиболее выгодные условия для агрессии против республики. По мнению голландских властей, истощение валютных резервов Нидерландов не позволяло им содержать в Индонезии свои войска (численность которых с октября 1946 до июля 1947 г. возросла вдвое и достигла 120 тыс.) дольше чем до конца 1947 г. и поэтому индонезийский вопрос должен был быть решен до истечения этого срока. Иными словами, надо было начать войну, пока еще были средства на содержание вооруженных сил. В то же время успешная война должна была обеспечить захват плантаций и складов экспортных культур на территории республики и таким образом резко увеличить валютные резервы Голландии [109].

План войны против республики был составлен «на всякий случай» уже в конце 1945 г., а с ноября 1946 г. началась подготовка к его практическому осуществлению. В мае 1947 г. в Джакарту прибыли голландский премьер Бейл и министр заморских территорий Йонкман. 14—15 мая Бейл провел совещание с генеральной комиссией и властями Нидерландской Индии с целью выявить «различные аспекты и последствия эвентуальной военной акции». На совещании вопрос о войне против республики был по существу решен, причем, по подсчетам голландских экспертов, захват ее запасов экспортных культур должен был не только возместить все военные расходы, но и принести не менее 100 млн. гульденов прибыли. Католическая партия еще раньше активно поддерживала план войны против республики, а к маю 1947 г. на него дала согласие и вторая партия правительственной коалиции — Партия труда [110].

Готовясь к войне и подбрасывая в Индонезию все новые подкрепления, правящие круги Нидерландов одновременно стремились максимально снизить роль республики в будущих СШИ «путем создания наряду с ней штатов, находящихся под голландским влиянием» [111]. В мае 1947 г. была объявлена «независимость» Западного Борнео, а затем и ряда других районов Индонезии.

Голландский флот, несмотря на признание республики Нидерландами де-факто, продолжал блокировать ее, причем контрабандой объявлялся не только ввоз оружия, но и вывоз экспортных культур. При этом голландцы захватывали

---

[109] C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 90—91, 129—130; Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 115—118.
[110] C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 130—140, 176—184.
[111] Там же, стр. 142.

не только индонезийские, но и китайские и даже английские суда, конфисковывая их «контрабандный» груз. С целью подготовить общественное мнение к будущей войне голландские власти постоянно обвиняли республику в нарушениях Лингаджатского соглашения (причем в качестве таковых рассматривались все ее внешнеполитические акции), а также в нарушении перемирия. На основе ст. 14 этого соглашения они требовали немедленной передачи голландским капиталистам их предприятий и плантаций, игнорируя требование республики о том, чтобы этому предшествовал вывод голландских войск с ее территории, тоже обусловленный Лингаджатским соглашением.

В ходе нидерландско-индонезийских переговоров, происходивших в апреле — июле 1947 г. [112], голландская сторона непрерывно выдвигала такие требования, которые должны были спровоцировать республику на отказ, с тем чтобы оправдать заранее предрешенное нападение на нее. Так, после визита Бейла генеральная комиссия 27 мая предъявила республике ультиматум, основные пункты которого предусматривали признание суверенитета Нидерландов над Индонезией в период до создания СШИ, т. е. до 1 января 1949 г., сформирование временного федерального правительства для всей Индонезии во главе с представителем голландской короны и создание совместной голландско-индонезийской жандармерии для поддержания порядка по всей Индонезии, включая территорию республики. Принятие требования относительно смешанной жандармерии по существу привело бы к ликвидации республиканской армии и оккупации республики голландскими войсками. После ряда безуспешных попыток достичь компромисса глава индонезийской делегации Шарир принял (в нотах от 20 и 23 июня) все основные требования голландцев, кроме создания смешанной жандармерии. Это привело к тому, что не только Машуми и НПИ, но и партии «левого крыла» осудили уступки Шарира, в результате чего он 27 июня подал в отставку с поста премьера. 3 июля был сформирован кабинет Амира Шарифуддина, опиравшийся в основном на «левое крыло» и НПИ. Новое правительство вскоре пошло на те же уступки голландцам, что и Шарир, приняв все их основные требования, кроме создания совместной жандармерии. Тем не менее голландцы 21 июля развязали военные действия, отвергнув (в нарушение Лингаджатского соглашения) предложение республики о международном арбитраже.

---

[112] Историю этих переговоров и текст основных нот и ультиматумов см.: там же, стр. 123—181, 202—260; «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 211—231; Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 118—127, 179—181.

В правительство Шарифуддина входили пять коммунистов: сам Амир Шарифуддин (премьер и министр обороны), Сетиаджид (заместитель премьера), Викана, Абдулмаджид и Маруто Дарусман [113]. Поскольку это правительство действовало в условиях войны, основные его усилия были сконцентрированы на военных и дипломатических проблемах. Однако кабинет Шарифуддина, включавший больше коммунистов, чем какое-либо другое правительство республики, сумел положить начало созданию трудового законодательства в Индонезии [114]. Он учредил министерство труда, издал постановление о повышении заработной платы и уменьшении разрыва между максимальными и минимальными ставками. 18 октября 1947 г. был принят закон о компенсации за увечье при несчастных случаях на производстве и о выплате пособий семьям рабочих, погибших на производстве. Кроме того, правительством Шарифуддина были разработаны два закона, вступившие в силу уже при последующем правительстве (соответственно 1 мая и 23 июля 1948 г.): закон о труде, вводивший семичасовой рабочий день, ежегодные отпуска и отпуска по беременности, объявлявший 1 мая нерабочим днем и т. п., и закон о трудовой инспекции. В условиях войны и разрухи эти законы и постановления не были осуществлены на практике, но сам факт разработки и принятия первых законов о труде в Республике Индонезии несомненно имел большое значение для дальнейшей борьбы рабочего класса за свои права. Правительство Шарифуддина попыталось также облегчить положение крестьянских хозяйств с помощью государственного кредитования, начало борьбу с неграмотностью [115], однако война помешала реализации этих мероприятий.

К началу первой колониальной войны соотношение сил было крайне неблагоприятным для республики. Голландские колонизаторы располагали в Индонезии 120-тысячной механизированной армией, отлично подготовленной и оснащенной при активной помощи Англии и США [116]. Армия республики [117] номинально насчитывала около 200 тыс. бойцов, входивших в 10 дивизий (семь на Яве и три на Суматре), однако эти войска были чрезвычайно плохо подготовлены и воору-

---

[113] «Lukisan revolusi...», стр. 376. Официально от компартии в кабинет вошел только Маруто Дарусман, остальные коммунисты представляли социалистическую и рабочую партии и Песиндо.

[114] См. подробнее: А. И. Ионова, Индонезийская буржуазия и рабочий класс (1945—1960 гг.), М., 1966, стр. 16—18.

[115] А. А. Губер, Индонезийский народ в борьбе за независимость, стр. 166—167.

[116] См.: А. С. Шин, Политика Англии..., стр. 132—133; его же, Американский империализм..., стр. 22—23.

[117] Название ее неоднократно менялось: в 1945 г.— Армия народной безопасности (ТКР), с января 1946 г.— Армия Республики Индонезии (ТРИ — Тентара Републик Индонесиа), с 3 июня 1947 г.— Национальная индонезийская армия (ТНИ — Тентара насиональ Индонесиа).

жены[118]. Своей военной промышленности республика не имела, а голландская блокада лишила ее возможности ввозить вооружение и снаряжение извне. Республиканские войска были оснащены в основном японским трофейным вооружением, значительная часть которого была уничтожена в сражениях и стычках 1945—1946 гг. Военно-морского флота республика не имела, а ее авиация насчитывала несколько устаревших и изношенных японских самолетов.

Дисциплина в республиканских войсках была чрезвычайно слабой, их разъедала партизанщина. Попытки создать вооруженные силы республики с единым командованием, неоднократно предпринимавшиеся в 1945—1947 гг., в том числе перед самой войной, не дали существенных результатов. Попрежнему существовало множество автономных отрядов (лашкаров), связанных с различными партиями и организациями (лашкары Машуми, Песиндо, сторонников Тан Малаки и др.). Ощущалась острая нехватка подготовленных офицерских кадров. В ноябре 1945 г. была создана республиканская Военная академия, однако это учебное заведение, представлявшее собой на деле краткосрочные курсы по образцу японских курсов для офицеров ПЕТА, не могло существенно поднять уровень подготовки командного состава войск республики.

Первая колониальная война началась стремительным наступлением моторизованных голландских войск, действовавших при поддержке танков, авиации и военно-морского флота, высадившего ряд десантов на Яве и Суматре. Республиканские войска упорно оборонялись в отдельных районах, однако не могли противостоять противнику в регулярных сражениях. За две недели голландцы заняли основные города и ценные плантационные районы на Западной и Восточной Яве, часть острова Мадура, плантационные районы Восточной и нефтеразработки Южной Суматры. В руках колонизаторов оказались основные порты республики, им удалось захватить значительное количество экспортных товаров, скопившихся в республике в результате блокады.

Несмотря на эти первоначальные успехи агрессора, исход войны отнюдь еще не был решен. Голландцам не удалось уничтожить основные силы республиканской армии. Часть этих сил сконцентрировалась на Центральной Яве, другая часть отступила в горные и лесистые районы Явы и Суматры, где развернула упорную партизанскую борьбу. Население рес-

---

[118] О состоянии республиканских вооруженных сил к началу и во время войны см.: Р. Э. Севортян, Политическая роль армии в Индонезии, стр. 41—106; A. H. Nasution, Fundamentals of Guerilla Warfare, New York, 1965, стр. 15—16, 30—33, 77—79; «Republik Indonesia. Kotapradja Djakarta Raya», стр. 211—233; «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 348; «The History of the Armed Forces of the Republic of Indonesia», Djakarta, 1960, стр. 12—16.

публики оказывало партизанам растущую поддержку. Большой вклад в оборону внес, в частности, рабочий класс и его профсоюзы [119]. По призыву СОБСИ рабочие уничтожали предприятия, которые могли быть захвачены врагом, эвакуировали оборудование, создавали оружейные мастерские и небольшие предприятия по производству винтовок, ручных гранат и т. п. В оккупированных голландцами городах и районах возникло организованное движение Сопротивления.

Борьба республики против голландской агрессии получила поддержку мировой прогрессивной общественности. На защиту индонезийского народа выступили международный рабочий класс, Советский Союз и другие социалистические страны, многие азиатские государства.

Через несколько дней после начала войны — 24 июля и 5 августа — СОБСИ обратился по радио к «рабочим всего мира» и ВФП с призывом принять меры для прекращения агрессии Нидерландов, организовав, в частности, бойкот голландских судов. Пролетариат ряда стран немедленно откликнулся на этот призыв. В Нидерландах против колониальной войны выступила компартия и часть левых социал-демократов (Партия труда в целом поддержала войну, оговорив лишь, что она должна носить «ограниченный характер» и не преследовать цели полного уничтожения Республики Индонезии [120]). В Амстердаме, Гааге и других городах состоялись стачки и демонстрации протеста. Многие голландские юноши были арестованы за отказ воевать в Индонезии.

Демонстрации протеста происходили и в Австралии, где докеры немедленно возобновили бойкот голландских судов. Наряду с ВФП в кампании бойкота приняла участие и Всемирная федерация демократической молодежи.

Большую поддержку Республике Индонезии оказали народы и государства Азии [121]. Правительство Индии запретило голландским самолетам пользоваться индийскими аэродромами, индийский Красный Крест направил в республику самолеты с врачами и медикаментами. В период войны Республика Индонезия была признана Афганистаном (23 сентября 1947 г.), Бирмой (23 ноября) и Саудовской Аравией (24 ноября). В конце августа в состав республиканских вооруженных сил влилась «интернациональная бригада», состоявшая главным образом из индийских, китайских и филиппинских бойцов.

По инициативе Индии и Австралии вопрос о войне в Индонезии был поставлен на обсуждение Совета Безопасности

---

[119] См.: Е. П. Заказникова, Рабочее движение в Республике Индонезии, стр. 135—136.

[120] C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 176—187.

[121] «Lukisan revolusi...», стр. 361.

ООН[122]. На первом заседании Совета 31 июля 1947 г. представитель СССР предложил потребовать не только прекращения военных действий, но и отвода войск обеих сторон (практически — голландских войск) на исходные позиции. Это предложение, наиболее соответствовавшее интересам Республики Индонезии, было отвергнуто представителями империалистических держав. 1 августа Совет принял австралийскую резолюцию (с поправкой США), предусматривавшую только прекращение огня, причем колониальные державы — Англия, Франция и Бельгия — отказались голосовать и за эту резолюцию, поскольку они считали недопустимым какое-либо вмешательство Организации Объединенных Наций в колониальные проблемы вообще.

4 августа правительства Нидерландов и республики отдали своим войскам приказ о прекращении огня, однако на деле голландская агрессия не прекратилась. 25 августа, несмотря на возражения СССР и Польши, Совет принял резолюции о создании комиссии добрых услуг для содействия сторонам в урегулировании конфликта и об образовании комиссии из консулов, находившихся в Джакарте (консулы западных держав, Австралии и Китая), которая должна была докладывать Совету о выполнении его решения от 1 августа. Таким образом, западные державы подменили международный арбитраж неэффективными добрыми услугами. В конце октября комиссия добрых услуг в составе представителей Соединенных Штатов, Австралии и Бельгии прибыла в Индонезию.

Несмотря на неудовлетворительный в целом характер решений Совета Безопасности, который голосами представителей западных держав отверг советские предложения об отводе войск агрессора на исходные позиции и не создал эффективного механизма для контроля за выполнением своего решения о прекращении огня, сам факт разбора голландско-индонезийского конфликта в ООН явился дипломатическим успехом республики. Совет Безопасности тем самым признал международный характер конфликта вопреки заявлениям голландского делегата, что речь идет не о войне, а о «полицейской акции», являющейся «внутренним делом» Нидерландов. Мало того, по предложению Польши, поддержанному Советским Союзом, Совет заслушал представителя республики — Шарира и в то же время отказался заслушать делегатов марионеточных государств, созданных в Индонезии голландцами. Вопреки расчетам правящих кругов Нидерландов рес-

---

[122] См. подробнее: А. С. Шин, Американский империализм, стр. 22—30; Ю. Алешин, Советско-индонезийские отношения..., стр. 29—31; A. M. Taylor, Indonesian Independence and the United Nations, London, 1960, стр. 47—65.

публика не только не была уничтожена, но ее международный престиж в результате войны еще более возрос[123].

Обсуждение индонезийского вопроса в ООН подтвердило, что США, оказавшие (совместно с Англией) большую экономическую, финансовую и военную помощь Нидерландам в период подготовки первой колониальной войны, не намерены принимать эффективных мер против голландской агрессии. Характерно, что накануне нападения голландцев, 28 июня 1947 г., США рекомендовали правительству республики принять основные условия голландского ультиматума, обещая за это финансовую помощь в будущем[124]. В Совете Безопасности американский представитель упорно отвергал требования СССР и самой Республики Индонезии об отводе голландских войск и об арбитраже, оказывая тем самым прямую поддержку агрессору. Как справедливо отмечал английский исследователь Тэйлор, США в этот период придерживались курса, который был выгоден только Нидерландам, ибо для Соединенных Штатов союз с Голландией и другими западноевропейскими странами против СССР был гораздо важнее, нежели реакция народов колоний на отказ американских правящих кругов от своих обещаний защищать право этих народов на самоопределение[125].

Пользуясь попустительством империалистических держав, которые 31 октября вновь отклонили в Совете Безопасности предложение СССР об отводе голландских войск на исходные позиции, Нидерланды продолжали военные действия против республиканских сил. Правда, сопротивление индонезийского народа и протесты мировой прогрессивной общественности, под влиянием которых Совет Безопасности принял резолюцию о прекращении огня, вынудили правящие круги Нидерландов временно отказаться от планов полной ликвидации республики и пойти на переговоры с ее правительством. Еще до начала этих переговоров, 29 августа 1947 г., голландцы объявили о создании так называемой линии ван Моока. Эта линия соединяла пункты максимального продвижения голландских танковых и моторизованных колонн в глубь территории республики, охватывая обширные районы между этими пунктами, которые на деле находились под контролем республиканских войск, действовавших в тылу противника. Согласно «линии ван Моока», под властью республиканского правительства оставалось лишь около трети Явы (часть Центральной и Восточной Явы и небольшой район в Западной Яве), около трех четвертей территории Суматры (без наиболее развитых плантационных и нефтедобывающих районов)

---

[123] Это прямо признает К. Смит (C. Smit, Het akkoord van Linggadjati, стр. 196).

[124] См.: G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 209—220.

[125] A. M. Taylor, Indonesian Independence..., стр. 390—392, 398.

и часть Мадуры. Объявив о «линии ван Моока», голландские колонизаторы приступили к «очистке» отрезанных этой линией территорий от республиканских войск и партизан.

Ренвилское соглашение 1948 г.

В этих условиях комиссия добрых услуг организовала переговоры между республикой и Нидерландами. После нескольких предварительных встреч 8 декабря 1947 г. начались официальные переговоры. Они происходили на «нейтральной территории» — транспортном судне американского военного флота «Ренвил», стоявшем на якоре в порту Джакарты [126]. Делегацию республики возглавлял премьер-министр Амир Шарифуддин, а делегацию Нидерландов — старый колониальный чиновник-индонезиец Раден Абдулкадир Виджойоатмоджо. В переговорах активно участвовали члены комиссии добрых услуг.

17 января 1948 г. Шарифуддин и Абдулкадир Виджойоатмоджо подписали так называемое Ренвилское соглашение, состоявшее из двух документов -- соглашения о перемирии и 12 политических принципов, к которым были приложены шесть дополнительных принципов комиссии добрых услуг [127].

Соглашение о перемирии предусматривало прекращение огня и принятие «линии ван Моока» в качестве временной линии разграничения, в результате чего под голландской оккупацией остались бо́льшая часть Явы (в том числе самые плодородные рисовые районы) и основные нефтяные и плантационные районы Суматры. Республиканские войска должны были очистить территорию за «линией ван Моока» в течение не более трех недель.

12 политических принципов предусматривали продолжение переговоров при посредничестве комиссии добрых услуг и выработку окончательного политического соглашения на основе Лингаджатского соглашения (создание США, нидерландско-индонезийский союз и т. п.).

Шесть дополнительных принципов комиссии содержали некоторые уточнения 12 принципов, выгодные для голландской стороны. Так, в них признавался суверенитет Нидерландов над всей Индонезией вплоть до создания суверенных США, которое должно последовать не позже 1 января 1949 г.; подчеркивалось, что республика будет лишь одним из штатов, входящих в США. В то же время, согласно четвертому из шести принципов, в течение 6—12 месяцев «на различных

---

[126] Наиболее подробно ход переговоров на «Ренвиле» изложен в кн.: A. M. Taylor, Indonesian Independence..., стр. 66—97.

[127] Полный текст Ренвилского соглашения см.: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 257—262; Ch. Wolf, The Indonesian Story, стр. 184—189.

территориях Явы, Мадуры и Суматры» должен был быть проведен плебисцит под наблюдением комиссии, чтобы определить, хочет ли их население войти в республику или же образовать самостоятельные штаты в рамках СШИ. Этот пункт давал лидерам республики надежду на возвращение оккупированных голландцами территорий, однако он был составлен достаточно неопределенно, чтобы не вызвать серьезного недовольства голландской стороны. В дальнейшем правительство республики считало, что речь идет о плебисците только в тех районах республики, которые были оккупированы голландцами, а правительство Нидерландов утверждало, что имеется в виду вся территория Явы, Суматры и Мадуры.

Вообще Ренвилское соглашение, подобно Лингаджатскому, было сформулировано весьма туманно и допускало различные интерпретации. Важнейший вопрос о статусе республики в переходный период до создания СШИ в соглашении был по существу обойден. Правительство республики полагало, что, поскольку по Лингаджатскому соглашению республика признана де-факто, она имеет право на государственную независимость, на свои вооруженные силы и самостоятельные внешние сношения вплоть до создания суверенных СШИ. Нидерланды же отрицали за ней такие права, ссылаясь на свой суверенитет над Индонезией до образования СШИ.

Подписывая крайне тяжелое Ренвилское соглашение, правительство Шарифуддина исходило, во-первых, из того, что только таким путем можно было предотвратить новое наступление голландцев и оккупацию всей республики. Следует учитывать, что во время переговоров на «Ренвиле» нидерландская делегация прямо угрожала возобновлением военных действий в широких масштабах в случае, если республика не примет ее предложений [128]. Ренвилское соглашение давало республике мирную передышку в момент, когда соотношение сил было далеко не в ее пользу. Во-вторых, республиканское правительство рассчитывало, что в результате плебисцита в состав республики вновь войдут оккупированные голландцами районы.

Определенную роль сыграли надежды республиканских лидеров на поддержку со стороны комиссии добрых услуг и США, на то, что США и комиссия не допустят новой голландской агрессии, обеспечат проведение плебисцита и помогут ликвидировать голландскую блокаду, если республика примет условия Ренвилского соглашения [129]. Члены комиссии и особенно представитель США Грэхем осуществляли нажим на правительство республики, запугивая его тем, что, если в ответ на отказ подписать Ренвилское соглашение голландцы

[128] J. Chaudhry, The Indonesian Struggle, Karachi, 1950, стр. 175; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 225—228.

[129] J. Chaudhry, The Indonesian Struggle, стр. 174—177.

начнут новое наступление, ни комиссия, ни США не смогут помешать им. В случае же принятия республикой условий Ренвилского соглашения США, по словам Грэхема, заставят голландцев провести плебисцит под контролем ООН. Представитель США заверял руководителей республики, что до создания СШИ республика будет по-прежнему самостоятельным государством со своими вооруженными силами, самостоятельной внешней политикой и финансами [130].

Сразу же после заключения Ренвилского соглашения НПИ и Машуми отказались от поддержки правительства Шарифуддина, что вынудило последнего 23 января 1948 г. подать в отставку [131]. Истинной причиной отказа основных буржуазных партий от поддержки Шарифуддина и выхода их представителей из его правительства никак нельзя считать подписание Ренвилского соглашения. Ведь пришедший 29 января на смену кабинету Шарифуддина президентский кабинет во главе с вице-президентом Хаттой, куда вошли представители тех же Машуми и НПИ, объявил своей первейшей задачей выполнение этого соглашения.

Причины выступления Машуми и НПИ против правительства Шарифуддина были не внешние, а внутриполитические: руководство этих буржуазных партий было серьезно обеспокоено усилением позиций коммунистов и сочувствующих им в правительстве, парламенте и вооруженных силах и решило отстранить от власти кабинет, в котором коммунисты были представлены больше, нежели в каком-либо другом.

Падению правительства Шарифуддина способствовал конфликт между коммунистами и сторонниками Шарира внутри Социалистической партии. Этот конфликт чрезвычайно обострился к началу 1948 г. и привел к расколу партии, а следовательно, и всего «левого крыла». Шарир и его сторонники выступили против Ренвилского соглашения, которое было поддержано всем «левым крылом», в том числе и большинством членов Социалистической партии, и которое соответствовало всей предшествующей политике переговоров и компромиссов, проводившейся Шариром. После сформирования кабинета Хатты группа Шарира создала 12 февраля 1948 г. свою Социалистическую партию Индонезии [132]. Шарир и его последо-

---

[130] G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 227—229; Susanto Tirtoprodjo, Sedjarah revolusi nasional Indonesia, стр. 25; H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 195—196.

[131] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 274—278; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 230—232.

[132] Е. П. Заказникова, Идеология и практическая деятельность правых социалистов Индонезии,— «Против реформизма, за единство рабочего движения», М., 1966, стр. 461; В. И. Илюшенко, Антикоммунизм — составная часть идеологии Социалистической партии Индонезии,— КСИНА, М., 1964, № 85, стр. 132—133; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 258—259, 322—329.

ватели выступали с ревизионистских и антикоммунистических позиций, доказывали неприемлемость марксистского учения о классовой борьбе в условиях Индонезии, где якобы отсутствует буржуазия, а в области внешней политики под флагом «позитивного нейтралитета» отвергали сотрудничество с СССР и другими социалистическими странами. В целом они ориентировались на европейских правых социалистов.

Большинство рядовых членов осталось в Социалистической партии, руководимой Шарифуддином, Тан Линг Джи и другими коммунистами, а за Шариром пошла группа интеллигентов, включавшая, однако, бóльшую часть депутатов партии во временном парламенте.

В правительство Хатты вошли по четыре представителя от Машуми и НПИ, представители христианских партий и других мелких организаций и групп, беспартийные [133]. В отличие от всех предшествующих правительств в кабинете Хатты вовсе не было представлено «левое крыло», в результате чего этот кабинет рассматривался как «коалиция правого крыла» национального движения [134].

Падение правительства Амира Шарифуддина, отказ буржуазных партий от дальнейшего сотрудничества с «левым крылом», раскол самого «левого крыла» свидетельствовали о начале разрыва единого национального фронта, без которого успешное развитие индонезийской революции было невозможно. Пролетариат и революционная демократия не сумели сохранить своих позиций в органах власти. В результате слабости и раздробленности пролетариата, недостаточной сплоченности его с другими революционными силами, перехода части мелкобуржуазной демократии на сторону буржуазии власть в республике оказалась в руках буржуазии, чьи интересы и выражали представленные в кабинете Хатты силы [135].

Основными пунктами программы нового кабинета, изложенной в правительственном заявлении от 16 февраля, являлись: 1) осуществление условий Ренвилского соглашения и продолжение переговоров с Голландией; 2) ускорение создания СШИ; 3) «рационализация» армии и государственного аппарата; 4) восстановление разрушенного войной хозяйства [136].

В соответствии с первым пунктом правительственной программы к концу февраля были выведены на территорию рес-

---

[133] «Lukisan revolusi...», стр. 376—377; «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 277—278.

[134] J. Coast, Recruit to Revolution, стр. 154. Автор — горячий поклонник Хатты, и поэтому в его устах данная характеристика звучит особенно убедительно.

[135] Н. А. Симония, Путь индонезийской революции, стр. 25.

[136] M. Hatta, Mendajung antara dua karang, Djakarta, 1951, стр. 5—6.

публики все части ТНИ (35 тыс. бойцов), находившиеся за «линией ван Моока».

Боевые действия 1947 г. обнаружили серьезные слабости вооруженных сил республики: партизанщина, фактическая независимость многих лашкаров от общего командования, плохая дисциплина и подготовка. К тому же, потеряв основные рисовые районы Явы, находясь в условиях блокады, республика не могла ни содержать армию в 400 с лишним тысяч бойцов, ни обеспечить ее вооружением. В этих условиях еще при правительстве Шарифуддина и при его непосредственном участии как министра обороны в декабре 1947 г. были разработаны предложения о реорганизации армии, предусматривавшие укрепление ее единства и дисциплины, роспуск ряда лашкаров и др.[137].

Став премьером и одновременно министром обороны, Хатта провозгласил программу «рационализации», предусматривавшую не только реорганизацию вооруженных сил, но и резкое их сокращение (в конечном итоге с 463 тыс. до 57 тыс. хорошо обученных и вооруженных бойцов). Начались ликвидация лашкаров, демобилизация ряда воинских частей, унификация рот, батальонов и т. п. Если до лета 1948 г. «рационализация» проводилась в основном в интересах создания небольшой боеспособной армии, то примерно с июня стало заметно, что правительство Хатты использует реорганизацию вооруженных сил в целях их чистки от сторонников компартии и вообще «левого крыла», которые после более чем двухлетнего пребывания Шарифуддина на посту министра обороны пользовались немалым влиянием.

Республика и Нидерланды в 1948 г.

В марте 1948 г. возобновились переговоры между Республикой Индонезией и Нидерландами[138]. Основными спорными вопросами в ходе этих переговоров являлись: 1) вопрос о суверенитете республики. Нидерланды требовали прекращения всех внешних связей республики[139] и установления голланд-

---

[137] О реорганизации вооруженных сил см.: Р. Э. Севортян, Политическая роль армии в Индонезии, стр. 108—122. Точка зрения М. Хатты на цели «рационализации» армии и государственного аппарата выражена в кн.: M. Hatta, Mendajung antara dua karang, стр. 16—23, 51—56.

[138] Подробнее об этих переговорах см.: M. Hatta, Mendajung antara dua karang, стр. 7—11; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 225—250, 332—336; H. van Mook, Indonesie..., стр. 211—220; A. M. Taylor, Indonesian Independence..., стр. 100—166.

[139] После Ренвилского соглашения внешние связи республики продолжали расширяться и укрепляться: в феврале 1948 г. в Джокьякарту прибыл специальный представитель короля Египта, в мае республику признал Йемен, в октябре ее посетила «миссия доброй воли» из Пакистана и прибыл представитель правительства Бирмы. К осени 1948 г. республика имела 12 информационных центров за рубежом, причем шесть из них (в

ского контроля над ее вооруженными силами, в то время как республика считала себя суверенным государством; 2) вопрос о составе и характере временного федерального правительства, которое должно было управлять Индонезией до создания СШИ. По мнению лидеров республики — Сукарно, Хатты и др., это правительство должно было иметь национальный характер и пользоваться суверенными правами. Голландская же сторона считала, что временное федеральное правительство обязано подчиняться представителю Нидерландов; 3) вопрос о плебисците в оккупированных районах республики.

В прямом противоречии с Ренвилским соглашением Нидерланды объявили, что плебисцит состоится не через 6—12 месяцев после подписания этого соглашения, а через полгода после заключения «окончательного политического соглашения» между Нидерландами и республикой. Голландские военные власти категорически запретили проводить плебисцит на оккупированных территориях республики и выслали оттуда всех республиканских чиновников. Наконец, плебисцит стал совершенно неосуществимым в результате создания колонизаторами ряда марионеточных государств на оккупированной республиканской территории.

В последовавший за Ренвилским соглашением период деятельность голландских властей по созданию в Индонезии марионеточных государств — членов будущих СШИ — чрезвычайно активизировалась[140]. При этом колонизаторы стремились теперь не только раздробить и ослабить Индонезию, не только противопоставить республике максимальное количество своих марионеток, но и раздробить самое республику, оторвав от нее ряд важнейших областей. Осуществляя политику так называемой федерализации, голландцы опирались в основном на часть местной феодальной аристократии, боявшейся потерять свои позиции в единой Республике Индонезии. Эта социальная опора была чрезвычайно слабой и неустойчивой, и поэтому все марионеточные государства держались по существу лишь на голландских штыках и всецело зависели от Нидерландов. В этих «государствах» сохранялось военное положение, здесь полностью господствовала голландская военщина, а местное население было совершенно бесправным.

В январе — феврале 1948 г., после проведенного в условиях террора голландских войск плебисцита, было создано Мадурское государство. Еще в начале 1947 г. голландцы организовали на Западной Яве движение за создание сунданского

Сингапуре, Дели, Лондоне, Вашингтоне, Каире и Багдаде) издавали еженедельник «Мердека» («Независимость») на английском и арабском языках (M. Hatta, Mendajung antara dua karang, стр. 35). Об отношениях республики с социалистическими странами в этот период см. ниже.

[140] См. подробнее: G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 234—244, 351—386; H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 198—200.

государства Пасундан. Захватив большую часть Западной Явы, колонизаторы приступили к практическому созданию этого государства. В апреле 1948 г. оно было окончательно оформлено. Вслед за тем в ноябре 1948 г. было образовано «государство» Восточной Явы. На Суматре были основаны «государства» Восточной и Южной Суматры (январь — февраль и август 1948 г.).

Всего голландские колонизаторы учредили в Индонезии шесть «государств» (штатов) и девять «особых территорий», пользовавшихся еще более ограниченной автономией, нежели штаты. При этом пять из шести штатов были созданы на территории республики (шестым был штат Восточная Индонезия, образованный еще в 1946 г.). Кроме того, на захваченной республиканской территории была основана «особая территория» Центральная Ява.

Параллельно с организацией марионеточных государств голландские власти всячески форсировали создание временного федерального правительства Индонезии, причем вопреки Ренвилскому соглашению отстранили республику от участия в этом деле[141]. В январе 1948 г. голландцы созвали конференцию назначенных ими же «представителей» оккупированных районов Индонезии, которая приняла решение о скорейшем формировании временного федерального правительства. В феврале ван Моок заявил Хатте, что представители республики не будут допущены в это правительство, пока она не подпишет «окончательное политическое соглашение» с Нидерландами. 9 марта ван Моок официально объявил о создании временного федерального правительства. Это правительство состояло из голландских и индонезийских колониальных чиновников. Председателем его был ван Моок, ключевые посты в нем занимали голландцы, а индонезийским «секретарям» (министрам) были приданы голландские советники.

В мае 1948 г. делегаты 13 созданных к тому времени марионеточных «штатов» и «территорий» собрались в Бандунге для выработки проекта конституции будущих СШИ без участия республики. После выработки этого проекта и заключения соответствующего соглашения между делегацией «федералистов» и Нидерландами были внесены изменения в конституцию последних (оформлены законом от 3 сентября 1948 г.). В соответствии с этим законом Нидерландское королевство состояло из трех частей: Нидерландов, Индонезии (а не Нидерландской Индии, как она именовалась до тех пор) и Суринама с Нидерландскими Антильскими островами. Создавался тесный нидерландско-индонезийский союз во главе

---

[141] См.: G. Mc. T. Kahin, Nationalism, стр. 225, 245—246; H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 200—205, 215—217.

с голландской королевой, причем этот союз имел свои союзные органы в области обороны, внешних сношений, финансов и др. Таким образом, поправки к конституции Нидерландов имели целью узаконить схему «тесного и неразрывного союза», против которого категорически выступала Республика Индонезия [142].

Голландская блокада республики сохранилась полностью и после заключения Ренвилского соглашения. Контакты республики с внешним миром осуществлялись лишь с помощью единичных авиарейсов на самолетах, пилотируемых несколькими иностранными пилотами-добровольцами [143]. Между тем после прекращения военных действий под контролем республики остались районы, куда и в обычные времена ввозилось продовольствие. Если учесть вызванные войной опустошения и приток беженцев из оккупированных районов, то станет очевидным, что в условиях блокады республика переживала весьма серьезные продовольственные трудности. Цены на рис и другие продукты резко возросли, жизненный уровень населения заметно снизился.

Еще сильнее сказалась блокада на снабжении населения одеждой и товарами широкого потребления. Жители Джокьякарты и других городов республики ходили в лохмотьях или в одежде из старых рисовых мешков, в городах не хватало электроэнергии и бензина, в результате отсутствия медикаментов свирепствовали малярия, фрамбезия и другие болезни. Немного легче было положение в республиканских районах Суматры, откуда отдельным судам удавалось прорваться через блокаду в Сингапур или Пенанг [144].

Срыв плебисцита, создание новых марионеточных государств на захваченной республиканской территории, подготовка к созданию СШИ при полном игнорировании республики, жестокая блокада последней, многочисленные военные провокации — все это отражало взятый голландским правительством курс на срыв Ренвилского соглашения (подобно тому как было сорвано Лингаджатское) и подготовку новой войны с целью полной ликвидации республики. Подобный курс, естественно, отразился и на ходе голландско-индонезийских переговоров.

Голландская сторона упорно отвергала не только все компромиссные предложения республики, но и весьма благоприятные для Нидерландов предложения американского и австралийского делегатов в комиссии добрых услуг [план Дюбуа (США) — Критчли (Австралия) в июне и план Кохрэна (США) в сентябре 1948 г.]. Целью Нидерландов являлось

---

142 A. M. Taylor, Indonesian Independence..., стр. 137—138.

143 См. воспоминания участника прорыва блокады Коуста (J. Coast, Recruit to Revolution).

144 Там же.

полное уничтожение республики, и поэтому их не устраивали даже самые выгодные компромиссные предложения представителей США и Австралии, опасавшихся, что новая война может серьезно подорвать позиции Запада в Индонезии и привести к усилению влияния коммунистов и вообще левых сил в ущерб правым прозападным элементам, представленным в правительстве Хатты.

Созданное после июльских выборов в Нидерландах министерство В. Дрейса заняло весьма жесткую позицию в индонезийском вопросе. На смену ван Мооку в ноябре был назначен лидер правой католической партии, бывший премьер Л. Бейл, известный как сторонник военных методов решения этого вопроса. Переговоры голландских министров иностранных дел — Стиккера — и заморских территорий — Сассена с Хаттой в ноябре — декабре 1948 г. не дали результатов, ибо голландцы требовали дать их представителю во временном федеральном правительстве право посылать голландские войска на территорию республики.

Обострение внутриполитической борьбы. Мадиунские события (сентябрь 1948 г.)

После сформирования президентского, т. е. формально не ответственного перед временным парламентом, кабинета Хатты «левое крыло» перешло в оппозицию и выставило требование создания парламентского правительства. 26 февраля на массовом митинге в Соло «левое крыло» было преобразовано в Народно-демократический фронт (ФДР — Фронт демокраси ракьят), председателем которого был избран Амир Шарифуддин. Через две недели после своего создания ФДР принял программу, существенно отличавшуюся от прежних установок «левого крыла». Основными пунктами этой программы являлись: 1) отказ от Ренвилского соглашения и прекращение переговоров с Нидерландами до тех пор, пока их войска не будут выведены из Индонезии; 2) национализация голландской и прочей иностранной собственности; 3) создание национального правительства с участием всех основных партий; 4) сотрудничество с СССР и странами народной демократии; 5) «землю тем, кто ее обрабатывает»[145].

Программа ФДР, его оппозиция кабинету Хатты встретили поддержку довольно широких слоев трудящихся, страдавших от экономической разрухи, безработицы, роста цен и других трудностей. Росту недовольства политикой правительства способствовала «рационализация» армии, вызвавшая увеличение числа безработных за счет демобилизованных солдат (ФДР выступал против «рационализации»). Призывы ФДР

[145] G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 259—260.

к отказу от политики переговоров с империалистами, к сотрудничеству с СССР пользовались немалой популярностью в условиях, когда Нидерланды систематически нарушали Ренвилское соглашение, США не только не препятствовали этому, но оказывали голландцам экономическую помощь, а единственной силой в ООН, действительно защищавшей интересы республики, являлись СССР и социалистические страны. В такой обстановке отказ правительства Хатты от консульского соглашения с СССР[146] был расценен не только ФДР, но и более широкими кругами как свидетельство проамериканской ориентации этого правительства и вызвал резкую критику.

Еще в сентябре 1947 г. при правительстве А. Шарифуддина в Праге был открыт информационный центр Республики Индонезии, в декабре 1947 г. преобразованный в миссию. Главой миссии был назначен видный коммунист Сурипно, которому было поручено установить связь с социалистическими странами и, в частности, с СССР. Подписанные 25 декабря президентом Сукарно полномочия Сурипно давали ему право не только вести переговоры, но и «заключать и подписывать соглашения». Сурипно заключил соглашение о признании республики де-факто и об обмене консулами с Чехословакией, а затем вступил в переговоры с послом СССР в Праге. 22 мая 1948 г. обменом письмами между ними было оформлено соглашение об установлении консульских отношений между СССР и Республикой Индонезией. Опубликованное 26 мая сообщение ТАСС об этом соглашении произвело огромное впечатление на индонезийскую общественность и вызвало замешательство и раздражение голландских империалистов[147].

ФДР горячо приветствовал соглашение с Советским Союзом. Однако правительство Хатты (поддержанное в этом вопросе руководством Машуми и НПИ) боялось соглашением с СССР испортить отношения с США и еще более осложнить отношения с Нидерландами. Под голландско-американским нажимом оно дезавуировало действия Сурипно. 4 июня 1948 г. Хатта официально заявил, что его правительство не намерено ратифицировать подписанное последним соглашение.

В течение первой половины 1948 г. ФДР при активном участии СОБСИ удалось провести ряд антиправительствен-

---

[146] Историю этого соглашения см.: Ю. А. Шолмов, Советско-индонезийские отношения (1945—1963), (канд. дисс.), М., 1965, стр. 48—61.

[147] По словам ван Моока, сообщение о консульском соглашении с СССР прозвучало «как гром с ясного неба» (H. J. van Mook, Indonesie..., стр. 207). 28 мая голландское правительство заявило СССР протест, утверждая, что это консульское соглашение противоречит Ренвилскому, однако СССР отверг протест, поскольку республика не признает подобной интерпретации заключенных на «Ренвиле» соглашений и уже имеет дипломатические и консульские отношения с рядом государств.

ных митингов и демонстраций. Тогда же произошли первые стачки пролетариата с момента провозглашения независимости [148]. После состоявшихся в апреле забастовок нефтяников, железнодорожников, рабочих коммунальных предприятий и других 26 мая началась стачка свыше 20 тыс. сельскохозяйственных рабочих на государственной плантации в Делангу (около Соло). Забастовщики требовали повышения заработной платы, выдачи риса и тканей. Стачка длилась месяц и завершилась победой бастующих.

Под давлением стачечного движения правительство Хатты опубликовало выработанные еще кабинетом Шарифуддина законы о труде и трудовой инспекции. Кроме того, оно обещало издать целый ряд трудовых законов, принять меры для трудоустройства демобилизованных и улучшения положения пролетариата, однако все эти обещания не были выполнены.

В мае 1948 г. президент Сукарно предпринял попытку смягчить противоречия между правым и левым крылом национального движения, добиться некоторого сближения буржуазных партий с ФДР. По его инициативе 20 мая было организовано торжественное празднование 40-й годовщины создания первой индонезийской национальной организации — Буди Утомо.

Празднества проходили под лозунгами национального единства во имя борьбы за независимость [149]. В Комитет по организации торжеств вошли представители основных партий и организаций республики (в том числе НПИ, Машуми и ФДР), которые опубликовали совместное заявление с призывом к единству. Этот же призыв был лейтмотивом речи Сукарно.

Однако эта попытка смягчить политические противоречия в республике, как и последовавшее за ней принятие основными партиями общей «Национальной программы», основанной на принципах «Панча сила» и конституции, не дала реальных результатов. Наоборот, к лету 1948 г. борьба между правительством Хатты и поддерживавшими его буржуазными партиями, с одной стороны, и левыми силами (пролетариат и часть мелкобуржуазной демократии), возглавленными ФДР, — с другой, заметно обострилась. В мае 1948 г. правительство издало декрет о запрете демонстраций и ограничении забастовок. Вслед за тем оно начало роспуск прокоммунистических воинских частей и отрядов ополчения. В июне Хатта потребовал, в частности, демобилизации дисло-

---

[148] Е. П. Заказникова, Рабочее движение в Республике Индонезии, стр. 138—140.

[149] См. подробнее: Ki Hadjar Dewantara, Dari kebangunan nasional sampai proklamasi kemerdekaan, Djakarta, 1952, стр. 7—57.

цировавшейся в районе Соло 4-й дивизии, состоявшей главным образом из членов Песиндо [150].

Одновременно Хатта и его сторонники развернули пропагандистскую кампанию против КПИ и ФДР, демагогически обвиняя их в стремлении нарушить национальное единство в крайне тяжелый для индонезийского народа и республики момент. Правые националисты стремились изобразить коммунистов в качестве «агентов Москвы», заботящихся прежде всего не о национальных интересах, а об интересах Советского Союза в его борьбе с США, а себя — в качестве подлинных патриотов, борющихся за полную независимость Индонезии, опираясь не на СССР или какую-либо другую иностранную державу, а лишь на «собственные силы» [151].

В связи с обострением противоречий между ФДР и правительством Хатты последнее пошло на временное сближение со сторонниками Тан Малаки. В июне 1948 г. несколько организаций танмалакистов создали федерацию — Народно-революционное движение,— которая в целом стояла на позиции поддержки правительства и выступала против КПИ и ФДР, изображая их как антинациональную силу. Программа этой федерации была во многом сходна с программой ФДР и отличалась главным образом требованиями в области внешней политики (против союзов, в том числе с СССР, за политику неприсоединения) [152].

Рассчитывая как можно шире использовать сторонников Тан Малаки против КПИ, правительство 17 августа 1948 г. амнистировало участников попытки переворота летом 1946 г.— Сударсоно, А. Малика, Х. Салеха, М. Ямина и др. А 16 сентября были освобождены из заключения сам Тан Малака, Сукарни и др.

В борьбе против ФДР лидеры Народно-революционного движения широко использовали обвинения в ответственности «левого крыла» за подписание Лингаджатского и Ренвилского соглашений, которые из-за непрерывного и безнаказанного нарушения их голландцами стали весьма непопулярны в республике. В свою очередь Хатта и его сторонники умело обыгрывали в своей пропаганде факт отречения КПИ и других левых партий от этих соглашений и от своих собственных прежних аргументов в их защиту.

В этой напряженной обстановке в Индонезию возвратился отозванный из Европы Сурипно, которого (под видом его секретаря) сопровождал один из руководителей КПИ в 20-х

---

[150] См.: Р. Э. Севортян, Политическая роль армии в Индонезии, стр. 122—127.

[151] См., например, речь Хатты 2 сентября 1948 г. в рабочем комитете КНИП и его ответы на вопросы оппозиции 16 сентября (M. Hatta, Mendajung antara dua karang, стр. 11—16, 39—47).

[152] См.: G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 266, 280—281; A. C. Brackman, Indonesian Communism, New York, 1963, стр. 77—82.

годах — Муссо[153]. Сурипно и Муссо прибыли в Джокьякарту 11 августа 1948 г., а уже 26—27 августа состоялась чрезвычайная конференция КПИ, которая одобрила предложенную Муссо резолюцию «Новый путь для Республики Индонезии»[154]. Эта резолюция представляла собой первую после провозглашения независимости серьезную попытку выработать соответствующую конкретным условиям Индонезии программу действий КПИ.

Резолюция «Новый путь для Республики Индонезии» содержала ряд верных положений. К их числу относились характеристика индонезийской революции как национальной или буржуазно-демократической, а не социалистической; лозунг создания в Индонезии единого национального антиимпериалистического фронта; призыв к союзу с антиимпериалистическими силами всего мира; требование образования единой и сильной коммунистической партии; призыв к повышению идеологической подготовленности коммунистов. Однако резолюция не была свободна от ошибок сектантского и догматического характера[155] и от положений, не соответствующих реальному соотношению классовых и политических сил в стране.

В резолюции содержалось резкое осуждение Лингаджатского и Ренвилского соглашений как чрезмерных уступок империализму, вызванных переоценкой его сил и недооценкой собственных сил индонезийскими коммунистами, и выдвигалось требование полного отказа от них. Переговоры с Нидерландами объявлялись возможными только на основе «суверенитета республики над всей Индонезией». Таким образом, КПИ фактически становилась в этом вопросе на левацкую позицию сторонников Тан Малаки.

В резолюции доказывалось, что в эпоху империализма национальная революция может победить только под руководством пролетариата, а страны, где гегемоном революции являлась национальная буржуазия (Индия, Бирма и др.), объявлялись фактическими колониями. Из этой догматической

---

[153] Мановар Муссо был членом ЦК КПИ и видным профсоюзным деятелем до 1925 г., в 1925—1948 гг. находился в эмиграции в различных странах, причем в 1935—1936 гг. нелегально приезжал в Индонезию, где руководил возрождением ядра подпольной КПИ. Был членом исполкомов Коминтерна и Профинтерна. О приезде Муссо и последующих событиях см.: «40 tahun PKI», Djakarta, 1960, стр. 51—56; «Lukisan revolusi...», стр. 364—366; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 272—280.

[154] Полный текст резолюции см.: «Djalan baru untuk Republik Indonesia», Djakarta, 1953.

[155] Эти ошибки были связаны с существовавшими в годы культа личности Сталина и отброшенными XX съездом КПСС сектантскими и догматическими взглядами по вопросам о роли национальной буржуазии стран Востока, гегемонии пролетариата и его партии в национально-освободительной революции, невозможности завоевания независимости под руководством буржуазии (см. подробнее: «На новом пути», М., 1968, стр. 116—118).

и сектантской установки вытекали игнорирование национальной буржуазии как составной части единого национального фронта и неправильное понимание борьбы за гегемонию пролетариата в индонезийской революции. Создание национального фронта мыслилось не в качестве коалиции уже имеющихся партий и организаций, борющихся за национальную независимость, а в качестве новой организации с индивидуальным членством, находящейся под руководством КПИ. Между тем в Индонезии в тот период условия для гегемонии пролетариата и КПИ в революции не сложились. Пролетариат был численно слаб и политически раздроблен, значительная часть трудящихся, особенно крестьян и городской мелкой буржуазии, шла за буржуазными партиями, поддерживавшими правительство Хатты, другая немалая их часть — за Народно-революционным движением. За пределами Явы влияние КПИ было неизмеримо меньшим, чем влияние Машуми и НПИ. Никак нельзя было рассчитывать на поддержку пролетариата и КПИ со стороны армейского руководства и большей части офицерства (озлобленного к тому же оппозицией коммунистов по отношению к «рационализации» армии и содержащимся в резолюции «Новый путь» требованием чистки армии), а также со стороны президента Сукарно, пользовавшегося огромной популярностью в народе.

Чрезвычайная конференция КПИ одобрила рекомендацию политбюро КПИ о слиянии четырех партий (легальная и нелегальная КПИ, Социалистическая и Рабочая партии) и Песиндо в одну легальную КПИ. Соответствующие решения были приняты и руководством Социалистической и Рабочей партий, а также Песиндо. Конференция избрала единое новое руководство КПИ во главе с Муссо. В состав этого руководства вошли основные лидеры четырех партий. На октябрь 1948 г. был намечен съезд партии, который должен был окончательно оформить единую КПИ и избрать ее ЦК.

Вскоре после конференции, 9 сентября КПИ предложила Машуми и НПИ провести переговоры с целью создания национального единства в борьбе с голландским империализмом, однако обе партии отвергли это предложение[156].

Правительству Хатты и поддерживавшим его буржуазным партиям было необходимо вызвать КПИ на бой до того, как она успеет укрепиться и консолидироваться. Поэтому в августе—сентябре резко усиливается антикоммунистическая деятельность властей, которая приобретает все более провокационный характер. Хатта, являвшийся не только премьером, но и министром обороны, ускорил демобилизацию прокоммунистических частей и снятие прокоммунистических офицеров с руководящих постов. Одновременно он выступил с

---

[156] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 279.

прямыми угрозами в адрес коммунистов, заявив, что любые их «анархические действия» будут подавлены «железной рукой»[157].

Первого успеха правительству удалось добиться в Соло. Настойчивые требования демобилизации стоявшей там прокоммунистической 4-й дивизии, убийство командира этой дивизии подполковника Сутарто, похищение нескольких офицеров-коммунистов (произведенные либо военнослужащими дивизии «Силиванги», либо танмалакистскими лашкарами), аресты членов Песиндо властями — все это привело к тому, что в Соло 13 сентября вспыхнули бои между 4-й дивизией, с одной стороны, и батальоном дивизии «Силиванги» и лашкарами Народно-революционного движения — с другой. 15 сентября президент Сукарно объявил в Соло военное положение, после чего с помощью направленных туда подкреплений части «Силиванги» к 17 сентября нанесли поражение 4-й дивизии.

Узнав о событиях в Соло, главный штаб Песиндо в Мадиуне (Восточная Ява) решил выступить против правительства, пока оно не ликвидировало все прокоммунистические соединения и отряды. При поддержке некоторых офицеров регулярной армии (подполковник Джокосуйоно, подполковник Дахлан и др.) и опираясь на 29-ю бригаду, лидеры Песиндо во главе с Сумарсоно в ночь на 18 сентября почти без боя установили полный контроль над Мадиуном[158].

События в Соло и в Мадиуне явились полной неожиданностью для руководства КПИ, которое предполагало только в октябре завершить реорганизацию партии и провести партийный съезд. Характерно, что в момент выступления прокоммунистических молодежных и военных лидеров в Мадиуне там не было ни одного из руководителей КПИ: Муссо, Шарифуддин, Викана и другие с 7 сентября совершали агитационную поездку по республике с целью разъяснения основных положений «Нового пути» и узнали о начавшемся восстании, оказавшись в Пурводади, а Тан Линг Джи, Алимин, Сурипно и другие находились в Джокьякарте. Будучи поставленными перед свершившимся фактом, Муссо, Шарифуддин, Викана и некоторые другие лидеры КПИ прибыли в ночь на 19 сентября в Мадиун, где установили контакт с Сумарсоно.

Вечером 19 сентября Сукарно обратился по радио к народу[159], призвав поддержать его и Хатту против «Муссо и

[157] См. выступления Хатты в рабочем комитете КНИП 2 и 16.IX.1948 в кн.: M. Hatta, Mendajung antara dua karang, стр. 36, 65—67, 85.

[158] О событиях в Соло и Мадиуне см.: «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», Surabaja, 1953, стр. 53—90; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 283—303; «40 tahun PKI», стр. 56—58.

[159] Текст речи Сукарно см.: «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», стр. 53—56.

его компартии», которые совершили переворот в Мадиуне, создали там «советское правительство»[160], хотят захватить власть во всей республике и погубить дело независимости Индонезии. Через полтора часа Муссо выступил по мадиунскому радио с ответной речью. Он призвал народ свергнуть предательское правительство «японских квислингов» во главе с Сукарно и Хаттой, которые продают страну американским империалистам, и взять по примеру Мадиуна власть в свои руки на всей территории республики[161]. 20 сентября была опубликована программа «правительства Национального фронта района Мадиуна», предусматривавшая взятие власти народом по всей стране, ликвидацию «феодально-буржуазного» государственного аппарата, аграрную реформу, конфискацию голландских предприятий и плантаций, создание демократической народной армии и вооружение рабочих и крестьян.

Буржуазия добилась своей главной цели: руководство КПИ поддалось на провокацию, партия оказалась втянутой в восстание и, таким образом, создались условия для расправы с организованным пролетариатом и его партией. Эти условия были немедленно использованы. Правительство арестовало лидеров КПИ, находившихся вне Мадиуна (Тан Линг Джи, Алимина, Абдулмаджида и др.). 20 сентября Сукарно объявил военное положение на всей территории республики, а рабочий комитет КНИП вручил президенту чрезвычайные полномочия[162]. Против повстанцев в Мадиуне были двинуты отборные части «Силиванги», мобильной полиции и др.

Правительственные войска, превосходившие повстанцев вооружением и подготовкой, к 30 сентября овладели Мадиуном. Вырвавшиеся из окружения повстанческие части во главе с лидерами КПИ перешли к партизанской войне. 31 октября Муссо был убит в бою, 29 ноября захвачены в плен Маруто Дарусман, Джокосуйоно и другие, 1 декабря — Шарифуддин, Сурипно и др. К 7 декабря восстание было окончательно подавлено.

Мадиунское восстание было с самого начала обречено на поражение, ибо началось в момент, когда КПИ и ФДР в целом отнюдь не были подготовлены к вооруженной борьбе за власть. Новая КПИ только еще создавалась, далеко не все члены и даже местные отделения ФДР были готовы поддержать антиправительственное восстание. Народные массы не поняли требования свержения правительства Сукарно—Хат-

---

[160] Обвинение в создании «советского правительства» широко использовалось антикоммунистической пропагандой в период Мадиунских событий.

[161] Текст речи см. в мадиунской газете «Национальный фронт» от 20.IX.1948 г. (цит. по: G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 293—294).

[162] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 289.

ты, имена которых (особенно Сукарно) были окружены в их глазах ореолом борцов за независимость. Восстание намного увеличило силы, противостоящие КПИ, оттолкнуло в лагерь ее противников не только всю национальную буржуазию, но и мелкую буржуазию, а также основную часть офицерского корпуса. Этому чрезвычайно способствовала искусная антикоммунистическая пропаганда правительства, буржуазных партий и армейского командования. Главным тезисом ее было то, что мадиунские повстанцы нанесли «удар в спину» республике в один из труднейших моментов ее борьбы против голландских империалистов [163].

В результате Мадиунских событий КПИ был нанесен сокрушительный удар, от которого она смогла оправиться лишь через несколько лет. Власти арестовали около 35 тыс. коммунистов и их сторонников, около 600 коммунистов погибло в бою и было расстреляно. Среди погибших и расстрелянных были виднейшие руководители партии — Муссо, Шарифуддин, Маруто Дарусман, Сарджоно, Сурипно, руководитель СОБСИ Харьоно и многие другие.

Мадиунские события означали раскол национальных сил, разрыв единого антиимпериалистического фронта. Эта вспышка гражданской войны ослабила республику накануне новой агрессии голландских колонизаторов.

Разгром КПИ попытались использовать для укрепления своих позиций Тан Малака и его сторонники. 7 ноября 1948 г. основные партии, входившие в федерацию Народно-революционное движение, объединились в единую партию Мурба («Пролетариат»), насчитывавшую около 80 тыс. членов [164]. Тан Малака, по существу возглавлявший Мурбу, формально не вошел в ее руководство. Председателем партии стал его ближайший соратник Сукарни. Согласно своей программе, Мурба выступала против феодализма, капитализма, империализма и за построение в Индонезии социалистического общества. Она требовала не вести переговоров с голландцами до вывода их войск из Индонезии, конфисковать вражескую собственность, национализировать банки, жизненно важные предприятия и т. п. Организационной основой Мурбы объ-

---

[163] Доказывая, что КПИ своими действиями помогала голландцам найти предлог для интервенции под флагом защиты от угрозы коммунизма, правительственная пропаганда не отказывалась и от старого тезиса об «агентах Москвы», стремящихся уничтожить демократические порядки и заменить их террористической диктатурой. См. речь Хатты в рабочем комитете временного парламента от 20.IX. [M. Hatta, Mendajung antara dua karang, стр. 87—90] и его речь по радио 11.XI.1948 г. («Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», стр. 85—90), а также изданные военными властями Восточной Явы инструкции по пропаганде (там же, стр. 60—67).

[164] О деятельности Мурбы и Тан Малаки в 1948—1949 гг. см.: «Peringatan sewindu hilangnja Tan Malaka...», Djakarta, 1957; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 313—319, 343—344; «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», стр. 77—79.

являлся демократический централизм. Лозунги Мурбы были явно рассчитаны на вовлечение в ее ряды бывших членов разгромленного ФДР.

Лидеры Мурбы вели кампанию против КПИ и ее руководителей, изображая их в качестве иностранных агентов, которые давно служили голландским интересам и организовали Мадиунское восстание по прямому заданию Нидерландов. Не выступая против СССР и даже отмечая его роль в борьбе против империализма, Тан Малака в то же время доказывал, что в настоящее время Индонезии невыгоден союз с СССР и социалистическим лагерем, страны которого слишком удалены от нее. Лидеры Мурбы всячески подчеркивали, что в отличие от КПИ их партия — национальная, осуществляющая синтез национализма и социализма и превыше всего ставящая интересы Индонезии и ее трудового народа. Им удалось вовлечь в партию некоторое число рабочих, но в основном партия отражала интересы радикальной буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

Сразу же после создания Мурбы Тан Малака развернул кампанию против Хатты, обвиняя его в предательских уступках в ходе переговоров с Голландией. Хатта, который больше не нуждался в поддержке Тан Малаки в борьбе против КПИ и в то же время с растущим беспокойством смотрел на укрепление Мурбы, немедленно принял меры: 1 декабря был запрещен печатный орган Мурбы и закрыта ее радиостанция. Вслед за тем Хатта поручил военному командованию подготовиться к разоружению боевых отрядов, поддерживавших Тан Малаку.

Вторая колониальная война и поражение голландского империализма

В декабре 1948 г. голландские империалисты, основной целью которых по-прежнему являлась ликвидация республики, ставшей «воплощением идеи независимости для всех индонезийцев» [165], предприняли попытку покончить с ней одним внезапным ударом. Рано утром 19 декабря 150-тысячная голландская армия начала наступление на республиканские позиции. Нападение было совершенно неожиданным: Сукарно в это утро собирался вылететь в Дели для переговоров с Неру, Хатта вел перегеворы с комиссией добрых услуг, а военное командование готовилось к маневрам [166]. После ожесточенной воздушной бомбардировки голландцы высадили парашютный десант на аэродроме Джокьякарты (где не было ни самолетов, ни зенитных орудий). Вместе с переброшен-

[165] D. M. G. Koch, Verantwoording, стр. 270.

[166] О начале войны см.: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 93—95, 383—386; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 336—339.

ной по воздуху бригадой морской пехоты парашютисты за несколько часов овладели столицей республики. В середине дня были пленены Сукарно, Хатта и ряд министров.

В течение одной-двух недель голландские моторизованные и бронетанковые части, пользовавшиеся мощной поддержкой с воздуха, овладели основными городами на Яве и Суматре. Проводя свой «блицкриг», голландцы рассчитывали поставить мировую общественность и ООН перед свершившимся фактом. К тому же они твердо надеялись на поддержку западных держав в условиях «холодной войны» против СССР. 10 января голландские власти заявили арестованным республиканским лидерам, что Нидерланды больше не признают республику и поэтому не рассматривают их как официальных лиц [167]. Однако голландские колонизаторы вновь переоценили свои возможности и недооценили силы противника.

Прежде чем их захватили голландцы, Сукарно и Хатта (в соответствии с решением срочного заседания правительства) выдали мандат на сформирование чрезвычайного правительства республики находившемуся на Суматре министру Шафруддину Правиранегара [168]. Правительство на Суматре было действительно создано, причем оно категорически потребовало освобождения арестованных руководителей республики и отвода голландских войск на занимавшиеся ими до 19 декабря позиции. Таким образом, расчеты голландцев на то, что им удастся обезглавить республику и лишить ее всякого руководства, сразу провалились. Провалились и их расчеты на разгром республиканских вооруженных сил. Эти силы уцелели и продолжали борьбу, причем именно военное руководство возглавило на Яве как движение Сопротивления, так и деятельность всех республиканских властей.

Из Джокьякарты успели уйти главнокомандующий генерал Судирман и некоторые другие высшие офицеры. В течение многих месяцев тяжело больной туберкулезом Судирман руководил партизанской борьбой в горах и лесах Явы [169].

В результате «рационализации» было создано единое командование вооруженными силами, несколько повысилась их дисциплина [170], однако в отношении подготовки и вооружения они по-прежнему были несравненно слабее противника. К тому же на их боеспособности не мог не отразится раскол национальных сил, вызванный Мадиунскими событиями.

---

[167] J. Chaudhry, The Indonesian Struggle, стр. 208—209.

[168] Текст мандата см.: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogiakarta», стр. 94.

[169] См. сборник «Almarhum djenderal Sudirman», Bandung, [б. г.]. Судирман и поныне почитается в Индонезии как национальный герой.

[170] Р. Э. Севортян, Политическая роль армии в Индонезии, стр. 130—140.

После первой колониальной войны Судирман поручил молодому начальнику оперативного штаба армии полковнику А. Х. Насутиону проанализировать уроки боевых действий и выработать новую стратегию ТНИ. В результате Насутион создал концепцию партизанской войны как «войны слабого против сильного» и разработал партизанскую тактику (внезапные налеты небольших подвижных отрядов на склады, конвои, поезда и коммуникации врага, создание замаскированных партизанских баз, блокада оккупированных противником городов и т. п.). Подобными действиями партизаны должны были сковать основные силы противника и (в сочетании с международной поддержкой республики и другими факторами) заставить его в конечном счете отступить. Предусматривалось создание сети военно-административных районов, которые должны были служить основой организации партизанских сил и управления республиканской территорией в случае оккупации ее центров противником [171].

С началом войны командование вооруженных сил в соответствии со схемой Насутиона создало систему военно-партизанского управления во всех административно-территориальных единицах Явы — от деса до провинций [172]. Во главе военно-административных органов стояли кадровые офицеры, опиравшиеся на поддержку гражданских властей и населения. Высшая военная и гражданская власть была сосредоточена в руках военного правительства Явы, возглавлявшегося главнокомандующим Судирманом и командующим республиканскими войсками на Яве Насутионом. Этому правительству непосредственно подчинялись военные губернаторы провинций. Военными действиями на Яве руководил штаб яванского командования, находившийся в районе Джокьякарты. Партизанские части были разделены на территориальные, оборонявшие определенный район, и мобильные, предназначенные для налетов на противника.

Наряду с партизанской борьбой, индонезийские патриоты осуществляли политику «выжженной земли», которая в сочетании с саботажем не давала голландцам возможности эксплуатировать плантации и предприятия на оккупированной ими территории. В занятых врагом городах (в том числе в столице республики) тайно действовали республиканские

---

[171] См. подробнее: A. H. Nasution, Fundamentals..., особенно стр. 108—115, где дан полный текст составленного Насутионом к августу 1948 г. плана партизанской войны.

[172] Тексты основных декретов о создании военной администрации на Яве, о ее структуре и обязанностях, о задачах партизан и т. п. см. там же, стр. 119—129, 162—166. Декреты изданы в декабре 1948 г. и феврале 1949 г. См. также: Р. Э. Севортян, Особенности административного управления Явы в годы второй колониальной войны в Индонезии,— «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика)», М., 1967, стр. 107—112.

власти, связанные с партизанами. Здесь крепло движение Сопротивления и несотрудничества с захватчиками[173]. По признанию одного из руководителей голландской администрации в Джокьякарте, с оккупантами сотрудничало не более 150 из 10 тыс. государственных чиновников, находившихся в городе и окружающем его районе. Аналогичное положение наблюдалось в Соло, Мадиуне и других городах[174].

Под давлением народа даже правительства некоторых созданных голландцами марионеточных государств осудили нападение на республику[175]. В знак протеста против агрессии Нидерландов ушли в отставку правительства Восточной Индонезии и Пасундана. С помощью угроз и арестов голландские власти добились сформирования послушных им кабинетов, однако контроль колонизаторов над марионеточными государствами стал значительно менее прочным.

Уже в январе—феврале 1949 г. голландская армия на Яве была блокирована в городах, за пределами которых хозяйничали партизанские отряды и действовали республиканские военные власти. Отборные республиканские войска прорвались на территорию Пасундана и «государства» Восточной Явы, где они развернули партизанскую борьбу. Части морской пехоты были переброшены с Явы на Южный Калимантан, оккупированный голландцами еще в 1945—1946 гг. Здесь вокруг этих частей сформировались многочисленные местные партизанские отряды. В мае 1949 г. командир морских пехотинцев Хасан Басри был объявлен республиканским военным губернатором Южного Калимантана[176].

4 марта 1949 г. командующий войсками на территории Явы Насутион издал приказ о переходе к наступательным операциям регулярных частей силами от батальона и выше[177]. К этому времени республиканские войска уже приобрели некоторый опыт наступательных операций. Они, в частности, осуществили три налета на Джокьякарту — 29 декабря 1948 г., 9 января и 1 марта 1949 г., причем во время последнего налета удерживали столицу в течение суток[178].

На Суматре республиканские войска вначале были разбиты голландцами и распались на отдельные партизанские группы, не имевшие общего руководства. Однако постепенно штабу суматранского командования удалось наладить координацию действий партизанских частей[179]. Внутренние райо-

---

[173] См.: «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 95—97; «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Tengah», стр. 54; «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», стр. 17—19.
[174] G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 396—399.
[175] Там же, стр. 367—378, 408—412.
[176] A. Karim, Kalimantan berdjuang, Djakarta, 1956.
[177] A. H. Nasution, Fundamentals..., стр. 197—209.
[178] «Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta», стр. 386—391.
[179] A. H. Nasution, Fundamentals..., стр. 228—234.

ны Суматры все время оставались под властью республики. Следует отметить, что на Суматре, где находилось республиканское чрезвычайное правительство, не было создано военно-партизанского управления и военные подчинялись гражданским властям.

В условиях, когда основные лидеры республики оказались в плену, Тан Малака объявил себя руководителем борьбы против голландских империалистов и стал формировать партизанские отряды мурбистов в районе Кедири (Восточная Ява). Однако в феврале 1949 г. он был схвачен и расстрелян подразделением регулярной армии, командование которой отнюдь не было намерено делить с ним власть.

Во время второй колониальной войны республике пришлось столкнуться с новым противником на Западной Яве. Переброшенная туда для борьбы с голландскими оккупантами и марионеточными властями Пасундана дивизия «Силиванги» была внезапно атакована отрядами Даруль ислама. Движение сторонников создания теократичеекого государства Даруль ислам возникло в центральной горной части Западной Явы, где в годы японской оккупации и революции происходили интенсивное обезземеливание крестьянства и рост крупного помещичьего землевладения[180]. Лидерам этого реакционного движения удалось на первых порах использовать недовольство мусульманского крестьянства в своих целях, тем более что после Ренвилского соглашения основные республиканские войска были выведены с Западной Явы и там остались лишь отряды военизированных машумистских организаций Хизбуллах и Сабилилах. Во главе движения стал бывший видный деятель Сарекат ислама, вступивший затем в Машуми, — Картосувирьо. Он был избран имамом теократического государства Даруль ислам и командующим исламской индонезийской армией. К началу второй колониальной войны Даруль ислам занял открыто враждебную республике позицию. В результате на Западной Яве положение чрезвычайно осложнилось, и там образовались три лагеря со своими вооруженными силами: 1) голландцы и Пасундан; 2) республиканские войска и власти; 3) Даруль ислам. Хотя Даруль ислам наряду с религиозными выдвигал антиколониальные лозунги, его война против республиканских войск была на руку только колонизаторам.

Однако подрывная деятельность Даруль ислама была ограничена одним небольшим районом Явы. В целом же силы республиканцев в период второй колониальной войны несомненно консолидировались. Агрессия голландских империа-

---

[180] См. подробнее: Н. А. Симония, Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964, стр. 119—121; «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Barat», стр. 189—190, 213—219; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 326—331.

листов вызвала сплочение всех национальных сил, объединила индонезийских патриотов, представляющих различные классы и слои. Фактически началось восстановление единого антиимпериалистического фронта, распавшегося в 1948 г. Без такого сплочения и единства успешная борьба против захватчиков была бы немыслимой. Активное участие в этой справедливой борьбе приняли коммунисты, в том числе бежавшие из тюрем.

Упорная партизанская борьба и движение Сопротивления сковали голландскую армию и показали бесперспективность расчетов правящих кругов Нидерландов решить индонезийский вопрос военными средствами. Другим сокрушительным ударом по планам колонизаторов явилась реакция мировой общественности на их агрессию в Индонезии.

Нападение на республику вызвало бурю возмущения в странах Азии[181]. Повсюду проходили массовые митинги и демонстрации в защиту индонезийского народа. Правительства Индии, Пакистана, Цейлона, Бирмы и Саудовской Аравии закрыли свои порты и аэродромы для голландских судов и самолетов. 20—23 января 1949 г. в Дели состоялась созванная Д. Неру конференция, в которой участвовали 14 азиатских государств и Австралия. Конференция обратилась к Совету Безопасности ООН с призывом добиться освобождения и возвращения в Джокьякарту плененных республиканских руководителей и вывода голландских войск с территории республики.

В защиту республики выступили прогрессивные силы ряда неазиатских стран: демократические круги, в том числе многие левые лейбористы, в Англии, ряд общественных деятелей и организаций в США, докеры и другие отряды трудящихся в Австралии. В самих Нидерландах в связи со второй колониальной войной развернулась острая политическая борьба. В стране проходили антивоенные митинги и демонстрации, сотни солдат были преданы суду военных трибуналов за отказ воевать против индонезийского народа[182].

Укреплению международных позиций республики и росту движения в ее защиту способствовала активная деятельность ее представителей в различных странах Востока и Запада, а также в Совете Безопасности ООН (Л. Н. Палар). Делегация республики, приглашенная на состоявшуюся в марте 1949 г. в Бангкоке сессию ЭКАДВ, использовала трибуну этой сессии для разоблачения голландской агрессии в

---

[181] J. Chaudhry, The Indonesian Struggle, стр. 205—207; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 400; J. Coast, Recruit to Revolution, стр. 227—239; «Lukisan revolusi...».

[182] В. А. Вальков, Индонезия на пути независимого развития, М., 1960, стр. 82—83.

Индонезии. Представители СССР и Индии активно поддержали выступление делегата республиканцев [183].

Вскоре после начала второй колониальной войны правящие круги Нидерландов убедились, что уже не могут в такой степени, как прежде, рассчитывать на поддержку США и Англии. Мало того, государственный департамент начал оказывать известный нажим на Голландию как в Совете Безопасности, так и вне его, добиваясь прекращения войны и восстановления власти правительства республики. Изменение позиции США в индонезийском вопросе было обусловлено целым рядом причин [184]. К началу второй колониальной войны правящие круги США убедились в мощи индонезийского национально-освободительного движения. В то же время они обнаружили, что проводимая ими в индонезийском вопросе политика серьезно компрометирует США в глазах молодых государств Азии. Рассчитывая (после провала своих планов в Китае) превратить суверенную Индонезию с ее важным стратегическим положением и огромными природными ресурсами в союзника западных держав и сферу приложения американского капитала, США решили установить контакт с ее правящими кругами, тем более что в республике к власти пришли буржуазные партии, а организованные демократические силы были от нее отстранены. К тому же государственный департамент опасался, что, если США вовремя не поддержат буржуазных лидеров республики, это приведет к новому усилению влияния коммунистов на почве всеобщего разочарования в политике Запада. Именно в расчете на подобные настроения в США и Англии Хатта накануне войны специально поручил советнику министерства иностранных дел республики англичанину Коусту убедить влиятельные американские и английские круги в Сингапуре, что республика сама сумеет справиться с КПИ, в то время как голландская агрессия может только усилить позиции коммунистических элементов [185].

Характерно, что в 1948 г. ряд американских фирм («Стенвак», «Калтекс», «Гудьир» и др.) активизировали свою деятельность в Индонезии. В начале 1948 г. представители республики заключили с американским предпринимателем, директором одной из ведущих голливудских кинокомпаний М. Фоксом контракт сроком на 15 лет о создании «американо-индонезийской корпорации» [186]. Согласно контракту кор-

---

[183] J. Coast, Recruit to Revolution, стр. 221—222, 240—244.

[184] См.: А. С. Шин, Американский империализм и Индонезия, стр. 43—45; A. M. Taylor, Indonesian Independence..., стр. 389—400; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 417—418.

[185] J. Coast, Recruit to Revolution, стр. 196—201.

[186] См.: «Политика США в странах Южной Азии», 1961, стр. 198—199; J. Coast, Recruit to Revolution, стр. 123—126, 187—193, 213—217;

порация «Фокс» в обмен на заем в несколько сот тысяч долларов становилась монопольным агентом республики по торговле с США. Таким образом, корпорация «Фокс» получала контроль над всей торговлей республики с США, а также определенный процент от суммы индонезийского экспорта и импорта в Америку. Корпорация была создана 14 июня 1948 г., а накануне второй колониальной войны ее представитель Джон Ли побывал в республике и приступил там к коммерческим операциям.

В связи с известными сдвигами в политике западных держав в отношении Индонезии ухудшилась и обстановка для Нидерландов в Совете Безопасности ООН [187]. На первом же заседании Совета, созванном в связи с голландской агрессией 22 декабря 1948 г., представитель США осудил агрессивную политику Нидерландов и даже выразил симпатии республике. 24 декабря представитель СССР Я. А. Малик предложил Совету проект резолюции, предусматривавший осуждение голландской агрессии, немедленное прекращение военных действий и отвод голландских войск на позиции, занимавшиеся ими до 19 декабря, освобождение лидеров республики и др. Однако проамериканское большинство Совета не решилось пойти столь далеко и добилось принятия резолюции, предусматривавшей только прекращение огня и освобождение республиканских руководителей.

Ввиду того что голландцы не выполнили и эту резолюцию, а конференция в Дели потребовала от Совета решительных действий, Совет собрался вновь для обсуждения индонезийского вопроса. 28 января 1949 г. была принята резолюция, содержавшая требования немедленного прекращения огня, освобождения лидеров республики и возвращения их в Джокьякарту, создания до 15 марта 1949 г. временного правительства СШИ и передачи последним суверенитета над Индонезией до 1 января 1950 г. Согласно этой резолюции взамен комиссии добрых услуг создавалась комиссия ООН для Индонезии (из представителей тех же трех стран), располагавшая несколько бóльшими правами. Однако резолюция от 28 января не содержала двух важнейших положений, на которых настаивал советский представитель: осуждения агрессора и отвода голландских войск. Чрезмерно мягкой была и резолюция от 23 марта, которая в условиях продолжения голландской агрессии лишь поручала комиссии ООН помочь сторонам достигнуть соглашения по осуществлению январской резолюции Совета. Тем не менее Совет Безопас-

---

«Lukisan revolusi...», стр. 363—364. Соглашение с корпорацией «Фокс» было расторгнуто только в марте 1950 г.

[187] См. подробнее: А. С. Шин, Американский империализм и Индонезия, стр. 40—45; A. M. Taylor, Indonesian Independence..., стр. 171—226; G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 339—343, 400—420.

ности (в работе которого активно участвовали и представители республики) все же затруднил голландцам продолжение колониальной войны.

В целом вторая колониальная война привела к провалу всей голландской политики в Индонезии, ибо она вызвала рост сопротивления индонезийского народа и массовую партизанскую войну против захватчиков, привела к отходу от голландцев даже части их немногочисленных индонезийских союзников — федералистов, вызвала резкие протесты мировой общественности и вынудила отказаться от прямой поддержки Нидерландов США и Англию, что отразилось на решениях Совета Безопасности. В результате голландцы, в полном противоречии со своими прежними вызывающими заявлениями, вынуждены были в апреле 1949 г. пойти на переговоры с республикой, приведшие в конечном счете к признанию политического суверенитета Индонезии.

Ценой огромных жертв и лишений индонезийский народ отстоял свою независимость. Его победа стала возможной благодаря новому соотношению сил на международной арене, сложившемуся в результате разгрома фашистских держав во второй мировой войне, создания мировой социалистической системы, подъема международного рабочего и национально-освободительного движения.

Глава III

БОРЬБА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (1949—1956)

Конференция круглого стола и ее результаты

Еще до начала агрессии против республики голландское правительство при участии представителей правительств марионеточных штатов и территорий выработало декрет о создании «временного федерального правительства», которое должно было объединить все марионеточные штаты и территории, созданные колонизаторами. Этому правительству Нидерланды и собирались передать «суверенитет», после того как оно примет на себя управление территорией Республики Индонезии.

Положения этого декрета настолько противоречили принципам демократии и общепризнанным нормам международного права, что в течение нескольких месяцев его не решались полностью опубликовать в самой Голландии. В Индонезии же основные положения декрета никогда не были оглашены даже в изложении. В газетах печатались лишь отрывочные сведения, главным образом о его второстепенных, не имевших важного значения пунктах.

Суть декрета заключалась в том, что планировавшееся индонезийское правительство было лишено права осуществлять что-либо без согласия верховного представителя короны (так предполагалось переименовать голландского генерал-губернатора), в то время как последний мог предпринимать любые действия независимо от того, согласно с ним индонезийское правительство или нет [1].

26 февраля 1949 г. верховный комиссар Нидерландов в Индонезии Бейл выработал план мероприятий по проведению в жизнь этого декрета. Голландское правительство торжественно объявило о том, что оно намерено собрать в Гааге Конференцию круглого стола, на которую приглашаются представители всех районов Индонезии, включая республи-

[1] G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 387—389.

канское правительство. Целью конференции было «обсуждение условий и способов возможно более скорой передачи суверенитета», «образование Соединенных Штатов Индонезии и одновременно установление переходного периода, включая создание временного федерального правительства». Республиканскому правительству были поставлены такие условия участия в конференции, принять которые оно не могло. Так, голландские власти отказывались вернуть членов правительства в Джокьякарту. Они обещали лишь «проконсультироваться с ними относительно их пожеланий о месте будущей резиденции и о соглашениях, которые в связи с этим должны быть достигнуты». Одновременно Бейл дал понять, что если республиканские лидеры откажутся участвовать в Конференции круглого стола, то она будет проведена без них [2].

На следующий день федеральная консультативная ассамблея, состоявшая из представителей правительств марионеточных штатов и территорий, «официально и единогласно» приняла приглашение на конференцию в Гааге. 28 февраля был получен отрицательный ответ от республиканского правительства. А через несколько дней произошло непредвиденное событие: федеральная консультативная ассамблея объявила, что она пересмотрела свое решение и заявляет, что конференции должно предшествовать выполнение резолюции Совета Безопасности ООН о восстановлении республиканского правительства в Джокьякарте.

Пересмотр решения федеральной консультативной ассамблеи показал, что даже голландские марионетки не могут не считаться с фактом существования Республики Индонезии.

После того как даже марионеточная федеральная консультативная ассамблея потребовала восстановить республиканское правительство, Голландия вынуждена была начать переговоры с лидерами республики. Переговоры касались двух вопросов: восстановления правительства в Джокьякарте и участия Республики Индонезии в Конференции круглого стола. Голландское правительство отдавало себе отчет в том, что теперь нельзя будет осуществить план восстановления открытого колониального господства в Индонезии и что необходимо вырабатывать мероприятия, с помощью которых возможна была бы эксплуатация индонезийского народа методами неоколониализма.

7 мая было достигнуто соглашение, известное как соглашение Рум — ван Роен. Республиканские лидеры согласились отдать приказ вооруженным сторонникам республики прекратить партизанскую борьбу, сотрудничать в восстановлении мира и поддержании общественного спокойствия и безопасности и участвовать в Конференции круглого стола с целью

[2] «The New York Times», 27.II.1949.

ускорения «безоговорочной передачи полного и подлинного суверенитета Соединенным Штатам Индонезии». Голландия соглашалась возвратить правительство Республики Индонезии в Джокьякарту, где его контроль должен был распространяться на резидентство Джокьякарты. Вместе с тем специально оговаривалось, что «во всех районах за пределами резидентства Джокьякарты, где не функционируют гражданские, полицейские и прочие чиновники нидерландского правительства в Индонезии, гражданские, полицейские и другие республиканские должностные лица — там, где они все еще несут службу,— должны продолжать выполнять свои функции» [3]. Таким образом голландская делегация официально признала, что, несмотря на полную оккупацию страны, в Индонезии существуют районы, на которые распространяется контроль республиканского правительства.

По соглашению Республика Индонезия должна была войти в качестве одного из штатов в планировавшуюся федерацию Соединенных Штатов Индонезии. Ей предоставлялась одна треть мест во временном парламенте США.

Голландия обязывалась не проводить никаких военных операций, освободить без всяких условий политических заключенных, которые были арестованы на территории республики после 17 декабря 1948 г., и не создавать новых марионеточных штатов и территорий [4].

После возвращения республиканского правительства в Джокьякарту между представителями Республики Индонезии и федеральной консультативной ассамблеи происходили переговоры по вопросу о будущем устройстве Соединенных Штатов Индонезии. Всего состоялись две межиндонезийские конференции — 19—22 июля и 2 августа. Представители марионеточных штатов и территорий прекрасно понимали, что республиканцы находятся в более выгодном положении, так как население настроено прореспубликански, а их покровители — Нидерланды — рано или поздно должны будут вывести свои войска из страны. Поэтому им важно было получить от республиканского правительства гарантии, защищающие их положение, интересы и привилегии. В обмен на отказ от создания в каждом штате собственных вооруженных сил они получили прочные позиции в создаваемом федеративном государстве, что было впоследствии зафиксировано в соглашениях Конференции круглого стола.

С 23 августа по 2 ноября 1949 г. в Гааге под председательством премьер-министра Нидерландов Дрейса происходила Конференция круглого стола. В ней участвовали пред-

---

[3] «Document konperensi medja bundar», Djakarta, 1953, стр. 104.

[4] Там же, стр. 203 (см.: «Keterangan Roem — Roen. Persetudjuan permulaan mengenai kembalinija pemerintah Republik ke Jogjakarta»).

ставители Нидерландов, возглавляемые Маарсефеном, представители Республики Индонезии во главе с Хаттой и представители марионеточных правительств во главе с султаном Понтианака (Калимантан) Гамидом. Решения Конференции круглого стола были зафиксированы в ряде документов, важнейшими из которых были протокол о передаче суверенитета, соглашение о голландско-индонезийском союзе, соглашение о сотрудничестве в области международных отношений, финансовые и экономические соглашения, военные соглашения и соглашения о культурном сотрудничестве [5].

По расчетам голландских колонизаторов, Конференция круглого стола должна была оформить фактическую ликвидацию революционной Республики Индонезии путем растворения ее среди марионеточных государственных образований, созданных голландскими властями. На конференции была выработана конституция Соединенных Штатов Индонезии, согласно которой Индонезия делилась на 16 конституционных единиц, включая Республику Индонезию [6]. Создавались палата представителей и сенат. В сенат входили по два представителя от каждой федеральной единицы. Он обладал законодательной властью во всех вопросах, касавшихся отношений между центральным правительством и отдельными штатами, и в вопросах, относящихся к взаимоотношениям между штатами. Более того, сенат обладал правом определять, какие вопросы он правомочен решать. Таким образом, по замыслам колонизаторов, сенат должен был стать надежной защитой федеральной системы.

Соединенные Штаты Индонезии входили в голландско-индонезийский союз, во главе которого стояла королева Нидерландов Юлиана. Вместо обычных дипломатических отношений устанавливались союзные связи с обменом верховными комиссарами.

В ходе конференции возникли разногласия относительно статута голландско-индонезийского союза. Голландия настаивала на том, чтобы были созданы постоянные органы союза, т. е. хотела обеспечить постоянный контроль за каждым шагом индонезийского правительства. Индонезийские делегации, стремясь к большей самостоятельности, требовали, чтобы союз имел характер международного договора, на основе которого созывались бы конференции обеих сторон, когда необходимо рассмотреть вопросы, представляющие общий интерес [7].

---

[5] Соглашения Конференции круглого стола полностью опубликованы в отчетах ООН, в том числе на русском языке: «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Четвертый год. Особое дополнение № 6».

[6] Там же.

[7] Там же, стр 9—10.

Было принято компромиссное решение: создавался постоянный секретариат, а конференции министров должны были созываться через определенный срок. Хотя это решение ограничивало суверенитет Индонезии, поскольку любой важный шаг в области внешней и внутренней политики необходимо было согласовывать на конференции министров союза, но между конференциями индонезийское правительство могло действовать самостоятельно. Такое положение неизбежно вело к трениям.

Суверенитет Индонезии был ущемлен и в области внешнеполитических отношений. Согласно ст. 3 соглашения о сотрудничестве в области внешних сношений «ни один из участников союза без предварительной консультации с другим участником не заключает договоров и не совершает никаких других международно-правовых актов, затрагивающих интересы другого участника» [8]. В конечном счете голландское правительство всегда могло доказать, что тот или иной международно-правовой акт, совершенный Индонезией, затрагивает интересы Нидерландов.

Наиболее детально конференцией были разработаны экономические вопросы. Индонезия вынуждена была признать все права, концессии и лицензии, предоставленные иностранным предпринимателям колониальным правительством. В интересах иностранных предпринимателей предусматривалось продление их прав, «осуществление которых было невозможно из-за войны и последующей ненормальной обстановки», причем это продление должно было производиться на условиях, гарантирующих успешную и прибыльную деятельность предприятий [9]. Иностранные предприятия пользовались теми же правами, что и индонезийские [10]. Разрешались переводы прибылей за границу [11]. Особо отмечалось, что «Республика Соединенных Штатов Индонезии будет учитывать значительные финансовые и экономические интересы Нидерландов в Индонезии» [12]. Был установлен фактический контроль Голландии над внешней торговлей Индонезии. Наконец, Индонезия вынуждена была принять на себя 4,3 млрд. гульденов долга колониального правительства. Таким образом, экономические соглашения Конференции круглого стола сохраняли прежнюю колониальную структуру хозяйства Индонезии и защищали интересы иностранного монополистического капитала.

Военные соглашения обязывали Голландию вывести свои войска из Индонезии. Но они предусматривали вместе с тем возможность включения значительного контингента военно-

---

[8] Там же, стр. 53.
[9] Там же, стр. 13.
[10] Там же.
[11] Там же, стр. 59.
[12] Там же, стр. 12.

служащих колониальной армии Нидерландской Индии в состав вооруженных сил США. Это представляло опасность, так как Голландия сохраняла в Индонезии часть своей колониальной армии. Для обучения и инструктажа индонезийской армии создавалась голландская военная миссия [13].

На последней стадии переговоров Голландия отказалась передать суверенитет над провинцией Индонезии Новая Гвинея (Западный Ириан). Этот отказ для индонезийской делегации был совершенно неожиданным, потому что выработанная к тому времени ст. 1 протокола о передаче суверенитета гласила: «Нидерландское королевство безоговорочно и безвозвратно передает полный суверенитет над Индонезией Республике Соединенных Штатов Индонезии и признает Республику Соединенных Штатов Индонезии независимым и суверенным государством» [14].

Стремясь вывести конференцию из тупика, индонезийская делегация согласилась отложить обсуждение вопроса о Западном Ириане до следующего года. В связи с этим в ст. 2 протокола о передаче суверенитета было записано: «В провинции Новая Гвинея сохраняется статус-кво при условии, что в течение года со дня предоставления суверенитета Республике Соединенных Штатов Индонезии вопрос о политическом статусе Новой Гвинеи будет решен путем переговоров между Республикой Соединенных Штатов Индонезии и Нидерландским королевством» [15].

Соглашения Конференции явились компромиссом между Республикой Индонезией и голландским империализмом. Индонезия становилась независимой, но вынуждена была принять на себя ряд обязательств, превративших ее в объект неоколониальной эксплуатации империализма.

18 ноября республиканское правительство одобрило соглашения Конференции круглого стола. 14 декабря они были ратифицированы членами республиканского парламента. В тот же день представители всех конституционных единиц подписали временную конституцию Соединенных Штатов Индонезии. 16 декабря Сукарно был избран президентом США. 20 декабря было сформировано правительство США во главе с Хаттой. И наконец, 27 декабря состоялась официальная церемония передачи суверенитета.

Образование унитарного государства

Империалистические круги Голландии полагали, что Конференция круглого стола завершила и юридически оформила поражение национально-демократической революции в Индо-

[13] Там же, стр. 14—16.
[14] «Dokument konperensi medja bundar», стр. 69.
[15] Там же.

незии, что индонезийский народ добился лишь формального признания независимости своей страны, но осуществить и защитить свою независимость у него нет ни сил, ни средств. Эти расчеты не оправдались.

После Конференции круглого стола начался новый подъем антиимпериалистической борьбы, которая теперь была направлена прежде всего против федеральной системы, как наиболее яркого проявления неоколониализма в Индонезии. Но по существу с самого начала это была борьба против всех соглашений Конференции круглого стола в целом.

Война подорвала слабую экономику страны. Инфляция, дороговизна, нехватка продуктов питания и предметов первой необходимости тяжело отразились на и без того чрезвычайно низком жизненном уровне трудящихся. Это вызвало рост недовольства и новый взрыв антиколониальных и антиимпериалистических настроений.

Внутриполитическое положение в Индонезии после Конференции круглого стола было чрезвычайно сложным. Страна оказалась раздробленной на 16 конституционных единиц, с большей или меньшей зависимостью от центрального правительства. Самым крупным по населению штатом была Республика Индонезия (31 млн. человек). Она занимала площадь примерно такую же, какая предусматривалась для нее Ренвилским соглашением (часть Центральной и Восточной Явы без крупных портовых городов, внутренние районы Суматры, часть Мадуры). Остальные члены федерации являлись марионеточными государственными образованиями, созданными голландскими колонизаторами силой оружия в противовес республике. Размеры их были различными — от очень больших до карликовых. Население штатов колебалось от 100 тыс. до 11 млн. человек. Голландские колонизаторы полагали, что отныне Республика Индонезия перестанет играть заметную роль в политической жизни страны, раздробленная Индонезия станет слабой и беззащитной и поэтому им легко будет осуществлять контроль над своей бывшей колонией. Но их расчеты не оправдались.

Республика Индонезия приобрела ведущее положение в Соединенных Штатах Индонезии. Этому способствовали как огромный авторитет республики, который она завоевала в период борьбы за независимость, так и тот факт, что в центральном правительстве Соединенных Штатов Индонезии преобладающее влияние имели прежние республиканские лидеры. Президентом был Сукарно, премьер-министром — Хатта. Одиннадцать министров в правительстве были от республики и только пять от остальных штатов, среди которых министр информации Мононуту фактически был сторонником республики: в штате Восточная Индонезия он возглавлял прореспубликанскую группировку.

После создания центрального правительства было сформировано временное правительство Республики Индонезии во главе с одним из лидеров Национальной партии, Сусанто Тиртопроджо. Кабинет Сусанто почти целиком состоял из членов НПИ. Но уже 16 января 1950 г. этот кабинет был заменен постоянным правительством во главе с Халимом. Основу правительства Халима составляли представители Национальной партии, Машуми и социалистов, что соответствовало общей расстановке политических сил в стране в то время.

В границах республики существовало больше порядка и дисциплины, в меньшей мере наблюдалась столь широко распространенная по всей стране коррупция. Все это поднимало авторитет Республики Индонезии в глазах народа. В марионеточных и полумарионеточных штатах царили беззаконие и коррупция, у власти находились люди, сотрудничавшие с колонизаторами, которые не пользовались поддержкой и доверием населения. Обладая реальной властью в своих штатах, они всячески противодействовали установлению контроля центрального правительства.

Сильная центральная власть в Индонезии противоречила интересам империализма. Федеральная система была конкретным выражением империалистического принципа «разделяй и властвуй». Поэтому ликвидация этой системы стала общенациональной задачей. Стихийные и организованные массовые народные митинги и демонстрации, мощные забастовки трудящихся, резолюции общественных организаций и политических партий, требования членов парламента о создании унитарного государства приняли огромный размах и в значительной степени парализовали силы федералистов. В ряде федеральных единиц, расположенных в непосредственной близости от Республики Индонезии, позиции законодательных и исполнительных властей оказались настолько слабыми, что они без сопротивления, фактически добровольно передали свои полномочия в руки центрального правительства. Это стало возможным в связи с тем, что в самой местной администрации большинство составляли сторонники Республики Индонезии. Уже в январе 1950 г. на Яве были ликвидированы федеральные единицы — Центральная Ява, Мадура и Восточная Ява [16]. 10 февраля по решению парламента Южной Суматры глава штата передал свой мандат правительству СШИ [17]. Вместе с тем следует учитывать, что символом независимости была Республика Индонезия и поэтому основной тенденцией образования унитарного государства являлось слияние с Республикой Индонезией, а не передача власти штатов правительству СШИ. В дальнейшем эта тенденция

[16] «Merdeka», 7, 13, 20.I.1950.
[17] «Sin Po», 3.II.1950.

стала определяющей. Все это не означало, однако, что империалисты отказались от активного сопротивления ликвидации федеральной системы.

Потенциально в их руках была большая сила: 80-тысячная голландская армия и 65-тысячная колониальная армия Нидерландской Индии (КНИЛ) [18]. Соглашения Конференции круглого стола запрещали использовать эти войска для военных операций, и, учитывая настроение мирового общественного мнения, голландская сторона никогда не нарушала эту статью соглашений. Но она использовала армию не непосредственно, а косвенно, организовывая с помощью подразделений КНИЛ, уже демобилизованных или мнимо демобилизованных, чтобы официально за их действия не отвечать, различные провокации, заговоры против правительства, мятежи и путчи с целью сохранения своего политического влияния в стране и отторжения от республики некоторых районов. Кроме того, голландцы насаждали, обучали и поддерживали различные террористические организации. Они искусно использовали в своих интересах лозунг о создании мусульманского теократического государства Даруль ислам, который в первое время имел некоторую поддержку среди наиболее отсталых слоев крестьянства.

Одним из самых беспокойных районов страны была Западная Ява. И это не случайно. На Западной Яве находится столица Индонезии Джакарта. Учитывая, что в ближайшее время придется вывести или расформировать свои войска, неоколонизаторы энергично создавали там террористические организации и поддерживали отряды Даруль ислам, рассчитывая с их помощью постоянно держать столицу под угрозой захвата и, выдвигая от имени этих организаций различные требования, фактически диктовать правительству Индонезии свою волю

В марте 1949 г. капитан КНИЛ Вестерлинг создал Индонезийский союз справедливой королевы (РАПИ), который объединил 24 террористические организации Западной Явы, состоявшие главным образом из солдат и офицеров КНИЛ. РАПИ располагала своими прекрасно вооруженными отрядами. Официальной целью она провозгласила защиту федеральной системы.

В начале января 1950 г. Вестерлинг, который к этому времени демобилизовался и, следовательно, голландское командование формально не несло ответственности за его действия, потребовал от правительства СШИ не вводить национальную армию Индонезии на территорию Западной Явы, где существовал марионеточный штат Пасундан. Он обратился к властям Пасундана с предложением установить контакт для

[18] G. Mc. T. Kahin, Nationalism..., стр. 455.

«совместных действий по обеспечению спокойствия и безопасности штата, которых не может обеспечить национальная армия Индонезии»[19]. 23 января отряды Вестерлинга ворвались в Бандунг, а 26 января они попытались проникнуть в Джакарту, но были остановлены и разбиты национальной армией Индонезии. Позднее выяснилось, что мятеж Вестерлинга являлся частью более широкого антиправительственного заговора, имевшего целью свергнуть правительство СШИ и поставить у власти голландских марионеток. Возглавлял этот заговор султан Понтианака (Западный Калимантан) Гамид II.

Во время мятежа правительство Пасундана не только не оказало никакой поддержки национальной армии Индонезии, но своими действиями стремилось усилить дезорганизацию. Это привело к полной дискредитации правительства. Под влиянием событий изменилось соотношение сил в парламенте Пасундана. 27 января 1950 г. парламент выразил недоверие правительству. В стране поднялась волна требований передать управление штатом Пасундан в руки правительства СШИ. 8 февраля кабинет СШИ принял постановление, обязывающее главу штата Пасундан Виранатакусума передать власть правительственному комиссару Севака. Господство голландских ставленников в Пасундане кончилось.

Другим наиболее опасным очагом восстаний и провокаций против индонезийского государства была Восточная Индонезия — штат, где главным образом набирались солдаты КНИЛ. Этот штат был самым удаленным от Явы — центра национально-освободительного движения и наиболее отсталым в политическом и экономическом отношениях. Как и во всей Индонезии, здесь происходила борьба между федералистами и сторонниками республики, но административный аппарат находился практически непосредственно в руках голландцев. В ответ на многотысячные митинги и демонстрации, требования ввести подразделения национальной армии Индонезии в штат и включить его территорию в Республику Индонезию правительство штата усилило репрессии. Была отменена свобода собраний, арестованы пореспубликанские члены местного парламента, которые внесли резолюцию о ликвидации штата и присоединении к Республике Индонезии. Часть прореспубликанских сил ушла в горы к партизанам, которые имели свои базы со времени борьбы против голландских колонизаторов.

Когда в начале апреля правительство СШИ приняло решение направить в столицу штата Макасар батальон национальной армии Индонезии, капитан КНИЛ Анди Абдул Азис поднял мятеж и сообщил центральному правительству, что

---

[19] «Merdeka», 12.I.1950.

подчинится ему только в том случае, если правительство даст гарантии, что штат Восточная Индонезия не будет ликвидирован[20]. Однако население Южного Сулавеси относилось к мятежникам крайне враждебно и не поддержало мятежа. В этих условиях Азис вынужден был через несколько дней капитулировать перед центральным правительством. Теперь соотношение сил изменилось. На Южном Сулавеси было создано чрезвычайное правительство, непосредственно ответственное перед Джакартой, которое 26 апреля объявило о выходе района Южного Сулавеси из штата и присоединении к Республике Индонезии. Были освобождены политические заключенные, являвшиеся сторонниками республики; введено военное положение. Партизаны почувствовали себя достаточно сильными, чтобы начать наступление на мелкие города, где местную администрацию возглавляли феодальные элементы, тесно сотрудничавшие с голландцами. Народ свергал голландских ставленников — защитников федерации.

Поскольку провокация в Макасаре провалилась, некоторые наиболее активные сторонники голландского империализма бежали для продолжения борьбы на Молуккские острова. 24 апреля в г. Амбон была провозглашена «независимая» Республика Южно-Молуккских островов. Она была военно-полицейским государством, управлявшимся офицерами КНИЛ по законам военного времени. Восставшие в Амбоне части подчинялись голландскому командованию, и, следовательно, даже формально Нидерланды несли ответственность за события на Южно-Молуккских островах. Более того, правительство Нидерландов пыталось оказывать Республике Южно-Молуккских островов политическую поддержку. Когда все мирные средства разрешения конфликта были исчерпаны, правительство Индонезии приступило к ликвидации мятежа военным путем. К ноябрю сопротивление мятежников было ликвидировано.

Заговоры и мятежи против центрального правительства показали на практике всю опасность навязанной Индонезии федеральной системы. Ликвидация мятежей привела к ее распаду.

Первыми мероприятиями центрального правительства по созданию унитарного государства были переговоры с правительством Республики Индонезии и подготовка законопроекта о способах изменения статута частей государства. Но этот законопроект так и не увидел света. Под давлением всеобщего требования воссоединения всех частей государства с Республикой Индонезией, в обстановке изоляции и разгрома федералистов парламент СШИ 2 марта принял чрезвычайные законы, согласно которым в нарушение конституции

---

[20] «Merdeka», 8.IV.1950.

СШИ к Республике Индонезии присоединились 13 штатов и районов, часть из которых ранее входила в другие федеральные единицы. Таким образом, народное движение за унитарную республику вынудило парламент СШИ, который по расчетам голландских империалистов должен был послушно выполнять их волю, приступить к ликвидации федеральной системы. А сенат, задачей которого являлась охрана федерации, единогласно одобрил чрезвычайные законы [21].

В апреле 1950 г. СШИ еще включали помимо республики три крупных штата: Западный Калимантан, Восточную Индонезию и Восточную Суматру.

Позиции федералистов Западного Калимантана стали чрезвычайно шаткими после разоблачения и ареста их лидера — султана Понтианака Гамида II. Народные требования о ликвидации штата обрели такую силу, что 15 апреля парламент принял постановление о воссоединении Западного Калимантана с Республикой Индонезией.

Такое же неустойчивое положение после мятежа Азиса сложилось в Восточной Индонезии. Правительство штата было парализовано и не могло противостоять народным требованиям о воссоединении с Республикой Индонезией. После выхода из штата района Южного Сулавеси и присоединения его к Республике Индонезии в качестве провинции штат начал разваливаться. За Южным Сулавеси последовали все другие районы Восточной Индонезии, кроме Южно-Молуккских островов, где хозяйничали мятежники [22].

Теперь федералисты Восточной Суматры оказались в изоляции. Поднимать мятеж было бессмысленно. В этих условиях правительство Восточной Суматры вынуждено было согласиться на создание унитарного государства.

19 мая правительство СШИ и Республики Индонезии подписали соглашение об образовании унитарного государства, текст которого был уточнен 20 июля [23]. Наиболее важные положения этого соглашения касались конституции и администрации будущей республики. Предусматривалось создание однопалатного парламента. До всеобщих выборов в парламент должны были входить: со стороны СШИ — члены парламента и сената СШИ; со стороны Республики Индонезии — члены рабочего комитета центрального национального комитета Индонезии и высшего совещательного совета. Это было компромиссное решение, позволившее избежать долгих переговоров о членстве в парламенте и удовлетворить личные интересы тех, кто утверждал соглашение. Вместе с тем решение укрепляло правое крыло парламента за счет включе-

---

[21] «Merdeka», 27.IV.1950.
[22] Там же.
[23] См. тексты соглашений в «Merdeka», 20.V.1950; «Sin Po», 21.VII.1950.

ния в него сенаторов. За основу принималась конституция США. Из конституции 1945 г. в нее были включены лишь три статьи (27, 29, 33). Ст. 27 и 29 касались провозглашения демократических свобод. Ст. 33 по существу была направлена на защиту государством слабого национального капитала от губительной конкуренции иностранных монополий. В отличие от конституции 1945 г. соглашение особое внимание уделило укреплению системы парламентаризма: к записанному 19 мая принципу о том, что правительство должно быть ответственно перед парламентом, 20 июля было добавлено, что министры будут нести ответственность как за свои министерства, так и за политику кабинета в целом.

16 августа было провозглашено создание унитарной республики и утверждена временная конституция. Эта конституция должна была действовать до созыва учредительного собрания, задачей которого являлась выработка постоянной конституции.

Разгромом мятежей ставленников голландских империалистов и созданием унитарного государства закончился короткий, но очень важный этап национально-освободительного движения в Индонезии. Повсеместно укрепилась власть центрального правительства. Перед страной открылись возможности проведения национального курса во многих решающих вопросах внешней и внутренней политики.

Попытки правых партий укрепиться у власти

После успешного завершения борьбы за унитарную республику ослабло единство действий различных социально-политических сил. Каждый общественный слой, каждое течение начали бороться прежде всего за свои собственные интересы. Правда, Национальная партия Индонезии (НПИ) по-прежнему считала, что ликвидация федеральной системы — лишь начало борьбы за полную политическую независимость. Она призывала сосредоточить основное внимание на проблемах расторжения соглашений Конференции круглого стола и решении вопроса о Западном Ириане. НПИ стояла за регулирование деятельности иностранного капитала в стране и развитие национальной экономики с активным участием государства. Но многие буржуазные партии повернули вправо. Машуми и правые социалисты считали революцию законченной и стремились к интенсивному развитию частнокапиталистического сектора при широком сотрудничестве с иностранным капиталом. Некоторые общественные группировки начали выходить из партий, чьи программы недостаточно отвечали их интересам. От Национальной партии откололось правое крыло, которое образовало Национальную народную партию. Возникла новая партия — Партия великой Индонезии

(Париндра — Партэй Индонесиа райа). Она тоже была гораздо правее НПИ. Правое крыло парламента усилилось также за счет федералистов, создавших довольно многочисленную Демократическую фракцию.

Такая расстановка политических сил в стране определила создание правого правительства, сформированного 6 сентября одним из лидеров Машуми — Натсыром. Ключевые позиции в кабинете принадлежали Машуми и правым социалистам, с которыми сотрудничали Демократическая фракция, правонационалистическая партия Союз Великой Индонезии (ПИР — Персатуан Индонесиа райа), Париндра и мелкие религиозные партии. В правительстве не была представлена Национальная партия. Это свидетельствовало о начале раскола между двумя крупнейшими буржуазными партиями, последствия которого отразились на дальнейшем развитии Индонезии.

В то же время самые широкие слои населения не были удовлетворены результатами Конференции круглого стола. Основные отрасли экономики по-прежнему оставались в руках иностранного капитала, который получил самые благоприятные условия для своей деятельности. В 1951 г. Голландия имела от эксплуатации Индонезии наивысшую после 1926 г. сумму прибылей — 501 млн. гульденов: голландские капиталовложения дали 263 млн. гульденов и, кроме того, на основании соглашений Конференции круглого стола по процентам, а также всевозможным оплатам голландским чиновникам в Нидерланды было переведено 238 млн. гульденов [24].

Слабые национальные предприятия и торговые фирмы не выдерживали конкуренции иностранного капитала и разорялись. Например, по данным министерства труда только на Западной Яве в 1951 г. была приостановлена работа на 56 плантациях, 41 текстильной фабрике, закрыты завод в Чианджуре и табачная фабрика в Тангеране [25]. В еще более тяжелом положении находились многочисленные слои мелкой буржуазии, которые по своему жизненному уровню стояли ближе к трудящимся массам, чем к буржуазии.

В первой половине 1951 г. национальные предприниматели создали свой комитет и потребовали от правительства предоставления кредитов и проведения национальной политики, которая защищала бы их интересы [26]. Поскольку такая политика была несовместима с соглашениями Конференции

---

[24] «Independence Number, 17.VIII.1945 — 17.VIII.1952, Issued by the Information Department. Embassy of the Republic of Indonesia», London, 1952, стр. 25.

[25] «Bintang Merah», Djanuary, 1953, стр. 10.

[26] «Bintang Merah», Agustus — September, 1951, стр. 283.

круглого стола, многие слои буржуазии включались в борьбу за их отмену.

Революция привела в движение самый многочисленный класс индонезийского общества — многомиллионное крестьянство. Крестьяне страдали от непосильных налогов, от грабежа ростовщиков и различного рода посредников, от эксплуатации, часто докапиталистическими методами, владельцев земли, сдававших ее в аренду. Но главной проблемой всегда был острый земельный голод. Во время революции крестьяне и сельскохозяйственные рабочие захватили ряд плантационных земель. Они использовали также для своих нужд те участки лучших земель, которые раньше их заставляли сдавать в аренду иностранным предпринимателям. Теперь главной проблемой было сохранить за собой эти земли. Однако иностранные компании пытались силой согнать крестьян с занятых земель. Крестьянские массы и сельскохозяйственные рабочие повели упорную борьбу за землю, требуя отмены постановлений Конференции круглого стола, на основании которых их лишают земли. Крестьянство становилось активной антиимпериалистической силой.

В ответ на притеснения, на рост цен и ухудшение материального положения активную борьбу за свои права и интересы развернул рабочий класс. В 1950 г. по всей стране прокатилась волна забастовок, которая усилилась в начале 1951 г. Только на Восточной Суматре в начале 1951 г. бастовало 256 тыс. рабочих [27].

В этих условиях возрастают роль и влияние профсоюзных объединений. Еще в октябре 1949 г. конференция 14 профсоюзов восстановила СОБСИ, которая с этого времени опять стала легальной организацией. А к 1952 г. СОБСИ вновь становится крупнейшей силой в рабочем движении Индонезии. Из 3 млн. организованных рабочих в ее рядах было 2,5 млн. человек. Лишь около 500 тыс. организованных рабочих входили в независимые профсоюзы или профсоюзы, руководимые буржуазными партиями. Все попытки официальных властей сократить влияние СОБСИ оказывались безрезультатными [28].

Испугавшись размаха забастовочного движения, правительство Натсыра в нарушение конституции издало декрет о запрещении забастовок. Согласно декрету трудовые конфликты должны были рассматриваться в комиссии по разрешению трудовых конфликтов, которая заслушивала представителей рабочих и предпринимателей и выносила постановление, обязательное для обеих сторон.

---

[27] «Merdeka», 8.II.1951.

[28] «Bintang Merah», Mai, 1955, стр. 233.

Декрет оказался настолько непопулярным, что следующий кабинет Сукимана вынужден был пересмотреть декрет и заменить его новым. Новое трудовое законодательство оказалось не менее реакционным. Чтобы объявить забастовку, необходимо было сначала подать заявление в комиссию по разрешению трудовых конфликтов и уведомить администрацию предприятия, а затем ждать. Если через 21 день после подачи заявления профсоюз не получал удовлетворительного ответа, разрешалось бастовать, при условии, что забастовка не признана представляющей угрозу для государственных и общественных интересов. Таким образом, фактически забастовки были запрещены, так как любую забастовку можно было объявить «угрозой» для государства, что, как правило, и делалось официальными властями.

И все же, несмотря на запрет, рабочий класс героически продолжал борьбу. Об этом наглядно свидетельствует официальная статистика. По данным министерства труда, количество трудовых конфликтов увеличилось в 1952 г. на 45% по сравнению с 1951 г. [29]. Забастовки и различные трудовые конфликты происходили главным образом на предприятиях иностранного капитала. Классовая борьба индонезийского пролетариата во многом совпадала с его антиимпериалистической борьбой. Она отражала протест рабочих против засилья иностранного капитала, против соглашений Конференции круглого стола.

Таким образом, в Индонезии объективно складывались благоприятные предпосылки для образования широкого антиимпериалистического фронта.

В условиях борьбы за расторжение соглашений Конференции круглого стола, за полное освобождение от голландского колониализма в политической и военной областях Коммунистическая партия Индонезии приняла единственно правильную тактику союза со всеми антиимпериалистическими силами с целью создания национального фронта. Такая политика обеспечила ей рост поддержки народа и постепенно легализовала ее деятельность. Если в 1951 г. в партии насчитывалось 10 тыс. членов, то в 1952 г. в ее рядах было уже около 100 тыс. человек [30].

После провала в начале 1951 г. переговоров с Голландией по вопросу о воссоединении Западного Ириана с Индонезией по всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций, на которых принимались резолюции с требованием расторжения голландско-индонезийского союза и других соглашений Конференции круглого стола. Лозунг борьбы за возвращение Западного Ириана оказался той основой, на ко-

---

[29] Там же, стр. 231.
[30] «Sin Po», 23.IV.1952.

торой стало возможно объединение самых широких и разных кругов общественности страны. Этот лозунг сыграл большую роль в формировании единого национального антиимпериалистического фронта.

Перспектива единого фронта и союза с трудящимися массами в борьбе против империализма не соответствовала интересам тех фракций индонезийской буржуазии, заинтересованных в сотрудничестве с иностранным капиталом, которые группировались вокруг партий Машуми и правых социалистов или примыкали к ним. Эти наиболее правые силы стали принимать меры для укрепления своего положения в стране. Правительство Натсыра приступило к разработке избирательного законопроекта, предусматривавшего проведение косвенных выборов в парламент. Как и кабинет Хатты, оно хотело, чтобы первые выборы были не в парламент, а в Учредительное собрание, призванное выработать новую конституцию. Учредительное собрание должно было избрать из своих членов небольшой временный парламент, который нес бы ответственность до выборов по новой конституции. Руководство в этом парламенте правые партии рассчитывали захватить в свои руки.

Для укрепления своих позиций в провинции правительство Натсыра пыталось провести в жизнь декрет № 39 от 1950 г., который предусматривал фактическое назначение сверху представителей органов власти на местах. На основе декрета на Яве и частично на Суматре были созданы местные органы власти, руководство в которых захватили представители Машуми.

Активность народных масс оказала решающее влияние на политику парламента в некоторых важнейших вопросах. Парламент принял 10 января 1951 г. резолюцию Куснана (НПИ) о ликвидации союзных связей с Голландией и пересмотре соглашений Конференции круглого стола и 22 января 1951 г. резолюцию Хадикусумо (НПИ), имевшую целью заменить декрет № 39 демократическим избирательным законом и распустить органы власти, созданные на основе этого декрета. Эти резолюции и требования отмены закона о запрещении забастовок явились причинами отставки кабинета 20 марта 1951 г.

Во время правительственного кризиса 27 марта 1951 г. по инициативе Индонезийского мусульманского союза (ПСИИ), Коммунистической партии Индонезии, Мурба и Рабочей партии состоялось совещание представителей 12 партий для выработки общей линии действий. В качестве участников или наблюдателей на нем присутствовали представители всех партий, пользовавшихся определенным влиянием в парламенте, кроме Машуми, правых социалистов и ПИР. Совещание выработало совместное заявление, общую про-

грамму и создало межпартийный координационный комитет [31].

Общая программа была прогрессивным документом, предлагавшим программу дальнейшего развития национально-освободительной борьбы. Она, в частности, содержала требование освобождения страны от всех обязательств по отношению к другим странам, наносящих ущерб народу, особенно от соглашений Конференции круглого стола, ускорения воссоединения Западного Ириана с Республикой Индонезией, обеспечения основных прав для народа, в том числе отмены чрезвычайного положения и закона о запрещении забастовок, полной демократизации государственного строя, коренного пересмотра аграрной политики и национализации жизненно важных предприятий. Иными словами, программа намечала демократическое решение основных проблем, стоявших перед страной [32].

Создание межпартийного координационного комитета было первым шагом на пути образования единого национального фронта. Конечно, сотрудничество партий в межпартийном координационном комитете было еще очень нестойким. НПИ вообще не подписала документов, чтобы не связывать себя какими-либо обязательствами, так как решила принять участие в новом кабинете Сукимана (26 апреля 1951 г.— 23 февраля 1952 г.) [33], а ПИР по тем же соображениям не направила на конференцию даже своих наблюдателей. Но сотрудничество партий по отдельным вопросам продолжало развиваться.

Намечавшееся единство действий партий было направлено на продолжение борьбы за полное освобождение от всех остатков колониализма, за возвращение Западного Ириана. В этой борьбе большинство партий было готово опереться на поддержку широких масс трудящихся и пойти на длительный союз с их организациями. Такая перспектива представляла угрозу для политического господства буржуазных кругов, группировавшихся вокруг Машуми и правых социалистов. Поэтому правительство Сукимана решило нанести удар по демократическим организациям и наиболее активным сторонникам единого фронта. Расчет был прост: разгром организаций трудящихся и устранение с политической арены сторонников союза с ними предотвратят изменения в соотношении сил в парламенте и обеспечат господствующее положение Машуми.

Под предлогом предотвращения антиправительственного заговора в августе 1951 г. начались массовые обыски и арес-

---

[31] «Bintang Merah», Djuni — Djuli, 1951, стр. 170—171.

[32] Там же.

[33] Группировка Сукимана в то время имела контакты с рядом правых лидеров НПИ.

ты членов компартии и примыкавших к ней организаций, а также ряда политических деятелей других левых партий и организаций. Было арестовано несколько тысяч человек. Но Сукиману не удалось добиться намеченной цели. Всеобщее недовольство помешало разгрому демократических организаций. Уже в первые десять дней массовых арестов 24 различные партии и организации выразили протест, заявив, что аресты нарушают свободу организаций, гарантированную конституцией, так как они проводятся в отношении невинных людей, находящихся на легальном положении и работающих в легальных организациях [34]. Фактически выразил протест правительству и исполнявший обязанности председателя парламента Тамбунан. Он сказал, что из-за арестов членов парламента парламентскому кворуму угрожает опасность и что парламент ожидает от правительства разъяснений относительно арестов и на основе этих разъяснений примет надлежащие меры. Это спасло левые фракции парламента от разгрома [35].

В конечном счете правительство оказалось полностью скомпрометированным в глазах общественного мнения и 23 февраля 1952 г. ушло в отставку. Непосредственной причиной падения кабинета Сукимана явилась его проамериканская внешняя политика.

Усиление антиимпериалистического движения

Провал кабинета Сукимана показал, что Машуми теряет своих сторонников в парламенте. Ее позиции ослабли также в связи с выходом из рядов партии целой организации Нахдатул Улама 6 апреля 1952 г. Нахдатул Улама, выражавшая интересы умеренно-консервативных слоев сельской буржуазии, была не согласна с политической линией Машуми, особенно в отношении сотрудничества с иностранным капиталом. Все это привело к тому, что новый кабинет было поручено сформировать лидеру правого крыла НПИ Вилопо. Хотя основой правительства Вилопо (1 апреля 1952 г. — 3 июня 1953 г.) были Национальная партия, Машуми и правые социалисты, с которыми сотрудничали мелкие партии, оно все же отразило своеобразный компромисс между различными течениями в парламенте. Группировка Сукимана из Машуми, представленная в кабинете, была в известных пределах антагонистом правых социалистов. Эти группировки были далеки друг от друга по своему отношению к ряду внутренних проблем, а главное, они придерживались различной внешнеполитической ориентации: группировка Сукимана ориентирова-

[34] «Sin Po», 27.VIII.1951.
[35] «Sin Po», 27.VIII.1951.

лась на США, в то время как правые социалисты были приверженцами Англии и Голландии. Сторонники Вилопо, готовые проводить в целом антиимпериалистическую политику, имели поэтому определенную свободу действий.

В связи с образованием кабинета Вилопо коммунистическая партия сделала заявление о том, что она окажет поддержку правительству. Эта поддержка объясняется не тем, что правительство Вилопо является последовательно демократическим, хотя безусловно оно более прогрессивно, чем кабинеты Хатта, Натсыра и Сукимана. КПИ, говорилось в заявлении, не ожидает от него подлинно демократической политики, но поддерживает кабинет потому, что он позволяет пользоваться демократическими правами, которые облегчают борьбу народа за улучшение своего положения, за сохранение народных организаций. Степень поддержки кабинета Вилопо будет зависеть от бо́льших или меньших демократических прав, которые этот кабинет предоставит народу. Поддержка совершенно прекратится, если станет ясно, что правительство Вилопо отказалось от демократической внешней и внутренней политики.

Это заявление показало, что коммунистическая партия освобождалась от сектантства и готова была идти на широкое сотрудничество в интересах борьбы против колониализма и империализма.

Само существование кабинета Вилопо во многом зависело от поддержки его в парламенте левыми партиями. Поэтому правительство, хотя и не последовательно, проводило политику демократизации страны. Из тюрем постепенно были освобождены лица, арестованные во время августовского наступления реакции. В ряде районов было отменено чрезвычайное положение. Правительство официально признало СОБСИ в качестве профсоюзного объединения. Компартия получила возможность развернуть легальную работу. Официально она не была запрещена и раньше, но фактически находилась на полулегальном положении, потому что ее деятельность всячески ограничивали, а ее членов преследовали.

Поскольку правые партии уже не имели достаточной поддержки в парламенте, они все чаще стали выступать с требованием роспуска парламента на том основании, что парламент не выборный и не отражает действительного соотношения сил в стране. Они хотели создания делового кабинета, не ответственного перед парламентом. Такой кабинет мог бы беспрепятственно проводить линию Машуми и правых социалистов.

В августе 1952 г. парламент начал обсуждение вопроса о положении в вооруженных силах в связи с реорганизацией, которую начал в армии министр обороны Хаменгку Бувоно.

Члены парламента подвергли резкой критике методы проведения реорганизации и кадровую политику министерства обороны и руководства вооруженных сил, в большинстве своем состоявшего из правых социалистов или их сторонников. Обсуждение закончилось в середине октября принятием резолюции Маная Софиана (НПИ), требовавшей прекращения работы голландской военной миссии в стране и расследования положения в министерстве обороны и вооруженных силах с принятием необходимых мер для улучшения их работы. В ответ на это армейская верхушка, подстрекаемая правыми социалистами, попыталась произвести 17 октября государственный переворот. Через несколько часов после принятия резолюции Маная Софиана в столице были развешаны лозунги: «Распустить нынешний парламент! Вы не представители народа!», «Распустить парламент! Ваши ссоры угрожают государству!». Вскоре под такими же лозунгами стали собираться демонстранты. Часть из них пришла пешком, часть была привезена на армейских грузовиках. Демонстрация направилась к президентскому дворцу и вручила Сукарно требование о роспуске парламента. Сразу же после ухода демонстрантов к президенту прибыла делегация высших офицеров, которые предъявили требования, поразительно похожие на требования демонстрантов. Они просили президента дать возможность правительству исполнять свои обязанности. Для этого они считали необходимым распустить парламент. При этом имелось в виду, что если устранить давление парламента на кабинет, то последний в своей политике скатится вправо.

Правда, среди офицерства не было единства. Кроме сторонников правых социалистов существовали две группировки патриотически настроенных офицеров. Одна из них выступала за усиление гражданской диктатуры во главе с Сукарно. Другая группировка предлагала установить диктатуру Сукарно, опирающуюся на армию. Насутион (в то время полковник, начальник штаба сухопутных сил) пытался ранее проводить тайные переговоры с Сукарно, но не сумел договориться о составе будущей правящей коалиции [36]. Но ни та, ни другая группировка не имела четко выраженной политической программы и фактически не понимала расстановки и размежевания классовых и политических сил в стране.

Почти все политические партии выступили против требований роспуска парламента. Национальная партия полагала, что она не получит лучших позиций в выборном парламенте по сравнению с теми, которые она уже имела. Коммунистическая партия поддерживала НПИ, так как любые недемократические действия могли привести к такому развитию собы-

---

[36] См.: H. Feith, The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia, New York, 1962, стр. 262.

тий, которое вынудит ее вновь уйти в подполье и, следовательно, затруднит ее связь с массами. Мурба из-за разногласий в руководстве так и не смогла определить своего отношения к этому вопросу, а руководство Машуми разделилось на сторонников и противников правых социалистов.

Правильно оценив обстановку, президент Сукарно занял твердую позицию и отверг все требования военных руководителей. Конфликт закончился смещением с занимаемых постов ряда высших военных офицеров и отставкой министра обороны Хаменгку Бувоно.

Совпадение позиций КПИ с позициями НПИ и президента Сукарно в период событий 17 октября способствовали улучшению взаимоотношений между ними и в дальнейшем.

После провала попытки реакционного государственного переворота, правительство проводило вялую, нерешительную политику, постоянно занимаясь поисками компромисса. Однако под давлением общественного мнения внутри и вне парламента правительство осуществило все же несколько важных мероприятий.

В апреле 1953 г. на базе Яванского банка был создан государственный центральный эмиссионный банк — банк Индонезии, что позволило ослабить зависимость страны от иностранного капитала в сфере финансов и кредита. Ранее, в 1951 г., Яванский банк был национализирован и стал государственным акционерным эмиссионным банком. Но до апрельской реформы 1953 г. очень большое число его акций находилось в руках держателей — иностранцев, и в своей деятельности он руководствовался правилами, принятыми еще в колониальный период. Другим важным мероприятием в области экономики явилось решение правительства в начале 1953 г. взять в свои руки руководство оловянными рудниками на острове Банка, право на эксплуатацию которых находилось в руках голландского капитала. Это означало введение государственного управления в одной из основных экспортных отраслей промышленности.

Огромное значение имела ликвидация голландской военной миссии. 21 апреля 1953 г. между Индонезией и Голландией был подписан протокол о прекращении деятельности миссии к концу 1953 г. Ликвидация миссии означала не только полное прекращение голландского контроля над вооруженными силами страны, но и одновременно ликвидацию официально существовавшего крупного шпионского центра.

Одним из наиболее важных мероприятий кабинета Вилопо во внутриполитической области явилась выработка избирательного закона, одобренного парламентом 1 апреля 1953 г. Этот закон включал следующие основные положения:

1. Все граждане от 18 лет и старше, а также моложе этого возраста, но состоящие в браке, имеют право голоса неза-

висимо от пола, имущественного положения и места пребывания.

2. Выборы прямые.

3. Голосование тайное.

4. Кандидаты могут быть независимыми или выдвигаться политическими партиями [37].

В вопросе о плантационных землях, захваченных крестьянами в годы революции, правительство Вилопо стало на сторону иностранных компаний. На Яве около 28 тыс. крестьянских семей приняло участие в захвате этих земель, на Суматре — около 125 тыс. семей [38]. По соглашениям Конференции круглого стола эта земля должна была быть возвращена плантациям. В отношении земель Суматры министр внутренних дел Мохаммед Рум договорился с Союзом плантаторов каучука Восточной Суматры («Аврос») и Союзом плантаторов Дели (ДПВ) о том, что одна треть захваченной земли останется в руках крестьян, а остальная будет возвращена [39].

Но крестьяне вели борьбу. Они не хотели покидать свои жилища и перебираться в джунгли, где надо строить новые дома, расчищать новые земли, которые первое время не дадут урожая. Кризис наступил, когда в мае 1953 г. крестьян местечка Танджунг Морава (близ Медана) было решено переселить, не ожидая, пока они соберут урожай. Правительство послало тракторы и бульдозеры, чтобы уничтожить жилища и перепахать посевы. Крестьяне стали на защиту своей земли. Вмешалась полиция, которая открыла огонь. В результате шесть человек были убиты и около 40 ранены. Инцидент в Танджунг Морава вызвал такое возмущение общественного мнения страны, что правительство вынуждено было 3 июня 1953 г. подать в отставку [40].

Следующий кабинет (30 июля 1953 — 23 июля 1955) возглавил лидер левого крыла Национальной партии Али Састроамиджойо. Основу правительства составляли НПИ, ПИР и Нахдатул Улама, с которыми сотрудничали мелкие левые и центристские партии. Машуми и правые социалисты не были представлены в кабинете. Правительственная коалиция располагала в парламенте твердыми 100 голосами, а кворум был 107 голосов. КПИ и СОБСИ, объявившие о поддержке кабинета, располагали 22 голосами. Эти голоса были крайне необходимы для правительства Али Састроамиджойо.

Во время колониального господства экономика Индонезии насильственно приспосабливалась колонизаторами к их

---

[37] «Indonesian Affairs», 1953, № 4—5, стр. 17—19.

[38] «За прочный мир, за народную демократию», 27.VIII.1954.

[39] Van der Kroef, Indonesia; economic dualism,— «Current History», November, 1953, стр. 288.

[40] A. Vandenbosch, The Indonesia Political Scene,— «Far Eastern Survey», 1955, № 10, стр. 146.

собственным нуждам и интересам, что и обусловило разностороннюю зависимость страны от развитых капиталистических государств. Жизнь требовала ликвидации позиций иностранного капитала, ломки колониальной структуры экономики как первого шага для создания многоотраслевого независимого народного хозяйства и глубоких социально-экономических преобразований. Выступая 25 августа 1953 г. в парламенте по правительственной программе, премьер-министр Али Састроамиджойо подчеркнул, что «сохраняющиеся остатки колониального периода в экономической, финансовой и других областях должны быть как можно быстрее ликвидированы» [41]. И правительство делало попытки несколько ограничить деятельность иностранных компаний, в руках которых продолжали оставаться основные отрасли горнорудной промышленности и крупные плантации. Нефтяные промыслы Северной Суматры, принадлежавшие Батавской нефтяной компании (БПМ), после длительной борьбы были национализированы в октябре 1956 г. С января 1954 г. был запрещен вывоз капитала из Индонезии. За границу разрешалось переводить после вычета налогов не больше 60% прибылей, а остальные 40% обязательно должны были быть помещены в индонезийский банк. Запрещалось держать иностранную валюту. Если иностранным компаниям нужна была валюта, они должны были обращаться в индонезийские правительственные учреждения [42].

Правительство стремилось оказать поддержку развитию национальной экономики. Оно предпринимало меры к расширению и укреплению государственного сектора, осуществляло строительство нескольких новых предприятий, таких, как завод по производству автопокрышек, завод каустической соды, цементный завод, прядильная фабрика. По инициативе правительства была организована подготовка национальных технических и административных кадров для нужд народного хозяйства и ограничен въезд в страну иностранных специалистов, что вынудило некоторые иностранные компании приступить к подготовке специалистов из числа индонезийцев для своего управленческого аппарата и технического обслуживания производства. Правительство активно поддерживало кооперативное движение, которое в условиях Индонезии по существу являлось формой объединения национального капитала.

Иностранный капитал оказывал серьезное сопротивление всей деятельности правительства Али Састроамиджойо. Не меньшие проблемы представляли коррупция, взяточничество, спекуляция, особенно в области экспортно-импортной торгов-

---

[41] «Indonesian Affairs», 1953, № 8, стр. 60.
[42] «Great Britain and the East», London, September, 1955, стр. 17.

ли. Очень сложной задачей было восстановление безопасности в стране. С приходом к власти прогрессивного правительства подрывная деятельность империалистической агентуры и реакционных кругов усилилась.

Правительство проявило определенную твердость в деле уничтожения империалистической агентуры. В конце 1953 г. оно арестовало крупных голландских резидентов Юнгслагера и Шмидта и разгромило их агентуру. Даруль ислам был объявлен врагом государства, и население стало привлекаться для борьбы с ним. 20 сентября 1953 г. правительство энергично приступило к ликвидации сепаратистского мятежа в Аче, поднятого религиозным лидером тенгку Даудом Бэрэ, и к апрелю 1954 г. мятеж в основном был ликвидирован.

Кабинет Али Састроамиджойо не препятствовал росту массовых организаций и развитию народного движения в целом. В стране стало осуществляться более тесное сотрудничество антиимпериалистических партий и началось быстрое освобождение различных кругов мелкой и средней буржуазии от антикоммунистических предрассудков. В обстановке роста народных сил 15 марта 1954 г. открылся V съезд Коммунистической партии Индонезии. На нем присутствовали делегаты от всех провинций, представлявшие около 150 тыс. членов и кандидатов партии.

Съезд принял программу партии [43]. В программе подчеркивалось, что Индонезия является полуколониальной и полуфеодальной страной. Положение Индонезии как полуколониальной страны определялось соглашениями Конференции круглого стола, а значительные остатки феодализма в общественных отношениях свидетельствовали о том, что Индонезия — полуфеодальная страна.

Съезд сформулировал задачу создания правительства единого национального фронта, опирающегося на поддержку народных масс. Для этого необходимо пробудить и организовать народные массы в борьбе за единый национальный фронт, основой которого должен быть союз рабочих и крестьян при гегемонии пролетариата.

Съезд особо подчеркнул необходимость сохранения полной независимости партии в идеологическом, политическом и организационном отношениях внутри единого фронта, признавая одновременно независимость других партий и групп, входящих в него. Вместе с тем на съезде не были до конца изжиты прежние представления и установки, характеризующие данный этап индонезийской революции как народно-демократический.

Неотложной задачей, подчеркивалось в программе, является ликвидация феодальных пережитков и безвозмездная

---

[43] «Bintang Merah», September — Oktober, 1953.

передача помещичьей земли крестьянам. Съезд отметил, что принцип частного владения землей настолько укоренился в сознании крестьян, что они не могут понять аграрную революцию иначе, как в форме, при которой земля помещиков будет распределена между ними в качестве их частной собственности.

После съезда авторитет партии еще более вырос. К концу 1954 г. в ее рядах насчитывалось уже около 500 тыс. членов и кандидатов.

В январе 1955 г. состоялся второй национальный конгресс СОБСИ. На нем была выработана программа оздоровления национальной экономики и принят новый устав. Конгресс создал условия для единства действий рабочих с другими слоями народа, особенно с крестьянами. Конгресс принял резолюцию о расширении прав профсоюзов и усилении борьбы за демократические права. Такая резолюция оказалась необходимой в связи с тем, что правительство Али Састроамиджойо фактически ничего не сделало в области трудового законодательства и не приняло каких-либо существенных мер для улучшения положения рабочих. Правительство не отменило декрета о разрешении трудовых конфликтов, принятого при кабинете Сукимана, а разработанный правительством новый законопроект мало отличался от этого декрета и не мог удовлетворить трудящихся. Он так и не был принят парламентом.

Упорная борьба крестьян за захваченные у плантаторов земли на Восточной Суматре, Центральной и Восточной Яве привела к тому, что правительство вынуждено было издать в июне 1954 г. чрезвычайный декрет относительно использования народом земель латифундий, согласно которому запрещался сгон крестьян с земель, а вопрос о земле должен был решаться путем переговоров.

Внешняя политика Индонезии в 1950—1955 гг.

Официально Индонезия провозгласила активную независимую внешнюю политику. Под независимой политикой подразумевалось соблюдение нейтралитета и неприсоединение ни к одному из мировых блоков. Страна не должна была следовать в фарватере политики какого-либо иностранного государства. Активная политика означала, что Индонезия не должна быть пассивной стороной на международной арене, а обязана активно отстаивать собственную точку зрения. Но в первые годы существования индонезийского государства этот принцип имел весьма ограниченный смысл.

Независимая внешняя политика состояла в том, что Индонезия не присоединилась к империалистическому блоку и

формально была нейтральной по отношению к мировым лагерям. Но она имела связи только с империалистическими странами и некоторыми государствами Азии и Африки и не имела никаких официальных контактов со странами социализма. Поэтому ее политика объективно отвечала интересам западных стран.

Внешняя политика Индонезии определялась целым рядом различных, часто противоречивых соображений. Наиболее важными из них были стремление остаться нейтральной в «холодной войне», антиколониальная позиция, особенно после неудачи переговоров по вопросу о Западном Ириане, солидарность со странами Азии и Африки, боязнь общественного мнения страны и, наконец, стремление не вызвать неудовольствия Соединенных Штатов, от которых многие в Индонезии в то время наивно ожидали широкой экономической помощи.

На деле политика Индонезии оказывалась не активной, а пассивной, порой нарушалась солидарность со странами Азии и Африки, а главное, наблюдалась определенная ориентация на Соединенные Штаты.

Однако по отношению к Голландии принцип активной, независимой внешней политики действительно применялся. Провозглашая этот принцип, Индонезия стремилась, несмотря на союзные связи и другие ограничения, навязанные ей на Конференции круглого стола, проводить политику, независимую от Голландии, и в случае необходимости активно отстаивать свои права от посягательств голландских колонизаторов. Поэтому принцип активной независимой внешней политики вначале имел и практическое прогрессивное содержание.

Создавая голландско-индонезийский союз, организаторы Конференции круглого стола рассчитывали, что он станет основным инструментом укрепления позиций империалистов в Индонезии. Однако уже первая конференция этого союза, состоявшаяся 25 марта 1950 г., показала, что голландский империализм не в силах добиться политического закабаления Индонезии. Конференция постановила создать комиссию для определения юридических отношений между союзниками и комиссию по разрешению финансовых и экономических вопросов. В дальнейшем эти комиссии никакого значения не имели, так как разногласия между сторонами носили такой острый, глубокий и принципиальный характер, что не могли быть разрешены не только комиссиями, но даже правительствами обеих стран. В этом отношении весьма показателен обмен заявлениями глав делегаций во время открытия 21 ноября 1950 г. второй конференции союза. Премьер-министр Нидерландов Дрейс в интересах достижения положительных результатов призвал отстаивать принципы Конференции круглого стола. Глава индонезийской делегации Мохаммед Рум

отметил, что в первый год сотрудничества было достаточно трудностей и что общественное мнение Индонезии не одобряет решений Конференции круглого стола [44].

Единственным серьезным результатом конференции являлось вынужденное согласие Голландии на то, чтобы Индонезия имела прямые торговые связи с другими странами. До этого торговля осуществлялась лишь через посредство Нидерландов, которые теперь не только теряли контроль над индонезийской торговлей, но и лишались выгод от посредничества [45]. Индонезия получила свободу рук и с 1951 г. начала быстро развивать свои торговые связи.

Наиболее острым вопросом на конференциях была проблема Западного Ириана.

На первой конференции голландско-индонезийского союза обе делегации согласились, что вопрос о Западном Ириане нуждается в отдельном урегулировании, и постановили создать комиссию, которая должна была к 1 июня 1950 г. представить свой доклад обоим правительствам. Но объединенной комиссии не удалось сблизить точки зрения, и в конце августа каждая делегация опубликовала отдельный доклад.

Это свидетельствовало о глубине противоречий уже на первом этапе переговоров.

Вопрос о Западном Ириане был не просто юридическим спором о принадлежности его к той или другой стране. Это была принципиальная политическая проблема, заключавшаяся в том, что одна пятая территории Индонезии оставалась под колониальным господством.

Сохраняя за собой Западный Ириан, голландский империализм использовал его прежде всего как плацдарм против Республики Индонезии. Там была штаб-квартира самозванной республики Южно-Молуккских островов, там укреплялись и усиливались военные базы и аэродромы, оттуда планировались многие провокации против Индонезии и оказывалась помощь мятежникам. Голландия имела определенные экономические интересы в Западном Ириане, и, что важнее, суверенитет над этой территорией давал ей право представительства в организациях Юго-Восточной Азии и Тихого океана, что отвечало коммерческим интересам голландской буржуазии.

Военно-стратегические интересы побуждали ряд империалистических государств, в первую очередь Соединенные Штаты и Австралию, поддерживать позиции Нидерландов в вопросе о Западном Ириане. США и Австралия стремились к созданию военных баз в этом районе, а получить право на

---

[44] «Merdeka», 21.XI.1950.
[45] «Merdeka», 30.XI.1950.

строительство таких баз от Голландии было гораздо легче, чем от Индонезии, которая придерживалась независимой внешней политики.

Дальнейшие переговоры происходили в декабре 1950 г. В ноте от 11 декабря Индонезия предложила гарантировать голландские интересы и сообщила, что «готова заключить особое соглашение о совместном развитии Западного Ириана в экономической, социальной и культурной областях, но недопустимые в настоящее время колониальные отношения Нидерландов с Западным Ирианом должны быть расторгнуты» [46]. Голландия со своей стороны предлагала передать суверенитет голландско-индонезийскому союзу, а управление Западным Ирианом оставить в руках Нидерландов, т. е. фактически оставить все по-прежнему [47]. Переговоры прерывались, снова возобновлялись и, наконец, закончились полным провалом, после чего индонезийское правительство сделало в парламенте заявление о том, что будущие переговоры могут быть основаны только на передаче суверенитета над Ирианом Индонезии и что после провала переговоров возникла новая ситуация, требующая пересмотра отношений Индонезии с Голландией и, в частности, статута голландско-индонезийского союза [48].

Правительство Сукимана, пытаясь во что бы то ни стало укрепить свой авторитет, повело переговоры с Нидерландами, которые были прерваны в связи с падением кабинета Натсыра. Но известно, что кабинет Сукимана готов был согласиться на совместное управление Западным Ирианом [49].

В дальнейшем вплоть до 1955 г. Голландия категорически отказывалась вести какие бы то ни было переговоры по проблеме Западного Ириана.

Правительство Сукимана вообще далеко отступило от провозглашенных принципов внешней политики. Главным советником премьер-министра стал американский посол Кохрэн, которому удалось добиться ряда значительных успехов в политических интересах Соединенных Штатов. Под влиянием Кохрэна кабинет Сукимана ввел в мае 1951 г. эмбарго на продажу каучука социалистическим странам. Основным «достижением» Кохрэна в области внутренней политики было августовское наступление на левые силы. В области внешней политики кабинет Сукимана, нарушая афро-азиатскую солидарность и соблазнив политические партии перспективой получения репараций, добился согласия на посылку индонезийской делегации в Сан-Франциско для подписания мирно-

---

[46] «Merdeka», 13.XII.1950.
[47] «Merdeka», 29.XII.1950.
[48] «Merdeka», 4.I.1951.
[49] «Indonesian Affairs», 1952, № 2, стр. 11.

го договора с Японией. Когда выяснилось, что репарации получены не будут, парламент отказался ратифицировать договор. Это нанесло очередной серьезный удар по престижу кабинета.

В начале февраля 1952 г. Кохрэну удалось склонить Сукимана принять помощь по закону о «взаимном обеспечении безопасности», что означало фактически присоединение к англо-американскому блоку. Сделка готовилась в глубокой тайне. Министр иностранных дел Субарджо держал в курсе дела только одного премьер-министра. Соглашение было оформлено в виде писем, которыми обменялись Кохрэн и Субарджо. 5 февраля путем ряда махинаций удалось заставить кабинет одобрить договор, хотя члены правительства о нем почти ничего не знали. Но в тот же день сообщение о состоявшемся сговоре проникло в газеты и разразился скандал.

Возмущение общественности было так велико, что органы печати почти всех партий, участвовавших в правительстве, выразили свое неодобрение действиями Субарджо. 12 февраля исполком Машуми, в котором преобладала группировка Натсыра, заявил об «отказе нести ответственность» за подписание документа. 16 февраля исполком Национальной партии принял решение о том, что кабинет Сукимана должен уйти в отставку. 23 февраля правительство пало.

После предательства Сукиманом национальных интересов страны новый премьер-министр Вилопо вынужден был заново сформулировать принципы активной независимой внешней политики: иметь свою собственную концепцию целей и задач внешнеполитического курса, стремиться смягчить остроту противоречий между двумя мировыми блоками и, главное, следить, чтобы Индонезия не оказалась вовлеченной в какой-либо конфликт, за исключением случаев защиты своей независимости от прямого нападения извне или изнутри [50]. Как видно, все эти три положения были прямо направлены против внешней политики, которую проводил Сукиман.

Соглашение об американской помощи по закону о «взаимном обеспечении безопасности» было заменено 12 января 1953 г. соглашением о помощи через управление по вопросам технического сотрудничества. Новое соглашение предусматривало получение Индонезией только экономической и технической помощи [51].

Внешнеполитический курс Индонезии претерпел дальнейшие изменения с приходом к власти кабинета Али Састроамиджойо. В нем можно было отчетливо проследить два глав-

---

[50] H. M. Vinacke, Far Eastern Politics in the Postwar Period, New York, [б. г.], стр. 362.

[51] M. S. Farley, United States Relations with Southeast Asia, New York, 1955, стр. 44.

ных направления: укрепление национальной независимости страны и политика мирного сосуществования и взаимопонимания между народами Азии и всего мира.

Наиболее важными нерешенными проблемами в деле борьбы за укрепление национальной независимости Индонезии были вопрос о ликвидации союзных связей с Голландией и замене их обычными межгосударственными отношениями и вопрос о воссоединении Западного Ириана. Именно эти две проблемы составляли основу первого направления во внешней политике.

Одним из первых внешнеполитических шагов кабинета Али Састроамиджойо было начало переговоров с Голландией о проведении конференции для пересмотра характера отношений между двумя странами. Переговоры продвигались медленно. Правящие круги Голландии пытались оказывать давление на индонезийское правительство, теша себя иллюзией, что они еще располагают какими-то средствами воздействия на Индонезию. И здесь большое влияние на положительное решение вопроса оказала широкая поддержка правительства народными массами и их партиями и организациями. На многотысячных митингах, демонстрациях и манифестациях принимались резолюции с требованием разорвать союзные связи с Голландией. Поскольку к этому времени большинство политических партий и массовых организаций выступали за ликвидацию голландско-индонезийского союза, воссоединение Западного Ириана с Республикой Индонезией и аннулирование финансовых и экономических соглашений Конференции круглого стола, создавалась все более широкая база для образования единого фронта, но этот фронт был развернут пока еще почти исключительно против голландского империализма. Опираясь на широкую поддержку, кабинет Али Састроамиджойо мог игнорировать происки правых кругов и твердо проводить политику, отвечавшую национальным интересам страны.

10 августа 1954 г. Нидерланды вынуждены были подписать протокол о расторжении голландско-индонезийского союза [52]. Одновременно аннулировались связанные с ним соглашения о сотрудничестве в области внешних сношений, обороны и культуры. Это был определенный успех, но успех частичный. Ликвидировалась часть соглашений Конференции круглого стола, которая практически никогда не осуществлялась полностью. Кабальные финансовые и экономические соглашения продолжали действовать.

Правительство Али Састроамиджойо сделало попытку возобновить переговоры относительно Западного Ириана, но

---

[52] Протокол не был ратифицирован из-за обструкции правых кругов парламента.

голландское правительство отказалось вести какую бы то ни было дискуссию по этой проблеме. Тогда Индонезия вынуждена была передать вопрос о Западном Ириане на рассмотрение девятой сессии Генеральной ассамблеи ООН 1954 г. Этот шаг также широко был поддержан организациями трудящихся.

Большинство членов политического комитета ООН проголосовало в ноябре 1954 г. за резолюцию, которая призывала правительства Индонезии и Голландии продолжить переговоры по вопросу о Западном Ириане и доложить о достигнутом прогрессе на следующей сессии Генеральной ассамблеи ООН. Однако в результате закулисных маневров ряда империалистических государств на пленарном заседании эта резолюция не добрала трех голосов до необходимых двух третей, чтобы быть принятой. Это голосование показало общественному мнению Индонезии, что за спиной Голландии стоят мировые империалистические державы. В результате начался переход индонезийской общественности на антиимпериалистические позиции.

Второе основное направление внешней политики кабинета Али Састроамиджойо — борьба за мирное сосуществование и укрепление солидарности со странами Азии — было наиболее успешным. Активная независимая политика приобрела новое содержание после установления дипломатических отношений с Советским Союзом и некоторыми другими социалистическими странами. Теперь она лишилась той ограниченности, которая была присуща ей в первые годы.

Формально дипломатические отношения между Советским Союзом и Индонезией были установлены в начале 1950 г. 25 января министр иностранных дел СССР направил премьер-министру Индонезии ноту, в которой сообщалось, что поскольку состоялась церемония передачи суверенитета Соединенным Штатам Индонезии, Советское правительство решило признать Индонезию в качестве суверенного государства и установить с ней дипломатические отношения. 3 февраля Хатта сообщил в Москву о готовности вести переговоры по этому вопросу [53]. С 30 апреля по 9 мая 1950 г. в Москве находилась индонезийская делегация во главе с Ламбертусом Паларом. По заявлению официальных кругов Индонезии, правительство Индонезии было вполне удовлетворено результатами миссии Палара, но обмен дипломатическими представителями так и не был произведен [54].

В период после Конференции круглого стола и до обмена дипломатическими представительствами советско-индонезийские отношения носили эпизодический характер. Понимая

[53] «Новое время», 1965, № 5.
[54] «Merdeka», 16.V.1950; 17.V.1960.

сложность внутриполитической обстановки в Индонезии, Советское правительство не настаивало на выполнении договоренности об установлении дипломатических отношений. Оно проявило терпение и такт, ожидая, когда Индонезия станет достаточно независимой, чтобы решить положительно этот вопрос. Вместе с тем Советское правительство продолжало поддерживать молодую республику на международной арене. Оно поддержало в Совете Безопасности просьбу Индонезии о приеме ее в ООН в сентябре 1950 г. Оно всегда голосовало в пользу Индонезии по вопросу о Западном Ириане.

В декабре 1953 г. министр иностранных дел Индонезии Сунарьо уведомил Советское правительство о желании индонезийского правительства учредить свое посольство в Москве. Советское правительство заявило в ответ о готовности обменяться послами. Обмен посольствами произошел в 1954 г. С 1954 г. по мере укрепления суверенитета и независимости Индонезии росли и дружеские связи между СССР и Республикой Индонезией, устанавливалось взаимопонимание по многим важнейшим вопросам международной жизни, возрастало взаимное доверие, определялось и расширялось взаимовыгодное сотрудничество в политической, экономической и культурной областях.

С начала установления дипломатических связей обнаружилась общность взглядов по ряду проблем. Как и Советский Союз, индонезийское правительство приветствовало прекращение огня в Корее и Женевское совещание по Индокитаю, как имеющие первостепенное значение для укрепления мира в Азии. Оно категорически отвергло предложение принять участие в работе учредительной конференции стран СЕАТО на Филиппинах.

Основой для проведения своей внешней политики кабинет Али Састроамиджойо считал дружбу со странами Азии и Африки и их совместную борьбу против колониализма. Он основывался на том, что у азиатских и африканских народов был целый ряд общих взглядов по коренным вопросам современности, противоположных интересам империалистических держав. Поэтому, несмотря на имеющиеся различия, у них существовал в основном одинаковый подход к некоторым важным проблемам: борьба против колониализма и расизма, укрепление мира, необходимость преодоления экономической и культурной отсталости своих стран и т. д. Такой подход к вопросам внешней политики оказался весьма плодотворным и позволил Индонезии сыграть выдающуюся роль в подготовке и проведении исторической Бандунгской конференции стран Азии и Африки.

Весной 1954 г. Индонезия участвовала в конференции премьер-министров пяти стран (Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон, Пакистан) в Коломбо. Конференция показала, что

имеется общность взглядов по многим проблемам. Учитывая это обстоятельство, Али Састроамиджойо предложил провести более широкую конференцию, в которой приняли бы участие все страны Азии и Африки. Это предложение было одобрено. Индонезия согласилась рассмотреть возможность созыва такой конференции на своей территории. В апреле 1955 г. состоялась Бандунгская конференция, имевшая большое значение для афро-азиатской солидарности. Она отразила огромные перемены, происшедшие в Азии и Африке, и показала, что народы этих районов полны решимости взять собственную судьбу в свои руки, что только свобода и независимость, мир и взаимное сотрудничество могут обеспечить развивающимся странам условия для политического, экономического и культурного развития.

В этот период Индонезия вышла на широкую международную арену и приобрела заслуженный авторитет среди миролюбивых государств.

Обострение политической борьбы в период подготовки и проведения всеобщих выборов. Расторжение соглашений Конференции круглого стола

Приближалось время парламентских выборов, которые были назначены на сентябрь 1955 г. Правительство Али Састроамиджойо провело большую подготовительную работу. Были созданы окружные избирательные комиссии, организованы избирательные пункты, составлены списки избирателей и установлена численность каждого района, чтобы определить число представителей, которые должны быть избраны от каждого избирательного округа. В связи с тем что более 60% населения страны было неграмотно, пришлось разработать особый порядок голосования.

К середине 1954 г. чрезвычайно обострились противоречия между Машуми и Национальной партией, отражавшие принципиальные разногласия двух основных фракций индонезийской буржуазии относительно путей развития страны. Оппозиционные партии не имели своих представителей в правительстве, как это бывало в прежних кабинетах. А в парламенте, несмотря на то что все оппозиционные партии создали единую фракцию, им не удавалось сколотить большинства, чтобы выразить недоверие правительству. Для этого им необходимо было расколоть правительственное большинство. Они торопились свалить кабинет до всеобщих выборов, рассчитывая образовать свой кабинет, который принял бы необходимые меры для создания им максимально благоприятных условий в борьбе за голоса избирателей.

Первое серьезное потрясение кабинет испытал в октябре 1954 г., когда группировке Хазаирина — Таджуддина Ноора из партии ПИР удалось провести через партийный совет требование об отставке правительства. Эта группа была наиболее чуждой правительственному большинству. Она выражала интересы феодально-аристократических кругов Внешних провинций, тесно связанных с федералистами. Оппозиция рассчитывала, что после заявления ПИР другие колеблющиеся группы внутри правительственного блока последуют примеру ПИР, кабинет потеряет поддержку парламента и уйдет в отставку. Но эти расчеты не оправдались.

В стране поднялась кампания в поддержку правительства. Политические партии, массовые организации трудящихся, профсоюзы буквально засыпали премьер-министра телеграммами и резолюциями с требованием отвергнуть заявление ПИР. Большое значение для сохранения кабинета имела позиция президента Сукарно, который открыто стал на защиту правительства Али Састроамиджойо. В своей речи 9 ноября в Палембанге он заявил, что «те, кто хочет падения кабинета», — предатели, «стремящиеся продать свою родину иностранцам» [55]. Все правительственные партии высказались против отставки кабинета. ПИР раскололась. И хотя ее представители вышли из правительства, они были заменены левомусульманской партией Перти, а голоса КПИ и СОБСИ помогли сохранить кабинет.

Лишь с помощью крайне реакционных кругов, особенно из числа военных, и прямой агентуры империализма оппозиции удалось свалить кабинет. Когда в мае 1955 г. начальник штаба сухопутных войск генерал-майор Бамбанг Сугенг ушел в отставку, на его место был назначен полковник Бамбанг Утойо. Однако реакционная армейская клика во главе с заместителем начальника штаба полковником Зулкифли Лубисом, в то время исполнявшим обязанности начальника штаба, не согласилась с этим решением кабинета и президента. Лубис не подчинился приказу о смещении его с должности и вызвал командующих военными округами на совещание для разрешения создавшегося положения. 2 июля совещание фактически высказалось против подчинения правительству. Оно потребовало от правительства отстранить от должности Бамбанга Утойо, назначить нового начальника штаба, отменить приказ об отстранении от должности Лубиса и поручить ему провести переговоры с правительством.

Создавшееся положение использовала оппозиция, выступившая в защиту Лубиса и потребовавшая отставки кабинета. Однако и на этот раз голосование по вопросу о доверии

---

[55] Van der Kroef, Indonesia's Economic Difficulties,— «Far Eastern Survey», 1955, № 2, стр. 17.

правительству не дало большинство голосов оппозиции. В то же время в правительственных кругах понимали, что дело не столько в личной неприязни реакционной офицерской клики к Бамбангу Утойо или вообще к тому или иному кандидату на пост начальника штаба, сколько в несогласии реакционных сил и объединенной оппозиции со всей политической линией кабинета. Ввиду того что партийная коалиция не распалась, а сохраняла единство, ценой серьезных уступок можно было сохранить кабинет, но это означало бы полную потерю им авторитета и представлялось мало целесообразным. 23 июля кабинет подал в отставку.

Отличительной чертой правительства Али Састроамиджойо являлось единство как внутри кабинета, так и правительства с партиями и фракциями, поддерживавшими его по многим принципиальным вопросам. Это единство сохранилось до конца. Оппозиция не могла сформировать ответственное перед парламентом правительство без привлечения партий, поддерживавших кабинет Али Састроамиджойо и имевших общую точку зрения по ряду принципиальных вопросов. Пригласив их в кабинет, надо было не только предоставить им известное количество портфелей, но и проводить политику, соответствовавшую их общей точке зрения. Поэтому кабинету, сформированному 12 августа 1955 г. лидером парламентской фракции Машуми Бурхануддином Харахапом, было очень трудно проводить политику, отвечавшую интересам только своей фракции. Кроме того, до всеобщих выборов кабинет был переходным и имел, следовательно, ограниченные задачи: разрешение конфликта с армией и проведение всеобщих выборов, что также налагало свой отпечаток на его политику.

Кабинет Харахапа (12 августа 1955 г.— 3 марта 1956 г.) сделал попытку отсрочить выборы. Он учредил комиссию для изучения вопроса о возможности проведения в срок выборов одновременно по всей стране. Вместе с тем пропагандистский аппарат Машуми и некоторых других партий предпринял кампанию за отсрочку выборов. Но из этого ничего не получилось. Партии, пришедшие в кабинет из правительства Али Састроамиджойо, дали понять, что условием их поддержки нового кабинета является проведение выборов в назначенный срок. Эти партии выполняли решение Всеиндонезийского народного конгресса, участниками которого они являлись. Конгресс состоялся 10—15 августа 1955 г. для обсуждения вопроса об усилении борьбы за Западный Ириан. Он явился важной вехой в сплочении патриотических сил в едином антиимпериалистическом фронте и мобилизовал, в частности, общественное мнение страны в пользу проведения выборов в назначенный день. Учитывая настроение общественного

мнения, президент Сукарно в речи по случаю дня независимости 17 августа 1955 г. сказал, что «тот, кто пытается помешать проведению выборов или сорвать их, является предателем».

Всеиндонезийский народный конгресс принял ряд решений, многие из которых впоследствии были осуществлены [56]. В политической программе предлагалось расторгнуть дипломатические отношения с Голландией и односторонне аннулировать все соглашения Конференции круглого стола, если Нидерланды и в дальнейшем будут отказываться от переговоров по Западному Ириану. В экономической программе содержались требования ограничения размеров прибылей голландских компаний, переводимых за границу, отказа от продления концессий голландскому капиталу, контроля за деятельностью голландских банков и предприятий, распределения между крестьянами необрабатываемых земель голландских плантаций. Кроме того, в решениях конгресса содержался ряд требований, направленных на демократизацию страны и улучшение положения трудящихся масс.

Ни вице-президент Хатта, ни премьер-министр Бурхануддин Харахап не приняли приглашения участвовать в конгрессе. В то же время Сукарно пришел на церемонию закрытия конгресса и произнес речь, призывавшую к единству всех, кто борется против империализма. Таким образом, встав на защиту кабинета Али Састроамиджойо, поддержав требования Всеиндонезийского народного конгресса и публично осудив политику Машуми и примыкавших к ней групп в ряде принципиальных вопросов, президент показал, что он решил опираться в своей политике на НПИ и связанные с ней силы и открыто размежеваться с фракциями, группировавшимися вокруг Машуми. Это закрепило ту расстановку политических сил в стране, которая в последующие несколько лет почти не изменялась.

Предвыборная кампания проходила весьма активно. Ряд партий (НПИ, НУ, ПСИИ) делали упор на необходимости сотрудничества между различными партиями и группами, собирая вокруг себя различные группы мелкой и средней буржуазии города и деревни и часть трудящихся, выдвигали антиколониальные и антиимпериалистические лозунги, обращали внимание на необходимость укрепления демократических институтов. КПИ выступала на выборах с антиколониальной программой правительства Али Састроамиджойо, ибо эта программа являлась наиболее реальной для объединения всех патриотических сил народа, поскольку политический курс правительства Али Састроамиджойо уже получил

---

[56] Документы Всеиндийского народного конгресса см. в «Review of Indonesia», 1955, № 9.

широкую поддержку ряда партий и групп. Фактически КПИ выступала с той же программой, что и НПИ. Машуми и СПИ в своей предвыборной кампании большое внимание уделяли антикоммунистической пропаганде. Они развернули также критику политической линии НПИ, в частности деятельности кабинета Али Састроамиджойо, и выступили с программой развития страны по капиталистическому пути с помощью частного национального, а также иностранного капитала. В своей предвыборной борьбе Машуми широко использовала религию. Но ислам не являлся более монополией Машуми. Его не менее широко использовала Нахдатул Улама, позиции которой среди крестьянства были прочнее, чем у Машуми.

Выборы состоялись 29 сентября 1955 г. Они прошли спокойно и организованно. В голосовании приняло участие 75% избирателей. 1 марта 1956 г. центральная избирательная комиссия опубликовала официальные данные о результатах выборов. В выборах участвовало 190 партий, групп и независимых кандидатов, из которых 28 общенациональных партий и организаций. Всего было избрано 257 депутатов парламента. Национальная партия получила наибольшее количество голосов (8435 тыс.) и провела в парламент 57 своих представителей. Столько же мест получила Машуми, собрав на 531 тыс. голосов меньше. Нахдатул Улама получила 45 мест (6955 тыс. голосов), а Коммунистическая партия, за которую голосовало 6177 тыс. избирателей, провела в парламент 39 своих представителей. В то время как Национальная партия в новом парламенте получила на 15 мест, Нахдатул Улама на 37 и КПИ на 22 места больше, чем в прежнем, позиции Машуми ухудшились. Остальные партии и группы получили по нескольку или даже по одному месту в парламенте. Их отрыв от больших общенациональных партий стал еще заметнее. Серьезный провал потерпела на выборах Социалистическая партия, которая никогда не имела сколько-нибудь существенного влияния в массах. Полностью провалились реакционные группировки прежнего парламента, такие, как фракция Хазаирина из партии Союз Великой Индонезии или Демократическая фракция (федералисты) [57].

15 декабря 1955 г. состоялись выборы в учредительное собрание, задачей которого являлась выработка постоянной конституции Республики Индонезии. НПИ получила 119 мест, Машуми — 112, НУ — 91, КПИ — 80 мест в учредительном собрании. Таким образом, выборы показали дальнейшее ухудшение позиций Машуми в стране.

---

[57] См.: Parlaungan, Hasil rakjat memilih Tokoh² Parlemen, стр. 14.

Изменение соотношения сил в парламенте вынудило Машуми пересмотреть свою тактику политической борьбы. Она значительно смягчила критику в отношении НПИ, стала выступать за примирение различных политических партий и групп в интересах постановки преграды распространению коммунизма. Иными словами, она призывала буржуазию к классовой консолидации против трудящихся и их массовых организаций, т. е. к такому положению, которое существовало в Индонезии в 1949—1951 гг., когда Машуми занимала ведущее положение в политической жизни страны.

Пытаясь поднять престиж Машуми, правительство Харахапа в оставшееся до созыва нового парламента время решило провести с Голландией успешные переговоры по вопросу о пересмотре соглашений Конференции круглого стола и о Западном Ириане. Переговоры проходили в Женеве с 10 декабря 1955 г. по 11 февраля 1956 г. Чтобы создать благоприятную обстановку для переговоров, правительство Харахапа опубликовало заявление, которое предоставляло иностранным инвеститорам чрезвычайно благоприятные условия вложения капитала. В заявлении не ставилось никаких ограничений в отношении вывоза капитала из страны и перевода прибылей за границу и содержалось обещание не национализировать иностранные предприятия без согласия на то их владельцев [58].

Однако Голландия не шла ни на какие уступки. Она потребовала, чтобы ее экономические интересы были гарантированы в договоре, который Индонезия не могла бы односторонне расторгнуть. Это было прямым покушением на суверенитет Индонезии. По вопросу о Западном Ириане позиции Голландии были защищены самой формулировкой повестки дня: «Конкретные проблемы, касающиеся Западного Ириана, при условии, что каждая сторона остается при своем мнении относительно суверенитета этой территории». Однако в ходе переговоров Голландия отказалась дать обещание, что проблемы Западного Ириана в дальнейшем могут быть обсуждены, чего добивалась индонезийская делегация, рассчитывая создать впечатление, что вопрос остается открытым.

Позиция индонезийской делегации на переговорах с Голландией подвергалась суровой критике в стране как непатриотическая. Ряд партий требовал прекращения переговоров и отставки правительства. Национальная народная партия, а затем Нахдатул Улама и Индонезийский мусульманский союз отозвали своих представителей из кабинета, который в результате этого оказался в критическом положении. Пытаясь удержаться у власти, кабинет объявил, что Индоне-

[58] «Бюллетень иностранной коммерческой информации», М., 1955, № 153, стр. 4.

зия больше не считает действительными соглашения Конференции круглого стола. Это решение было предложено на обсуждение временного парламента в то время, когда уже была внесена резолюция о выражении недоверия кабинету. Это нарушало парламентскую процедуру. В знак протеста председатель парламента Сартоно и вице-председатель Аруджи Картавината подали в отставку, отказались от своих депутатских мандатов и все депутаты оппозиционных партий. Несмотря на то что дальнейшая работа парламента практически стала невозможной, правительственное большинство в отсутствие членов оппозиции утвердило решение о расторжении соглашений Конференции круглого стола, после чего кабинет подал в отставку. Президент Сукарно, сославшись на очень серьезное нарушение парламентской процедуры, отказался утвердить это решение правительственного большинства.

Формирование нового правительства было поручено Али Састроамиджойо. 20 марта 1956 г. был утвержден состав кабинета, ядром которого являлись три партии: НПИ, НУ и Машуми. Политическая программа второго кабинета Али Састроамиджойо соответствовала национальным интересам страны в целом и в основном удовлетворяла те социальные слои, выразителем которых являлась Национальная партия. Вместе с тем противоречия между НПИ и Машуми настолько обострились, что эти партии уже не могли работать совместно в одном правительстве. Машуми вела в кабинете оппозиционную работу и в критический момент отозвала своих представителей из правительства. Именно в результате присутствия в правительстве министров от Машуми кабинет Али Састроамиджойо нового состава оказался слабее, чем кабинет первого состава.

Самым важным результатом деятельности второго кабинета Али Састроамиджойо было одностороннее расторжение всех постановлений Конференции круглого стола и аннулирование индонезийских долгов Нидерландам. 6 апреля 1956 г. правительство передало избранному парламенту новый проект упразднения всех соглашений с Голландией. 21 апреля парламент единогласно утвердил этот проект.

4 августа 1956 г. правительство Индонезии сообщило, что оно решило отказаться от долгов Нидерландам, поскольку долги, сделанные правительством Нидерландской Индии, представляют собой не что иное, как деньги, взятые для борьбы против Республики Индонезии. От долгов другим странам Индонезия не отказывалась.

Расторжение соглашений Конференции круглого стола и ликвидация долгов Голландии укрепили суверенитет Индонезии и развязали ей руки для борьбы против остатков колониализма в стране.

После расторжения соглашений Конференции круглого стола советско-индонезийские отношения становятся более разносторонними и дружественными. Они характеризуются тесными контактами государственных деятелей обеих стран, широкими связями общественности, взаимным обменом визитами по государственной и общественной линиям, увеличивающимся экономическим сотрудничеством и широким культурным обменом. Главной формой хозяйственных связей между СССР и Индонезией становится экономическое и техническое сотрудничество. В сентябре 1956 г. было заключено первое генеральное соглашение. Советский Союз предоставил Индонезии кредит на сумму в 100 млн. долл. для строительства важных народнохозяйственных объектов.

Всеобщие выборы наглядно показали подлинное соотношение политических сил в стране. Оказавшись в выборном парламенте в меньшинстве, Машуми, социалистическая партия и группировавшиеся вокруг них круги не могли рассчитывать на победу, используя легальный парламентский путь борьбы за власть. Противоречия между этими кругами и прогрессивными патриотическими группировками к тому времени, как было показано выше, достигли чрезвычайной остроты. В этих условиях правые силы стали все больше прибегать к подрывной деятельности против правительства, к использованию в своих интересах реакционной части армейского офицерства, к смыканию с прямой агентурой империализма. Это в конечном счете определило дальнейшее обострение внутриполитического положения в Индонезии.

Глава IV

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДОНЕЗИИ в 1957—1960 гг.

С 1957 г. начинается новая страница индонезийской истории. С этого времени происходит постепенная ликвидация буржуазной демократии и переход к системе «направляемой демократии». Эти события были безусловно подготовлены всем предшествующим ходом исторического развития страны, поэтому предшествующий анализ существенно облегчает понимание последующих событий. И тем не менее освещение рассматриваемого нами периода представляет для историка особые трудности.

Дело не только в том, что период, начинающийся с 1957 г., непосредственно смыкается с событиями сегодняшнего дня, что затрудняет объективное историческое исследование. Дополнительные трудности создает именно сам характер режима, который стал складываться в Индонезии после 1957 г.

До 1957 г., в период образования парламентской системы, борьба политических партий и остальных политических сил протекала в основном в рамках легальности, открытой взаимной критики. Многое тайное в этих условиях очень скоро становилось явным.

В условиях «направляемой демократии» многие важнейшие решения, определявшие судьбу нации, принимались в исключительно узком и тесном кругу нескольких лидеров, а напряженная борьба основных политических сил протекала зачастую подспудно, так что о существовании ее можно было догадываться по немногочисленным косвенным признакам, по завуалированным высказываниям и призывам отдельных лидеров. Вот почему оценка ряда весьма важных моментов исторического развития Индонезии в этот период может быть дана лишь весьма приблизительно и зачастую на основе косвенных данных или предположений.

На подступах к «направляемой демократии»

К концу 1956 г. президент Сукарно, который всегда чутко реагировал на малейшее изменение соотношения сил в стране, одним из первых уловил признаки надвигавшегося кризиса парламентской системы в Индонезии. Успехи КПИ на выборах 1955 г. и последующий рост влияния партии в широких массах объективно и неизбежно должны были подвести различные круги индонезийской буржуазии и все антикоммунистические силы в стране к мысли о необходимости применения внепарламентских, антидемократических средств для предотвращения дальнейшего роста влияния КПИ и ее продвижения к власти мирным, парламентским путем.

В сумме своей буржуазные партии в индонезийском парламенте намного превосходили Коммунистическую партию Индонезии. Но стан некоммунистических сил был далек от единства. Его раздирали острейшие противоречия. Индонезийское общество к этому моменту еще не достигло в своем развитии того уровня, когда классовое размежевание заходит достаточно далеко. Отдельные группы (партии) буржуазии ставили подчас свои фракционные интересы выше общих классовых интересов всей буржуазии, как антипода трудящихся. В итоге индонезийская буржуазия в целом оказалась бессильной посредством парламентской системы обеспечить свое политическое полновластие.

Таким образом, динамичное развитие событий в создавшейся ситуации с объективной неизбежностью шло к утверждению авторитарного режима. Вопрос состоял лишь в том, каким общественным силам удастся взять инициативу в свои руки и, стало быть, каков будет социально-политический характер этого режима.

Правильно оценив положение в стране, президент Сукарно решил, что настал его час. Пришло время взять инициативу в свои руки и выступить в роли «спасителя нации», ее «объединителя» и «примирителя» противоречивых интересов. Вернувшись из зарубежной поездки в октябре 1956 г., он энергично включился в кампанию, направленную на окончательную дискредитацию парламентской демократии и связанной с ней партийной системы. Именно в существовании этих «импортированных с Запада» общественно-государственных институтов, уверял Сукарно, кроется основная причина общенационального кризиса, в который все глубже погружается Индонезия. Он призывал индонезийский народ и политических лидеров исправить ту «большую ошибку», которая была допущена, по его мнению, в ноябре 1945 г., когда (по настоянию Хатты и Шарира) было разрешено формирование политических партий. «Давайте сейчас же вместе с вами распустим все партии!» — призывал Сукарно 28 октября 1956 г. в своем

выступлении в Джакарте по случаю Дня клятвы молодежи [1]. Он повторил этот призыв через день в Бандунге, выступая перед конгрессом союза учителей. «Захороним — захороним — захороним!» — скандировал президент, говоря о партийной системе [2].

Что же предлагал Сукарно вместо отвергаемой им буржуазной демократии? «То, что я хотел бы предложить для Индонезии,— это „направляемая демократия“»,— указывал он в упомянутой выше речи. Этот вид «демократии», отмечал президент, наиболее подходит для Индонезии, «особенно если мы собираемся строить по типу того, что я видел в Китайской Народной Республике». Центральным выступлением подобного рода была речь, произнесенная президентом 10 ноября на открытии учредительного собрания. Он вновь критиковал буржуазную демократию, как «импортированную систему», ратовал за индонезийскую самобытность и «направляемую демократию», которая якобы сможет предотвратить угнетение одной группы общества другой. Таким образом Сукарно пытался побудить это собрание, избранное для развития и усовершенствования системы буржуазной демократии, действовать в совершенно противоположном направлении и способствовать ликвидации этой системы, как таковой.

Тут следует остановиться на одном обстоятельстве. Всю кампанию по внедрению идеи «направляемой демократии» президент сопровождал «восторженными» описаниями того, что он увидел во время недавней поездки в социалистические страны. Судя по речам президента, особое внимание его привлек Китай, в частности, практическое осуществление маоцзэдуновской теории «о винтиках». При коммунистической системе, особенно в КНР, подчеркивал Сукарно, люди работают «как муравьи», строя новое общество. (Из речи от 30 октября 1956 г.) Выступая на митинге в Джакарте 14 ноября, он снова возвращается к китайской теме: «Я чувствую себя счастливым от того, что мог пожать руку председателю Мао Цзэ-дуну, как брату, другу, товарищу»,— говорил он. (Забегая несколько вперед, укажем, что на студенческом митинге в Амбоне 27 августа 1957 г. Сукарно утверждал, будто «только Китай... может служить подходящим образцом для Индонезии».)

Подобные «антизападные» и «прокоммунистические» высказывания президента создавали представление, что Сукарно стремится сдвинуть страну «влево», возродить революционные традиции 1945 г. и развить их дальше. Сукарно и сам любил выдвигать в своих речах аргументы подобного

---

[1] «Kronik Dokumentasi, Demokrasi Terpimpin», Djakarta, 1959, стр. 3 (далее — «Demokrasi Terpimpin»).

[2] Там же.

рода, обосновывая необходимость «направляемой демократии». Однако в потоке многочисленных высказываний Сукарно прорывались иногда редкие признания, которые лучше всего характеризуют подлинную сущность его «концепции» и его намерений.

Так, в упомянутой выше речи от 30 октября президент следующим образом обосновывал необходимость введения «направляемой демократии» в Индонезии: «Если сегодняшнее положение будет сохраняться и впредь, если такая нездоровая обстановка будет существовать и далее, то назреет революционная ситуация!»[3]. Иными словами, «направляемая демократия» предназначена не для «продолжения революции» (о чем так часто упоминалось в речах президента), а для предотвращения подлинной народной революции, успокаивал и предупреждал Сукарно оппозиционные буржуазные силы. Это не означало, конечно, что Сукарно в тот момент серьезно опасался революции «слева». Он видел реальное соотношение сил и понимал невозможность этого. Просто президент пытался использовать обеспокоенность лидеров Нахдатул Улама, НПИ и ряда других более мелких буржуазных партий парламентскими успехами КПИ, с тем чтобы побудить их быстрее одобрить его концепцию «направляемой демократии». Несколько позднее, в феврале 1957 г., президент снова пояснял: «Есть люди, утверждающие, будто Бунг Карно выдвинул эту концепцию, чтобы сдвинуть правительство влево. Нет, братья, для меня не существует термина „левый", не существует термина „правый"»[4]. 19 июня 1957 г., выступая перед общественностью города Мадиуна, он отмечал, что предлагаемая им система представляет собой «средний путь между западной и коммунистической системами»[5].

Иными словами, концепция «направляемой демократии» Сукарно в общих чертах представляла собой возрождение его мелкобуржуазных социалистических идей, сформулированных еще в 30-е годы. Выдвижение в данный исторический момент подобной концепции отражало, в частности, типично мелкобуржуазную озабоченность процессом дальнейшего углубления социального размежевания в стране. Оно отражало стремление сохранить национальное единство и равновесие политических сил и держать контроль над политической ситуацией в стране, над государственным аппаратом, и в первую очередь над армией, в своих руках.

На освободительном этапе индонезийской революции, в условиях борьбы за политическую независимость эти мелкобуржуазные социалистические идеи бесспорно имели

---

[3] «Demokrasi Terpimpin», стр. 3.
[4] Там же, стр. 10.
[5] Там же, стр. 147.

прогрессивное революционно-демократическое, антиимпериалистическое содержание. Однако провал попыток практической реализации внутриполитических и социальных аспектов этого мелкобуржуазного социализма после утверждения его представителей у власти делала неизбежной их эволюцию либо в плане дальнейшего углубления и развития антикапиталистических потенций, либо в сторону усиления реакционно-бюрократических тенденций. Исход борьбы указанных выше двух тенденций зависел от конкретного соотношения классовых и политических сил, от уровня сознательности, организованности и единства всех прогрессивных элементов и ряда других объективных и субъективных факторов.

Начало мятежей

Наиболее ярким проявлением кризиса существующей системы были начавшиеся с конца 1956 г. мятежи на Внешних островах Индонезии. К этому времени правая оппозиция — Машуми и социалистическая партия (СПИ) — убедилась, что методы парламентской борьбы и военных переворотов не только не принесли желаемого результата — утверждения ее у власти, но и привели к неуклонному ослаблению ее политического влияния. Последняя попытка государственного переворота 16—19 ноября 1956 г., организованная полковником Лубисом на Западной Яве, также потерпела неудачу. Тогда было решено перенести центр тяжести внутриполитической борьбы за власть на Внешние острова.

20—24 ноября в Паданге и Букиттинги (Западная Суматра) собралось свыше 600 членов бывшей дивизии Бантенг. Они избрали Совет Бантенг во главе с полковником Хусейном и выработали программу, осуществления которой должен был добиваться этот совет. Эта программа, между прочим, включала и следующие требования: радикальную перестановку в руководстве армии, а также в руководстве страной; децентрализацию управления, борьбу с бюрократией и коррупцией [6].

Необходимо отметить, что для обеспечения массовой поддержки на местах мятежники подняли на щит ряд экономических и политических требований, выдвигавшихся до этого представителями различных районов Индонезии и отражавших некоторые насущные нужды Внешних островов (требование автономии и пересмотра границ некоторых провинций и административных районов, требование более выгодного для районов перераспределения бюджетных и валютных средств

---

[6] «Research X Pemberontakan Ahmad Husein cs. (kementerian Luar Negeri)», 1.III.1958, стр. 1—2 (далее — «Pemberontakan Ahmad Husein»).

и т. п.). Тем не менее подобная маскировка не могла скрыть того главного факта, что вспыхнувшие мятежи представляли собой прямое продолжение общеполитической борьбы основных сил Индонезии за власть в центре.

Отставка 1 декабря Хатты с поста вице-президента как бы послужила сигналом к более решительным действиям. 20 декабря Хусейн совершает военный переворот на Западной Суматре и берет власть в свои руки. 22 декабря следует переворот полковника Симболона на Северной Суматре, который, однако, был подавлен через три дня сторонниками центрального правительства. А 24—26 декабря гражданский губернатор Южной Суматры фактически прервал экономические связи этой провинции с Явой. Сукарно ответил введением чрезвычайного военного положения [7].

Действия мятежников на местах были поддержаны оппозицией в центре. Машуми, которая и до этого недвусмысленно поддерживала мятежников, решила теперь создать правительственный кризис. 9 января 1957 г. пять министров от Машуми подали в отставку. 15 января к ним присоединился министр от Перти. Теперь в правительстве остались в основном представители партий, пользующихся наибольшим влиянием на Яве (НПИ, Нахдатул Улама), так что мятежники на местах, прикрывающиеся флагом борьбы с «яванским засильем» в центре, получили дополнительный «аргумент».

Правительство, однако, не пало. 12 февраля НПИ, Нахдатул Улама, ПСИИ, Паркиндо и Католическая партия пришли к соглашению о перераспределении портфелей. Таким образом лидеры НПИ и Нахдатул Улама пытались выйти из кризиса на основе старой формулы первого правительства Састроамиджойо: союз этих двух партий с другими мелкими буржуазными партиями в правительстве при поддержке КПИ в парламенте. Руководство КПИ одобрило эту формулу, заявив также, что выход Машуми лишь укрепит правительство. Однако это было соглашение обреченных.

Дело в том, что правительство Састроамиджойо не только столкнулось с ожесточенным противодействием традиционно оппозиционных ему сил на местах и в центре, но оно уже не пользовалось поддержкой и самого президента Сукарно, который в последнее время усилил свои критические высказывания в адрес этого правительства. Приняв 15 февраля представителей коалиции, Сукарно заявил им, что очередная реорганизация правительства — не выход из положения. Она не принесет политической стабильности стране, ибо необходимо создать принципиально новую систему правления [8]. Отказ поддержать Састроамиджойо не означал, что Сукарно решил

---

[7] Там же, стр. 7—8, 12.

[8] «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 12—13.

порвать свои дружеские отношения с НПИ. Просто президент полагал, что теперь, особенно после начала мятежей на Суматре, возникли довольно благоприятные условия для претворения в жизнь его концепции [9].

Тем временем в стране развернулась дискуссия по поводу концепции президента Сукарно. Наиболее последовательным противником «направляемой демократии» выступило руководство Машуми, которое считало, что Сукарно должен оставаться конституционным президентом, или же требовало назначения Хатты главой исполнительной власти в качестве противовеса. Натсыр ратовал за парламентскую демократию, ибо, заявлял он, «демократия — одна, и единственное различие, которое вы можете сделать, заключается в том, что либо вы имеете демократию, либо нет» [10].

Наиболее безоговорочно и горячо встретило концепцию «поколение 45 года», избравшее в конце января своим председателем Х. Салеха. Этой группе, которая не могла рассчитывать на какой-либо успех в рамках парламентаризма, импонировала идея установления авторитарного режима и роспуска политических партий. Руководство Нахдатул Улама заняло выжидательную позицию.

Что касается НПИ и КПИ, то в целом они поддержали Сукарно, но в то же время высказались против запрещения партий и ущемления прав парламента. В создавшейся ситуации Сукарно вынужден был считаться с требованиями этих партий, что и нашло свое отражение в подновленном варианте концепции, официально выдвинутой им в феврале 1957 г.

Концепция «направляемой демократии»

21 февраля 1957 г. Сукарно выступил в государственном дворце Индонезии с речью, в которой изложил свою концепцию «направляемой демократии». Президент предлагал своим слушателям начать осуществление государственного переворота под его личным руководством. Он призывал в своей речи полностью перестроить старую систему управления государством «вплоть до ее фундамента», «соорудить новый фундамент и возвести на нем совершенно новое здание, т. е. здание государственного устройства Республики Индонезии нового стиля» [11].

---

[9] 27 января 1957 г. на массовом митинге в Бандунге он заявил: «Одиннадцать долгих лет я только тем и занимался, что сидел и подписывал бумаги. Я уже сыт по горло этим» (см. «Indonesian Observer», 28.I.1957).

[10] «PSA (Persbiro Indonesia Ancta)», January, 1957.

[11] «Demokrasi Terpimpin», стр. 5.

Правда, перед лицом единодушного противодействия всех политических партий президент решил не выдвигать пока требования о ликвидации партийной системы и роспуске выборного парламента. Наоборот, он вынужден был «решительно и ясно» подчеркнуть, что «не распустит парламент». «Парламент и впредь будет неизменно функционировать, и существующий парламент является результатом всеобщих выборов, осуществленных всем индонезийским народом» [12]. Таким образом, президент решил действовать постепенно и добиваться на этот раз лишь создания таких новых внепарламентских органов государственной власти, которые вначале могли бы дублировать и подменять парламентские институты, а затем послужить также орудиями полной ликвидации буржуазной демократии.

Что же нового предложил президент?

Как отмечал сам Сукарно, концепция его заключала в себе два основных момента: сформирование «правительства готонг-ройонг» (т. е. взаимного сотрудничества) и создание Национального совета. По мнению президента, в правительстве должны быть представлены все основные политические партии, включая КПИ, и тогда «исчезнет оппозиция» и воцарится национальный мир, основанный на принципах «готонг-ройонга», «муфаката» и «мушавара» (решения, принимаемого на основе взаимного обсуждения и согласия) [13].

Что касается Национального совета, то он должен был включать в себя представителей всех «функциональных групп» индонезийского населения (рабочих, крестьян, интеллигенции, предпринимателей, представителей религиозных кругов, женских и молодежных организаций, «поколения 45 года», представителей различных родов вооруженных сил и гражданского государственного аппарата). Председателем совета Сукарно назначил себя. А функции этого органа заключались в выработке рекомендаций для правительства, как по просьбе, так и без всякой просьбы последнего. Благодаря прочной связи между правительством и Национальным советом, разъяснял в своей речи Сукарно, образуется некий «величественный мост» между парламентом (через правительство) и индонезийским обществом (через Национальный совет) [14].

Это означало, что органическая (для парламентской системы) связь между правительством и парламентом будет фактически разорвана. Утверждаемое президентом деловое правительство, для функционирования которого отныне не потребуется парламентского вотума доверия, окажется подчи-

---

[12] Там же, стр. 7.
[13] Там же, стр. 7—8.
[14] Там же, стр. 9.

ненным Национальному совету, также назначаемому президентом. Это был первый шаг, направленный на ослабление парламента и лишение его некоторых важных прерогатив. Отныне Национальный совет должен был дублировать парламент в функции связи с индонезийским обществом, с той, однако, разницей, что парламент осуществлял эту связь через систему выборов, парламентских дебатов и голосований. В Национальном совете общественное мнение должны были выражать несколько десятков представителей функциональных групп, утверждаемых президентом и заседающих под его председательством.

В положительной оценке концепции президента Сукарно нередко исходят из того, что она предусматривала включение КПИ в систему государственной власти. Однако при этом в тени остается такой важный (если не самый главный) вопрос: в какого рода государственную систему имелось в виду включить КПИ?

Характеризуя позицию Сукарно по вопросу об участии КПИ в правительстве, нельзя, очевидно, упускать из виду также причины и цели подобной позиции. Действительно, Сукарно вряд ли заблуждался насчет непримиримости социально-политических программ различных партий, которые он собирался посадить рядом в одном правительстве. Он исходил из того, что обязательное, не зависящее от соотношения политических сил в парламенте «представительство» всех основных партий в «правительстве готонг-ройонг» ликвидирует возможность парламентской оппозиции, и, таким образом, партии утратят возможность оказывать непосредственное влияние на политику правительства. Сукарно полагал, что если право управлять в равной степени получат все, то, стало быть, в действительности никто не будет править, кроме него самого.

Иными словами, Сукарно ратовал за включение КПИ в правительство не потому, что добивался «полевения» этого правительства. Как уже отмечалось выше, он и сам отрицал подобные мотивы. Но руководство КПИ, надеясь, что ориентация на Сукарно обеспечит ей наиболее легкий путь к окончательной победе, принесет ей больший успех, решило поддержать концепцию президента. А Сукарно в свою очередь рассматривал КПИ в качестве малоопасного для себя политического противника, ибо надеялся, что в условиях существования в стране довольно широких антикоммунистических (гражданских и военных) сил ему будет нетрудно контролировать деятельность этой партии. В равной мере причину плохо скрываемой враждебности Сукарно по отношению к Машуми или социалистической партии вряд ли стоит искать только в том факте, что это правые партии. Дело также и в том, что эти партии представляли собой наиболее опас-

ную и целеустремленную оппозицию и для «направляемой демократии», что их лидеры неизменно выступали за конституционное ограничение полномочий президента Сукарно.

Разумеется, Сукарно понимал, что далеко не все партии согласятся на урезывание своей самостоятельности и ликвидацию парламентской демократии. Поэтому в своей речи он решил апеллировать не только к партийным лидерам, но и ко всему индонезийскому народу, призывая его высказываться за концепцию и таким образом принять участие в разрешении трудностей, вставших перед страной. Это был излюбленный прием президента: дать всем понять, что его лучшие стремления наталкиваются на сопротивление партийных лидеров, думающих лишь о своих узкогрупповых интересах. Не случайно поэтому, что февральская речь президента транслировалась по всей Индонезии.

Почему, однако, президент мог рассчитывать на поддержку народа? Главное, по-видимому, заключалось в том, что Сукарно выступил со своей концепцией в весьма благоприятный момент. Его националистическая пропаганда, его апелляция к индонезийским традициям и обычаям, его призывы о возврате к общинным принципам социальной солидарности и гармонии, к национальному миру падали на благодатную почву, ибо к этому времени парламентская система была уже в значительной степени дискредитирована в глазах народа.

И не удивительно. Достаточно указать, что к моменту провозглашения концепции Сукарно (т. е. за неполных 12 лет) у власти побывало 16 правительств. Даже если ограничиться периодом мирного развития после прекращения в 1949 г. вооруженной борьбы с голландцами, то и тогда в среднем каждое правительство имело в своем распоряжении менее одного года. Причем за это время у власти успели побывать практически все сколько-нибудь значительные партии [15]. Такая частая смена кабинетов и партий у власти еще больше усугубляла и без того тяжелое экономическое положение Индонезии и усиливала тенденцию, ведущую к политическому кризису.

Все это свидетельствовало о том, что индонезийская буржуазия, как класс, оказалась неспособной эффективно использовать инструмент парламентаризма. В результате среди широких кругов индонезийского общества росло разочарование в буржуазной демократии и усиливалось стремление искать выхода в утверждении власти «сильной личности».

---

[15] «Republic of Indonesia Cabinets. 1945—1965» (Compiled by Susan Finch, D. S. Lev), Ithaca — New York, 1965, стр. 1—35.

Реакция партий

Словесные заверения Сукарно в том, что парламент и партийная система будут сохранены, удовлетворили руководство НПИ и КПИ. В этом проявилось недостаточно четкое представление о подлинном характере происходящего в стране исторического поворота, недооценка ими влияния, способностей и возможностей президента Сукарно. События последующих лет со всей очевидностью показали, что обещания Сукарно были не более как вынужденным маневром, предпринятым с целью заручиться поддержкой этих партий и утвердить свою власть.

В связи с вышесказанным не удивительно, что руководители НПИ и КПИ еще за два-три дня до официального провозглашения концепции публично высказались в ее поддержку [16]. Надежда руководителей КПИ на то, что осуществление «направляемой демократии» Сукарно возможно будет совместить с сохранением выборного парламента и партийной системы была выражена в резолюции политбюро ЦК КПИ, принятой на расширенном заседании 20 февраля 1957 г.[17]. Резолюция одобряла концепцию и рассматривала ее как важнейшее орудие индонезийского народа в борьбе за завершение задач августовской революции 1945 г.

ЦК КПИ не ограничился формальным одобрением концепции и развернул массовую кампанию в ее поддержку. Митинги и манифестации приняли столь широкий размах, что армия встревожилась не на шутку, и 11 марта начальник штаба сухопутных сил Насутион издал приказ, запрещавший всякие, официально не санкционированные, выступления и демонстрации.

За одобрение концепции президента высказались также Мурба, Рабочая и другие более мелкие партии. Решительно против выступила Машуми. Ее лидеры подчеркивали, что осуществление «направляемой демократии» равносильно утверждению «диктатуры» (имея в виду Сукарно), и указывали на невозможность формирования коалиционного правительства с участием КПИ [18]. Несмотря на некоторые отличия в позиции, Нахдатул Улама, ПСИИ, Католическая партия и Народная партия Индонезии примкнули к Машуми. В начале марта эти пять партий опубликовали совместное заявление, в котором высказывались против концепции и настаивали на ее обсуждении в учредительном собрании, ссылаясь на то, что

---

[16] См.: «Pedoman», 19.II.1957; «Antara», 18.II.1957. Цит. по: «Demokrasi Terpimpin», стр. 13, 14.
[17] «Bintang Merah», 1957, № 1—2, стр. 8—9.
[18] «Demokrasi Terpimpin», стр. 46.

концепция предусматривает важные изменения в государственном устройстве [19].

Вместе с тем даже противники концепции понимали, что в стране сложилась такая кризисная обстановка, из которой не выйти с помощью рутинных межпартийных комбинаций в формировании правительства. Поэтому Машуми и некоторые другие партии предлагали в качестве компромисса создать президентский кабинет во главе с Сукарно. С аналогичным предложением выступил и бывший вице-президент Хатта, общая позиция которого в отношении концепции в основном совпадала с Машуми [20].

Несколько особую позицию заняла ПСИ, обычно выступавшая совместно с Машуми. Эта партия в силу своей малочисленности и незначительного влияния в массах мало что ожидала от парламентской демократии и уповала больше на авторитарные методы правления. Весьма характерно поэтому, что, рассчитывая, очевидно, выговорить для себя большее участие при новой системе, руководители ее не отвергли с порога концепции Сукарно.

25 февраля партийная газета «Педоман» потребовала от президента уточнить и конкретизировать порядок назначения членов Национального совета, характер взаимосвязи его с правительством, дальнейшую судьбу учредительного собрания и другие вопросы. В тот же день представитель суматранского отделения партии Латиф, выступая по радио, выразил, в частности, озабоченность тем, что в случае пропорционального представительства в правительстве будет засилье крупных партий и малые партии (читай ПСИ) не смогут внести достойный вклад [21]. Спустя три дня партия заявила, что вопрос сейчас не в том, поддерживать или отвергать концепцию. «ПСИ ценит усилия президента, направленные на разрешение существующих сейчас трудностей. ПСИ готова помочь президенту, если его усилия увенчаются успехом» [22]. Однако заигрывания социалистической партии с президентом остались безрезультатными, и вскоре лидеры этой партии оказались в одном лагере с яростными противниками его концепции.

Позиция армейского руководства

Таким образом, Сукарно было далеко до всеобщего одобрения его концепции со стороны политических партий. Это тем не менее не смутило его, и он решил действовать. На что же надеялся президент?

---

[19] «Antara», 3.III.1957.
[20] «Demokrasi Terpimpin», стр. 36, 46—47, 64, 70—71.
[21] «Demokrasi Terpimpin», стр. 38—39.
[22] Там же, стр. 62.

Помимо поддержки некоторых партий (и в первую очередь наиболее организованной — КПИ), помимо уверенности в хотя бы пассивно благожелательном отношении широких народных масс Сукарно необходимо было наличие еще одного обязательного условия для успешного начала реализации своих намерений. Этим условием была поддержка армии, по крайней мере преобладающей ее части. Для упрочения нового режима в общеиндонезийских масштабах поддержка отдельных территориальных командующих была недостаточной. Необходимо было преодолеть внутриармейскую разобщенность и усилить централизацию руководства. Лицом, которое не только понимало важность этой задачи, но и активно пыталось разрешить ее, был генерал Насутион.

В определенной мере мятежи и объявленное в связи с ними чрезвычайное военное положение в стране облегчали Насутиону выполнение его задачи. Кроме того, решительные действия против мятежников способствовали росту его популярности и сплочению вокруг него верных центральному правительству армейских сил. Не было бы большим преувеличением сказать, что в 1957—1959 гг. Насутион в сущности олицетворял сухопутную армию Индонезии. Не удивительно поэтому, что поддержка, которую он оказывал президенту Сукарно в утверждении «направляемой демократии», имела решающее значение.

Речь идет именно о поддержке, но не о безусловной преданности и послушании. Фигура генерала Насутиона достаточно сложна, чтобы его можно было рассматривать лишь как выразителя узкогрупповых интересов какой-либо одной из противоборствующих на политической арене сил. Ведь именно такой однозначный подход к Насутиону привел в свое время к серьезному просчету машумистов, когда в 1955 г., при правительстве Харахапа, Насутион был возвращен из опалы на пост начальника штаба сухопутных сил.

Правда, лидеры Машуми полагали, очевидно, что обида Насутиона на Сукарно, негативное отношение к КПИ помогут превратить его в своего надежного союзника. Однако они не учли и других особенностей политических взглядов Насутиона. В частности, таких моментов, как его устойчивую антипатию к буржуазному парламентаризму и партийной системе (а следовательно, и к Машуми в том числе), его приверженность идее об особой роли армии, которой предназначена была, по его мнению, роль «спасителя родины», его искренний патриотизм и логически вытекающий из него антиимпериализм. Все эти и многие другие черты характеризовали Насутиона как мелкобуржуазного националиста.

По мнению Насутиона, отрицание западной парламентской демократии и утверждение сильной президентской власти, опирающейся на поддержку армии, должно было быть на-

правлено как против левых, так и против правых. Его стремление подавить элементы, подрывающие национальную общность и единство, находило свое выражение и в приверженности идеологии «Панча силы», которая должна была послужить барьером и против коммунизма (принцип веры в бога), и против правого экстремизма (через отрицание принципа теократического государственного строя). Это было типично мелкобуржуазное представление о мнимой возможности классового мира, о построении общества всеобщего благоденствия и справедливости [23], и не удивительно, что носитель этих идей стремился к устранению всяких проявлений классового антагонизма. Антикоммунизм Насутиона сочетался с мелкобуржуазной, стихийной, до конца не осознанной антибуржуазностью.

Естественно, что подобная фигура мало подходила для осуществления замыслов правых буржуазных кругов. Собственно в этом они убедились вскоре же после его назначения в 1955 г., когда Насутион принялся за реорганизацию и перестановку руководящих кадров в сухопутной армии, приведшие, в частности, к значительному ослаблению влияния правых офицеров из числа сторонников Машуми и ПСИ. Это объясняет то упорство, с которым лидеры мятежников добивались в 1956—1958 гг. реорганизации руководства армии и отстранения Насутиона.

Но если Насутион не мог рассматриваться как выразитель интересов правых кругов индонезийской буржуазии, то также неправильно было бы делать из этого вывод о его принадлежности к просукарновской группировке. И дело здесь не в личных мотивах и обидах, связанных с событиями октября 1952 г., завершившихся отставкой Насутиона, а скорее в более глубоких его расхождениях с Сукарно относительно роли армии в общественной жизни Индонезии. Для Сукарно армия представляла интерес лишь как инструмент или орудие утверждения своей личной власти. Насутион же неустанно пропагандировал идею активного вмешательства армии в общественную жизнь Индонезии.

Но независимо от целей и планов на пути и Сукарно и Насутиона стояло одно и то же препятствие. Оно заключалось в господстве буржуазных партий, основывающемся на существующей системе парламентской демократии. Значит, и то и другое необходимо было устранить. Таким образом, у Сукарно и Насутиона была одна и та же непосредственная задача, справиться с которой в одиночку было не под силу ни одному, ни другому. Эта негативная задача и делала их союзниками на данном историческом этапе развития Индоне-

[23] Об идеях «общенационального единства», о роли «народной армии», отрицании западного либерализма и т. п. см., например, A. H. Nasution, Towards a People's Army, Djakarta, 1964, стр. 47, 101—104 и др.

зии. Вот почему Насутион поддержал идею «направляемой демократии». К тому же он надеялся, что сумеет в дальнейшем использовать эту систему для осуществления своих идеалов. Для надежд подобного рода было тем больше оснований, что в обстановке мятежных выступлений 1956—1957 гг. Сукарно согласился на введение в стране чрезвычайного военного положения.

Начало реализации концепции

Позиция Насутиона в начале 1957 г. весьма устраивала президента Сукарно и позволила ему приступить к реализации своей концепции. Дни конституционной демократии были сочтены. 2 марта полковник Сумуал, командующий 7-м военным округом Восточной Индонезии, куда входили провинции Сулавеси, Малуку, Нусатенггара и Западный Ириан, захватил всю власть в свои руки. Он обнародовал Хартию всеобщей борьбы, в которой требовал широкой автономии, ликвидации централизации управления, коррупции и бюрократии, предоставления 70% доходов провинций для нужд их собственного экономического развития, омоложения армейского руководства, создания государственного совета (сената) и восстановления дуумвирата Сукарно — Хатта [24].

Все это говорило о том, что существующее правительство не в состоянии справиться с углубляющимся политическим кризисом. 14 марта по согласованию с президентом правительство Састроамиджойо подписало декрет о чрезвычайном военном положении и ушло в отставку. Теперь Сукарно мог действовать. 15 марта он поручил формирование правительства председателю НПИ Сувирьо. Однако полномочия последнего были существенно ограничены инструкцией президента, обязывавшей Сувирьо действовать в духе концепции Сукарно, поэтому попытка сформировать правительство на партийной основе потерпела провал. Не только Машуми и Нахдатул Улама, но и многие лидеры НПИ не соглашались на создание правительства с участием КПИ. В то же время руководство КПИ угрожало всеобщей забастовкой, в случае если Машуми войдет в правительство, а КПИ — нет. Если в правительстве не будет КПИ, не должно быть и Машуми.

25 марта Сукарно вторично поручил Сувирьо формирование уже «делового кабинета», причем на этот раз конкретно указывалось в качестве задачи будущего правительства «создание Национального совета в соответствии с концепцией президента» [25]. Но и эту попытку постигла аналогичная судь-

---

[24] «Indonesia's Struggle. 1957—1958» (Netherlands Institute of International Affairs), The Hague, 1959, стр. 11.

[25] «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 13.

ба, ибо подобранные Сувирьо кандидаты в министры не отважились нарушить партийную дисциплину и отказались участвовать в правительстве. 2 апреля Сувирьо вернул свой мандат. Тогда Сукарно пошел на решительный шаг. 4 апреля 1957 г. он созвал на совещание лидеров некоторых политических партий и массовых организаций, а также представителей армии и полиции. Состав совещания говорит о многом: из 75 приглашенных 30 — представляли вооруженные силы и 10 — полицию и прокуратуру. Большинством голосов совещание одобрило намерение Сукарно самому выступить в качестве учредителя (т. е. лица, ответственного за формирование) правительства [26].

9 апреля президент Сукарно поручил гражданину Сукарно формирование «чрезвычайного внепарламентского рабочего кабинета». В тот же день такое правительство было создано во главе с премьером Джуандой Картавиджаей — беспартийным, независимым политическим деятелем, инженером по образованию. Как уже явствует из самого названия кабинета, правительство было сформировано не на партийной основе, но в нем были в основном представлены НПИ, Нахдатул Улама и «поколение 45 года». Новый премьер неоднократно подчеркивал, что правительство будет по-прежнему ответственно перед парламентом. Но это были уже не более как успокоительные слова. Парламент не только не был каким-либо образом причастен к формированию правительства, но в равной мере не был правомочен устранить его, так как для функционирования нового правительства теперь уже не требовалась резолюция доверия [27].

Сукарно не взял непосредственно на себя функции премьера, несмотря на желание и многочисленные советы. Такой шаг давал ему возможность избежать обвинений оппозиции в том, что он устанавливает личную диктатуру. Вместе с тем для Сукарно открывались более широкие возможности маневра во взаимоотношениях с КПИ. Возьми президент всю полноту формальной власти в свои руки, ему пришлось бы либо сдержать свое слово и действительно включить КПИ в правительство, либо не сделать этого и, таким образом, открыто признать, что «правительство готонг-ройонг»—это только разговоры. В условиях, когда КПИ представляла собой внушительную и самостоятельную общественно-политическую силу, когда Сукарно многое еще предстояло сделать и поддержка КПИ была для него весьма существенна, он, естественно, не хотел идти на подобный шаг. В этом отношении правительство Джуанды имело в глазах Сукарно то преимущество, что оно давало ему в руки столь желанное орудие осуществления

---

[26] Там же, стр. 14.
[27] «Demokrasi Terpimpin», стр. 93.

своей концепции, но в то же время позволяло ему не включать в него КПИ. Тем более что формально требование КПИ — «если правительство без КПИ, то в него не должна входить и Машуми» — было удовлетворено.

Политбюро ЦК КПИ приняло решение поддержать вновь созданное правительство, рассматривая его как единственный выход для Индонезии. В создавшейся ситуации негативная позиция по отношению к уже созданному правительству неизбежно привела бы к полной изоляции партии.

Программа кабинета Джуанды

Во время церемонии сформирования кабинета Джуанды Сукарно выдвинул в своей речи в качестве программы правительства «Панча карья» (пять работ) [28]:

1. Создание Национального совета.
2. Нормализация положения в республике.
3. Завершение ликвидации соглашений Конференции круглого стола.
4. Борьба за Западный Ириан.
5. Активизация развития.

Весьма характерно для подхода Сукарно к соотношению политики и экономики в развитии индонезийского общества то обстоятельство, что одна из самых важнейших проблем, а именно проблема социально-экономических преобразований, не только оказалась на последнем месте, но и была сформулирована столь неопределенно в отличие от остальных вполне конкретных пунктов правительственной программы.

Наиболее быстро и легко правительство (не без активного содействия Сукарно) справилось с первым пунктом своей программы. 6 мая Сукарно и Джуанда подписали чрезвычайный декрет о создании Национального совета. 15 июня правительство единогласно одобрило составленный президентом список 45 членов Совета. Помимо НПИ и Нахдатул Улама в Национальном совете было 12 членов от КПИ или примыкающих к ней массовых организаций, а также представители родов войск, полиции и прокуратуры. Большим влиянием в Совете пользовалась группа радикальных националистов типа Ива Кусумасумантри и М. Паданга. Довольно многочисленное представительство КПИ должно было, очевидно, как бы морально компенсировать ее неучастие в правительстве.

Этот успех позволил президенту несколько более откровенно высказаться относительно антиконституционной и антипарламентской направленности своих планов. Собственно говоря, его разъяснения по этому поводу предназначались теперь преимущественно для тех сторонников концепции Сукарно, ко-

---

[28] Там же, стр. 95.

торые все еще питали иллюзии относительно возможности сохранения парламентской демократии. Так, выступая 3 июня 1957 г. на приеме по случаю 30-летия со дня основания НПИ, президент энергично подчеркивал заблуждение тех, кто считает, будто главный смысл предполагаемого им общественно-политического переустройства заключается в разрешении кризиса, созданного мятежными выступлениями в районах. «Поймите, собратья, поймите же, — говорил Сукарно, — что „главная причина" создания Национального совета заключается в том, что он кладет начало разрушению политической системы либерализма... Я предложил создать Национальный совет, так как наша система так, как она записана в конституции, а именно: парламент, учредитель правительства, конституционный президент и тому подобное — все это является в сущности отражением политического либерализма» [29].

Однако если Сукарно главное свое внимание уделял вопросам государственно-политического переустройства страны, то правительство Джуанды не меньше внимания уделяло второму пункту своей программы — нормализации положения в стране. Характеризуя общее направление деятельности правительства в этом вопросе в течение 1957 г., можно сказать, что это был год компромиссов. Джуанда и Насутион сделали все возможное, чтобы добиться бескровного и мирного разрешения существовавших противоречий. Почти весь год прошел под знаком переговоров, словесных битв и закулисных маневров.

Джуанда пытался в какой-то мере учесть некоторые из объективно справедливых и отражающих реальные трудности и недостатки требований, которые использовали в своих политических целях мятежные полковники и стоящие за их спиной Машуми и СПИ. Было объявлено о выделении больших средств на нужды Внешних провинций, был издан закон № 1 1957 г. о местной автономии и децентрализации управления в районах, подтверждено намерение правительства провести местные выборы в советы народных представителей и т. п. Реагируя на требование о восстановлении дуумвирата Сукарно — Хатта, премьер Джуанда еще до первого заседания правительства встретился с Хаттой и обсудил с ним проблемы нормализации положения в стране и возможности его сотрудничества с Сукарно [30].

23 апреля на Суматру была направлена правительственная миссия во главе с премьером, которая провела встречи с местными лидерами. 13 мая Джуанда с аналогичной миссией направился на Сулавеси и Молуккские острова. Были направлены делегации и в другие районы страны. После обостре-

---

[29] Там же, стр. 147.

[30] «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 18.

ния ситуации на Северном Сулавеси Джуанда вновь отправился туда 19 июля и по возвращении делегации в Джакарту было объявлено о достижении взаимопонимания относительно мер по восстановлению политической стабилизации в стране.

Параллельно с Джуандой и даже еще до формирования его правительства подобные же усилия предпринимал генерал Насутион. Уже в январе 1957 г. он созвал в Палембанге (Южная Суматра) совещание суматранских командующих, на котором присутствовали А. Хусейн, Барлиан и даже на короткое время появился Симболон.

Вслед за мятежным выступлением Сумуала в середине марта Насутион вновь созвал уже в Джакарте военное совещание, на котором была выражена надежда, что цели «Перместы» («Всеобщий союз», созданный мятежниками на Сулавеси) будут достигнуты в рамках нового порядка[31]. 22 июля Насутион вместе с министром Тобингом обследовал положение на Суматре.

Все эти поездки и переговоры подготовили условия для созыва широкого общенационального форума. С 10 по 16 сентября 1957 г. в Джакарте проходила Национальная конференция или мушавара, как она официально называлась. На ней присутствовали все наиболее видные лидеры страны, представители районов, армии и гражданской администрации, партий, за исключением КПИ. Приехали также и мятежные полковники А. Хусейн, Сумуал, Барлиан и майор Сомба. Не было только Симболона и Лубиса. Конференция выработала общие принципы более широкой автономии, распределения финансов и экономической реконструкции, пересмотра существующих границ провинций и районов, борьбы с коррупцией и бюрократизмом и т. д.[32].

Участники конференции пришли к соглашению о восстановлении отношений между районами и центральным правительством. Под всеобщим давлением Сукарно и Хатта вынуждены были подписать совместное заявление о сотрудничестве во имя общенациональных интересов.

Параллельно с конференцией шло совещание военных, завершившее свою работу 17 сентября и предложившее создать «комитет семи» для окончательного решения армейских конфликтов. Комитет был создан в составе Сукарно, Хатты, Джуанды, Леймены (зам. премьера), полковника Азиза Салеха (министр здравоохранения), Хаменгку Бувоно IX и Насутиона[33].

Нужно сказать, что правые силы шли на общенациональ-

---

[31] «Indonesia's Struggle 1957—1958», стр. 15.

[32] О решениях конференции см.: «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 19—26.

[33] Там же, стр. 27.

ный форум с намерением навязать ему свою программу. Не случайно буквально за два дня до начала конференции Барлиан, Сумуал и А. Хусейн подписали совместную «Палембангскую хартию», в которой выдвигались требования о дуумвирате, о превращении Национального совета в сенат, представляющий интересы районов, о немедленном смещении Насутиона и замене его С. Шариром и т. п.[34]. Однако в ходе конференции эти замыслы потерпели полное поражение.

С 25 ноября по 4 декабря состоялось второе общенациональное мушавара, посвященное вопросам экономического строительства. В нем на этот раз участвовали и представители КПИ. Зато А. Хусейн отказался приехать[35]. Сукарно выступил с общей речью, в которой основной упор сделал на морально-политических и «социалистических» аспектах индонезийской революции. Премьер Джуанда говорил о необходимости выработки плана всеобщего развития страны. С программой экономического развития выступил Хатта. Он выдвинул на первый план разрешение основных, по его мнению, проблем — продовольствия, одежды и жилья — и предложил осуществить принцип направляемой экономики, согласно которому главенствующая роль в экономическом строительстве должна отводиться государству (государственному сектору и контролируемым правительством смешанным государственно-частным предприятиям).

Генеральный секретарь ЦК КПИ Д. Н. Айдит в своем выступлении на конференции положительно отозвался о предложениях Хатты. «В целом я их приветствую, — заявил он. — Наши капиталисты слишком поздно родились, они опоздали на поезд, наши капиталисты „по меньшей мере на полвека отстали от развития масс“, говорит Хатта. Я не нуждаюсь в других словах,— добавил Айдит,— чтобы обрисовать положение наших национальных капиталистов»[36]. Относительно создания дуумвирата Сукарно — Хатта Айдит заявил: «Я не преследую иных целей, кроме пожелания, чтобы такое сотрудничество было воплощено на практике, подобно тому как мне также хотелось бы, чтобы реальностью стало сотрудничество между всеми нашими национальными деятелями»[37].

Конференция выработала ряд решений, касающихся конкретных проблем экономического строительства и развития районов, а также приняла решение о создании планового На-

---

[34] S. P. Djaja, Kegagalan Pemberontakan Husein, Surabaja, 1958, стр. 8—10.

[35] О Национальной конференции по строительству см. там же, стр. 28—30.

[36] Д. Н. Айдит, Избранные произведения, М., 1962, стр. 418.

[37] Там же, стр. 425.

ционального совета, которому вменялась разработка всеобщего плана развития.

Тем временем парламент, обеспокоенный затягиванием практической реализации большинства решений предыдущей конференции, принял 29 ноября постановление о создании «комитета девяти», в задачу которого входила выработка в кратчайший срок (в течение 14 дней) основы для сотрудничества Сукарно и Хатты. Комитет, в который вошли представители НПИ, Машуми, Нахдатул Улама, ПСИИ и четырех других более мелких партий, развил бурную деятельность [38].

Обреченность тактики компромиссов

Усилия правительства Джуанды и армейского руководства во главе с Насутионом, направленные на ликвидацию военно-политического кризиса в стране путем тактики компромиссов и мирных переговоров, не дали практических результатов и не привели к политической стабилизации. Хотя обе враждующие силы (Сукарно и правобуржуазная оппозиция) много говорили о необходимости общенационального единства и разрешения существующих социально-экономических проблем, в действительности и ту и другую стороны в данный момент меньше всего интересовало решение насущных проблем, а национальное единство каждая из них понимала как принятие всеми лишь их концепции и их политического руководства. Короче говоря, Сукарно и его противники согласны были лишь на единовластие, тогда как Джуанда и Насутион выступали в роли посредников, предлагающих установить в стране по существу двоевластие.

И действительно, «дуумвират», в понимании Джуанды и Насутиона, должен был служить формой реального сотрудничества и гармоничного приложения сил обеих враждующих сторон. Но это не могло устроить ни одну из соперничающих сторон, не говоря уже о том, сколь нереальной была подобная идея сама по себе. Для блока правых сил требование восстановления дуумвирата Сукарно — Хатта было не более как замаскированной формой утверждения своего единовластия, ибо с принятием всех остальных их требований (замена правительства Джуанды правительством Хатты, превращение Национального совета в сенат или верхнюю палату парламента, смена руководства армии) Сукарно, лишенный основных источников своей силы, неизбежно превратился бы в конституционного президента с весьма ограниченными полномочиями.

В свою очередь Сукарно, который только что добился первых успехов в реализации своей концепции, менее всего был

---

[38] «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 31—32.

склонен идти на сколько-нибудь серьезные уступки правым. Казалось бы, он должен приветствовать намерение Джуанды и Насутиона претворить в жизнь его (буквально понятый ими) призыв возвратиться к принципу мушавара. Но в том-то и дело, что президент меньше всего думал о подлинном мушавара, т. е. о суверенном общенациональном форуме (вряд ли он сам верил в возможность подобного мушавара). Ведь мушавара, который был нужен Сукарно, — это назначенный им самим Национальный совет.

По той же самой причине не могли устраивать Сукарно и выдвинутая Джуандой и Насутионом идея дуумвирата как форма двоевластия, высказывания Джуанды об ответственности правительства перед парламентом, о необязательности для правительства рекомендаций Национального совета. Вряд ли мог радовать президента и сам факт совпадения позиций Джуанды и Насутиона по многим важнейшим политическим вопросам и их довольно тесное практическое сотрудничество. И тем не менее Сукарно не мог, конечно, попросту игнорировать или отвергать действия Джуанды и Насутиона, направленные на примирение враждующих сторон. Ведь он хорошо понимал, что без поддержки этих людей ему не обойтись. Поэтому Сукарно вынужден был маскировать до поры до времени свое отрицательное отношение к миротворческим усилиям Джуанды — Насутиона, равно как и к их относительно независимой (от него) позиции.

Так или иначе, но Сукарно было ясно, что если он не перехватит инициативу у быстро формирующейся «третьей силы» — блока Джуанды — Насутиона, если он не предотвратит дальнейшее углубление тенденции политической стабилизации, то ему придется надолго отложить осуществление своих намерений. Необходим был серьезный предлог или предлоги, опираясь на которые Сукарно смог бы свести на нет позитивные усилия парламента («комитета девяти»), армии («комитета семи») и самого премьера Джуанды.

30 ноября 1957 г. на Сукарно было совершено покушение. Судя по официальным сообщениям, нити заговора вели к полковнику Лубису.

Эта акция была использована президентом для того, чтобы парализовать деятельность «комитета семи», состав которого был маложелателен для него [39].

---

[39] В этом отношении весьма характерно следующее высказывание Д. Н. Айдита: «До террористического акта на улице Чикини, совершенного 30 ноября 1957 г., у реакционеров еще была возможность оказывать давление на центральное правительство формально парламентским путем. В то время они еще могли использовать свои довольно сильные позиции в „комитете семи“ и „комитете девяти“...» (см.: Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 438).

Западный Ириан в планах Сукарно

Проблема Западного Ириана была использована в качестве главного стратегического орудия в разрешении поставленных Сукарно задач. «Освобождение Западного Ириана» должно было стать импульсом, облегчающим путь концепции президента и способствующим утверждению направляемой демократии.

Обычно истоки обострения индонезийско-голландских отношений с конца 1957 г. стремятся обнаружить в области международных взаимоотношений.

При этом в качестве непосредственного предлога указывают на негативные для Индонезии результаты голосования 29 ноября 1957 г. в ООН: тогда не удалось собрать двух третей голосов, необходимых для принятия резолюции, обязывающей Голландию сесть за стол переговоров. Но то обстоятельство, что голосование в ООН было использовано как предлог, нисколько не объясняет, почему провал именно данной резолюции и именно в этот раз (ведь это был не первый подобный случай) вызвал у некоторых индонезийских лидеров и прежде всего у Сукарно столь бурную реакцию и столь радикальные ответные меры, не объясняет нам того, почему именно в данный момент (а не годом-двумя раньше, или двумя-тремя позже) Индонезии потребовалось форсировать освобождение Западного Ириана. Поэтому-то нам представляется, что причины возникшей в декабре 1957 г. мощной антиголландской кампании невозможно уяснить без учета основных моментов внутриполитической борьбы.

В сущности, подготовку антиголландской кампании президент начал задолго до декабрьских событий. Уже в конце июля 1957 г. он учредил Организацию сотрудничества молодежи и армии (БКСПМ), которая и начала развертывать кампанию за освобождение Западного Ириана. Особенно широкий размах деятельность этой организации стала принимать после празднования Дня клятвы молодежи (28 октября), предшествовавшего началу обсуждения западноирианской проблемы в ООН. С этого времени Сукарно начинает призывать в своих публичных выступлениях к радикальным действиям против голландцев. 7 ноября он обещал, например, что если Ириан не будет возвращен, то Индонезия прибегнет к мерам, которые поразят мир. С резкой, не только антиголландской, но и направленной против ООН речью он выступил также 18 ноября на массовом митинге в Джакарте, где присутствовал весь дипломатический корпус. На митинге была принята резолюция, требовавшая ликвидации соглашений Конференции круглого стола, национализации жизненно важных предприятий, принадлежащих

голландцам, а также изгнания из страны всех неработающих голландцев [40].

Когда резолюция по Ириану не собрала в ООН необходимого количества голосов, правительство Джуанды решило провести в знак протеста 2 декабря 24-часовую всеобщую забастовку на голландских предприятиях. Сукарно, однако, не устраивала такая умеренная мера: он решил привести свое обещание в исполнение. 3 декабря рабочие профсоюза КБКИ (примыкающего к НПИ) без уведомления правительства начали осуществлять захват голландской собственности. Профсоюз этот возглавлялся радикальным националистом Ахэмом Эрнингпраджа, который некоторое время спустя стал министром труда в первом сукарновском правительстве (июль 1959 г.) и одним из видных представителей окружавшей президента бюрократической элиты. Совершенно очевидно, что этот человек не мог взять на себя ответственность в таком важном деле, не заручившись поддержкой или не получив прямых указаний президента [41].

Нужно сказать, что антиголландские действия КБКИ выходили не только за рамки правительственных намерений, но и первоначальных планов руководства КПИ. Еще 21 октября 1957 г. передовая «Хариан ракьят», предлагая принять «четкие меры» против голландских монополий, в то же время подчеркивала, что положение в Индонезии не таково, чтобы можно было позволить себе одним ударом конфисковать весь голландский капитал в стране. Последующие выступления лидеров КПИ также свидетельствуют о реалистической умеренности в этом вопросе. Однако когда КБКИ, не поставив в известность СОБСИ, начала свою акцию, и КПИ и СОБСИ оказались вынужденными (чтобы не отстать) быстро присоединиться. В результате не только «жизненно важные», но все голландские предприятия оказались захваченными рабочими, и вскоре не одни «неработающие», а все голландские граждане — 46 тыс. человек — были удалены из страны.

Призывы правительства Джуанды прекратить забастовку не возымели действия. СОБСИ игнорировала их. Тогда правительство объявило 10 декабря об установлении своего контроля над захваченными предприятиями, чтобы предотвратить стихийное развитие событий. Но и эта мера оказалась малоэффективной. Тогда Джуанда приказал армии вмешаться, и

---

[40] См.: Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 422.

[41] Да и сам Сукарно в интервью известному американскому публицисту Люису Фишеру подтвердил, что он лично приказал начать эту кампанию. «Вопрос о Западном Ириане должен решаться здесь, в Индонезии, а не в ООН, Амстердаме или Москве»,— добавил он (см.: L. Fischer, The Story of Indonesia, New York, 1959, стр. 300).

13 декабря генерал Насутион объявил о взятии голландских предприятий под контроль армии [42].

Захватом голландских предприятий Сукарно рассчитывал создать материальную основу, необходимую для финансирования своего складывающегося нового режима. Вместе с тем этой акцией президент достигал и другого — крайне важного для него политического результата. Сукарно понимал, что правая буржуазная оппозиция безусловно осудит его антиголландский националистический радикализм. Но в обстановке общего антиимпериалистического подъема в стране это осуждение могло восприниматься лишь как «антипатриотическое» и «предательское» выступление, и оппозиция утверждавшейся сукарновской диктатуры оказалась бы в политической изоляции. Ведь в подобных условиях и всякая попытка компромисса с оппозицией со стороны Джуанды и Насутиона выглядела бы в равной мере непатриотично.

Так, собственно, все и произошло. Правая оппозиция выступила с осуждением захвата голландских предприятий и оказалась изолированной. Теперь лидерам Машуми и СПИ стала очевидной полная безнадежность дальнейшей легальной борьбы против Сукарно в столице.

Им оставалось либо смириться со своим поражением, либо продолжать борьбу, но уже исключительно непарламентскими методами. Они выбрали последнее. А это уже делало тактику компромиссов не только «непатриотичной», но и вовсе невозможной.

Таким образом, анализируя историю борьбы за освобождение Западного Ириана, необходимо различать два ее аспекта: внешний, антиимпериалистический, и внутриполитический. Индонезийский народ на протяжении многих лет вел справедливую борьбу за освобождение Ириана из-под голландского колониального ига. Однако лидеры, возглавлявшие борьбу, неизбежно привносили в нее субъективные элементы, оказывавшие подчас серьезное влияние на выбор времени и методов, а также на конечные результаты этой борьбы. Получалось так, что различные политические силы использовали лозунг борьбы за Западный Ириан (как впоследствии лозунг «конфронтации» Малайзии) для достижения своих политических целей, для борьбы за власть. Для этих политических сил кампания за освобождение Ириана служила прежде всего формой и проявлением их внутриполитической борьбы.

Так, в частности, и решение президента Сукарно о радикальной «ответной мере» не основывалось на реальном учете социально-экономического положения в стране. Это была

---

[42] D. Hindley, The Communist Party of Indonesia, 1951—1963, Berkeley and Los Angeles, 1964, стр. 267.

чисто политическая акция, что и объясняет тот огромный экономический ущерб, который был причинен стране в результате массовой высылки голландских специалистов, увода голландского гражданского флота, без которого затруднялось нормальное экономическое развитие такой островной страны, как Индонезия, некомпетентности нового индонезийского руководства поспешно национализированными голландскими предприятиями и многих других причин.

Активизация мятежей и их разгром

Чувствуя, что обстановка в столице накаляется и не будучи уверенными в своей безопасности, некоторые лидеры правой оппозиции (Сумитро, Шафруддин Правиранегара, Б. Харахап, Натсыр и др.) бежали на Западную Суматру под защиту мятежного полковника А. Хусейна [43]. В течение января 1958 г., когда Сукарно совершал свое очередное турне по странам Азии, объединившиеся силы оппозиции начали активизировать свои действия. Армейское руководство в Джакарте объявило о перехвате документа полковника Лубиса, в котором излагался план государственного переворота. 3 февраля Джуанда заявил в парламенте, что на Суматре в местечке Сунгей Дарех состоялось секретное совещание с участием лидеров оппозиции, а также полковников Лубиса, Симболона, Дахлана Джамбека и А. Хусейна.

Вскоре оппозиция бросила открытый вызов Джакарте. 10 февраля Хусейн предъявил ультиматум, требуя отставки в течение пяти дней правительства Джуанды и поручения Хатте и Хаменгку Бувоно создать новое правительство [44]. Аналогичный ультиматум был вручен полковником Вароу президенту Сукарно во время его остановки в Токио. После того как ультиматум был отвергнут центральным правительством, 15 февраля 1958 г. в Паданге (Западная Суматра) было образовано так называемое революционное правительство во главе с Шафруддином Правиранегарой. Правительство Джуанды и Насутион действовали согласованно и решительно.

Были изданы постановления о разжаловании всех высших офицеров, участвующих в мятеже, и о запрещении деятельности Совета Бантенг и Перместы. По возвращении в Джакарту Сукарно одобрил все эти меры.

---

[43] В официальной публикации МИД Индонезии отмечалось, например, что один из лидеров Машуми — Шафруддин Правиранегара бежал на Суматру накануне того, как «государственные органы собирались принять меры в отношении него» (см.: «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 37).

[44] D. Hindley, The Communist Party of Indonesia, 1951—1963, стр. 268.

Теперь уже необходимость действенных военных мер против оппозиционных сил была очевидной для всех. Об этом наглядно говорил, в частности, тот факт, что 14 марта парламент распустил «комитет девяти». В начале марта началась высадка правительственных войск на Восточной Суматре, а в середине апреля — на Западной. Уже к середине мая все важнейшие города острова оказались в их руках. Несколько большее сопротивление было оказано на Северном Сулавеси, но и здесь к июлю все основные центры были освобождены от мятежников. Остатки оппозиционных сил бежали в джунгли, откуда совершали спорадические вылазки и оказывали незначительное сопротивление в течение последующих трех лет.

Учитывая, что основная часть армии сохранила верность центральному правительству, президенту Сукарно и генералу Насутиону, поражению мятежников не приходится удивляться. Обращает внимание, однако, та легкость, с которой правительственные войска одерживали свои победы. Этому способствовал ряд факторов. Прежде всего следует указать на то, что мятежникам не удалось обеспечить себе достаточную поддержку со стороны местного населения. Поначалу, правда, мятежники пользовались некоторой поддержкой на Внешних островах, что было связано с демагогическим выдвижением лозунга местной автономии и удовлетворения насущных нужд районов. Но когда населению стало ясно, что и провозглашенное на Суматре «революционное» правительство не спешит выполнять свои обещания, что лидеров оппозиции интересуют прежде всего не местные нужды, а захват власти в Джакарте, что, наконец, бюрократизм и коррупция процветают и при новом повстанческом режиме, тогда-то оппозиция стала стремительно терять свою опору. Тем более что такие лидеры общенационального масштаба, как Хатта или Хаменгку Бувоно, так и не примкнули открыто к «революционному» правительству.

Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что лидерам оппозиции не удалось добиться прочного единства и согласованности действий между различными антиправительственными движениями. Так, скажем, движение Даруль ислама в Аче и других районах Индонезии не стремилось к активному взаимодействию с реформаторским крылом машумистов. Давали себя знать старые противоречия между сторонниками теократических и светских форм управления. Большие споры относительно будущего государственного устройства разгорелись еще на совещании в Сунгей Дарехе между сторонниками А. Хусейна, с одной стороны, и Лубисом, Симболоном, Сумитро — с другой [45].

---

[45] «Pemberontakan Ahmad Husein», стр. 10.

Серьезные столкновения возникали и между христианским населением Северного Сулавеси и мусульманскими приверженцами мятежников. Наконец, многочисленные группы яванского населения, проживающие на Южной и Восточной Суматре, без восторга воспринимали шовинистическую пропаганду мятежных лидеров, пытавшихся придать своему движению «антияванский» характер.

Оппозиция существенно проиграла также в общественном мнении, когда стали известны факты поддержки ее действий американскими империалистами. Ведь воспоминания о господстве и происках колонизаторов были еще свежи в памяти индонезийского народа. Уже 11 января 1958 г. государственный секретарь США Даллес выступил с публичной критикой «направляемой демократии», фактически поощряя мятежников на более решительные действия и недвусмысленно давая понять, что Соединенные Штаты будут приветствовать широкую оппозицию правительству Джуанды и президенту Сукарно [46]. ЦРУ и нефтяные монополии США на Суматре начали оказывать финансовую и военную помощь мятежникам. Был сбит во время бомбардировки индонезийской территории американский летчик — авантюрист Аллан Лоуренс Поуп.

В то же время США ответили отказом на просьбу центрального правительства о продаже Индонезии оружия, заняв позицию мнимого нейтралитета. По указке США помощь оружием суматранским повстанцам стали оказывать чанкайшисты с Тайваня. В ответ на это армия стала арестовывать местных китайцев гоминьдановской ориентации. В сентябре 1958 г. 52 китайские организации и пресса на китайском языке оказались под запретом. В октябре государственный контроль был установлен над всеми школами, предприятиями, банками и страховыми компаниями, принадлежащими китайцам, не имеющим гражданства КНР [47].

В борьбе с мятежниками индонезийское правительство смогло опереться на поддержку стран социализма, прежде всего СССР. Еще 17 марта прибыли первые 10 советских судов в счет 100-миллионного кредита, предоставленного Советским Союзом. После того как США отказались поставить Индонезии оружие, в апреле 1958 г. было объявлено о его закупках в Польше, Чехословакии и Югославии. В начале мая стали прибывать советские военные самолеты. 14 июля 1958 г. Советское правительство опубликовало заявление, в котором выступило в поддержку Республики Индонезии и решительно осудило политический, экономический и военный нажим на нее со стороны империалистов.

---

[46] A. Brackman, Indonesian Communism. A History, New York, 1963, стр. 249.

[47] «Indonesia's Struggle 1957—1958», стр. 57.

Быстрое поражение мятежников и поддержка социалистических стран вынудили Вашингтон уже с конца мая 1958 г. изменить свою позицию. Эмбарго на продажу оружия было несколько ослаблено и были осуществлены небольшие поставки Индонезии риса и легкого стрелкового оружия. С августа 1958 г. США начали поставки оружия для переоснащения 20 сухопутных батальонов.

Новая расстановка сил в 1958 г.

После подавления основных сил мятежников в Индонезии сложилась новая расстановка политических сил. На передний план политической жизни страны окончательно выдвигаются президент Сукарно и армия, возглавляемая генералом Насутионом, популярность которого резко возросла. Парламент и политические партии, влияние которых и до этого начало существенно подрываться созданием Национального совета, внепарламентского правительства и введением чрезвычайного военного положения, оказались отодвинутыми на второй план, хотя юридическое оформление этого акта не было еще завершено.

Уже во второй половине 1958 г., кроме разве машумистов и правых социалистов, никто более не выступал за парламентскую демократию. «Панча сила» и «направляемая демократия» почти не подвергались критике. А если таковая и появлялась на страницах какой-либо газеты, то следовало временное или полное закрытие этого органа. В стране стали усиленно муссироваться слухи о возможности установления военной диктатуры. Эта тема постоянно обсуждалась на страницах печати. При этом делались ссылки на опыт таких стран, как Египет, Ирак или Пакистан.

В новых условиях, когда основные силы оппозиции были в значительной мере ослаблены, наметившиеся еще с 1957 г. противоречия между Сукарно и Насутионом получили свое дальнейшее развитие и стали постепенно превращаться в один из важных факторов внутриполитического противоборства. В Индонезии в рассматриваемый период складывалась своеобразная ситуация, когда различные функции власти или государственного управления стали концентрироваться вокруг двух союзных, но принципиально отличающихся друг от друга по своим устремлениям политических сил.

И Сукарно и Насутион продолжали в 1958 г. усилия, направленные на утверждение «направляемой демократии». Но, как уже отмечалось выше, для Сукарно это понятие было связано с усилением личной власти и сплочением вокруг себя своих сторонников, а также и определенным подчинением своему влиянию колеблющихся и оппозиционных сил. Его мало интересовали такие проблемы, как состояние нацио-

нальной экономики или жизненный уровень населения. Его многочисленные выступления и речи были пронизаны духом мелкобуржуазной «революционности». В то же время попытки Насутиона и его сторонников использовать «направляемую демократию» в качестве орудия оздоровления экономики, очищения и реорганизации государственного аппарата также не привели к сколько-нибудь заметным результатам. Насутион продолжал поддерживать идею дуумвирата Сукарно — Хатта. С одной стороны, ему безусловно импонировала фигура Хатты, известного своими деловыми качествами, стремлением к рационализации государственного и хозяйственного управления, с другой — Насутион считал необходимым сохранение президента Сукарно в качестве знамени и идеолога нового порядка.

Конечно, президент Сукарно хорошо понимал, что для полноты власти ему потребуется в дальнейшем безусловное подчинение армии. Он понимал также, что серьезным препятствием на пути к этой цели является генерал Насутион. Не удивительно поэтому, что весь последующий период истории характеризовался не только сотрудничеством его с Насутионом в плане дальнейшей ликвидации парламентской системы, но и стремлением президента уменьшить влияние Насутиона в армии. В свою очередь Насутион и его сторонники стремились расширить рамки своего влияния за пределы армии и установить армейский контроль над гражданским государственным аппаратом. Таким образом начался длительный период противоборства двух главных политических сил за преобладание и контроль практически во всех сферах общественно-политической и экономической жизни страны.

В этой борьбе на стороне Сукарно были его авторитет революционного лидера и бессменного президента, блестящие способности по части игры на противоречиях своих оппонентов, умение манипулировать различного рода реорганизациями госаппарата, в результате которых предотвращалось сплочение оппозиции и создавалась иерархия, непосредственно подчиненная президенту.

Пожалуй, одним из самых главных объектов противоборства была армия. Сукарно стремился подорвать ее как самостоятельную политическую силу и ликвидировать влияние Насутиона на вооруженные силы. Понимая, что полностью свести на нет престиж Насутиона в сухопутной армии не удастся, Сукарно избрал в качестве одного из действенных средств расширение таких видов вооруженных сил, как военно-морской флот, военно-воздушные силы, военная полиция и т. п., назначение во главе их своих сторонников и непосредственное подчинение их себе, как главнокомандующему. Все эти новые сегменты вооруженных сил должны были вы-

ступить в качестве противовеса сухопутной армии, поэтому средств на эти цели Сукарно не жалел.

Другой ареной противоборства были гражданский государственный аппарат и общественные массовые организации. Насутион и Джуанда продолжали оказывать давление на Сукарно, побуждая его к реализации идеи дуумвирата; и Сукарно вынужден был 3 марта 1958 г. посетить Хатту, чтобы предложить ему участвовать в правительстве. Но Хатта, который, очевидно, понимал всю нереалистичность и бессмысленность попыток втиснуть в прокрустово ложе единовластия сторонников двух принципиально различных социально-политических тенденций, отказался.

Тогда Джуанда и Насутион решили осуществить 25 июня 1958 г. частичную реорганизацию правительства [48]. Было, в частности, ликвидировано министерство по мобилизации народной энергии для развития, возглавлявшееся беспартийным (но, по слухам, симпатизирующим КПИ) Ханафи. Это министерство служило одним из наиболее эффективных орудий финансирования и организации массовых политических кампаний президента Сукарно. В то же время было учреждено министерство экономической стабилизации во главе с полковником Супрайоги, а также министерство по гражданско-военным взаимоотношениям. Была сделана попытка привлечь в правительство и Хаменгку Бувоно, но последний, как и Хатта, отказался. В правительство был включен также один сторонник Сукарно — М. Ямин, хотя, правда, ему не было предоставлено какое-либо министерство.

Насутион уделял серьезное внимание и установлению контроля армии над общенациональным массовым политическим движением в стране. Он видел, как умело использовал Сукарно антиголландские и другие массовые компании для повышения своего престижа и усиления своих позиций. Естественно поэтому, что он предпринял попытку выбить это орудие из рук конкурента. Еще с июня 1957 г. руководство армии начало создавать «военно-гражданские организации сотрудничества», объединявшие различные молодежные, профсоюзные, женские и другие массовые общественные организации. В феврале 1958 г. Комитет действия по освобождению Западного Ириана, находившийся в руках сторонников Сукарно и КПИ, был распущен и заменен Национальным фронтом по освобождению Западного Ириана, возглавлявшимся Насутионом. Был создан также легион индонезийских ветеранов, объединивший все другие организации ветеранов, включая прокоммунистическую Пербепси. Армия попыталась установить контроль и над другими сферами политической жизни,

[48] См.: «Republic of Indonesia Cabinets», стр. 38—39.

запретив проведение демонстраций, митингов, забастовок и т. п. мероприятий без предварительного разрешения.

История Индонезии в рассматриваемый период дает нам пример одной из наиболее неудачных попыток вмешательства армии в экономику, пример того, как благие намерения, осуществляемые, однако, без учета реальной обстановки, дают результаты противоположные ожидаемым. На стремление руководителей индонезийской армии заняться экономикой, придать ее развитию бо́льшую целенаправленность безусловное влияние оказали события, происходившие в эти годы в некоторых других развивающихся странах, и не в последнюю очередь — пример ОАР. Но не говоря уже о том, что и в других странах мероприятия подобного рода сталкивались с большими трудностями и сопровождались различного рода побочными реакционными явлениями, вроде коррупции, казнокрадства, обюрокрачивания и обуржуазивания определенной части гражданской и военной мелкобуржуазной демократии, отличительной чертой Индонезии было еще и то, что в стране не был окончательно решен основной политический вопрос — вопрос о власти. Руководство армии отнюдь не было полновластным и не могло справиться с активным и пассивным противодействием своих противников в лице определенных слоев старой индонезийской буржуазии. Быстро нарождавшаяся и набиравшая силу новоявленная бюрократическая буржуазия (в том числе и из рядов самой армии) подчинила себе экономическую жизнь в своих корыстных классовых интересах.

В течение 1958 г. армия фактически на 80% контролировала повседневное административное управление страной[49]. Около 4 тыс. офицеров было направлено в сферу экономики для управления захваченными голландскими предприятиями. Армия установила контроль над импортно-экспортными операциями, поставками и распределением риса, всеми видами транспорта и т. д.[50]. Все это привело лишь к дублированию функций гражданского аппарата, но не принесло сколько-нибудь заметных улучшений. В итоге с конца августа 1958 г. началась постепенная передача голландских предприятий в ведение соответствующих гражданских министерств.

Очень горячо включилось руководство армии и в борьбу с коррупцией, за возвращение в государственную казну долгов некоторых индонезийских предпринимателей, получавших в период правительства Састроамиджойо благодаря связям в правительственном аппарате весьма льготные и щедрые кредиты. К началу рассматриваемого периода (1957—1958) было роздано таким образом около 250 млн. рупий, и пред-

---

[49] Правильность этой цифры подтвердил и сам Насутион в интервью Л. Фишеру (см.: L. Fischer, The Story of Indonesia, стр. 289).

[50] B. Grant, Indonesia, London — New York, 1966, стр. 79.

приниматели-должники рассчитывали вовсе не возвращать денег в казну. В течение 1958 г. армии удалось собрать лишь 56 млн. рупий со 119 предпринимателей, хотя ее руководство продолжало подчеркивать свою решимость довести дело до конца [51].

Еще 31 мая 1957 г. Насутион в качестве главного военного администратора издал постановление, согласно которому государственные чиновники обязывались отчитываться в своем имущественном и финансовом положении [52]. В начале 1958 г. Насутион издал новое постановление, направленное против коррупции. В рамках борьбы с коррупцией было начато следствие по делу нескольких высокопоставленных лиц, включая бывших министров и некоторых лидеров таких партий, как НПИ, Машуми, ПСИ и Нахдатул Улама. Были начаты также тысячи более мелких дел о взяточничестве и казнокрадстве [53].

Однако все эти усилия армии не дали существенных результатов, ее руководство не сумело в целом справиться со стоявшей перед ним задачей. Половинчатость мер, подкуп и развращенность значительной части офицерства, занятого в управлении гражданскими и экономическими делами, а главное, явное противодействие бюрократического государственного аппарата — все это вскоре свело фактически на нет все усилия генерала Насутиона и правительства Джуанды.

Провинциальные выборы и КПИ

Несмотря на начавшийся процесс утверждения нового режима «направляемой демократии», старая машина буржуазного парламентаризма продолжала еще некоторое время работать, частью по инерции, частью благодаря инициативе правительства Джуанды. На основе принятого этим правительством нового закона о выборах в провинциальные и муниципальные советы народных представителей во второй половине 1957 и начале 1958 г. состоялись выборы на Яве, Южной Суматре и Южном Калимантане. В сущности это были одни из самых густонаселенных районов Индонезии, на территории которых проживает немногим менее 72% всего населения страны [54]. Поэтому результаты этих выборов вполне могут служить для характеристики общей картины соотношения сил и сфер преобладания основных политических партий страны.

---

[51] L. Fischer, The Story of Indonesia, стр. 290.

[52] I. van der Kroef, Guided Democracy in Indonesia,— «Far Eastern Survey», № 8, 1957, стр. 120.

[53] B. Grant, Indonesia, стр. 74, 79.

[54] Все данные о выборах см.: «Indonesia's Struggle», стр. 22; «Goverments and Politics of Southeast Asia», Ithaca — New York, 1964, стр. 244; D. Hindley, The Communist Party of Indonesia, 1951—1963, стр. 222—223, 319; A. Brackman, Indonesian Communism, стр. 238, 240.

Прежде всего бросается в глаза повсеместное увеличение числа сторонников КПИ. Особенно разительным был успех партии на Яве, где она собрала 27,4% всех голосов против 20,6%, полученных ею во время парламентских выборов 1955 г. КПИ заняла первое место на Центральной Яве, вторые места — на Восточной и Западной Яве, в Большой Джакарте и на Южной Суматре. Число представителей КПИ в провинциальных и муниципальных советах на одной только Яве увеличилось с 624 до 973. На Южной Суматре партия получила 15,7% голосов против 12,1% в 1955 г. и на Южном Калимантане — 5,1% (против 3%). КПИ фактически стала первой партией страны.

Почти все буржуазные партии понесли чувствительный урон, но особенно пострадала НПИ. Будучи ранее крупнейшей партией, она утратила свое первенство и оказалась на втором месте даже в своей цитадели — Центральной Яве — и на третьем месте — на Восточной и Западной Яве, в Большой Джакарте и на Южной Суматре. Машумисты сохранили первое место на Западной Яве, в Большой Джакарте, на Южной Суматре, а также второе место на Южном Калимантане. Однако в целом эта партия потеряла значительное количество голосов почти во всех провинциях. Меньше всего пострадала Нахдатул Улама, сохранившая в основном свои позиции, в том числе и традиционное лидерство на Восточной Яве и Южном Калимантане.

Таким образом, КПИ была практически единственной партией, которая увеличила, и притом существенно, число своих сторонников на региональных выборах 1957—1958 гг. Эта внушительная победа напугала буржуазные партии, привела к некоторому ослаблению взаимных противоречий между ними и усилению общности на почве антикоммунизма. Возглавляемая А. Састроамиджойо, НПИ практически отказалась от тактики сотрудничества с КПИ и развернула антикоммунистическую кампанию. В августе 1957 г. ежедневная газета этой партии «Индонезиан обсервер» (выходящая на английском языке), объявив, что «должен зазвучать колокол тревоги», призвала к объединению усилий всех некоммунистических партий, так как разногласия между ними «чисто сентиментальные и вряд ли фундаментальные»[55]. В свою очередь КПИ в ходе предвыборных кампаний прибегала к обвинениям в адрес НПИ, как партии, замешанной в коррупции[56].

Теперь в стране сложилась обстановка, когда в утверждении «направляемой демократии» как барьера, препятствующего дальнейшему росту влияния КПИ, оказались заинтересованными практически все буржуазные и националистиче-

---

[55] «Indonesian Observer», 13, 22.VIII.1957.

[56] A. Brackman, Indonesian Communism, стр. 239.

ские силы. Другое дело, что эта негативная общность, эта всеобщность отрицания парламентской демократии, нисколько не устраняла острых противоречий относительно того, каков должен быть этот всеми желаемый режим. В частности, НПИ и Нахдатул Улама были против военной диктатуры Насутиона, Симболона или Лубиса, но за личную диктатуру Сукарно. «Направляемая демократия» с коррумпированным госаппаратом, прикрывавшаяся антиимпериалистическими фразами и романтическим воспеванием национальных традиций, создавала для лидеров этих партий обстановку, благоприятствовавшую их личному обогащению.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но КПИ оказалась фактически единственной крупной политической силой объективно заинтересованной в сохранении парламентской демократии, так как этот путь, казалось, открывал ей при создавшемся соотношении сил наиболее благоприятные условия и перспективы развития. Вместе с тем в этом как раз и заключалась диалектическая противоречивость исторического развития Индонезии в рассматриваемый период именно потому, что этот путь теперь устраивал больше всего КПИ, все остальные политические силы и партии объединились в стремлении ликвидировать (по крайней мере на данный момент) парламентаризм.

Не только общеиндонезийская ситуация, но и положение самой КПИ характеризовалось объективной противоречивостью. Эта противоречивость становилась особенно наглядной при анализе причин успеха партии на выборах 1957—1958 гг. Безусловно большую роль сыграли такие факторы, как более высокая организованность КПИ, определенная деморализация буржуазных партий и общее падение их престижа. Но, пожалуй, самым главным фактором, благоприятствовавшим успеху партии, явилось все же использование лозунга поддержки политической линии президента Сукарно [57]. Как известно, у Сукарно не было собственной партии, а КПИ фактически выступала на выборах как наиболее последовательная сторонница президента. Поэтому голосование за КПИ было в определенной мере и голосованием за концепцию президента. Иными словами, одной из важнейших причин успеха партии в рамках парламентской системы было то, что она поддерживала антипарламентскую концепцию Сукарно. Создавалось положение, когда парламентская демократия объективно играла роль орудия утверждения антипарламентского режима.

Отмеченная выше двойственность политического положе-

---

[57] Интересно, что в статье Д. Н. Айдита от 16 августа 1957 г., помещенной в газете «Хариан ракьят», говорилось: «Победы демократических сил на прошедших выборах связаны с осуществлением концепции президента Сукарно».

ния КПИ находила свое выражение в некоторых публичных выступлениях и официальных заявлениях ее руководителей. Красной нитью через эти выступления продолжает проходить мысль о будто бы возможном сочетании стопроцентного осуществления концепции президента Сукарно с сохранением существующей парламентской системы. Так, V пленум ЦК КПИ, состоявшийся в середине 1957 г., подчеркнул «важное значение демократизации управления в нашей стране, ознаменовавшейся созданием нового парламента, учредительного собрания, законодательных и исполнительных органов в районах...» [58]. Характерно также, что генеральный секретарь партии Айдит, выступая на этом пленуме, обвинил правую оппозицию в том, что она хочет «заморозить парламент и создать президентский кабинет». В ноябрьской статье 1957 г. Айдит рассматривал Индонезию в числе стран, «где существует парламент, и коммунисты имеют возможность участвовать во всеобщих выборах» и где «они могут достичь своих политических целей парламентским путем — следовательно, без острых форм революционной борьбы масс» [59]. Подобным же духом и аналогичными высказываниями пронизаны и выступления на VI пленуме ЦК в апреле 1958 г. В докладе Айдита отмечалось, например, что, «как бы плохо демократия не осуществлялась, она всегда лучше фашизма», что «Коммунистическая партия Индонезии и другие демократические партии по-прежнему верно следуют по пути парламентской демократии» [60].

Что понимало руководство КПИ под «парламентской демократией» в условиях, когда оно одобрило концепцию Сукарно о «направляемой демократии»?

На этот вопрос трудно дать абсолютно точный ответ, ибо нет соответствующих материалов. Во всяком случае следующее высказывание из речи Айдита на V пленуме ЦК (1957 г.) бесспорно вызывает интерес: «Есть люди, — сказал он, — которые спрашивают, какова же программа кабинета, предлагаемого президентом Сукарно. Действительно, в концепции президента ничего не говорится о программе кабинета. Мы считаем, что программа кабинета не выдвинута потому, что ее выдвижение, вполне вероятно, отвлекло бы внимание от основных вопросов о создании правительства готонг-ройонг и Национального совета к вопросам, которые могут быть обсуждены при следующей возможности» [61].

Это нарочитое нежелание вникать в суть концепции, а значит, и в социально-политическую суть будущего режима, можно, конечно, толковать и как непонимание этой концеп-

[58] Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 466.
[59] Там же, стр. 410.
[60] Там же, стр. 498—499.
[61] D. N. Aidit, Pilihan Tulisan, dj, II, Djakarta, 1960, стр. 220.

ции. Однако вероятнее всего, что руководители КПИ надеялись на постепенную трансформацию концепции и устремлений президента в нужном для них направлении. Очевидно, они вкладывали в поддержку концепции свой, особый смысл, заключавшийся в том, что Сукарно и его концепция должны были помочь КПИ, с одной стороны, предотвратить утверждение военной диктатуры, с другой — отсечь от существующей парламентской демократии некоторые негативные для КПИ компоненты (например, Машуми и ПСИ), сохраняя парламентскую систему, как таковую [62].

В пользу предположения, что руководство КПИ недооценивало опасность авторитарного характера сукарновских устремлений, говорит и такое высказывание Айдита на VI пленуме ЦК КПИ: «Другой формой антидемократической политики является безрассудная буржуазная политика — политика роспуска партий. Она диаметрально противоположна демократической концепции президента Сукарно...» [63]. Ведь не могло же руководство КПИ не знать, что не кто иной, как президент Сукарно еще в конце 1956 — начале 1957 г. ратовал за роспуск политических партий и отказался от этого требования лишь под нажимом обстоятельств.

По всей видимости, руководство КПИ в 1957—1958 гг. несколько переоценивало, с одной стороны, значение факта сохранения парламента и политических партий, а также своих успехов на местных выборах и, с другой, свои возможности влияния на Сукарно и использования его новой концепции исключительно в пользу КПИ.

Позиция КПИ в противоборстве Сукарно и армии

Отмеченная выше противоречивость положения КПИ неизбежно сказывалась и на ее отношении к армии в течение 1957—1958 гг. При всех частных отклонениях основное содержание политики руководства КПИ в этом вопросе сводилось к следующему. Видя все возрастающую роль армии в общественно-политической жизни страны, руководители КПИ, с одной стороны, стремились прийти к взаимопониманию с этой могущественной силой, найти рамки и формы сотрудничества с ней и, по возможности, увеличить свое влияние на нее. С другой стороны, руководство партии не могла не насто-

---

[62] О том, что руководители КПИ вкладывали в концепцию свое понимание, свидетельствует и следующее высказывание Айдита на VII пленуме в ноябре 1958 г.: «Направляемая демократия, достигнутая в результате борьбы народа, призвана обеспечить для народа более широкие демократические права и должна быть в состоянии ограничить политические права врагов народа» (см.: Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 599).

[63] Там же, стр. 497.

раживать характерная для армейского руководства позиция «сдерживания» и крайне правых, и крайне левых сил. Руководство КПИ вообще выступало против тезиса о самостоятельной политической роли армии. В этом отношении его позиция вполне соответствовала желаниям президента Сукарно, но она не могла не вызвать в то же время резкого противодействия и даже антагонизма армии.

В целом 1957 и начало 1958 г. характеризовались попытками руководства КПИ найти пути сотрудничества с армией. Введение чрезвычайного военного положения рассматривалось в заявлениях лидеров партии как необходимая мера ввиду создавшегося в стране кризисного положения и усиления мятежных движений. Весьма показательно также, что на вопрос корреспондента газеты «Бинтанг Тимур» (13 апреля 1957 г.) Айдиту, не опасается ли он, что борьба армии против коррупции может быть использована в политических целях определенными группами, последний выразил уверенность, что, если эта борьба будет вестись невзирая на интересы лиц и групп, ее последствия будут выгодны народу. Айдит выразил пожелание, чтобы в борьбе против коррупции армия действовала беспристрастно.

Учитывая, что в коррупции были замешаны к этому моменту главным образом и прежде всего представители основных буржуазных партий (а среди них в особенности НПИ), заявления подобного рода могли служить признаком готовности пойти на серьезные изменения в тактической линии руководства КПИ. На эту же мысль наводят и другие высказывания лидеров КПИ. Так, в одной из статей руководителя СОБСИ Ньоно подчеркивается, что его организация «оказывает также полную поддержку заявлениям военных властей районов, констатирующих, что закон о военном положении призван защитить народ и облегчить национальное развитие». Вместе с тем СОБСИ искренне надеется, что правительство и военные власти сделают все возможное, чтобы помочь разрешению проблем, стоящих перед трудящимися и народом, и предотвратить попытки отложить выборы в районах»[64]. Ньоно ратовал в этой статье за оказание поддержки военным властям в их действиях и за разрешение путем мирных переговоров всех спорных вопросов, возникающих в связи с запрещением забастовок, собраний и демонстраций.

Нужно сказать, что дело отнюдь не ограничивалось одними заявлениями и разговорами. КПИ и ее массовые организации практически сотрудничали с армией. Нельзя не учитывать, что КПИ в рядах армии, в том числе и в сухопутных силах, пользовалась известным влиянием, имея своих сторонников не только среди солдат, но и в офицерском корпусе.

---

[64] См.: «Всемирное профсоюзное движение», 1957, № 7.

На VI пленуме в апреле 1958 г. Айдит отмечал, что «единство двух сил — народа и армии, проявившееся в органах сотрудничества молодежи и военных, рабочих и военных, крестьян и военных, женщин и военных, а впоследствии в национальном фронте освобождения Западного Ириана, возглавляемом начальником штаба сухопутных сил генерал-майором А. Х. Насутионом, становилось все более прочным и приобретало все более важное значение» [65]. Еще ранее Айдит охарактеризовал созданный и возглавлявшийся Насутионом национальный фронт освобождения Западного Ириана как «определенный шаг на пути создания четкой организационной структуры национального фронта в нынешних условиях в Индонезии» [66].

Вместе с тем в позиции КПИ по отношению к армии заключались и элементы критики, хотя подчас весьма глухой и завуалированной. Так, в упомянутом уже докладе Айдита на VI пленуме ЦК КПИ подчеркивалось: «Горячие головы безрассудной буржуазии идут на все, как будто в случае роспуска всех партий все пойдет гладко, поскольку народ, лишенный партий, не сможет мешать деятельности правительства. Они утверждают, что их политика основывается на „опыте ситуации в Египте“. Перенимая „опыт Египта“, они заимствуют только то, что их устраивает, т. е. роспуск партий, независимо от того, нравится это или не нравится народу; его хотят подчинить власти, которую нельзя будет призвать к ответу демократическим путем» [67].

Несмотря на упоминание «безрассудной буржуазии», эта критика, очевидно, направлена против армии, о чем говорит ссылка на «опыт Египта», т. е. опыт военной диктатуры. В этой связи небезынтересно высказывание Айдита и по поводу установления армейского контроля над голландскими предприятиями. По его мнению, этот вопрос имеет две стороны. С одной стороны, с помощью такого контроля «промежуточные силы» стремятся ограничить инициативу и действия рабочих, с другой, — контроль легализует акцию рабочих по захвату предприятий. Поэтому, заключает Айдит, «такие правительственные меры следует приветствовать. Эти меры патриотические, хотя за ними и кроется намерение ограничить прогрессивные действия рабочих. Поэтому мы также приветствуем изданную 13 декабря 1957 г. начальником штаба сухопутных сил Индонезии генерал-майором А. Х. Насутионом инструкцию о том, чтобы все военные власти в Индонезии от имени правительства осуществили установление полного и непосредственного контроля над всеми предприятиями, принадлежащими голландскому капиталу» [68].

---

[65] Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 487.
[66] Там же, стр. 432—433.
[67] Там же, стр. 497.
[68] Там же, стр. 510.

Если до середины 1958 г. главный акцент все же делался на сотрудничестве с армией, то со второй половины года критические высказывания заметно усилились. Это было вызвано рядом обстоятельств. В частности, один из моментов, вызывавших недовольство КПИ, заключался в позиции правительства и армии по вопросу об очередных всеобщих выборах, намечавшихся в 1959 г. С середины 1958 г. в столице начали муссироваться слухи о переносе сроков выборов. Тогда 17 августа последовало заявление руководства КПИ, в котором оно выступало в защиту парламентской демократии и против отсрочки выборов [69]. Тем не менее 22 сентября 1958 г. премьер Джуанда официально сообщил об отсрочке выборов на год. Это сообщение было с большим разочарованием встречено коммунистической прессой.

Следующим актом, вызвавшим сильное противодействие КПИ, было принятие парламентом закона об иностранных капиталовложениях. 25 сентября Айдит выступил с речью, в которой резко критиковал новый закон, как проявление тенденции к упрочению иностранного капитала. У президента Сукарно и премьер-министра Джуанды «добрые намерения по отношению к индонезийскому народу,— заявил Айдит,— но иностранное экономическое господство сильнее добрых намерений этих достойных сынов индонезийского народа» [70]. Имея в виду нефтяные компании США в Индонезии, он указал также, что «индонезийское правительство не приняло никаких политических мер в отношении тех, кто стоит на стороне мятежников — контрреволюционеров» [71].

Хотя последнее замечание Айдита было адресовано правительству, всем, однако, было ясно, что оно в еще большей степени относилось к армии. Ведь именно армия пресекла попытки руководства КПИ развернуть против этих нефтяных компаний широкую кампанию, опасаясь, очевидно, чтобы эта кампания не переросла в захват предприятий.

В ноябре 1958 г. состоялся VII расширенный пленум ЦК КПИ. В определенной мере это был переломный пленум, на котором был окончательно сформулирован курс на полную поддержку Сукарно. В докладе Айдита отмечалось, что «внутриполитическая обстановка в стране в последнее время имеет постоянную тенденцию к улучшению», и выдвигалась теория о противоречиях в индонезийском обществе [72]. Согласно этой теории, противоречия между КПИ и другими антиимпериалистическими (в том числе и буржуазными) партиями, между трудящимися и военными властями или трудящимися и правительством — «отнюдь не главные противоречия,

---

[69] См. «Review of Indonesia», September, 1958, стр. 4.
[70] Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 567.
[71] Там же, стр. 566.
[72] Там же, стр. 593, 590.

это противоречия внутри самого народа». Поэтому необходимо разрешить их мирными средствами, без применения силы. Эта теория была своеобразным приложением к индонезийской действительности известных маоцзэдуновских положений.

В отношении парламентской демократии Айдит заявил следующее: «С самого начала мы считали, что система либеральной демократии никоим образом не в состоянии разрешить коренные проблемы, стоящие перед индонезийским народом как в политической и экономической, так и в культурной областях. Либеральная демократия в мировом и историческом масштабе уже обанкротилась»[73]. «В настоящее время, — продолжал Айдит, — обстановка сложилась таким образом, что либеральная демократия дискредитировала себя, а для народной демократии еще не сложились благоприятные условия; в то же время фашисты готовы в любую минуту выступить со своей концепцией диктатуры, а народ решительно защищает свои политические права.

В подобной неопределенной ситуации особо важное значение приобретает идея президента Сукарно о направляемой демократии, существо которой обращено против либерализма, военной или личной диктатуры»[74].

Хотя Айдит заявил, что «существо» концепции обращено также и против «личной диктатуры», но он тут же предложил осуществить меры, неизбежно ведущие к усилению личной власти Сукарно, а именно: «руководство осуществлением идеи направляемой демократии должно быть сосредоточено в руках президента Сукарно... президенту Сукарно должны быть предоставлены чрезвычайные полномочия, чтобы он демократическим путем и в соответствии с конституцией заполнил часть мест в парламенте, назначив депутатами патриотов, заслуживающих доверие народа»[75].

Более четко было определено и отношение к армии как подчиненной, а не самостоятельной и правящей силе. В докладе содержалась довольно внушительная и на этот раз прямая критика армии. Руководители КПИ полагали, что поддержка президента может компенсировать или нейтрализовать ухудшение отношений с армией. Айдит указал на «чрезвычайно серьезные отрицательные моменты военной власти», которые выявились за последний период (ограничение политических свобод, запрещение забастовок, сдерживание прогрессивного движения и т. п.). Он выступил против

---

[73] Там же, стр. 597.

[74] Там же, стр. 599.

[75] Там же, стр. 601. Нужно сказать, что после такого недвусмысленного отказа от парламентской демократии ее словесная защита на страницах партийной печати (см., например, «Хариан ракьят», 31.XII.1958, 3.I.1959) ничего уже в сущности не меняет.

«вмешательства некоторых военных в вопросы экономики, финансов и правительственной политики». «Когда это необходимо, — заключил Айдит, — народ готов с радостью передать власть в определенных пределах вооруженным силам, но при условии, что этой властью не будут злоупотреблять» [76].

Таким образом, руководители КПИ окончательно и недвусмысленно заняли позицию союза с президентом Сукарно. С этих пор отношения между армией и КПИ будут развиваться в основном лишь в сторону ухудшения и обострения, подготавливая тем самым неизбежное столкновение этих двух сил.

Дальнейшие шаги в утверждении «направляемой демократии»

В декабре 1958 г. парламент одобрил предложение о продлении чрезвычайного военного положения еще на год, в значительной мере подписав себе смертный приговор. Это решение вновь открывало путь для реализации своих планов как президенту Сукарно, так и генералу Насутиону. Выше уже отмечалось, что, несмотря на серьезные противоречия, в одном — в ликвидации парламентской демократии — эти силы действовали согласованно.

В январе 1959 г. Сукарно, как бы зондируя почву, вновь выдвинул идею включения в парламент представителей функциональных групп. В феврале Насутион и Сукарно договорились в принципе о необходимости «возвращения к конституции 1945 г.». 19 февраля правительство Джуанды своим решением одобрило эту идею. Правда, и Насутион и Джуанда попытались при этом взять инициативу в свои руки и направить развитие событий в нужном им направлении. Так, Джуанда разъяснял, что утверждаемая система правления будет не «направляемая демократия» (ибо она предусматривала включение КПИ в правительство), а «демократия с руководством» (имея в виду, что в руководстве будет участвовать и армия). Сам Насутион полагал также, что после возвращения к конституции 1945 г. такие лидеры, как Сукарно, Хатта, Джуанда и он сам, должны собраться для обсуждения и выработки решения всех основных проблем, стоящих перед страной. Он надеялся, чт удастся возродить дуумвират, в котором Сукарно отводилась роль главы государства и премьера, а Хатте — вице-президентство и повседневное курирование исполнительной власти [77].

Не только у буржуазных партий, но и у КПИ предложение о возвращении к конституции 1945 г. первоначально вызвало настороженность. Руководство партии опасалось, что

[76] Там же, стр. 609.
[77] L. Fischer, The Story of Indonesia, стр. 292—293.

если инициатива в осуществлении этой акции окажется в руках армии, то это приведет к чрезмерному усилению влияния последней в рамках новой системы. И хотя КПИ «в принципе» поддержала идею Сукарно о функциональных представителях в парламенте[78], но в конце января 1959 г. заместитель председателя ЦК КПИ Лукман выразил несогласие КПИ с назначением в парламент невыборных представителей армии[79]. Лукман подчеркнул также, что в случае роспуска партий и ликвидации парламентской демократии КПИ выступит против «направляемой демократии». Так или иначе, но под давлением обстоятельств руководители КПИ вскоре вынуждены были поддержать предложение президента, премьера и армии. «Некоторые говорят,— отмечал Айдит в одном из своих выступлений,— что КПИ поддержала политику возвращения к конституции 1945 г., так как у нее нет альтернативы». «Да,— продолжал он,— конечно, но не только у КПИ. Альтернативы нет у всех индонезийских патриотов». Он вновь подчеркнул угрозу установления военной диктатуры и предупредил, что КПИ будет бороться с ней[80].

2 апреля 1959 г., за день до своего зарубежного турне, Сукарно выступил с новыми предложениями в учредительном собрании. Но наряду с возвратом к конституции 1945 г. в его речи содержались и некоторые новые моменты. Он предлагал, в частности, создать национальный фронт, который, по его мнению, должен будет помочь президенту осуществить те мероприятия, которые не могут быть поручены политическим партиям[81]. Но политические партии не будут распущены, заверил президент. Его планы на данный момент предусматривали лишь упрощение партийной системы (т. е. сокращение числа партий до десяти и подчинение их идеологии и контролю президента). Таким образом, президент собирался, создав видимость сохранения партийной системы, на деле подменить ее общенациональной массовой организацией в форме национального фронта. И если президент не желал ликвидации партий, то лишь потому, что еще нуждался в них как в противовесе армейскому руководству.

Вынесение решения вопроса о возвращении к конституции 1945 г. на рассмотрение учредительного собрания должно было подчеркнуть перед индонезийской общественностью намерение правительства действовать в рамках конституционности. Однако для успеха подобного мероприятия предстояло существенно изменить соотношение сил внутри учредительного собрания, которое вот уже более двух лет занималось разработкой новой конституции. Особенность расстановки поли-

[78] См.: «Harian Rakjat», 12.I.1959.
[79] См.: «Harian Rakjat», 1.II.1959.
[80] «Review of Indonesia», June — July, 1959.
[81] Цит. по: A. Brackman, Indonesian Communism, стр. 258.

тических сил в этом собрании (в отличие, скажем, от парламента) состояла в том, что основной водораздел здесь пролегал между теми партиями, которые отстаивали светский характер индонезийского государства, и теми, которые поддерживали идею теократического государства. Поэтому, к примеру, Нахдатул Улама, которая в повседневной политической борьбе вокруг вопросов о формировании правительства или принятия какого-либо решения в парламенте обычно ближе стояла к НПИ и зачастую объединялась с ней против Машуми, в учредительном собрании почти полностью солидаризировалась с последней. В свою очередь, ПСИ, сплошь и рядом выступавшая в тесном контакте с машумистами, в учредительном собрании примкнула к сторонникам светского государства.

Поборники светского государства, идеологической основой которого должны были бы стать пять принципов «Панча сила» (НПИ, КПИ, Паркиндо и Католическая партия, Мурба, ПСИ, Рабочая партия и др.), справедливо указывали, что исламистское теократическое государство, на котором настаивали Машуми, Нахдатул Улама, ПСИИ и другие мусульманские партии, неизбежно приведет к расколу страны. Однако они располагали в учредительном собрании немногим более 280 голосов (примерно из 500), в то время как для принятия принципиального решения требовалось большинство в две трети. Таким образом, 90 голосов Нахдатул Улама приобретали решающее значение.

В начале 1959 г. в ходе широкой кампании за возвращение к конституции 1945 г. правительство и армейское руководство оказали сильное давление на руководство Нахдатул Улама, и оно согласилось поддержать их предложение. Однако во время майских дебатов в учредительном собрании машумистам удалось отвлечь внимание от обсуждения существа самой конституции и увести дискуссию в русло идеологических споров о роли и месте ислама в государстве. В этой обстановке представители Нахдатул Улама вновь объединились с машумистами. С 30 мая по 2 июня учредительное собрание трижды голосовало за предложение президента, но оно ни разу не собрало необходимых двух третей голосов [82].

Насутион реагировал незамедлительно и запретил всякую политическую деятельность партий. Руководство армейской ИПКИ, КПИ и некоторых мелких партий выступило с инициативой, чтобы Сукарно, не считаясь с решением учредительного собрания и основываясь на его простом большинстве, декретировал возвращение к конституции 1945 г. 5 июля

[82] D. S. Lev, The Transition to Guided Democracy: Indonesian Politics, 1957—1959, Ithaca — New York, стр. 257—268.

1959 г., вскоре же после приезда из-за границы, президент издал такой декрет, а также распустил учредительное собрание. 6 июля он сформировал новый, лично возглавляемый им самим, президентский кабинет. Теперь уже президенту Сукарно не было нужды в «нейтральной» фигуре — премьере Джуанде.

В новом правительстве Джуанда стал первым министром, Насутион — министром обороны и безопасности. Впервые этот пост занимало не гражданское, а военное лицо. Военные вообще составляли более четверти правительства. И все же сформирование этого правительства было безусловной победой Сукарно. Во-первых, его сторонники преобладали на ключевых постах в правительстве, и они были в абсолютном большинстве. В когорту просукарновской элиты входили Леймена, Субандрио, Х. Салех, М. Ямин, Руслан Абдулгани, Судибьо, Малади, Прийоно, А. Эрнингпраджа, Саджарво и другие члены правительства. Во-вторых, и среди военных Сукарно имел немало сторонников (например, полковник Ахмади, маршал авиации Сурьядарма, коммодор Эдди Мартадината, начальник государственной полиции Сукарно Джойонегоро и др.).

Характерно, однако, что, несмотря на поддержку КПИ, президент так и не создал обещанного «правительства готонгройонг» и не включил компартию теперь уже безусловно в свое правительство. Это свидетельствует о том, что президент чувствовал сейчас себя более твердо и надеялся на то, что КПИ вряд ли отвернется от него, даже если он не включит ее представителей в правительство.

В конце июля Национальный совет был преобразован в Высший консультативный совет (ВКС), был также создан Национальный плановый совет (НПС). Сукарно уполномочил парламент продолжать свою работу в связи с тем, что выборы откладывались на сей раз до 1962 г. В новых органах КПИ была представлена довольно широко: в ВКС были назначены Айдит, Ньото, Сутомо и др., в НПС — Сакирман, Викана и др.

В августе была издана инструкция, согласно которой все высшие государственные служащие должны были отказаться от своей партийной принадлежности. Это был еще один шаг, умаляющий значение партий в системе государственной власти. Наконец, 17 августа Сукарно произнес свою традиционную (в годовщину независимости) речь, получившую название «Манипол» (Политический манифест). Эта речь была утверждена 25 сентября на заседании ВКС в качестве офици-
шаг, умаляющий значение партий в системе государственной
собой смесь мелкобуржуазных, социалистических и националистических воззрений. В ней провозглашены пять устоев индонезийского общества (УСДЕК): возвращение к консти-

туции 1945 г.; индонезийский социализм; «направляемая демократия»; направляемая экономика и индонезийская самобытность.

VI съезд КПИ и армия

В быстро меняющейся и сложной обстановке 1959 г. руководство КПИ готовилось к очередному VI съезду партии, открытие которого планировалось на 22 августа. 5—7 августа состоялся VIII пленум ЦК КПИ. В связи с общей озабоченностью партии ростом влияния армии пленум обсудил, в частности, и вопрос оценки роли армии. На пленуме вновь указывалось на негативные стороны вмешательства армии в общественно-политическую и экономическую жизнь страны, выдвигалось требование очищения армии от «антинародных и недемократических элементов». В целом, однако, армия характеризовалась как революционная по своему составу и молодая. Делался упор на необходимость организации народной обороны, т. е. привлечения более широких народных масс, под руководством армии, к защите национальной безопасности и борьбе с бандитскими кликами. Был брошен призыв к партии «Поднимать, мобилизовывать и организовывать крестьянство!».

Однако армия не была намерена ни уступать, ни терпеть критику КПИ. 13 августа было объявлено о запрещении съезда. Партия приняла вызов. Два дня спустя Айдит заявил о решимости руководства не отменять съезд. Пришлось вмешаться президенту Сукарно и восстановить нарушившееся было равновесие сил. Был достигнут компромисс, в результате которого съезд был не запрещен, а отложен и состоялся 7—14 сентября 1959 г. С короткой приветственной речью на нем выступил и сам Сукарно. Представители армии протоколировали весь ход съезда.

В целом съезд закрепил курс партии на союз с Сукарно, имеющий целью изоляцию правой оппозиции и сдерживание антикоммунистических настроений армии. Айдит охарактеризовал развитие событий в Индонезии за последние годы как «сдвиг влево» [83]. Вместе с тем подчеркивалось, что развитие «прогрессивных сил» (т. е. КПИ и ее массовых организаций) сталкивается с серьезными трудностями. «Левое крыло промежуточных сил (читай: левые буржуазные партии — НПИ и др.) наряду с нанесением ударов по реакционерам пытается также использовать в своих интересах и прогрессивные силы, всячески ограничивая при этом их деятельность, — отмечал Айдит. — Правое же крыло промежуточных сил (т. е. прежде всего Насутион и Джуанда) стре-

[83] Д. Н. Айдит, Избранные произведения, стр. 656.

мится затруднить, сдержать развитие прогрессивных сил, прибегая при этом к тактике „бей правых и левых", но из-за зависти и смертельного страха перед развитием прогрессивных сил оно наносит больше ударов по левым, чем по правым» [84].

Важно, на наш взгляд, отметить следующее. Видя, что Сукарно, активно укрепляя свой режим, в то же время не спешит с привлечением КПИ к власти, руководство КПИ вновь выдвинуло в пропагандистских целях положение о необходимости защиты парламентской демократии. В этом отношении весьма примечательно такое высказывание Айдита: «С возвращением на основании декрета президента Сукарно от 5 июля 1959 г. к конституции 1945 г. Индонезия вновь становится страной, в которой действует законность... При этом законодательная власть находится в руках президента и парламента. Вот почему всякий произвол в отношении политических свобод, парламентских выборов, всякое стремление распустить политические партии или свести на нет их роль, всякая попытка покончить с парламентом или же лишить его каких-либо прав до или после созыва Народного консультативного конгресса угрожает самим основам жизненно необходимой для индонезийского народа демократии и является предательством по отношению к конституции 1945 г.» [85].

Эти слова были произнесены менее чем за полгода до того, как президент нанесет окончательный удар по парламенту. Пока же Айдит выдвигал перед индонезийским народом в своем докладе «наиболее важную задачу — отстаивать и расширять демократию» [86]. Красной нитью через отчетный доклад проходит также требование «стопроцентного осуществления» концепции президента, т. е. включения КПИ в правительство Сукарно. Руководство КПИ видело в этом единственное средство, с помощью которого старалось вывести партию из-под удара армии.

Конец парламентской демократии

В конце 1959 г. президентским декретом был отменен закон 1957 г. о местной автономии и децентрализации управления. Отныне главы районов стали назначаться президентом.

Вместе с тем сам факт опубликования президентского декрета вскоре же после VI съезда КПИ проливает дополнительный свет на истинный характер ее взаимоотношений и союза с Сукарно. Только что партия приняла решение «уважать статус и права парламента, а также советов народных

---

[84] Там же, стр. 669.
[85] Там же, стр. 678.
[86] Там же, стр. 675.

представителей в районах, отстаивать систему выборов народом глав районов, расширить полномочия правительств автономных районов первой и второй ступени и провести сформирование правительств автономных районов третьей ступени»[87]. Декрет Сукарно нагляднее всего свидетельствует о том, что президент не был заинтересован в усилении самостоятельности и влияния КПИ и что эта партия интересовала его в плане сложной политической игры, которую он вел в стране и вне ее.

Очевидное усиление авторитарных черт режима озаботило все крупнейшие партии страны. Новый декрет на время сплотил бывших противников. КПИ, НПИ, Нахдатул Улама и Машуми потребовали в ноябре, чтобы президент представил этот и другие декреты на утверждение парламенту. Сукарно отказался. В своем ответном письме от 1 декабря 1959 г. он заметил, что коль скоро он оказался правомочен декретировать возвращение к конституции 1945 г., то, стало быть, он правомочен издавать и отдельные декреты, конкретизирующие претворение этой конституции в жизнь.

Нелогичность дальнейшего существования выборного парламента в условиях быстро формирующегося режима «направляемой демократии» стала теперь очевидной. И когда в конце февраля 1960 г. те же четыре основные партии страны (КПИ, НПИ, Нахдатул Улама и Машуми) устроили в парламенте обструкцию правительству Сукарно, отказавшись проголосовать за непомерно раздутый государственный бюджет, Сукарно декретом 5 марта распустил парламент, указав, что последний не соответствовал духу «направляемой демократии и Манипола». Под крики депутатов «Да здравствует демократия!», «Да здравствует Республика Индонезия!» единственный за всю историю страны выборный парламент закончил свое существование. Это был уже и формальный акт окончательной ликвидации парламентской демократии.

Несколько позднее был создан новый, назначаемый «парламент готонг-ройонг». К концу 1960 г. началась также практическая подготовка к реализации серии декретов, подготовленных и опубликованных еще в конце 1959 — начале 1960 г. Эти декреты предусматривали создание верховного народного консультативного конгресса, предоставление президенту права «запрещать или распускать политические партии» и контролировать их деятельность, предоставление президенту полномочий на создание Национального фронта и «частичное» субсидирование последнего из государственного бюджета. Таким образом, становление системы «направляемой демократии» вступило в свою заключительную фазу.

---

[87] См. там же, стр. 684.

Глава V

УТВЕРЖДЕНИЕ И КРИЗИС «НАПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ» (1960—1965)

Утверждение системы «направляемой демократии» (1960—1962)

Роспуск парламента президентским декретом от 5 марта 1960 г. представлял важный этап в становлении и утверждении системы «направляемой демократии». С этого времени президент более не зависел от решений выборного органа, каким был до этого парламент Индонезии. Сукарно фактически стал единственным носителем законодательной и исполнительной власти. Будучи в соответствии с конституцией 1945 г. президентом, премьер-министром и верховным главнокомандующим вооруженными силами, он являлся также председателем высшего совещательного совета и председателем учрежденного в 1960 г. Национального фронта, объединявшего массовые организации. Парламент и Временный народный консультативный конгресс (ВНКК) превратились в совещательные и назначаемые президентом органы, министры стали «помощниками президента», всеобщие выборы были отложены на неопределенный срок. Сукарно получил право роспуска политических партий. В результате его влияние на политическую жизнь страны резко возросло.

Это кардинальное изменение политической структуры, которое, однако, нашло свое окончательное завершение лишь тремя годами позже, когда Сукарно стал пожизненным президентом, не встретило в Индонезии сколько-нибудь серьезного противодействия. Основные политические группировки — армейское офицерство, Коммунистическая партия Индонезии, буржуазные партии (кроме Машуми и ПСИ) — не видели в действиях Сукарно непосредственной опасности для своего существования и, более того, связывали — каждая по-своему — со становлением режима «направляемой демократии» определенные надежды. Армейское офицерство не без оснований считало, что установление личной власти Сукарно не подорвет позиций армии как автономной политической силы.

Более того, можно было полагать, что в условиях складывающегося режима эта роль армии значительно возрастет по сравнению с периодом парламентских кабинетов, пытавшихся превратить армию в «орудие правительства».

Военные лидеры прекрасно сознавали, что президент будет вынужден искать расположения такой мощной самостоятельной политической группировки, как индонезийская армия, получившей к тому же весьма важные, а в некоторых аспектах и ключевые позиции в административном аппарате и в государственном секторе экономики в центре и на местах. Не последнее место в этих расчетах занимал тот факт, что страна вступала в решающий этап борьбы за Западный Ириан. Без содействия руководства армии любой шаг Сукарно в сторону установления режима личной власти был бы обречен на провал.

Что касается руководства Компартии Индонезии, то оно, бесспорно, видело опасности, вытекающие из ликвидации системы парламентской демократии. Председатель ЦК КПИ Д. Н. Айдит характеризовал роспуск парламента как «событие весьма печальное для каждого патриота, питающего уважение к демократическим правам»[1]. Однако отказ поддержать Сукарно, имевшего репутацию активного борца за независимость Индонезии и утверждавшего свою власть в ходе борьбы с империалистами и их агентурой внутри страны, не был бы понят массами. В то же время содействие президенту в его движении к власти, как тогда казалось, открывало перед партией определенные перспективы в плане реализации ее программных установок и участия в органах власти в центре и на местах. Уже в апреле 1960 г. КПИ заявила о своей готовности признать «реорганизацию парламента».

Таким образом, нет оснований утверждать, что приход к единоличной власти был результатом действий какой-либо одной политической группировки. Система «направляемой демократии» сложилась в результате молчаливого компромисса основных политических сил страны, по разным причинам заинтересованных в ней.

Что же касается таких правых партий, как Машуми и Социалистическая партия Индонезии, то они оказали отчаянное сопротивление государственному перевороту Сукарно, успех которого не оставлял этим партиям, дискредитированным участием в антиправительственных мятежах, места в политической жизни страны.

Ликвидация парламентской системы, как таковая, означала лишь изменение в государственном устройстве страны. Воздействие, которое изменение подобного рода оказывает на дальнейший процесс развития революции, может быть со-

[1] «Harian Rakjat», 10.III.1960.

вершенно различным в зависимости от того, какой классовый сдвиг вызывает его к жизни и какое влияние это изменение оказывает на возможности революционной борьбы масс.

Поэтому важно иметь в виду, что становление направляемой демократии в Индонезии происходило на фоне экономической и политической консолидации бюрократической буржуазии. Национализируемые предприятия и в еще большей степени доходы от них постепенно становились собственностью обуржуазивавшихся бюрократов. Растаскиваемый по частям государственный сектор превратился в основной канал частнокапиталистического накопления, осуществляемого правящей военной и гражданской бюрократией.

8 июля 1960 г. политбюро ЦК КПИ выступило с заявлением[2], в котором оценивались итоги деятельности кабинета Сукарно — Джуанда за год его пребывания у власти (с 9 июля 1959 г.). В заявлении подвергались резкой критике негативные аспекты деятельности кабинета. Политбюро констатировало, что кабинету не удалось улучшить экономическое положение страны и повысить жизненный уровень трудящихся. Указывалось, что руководство национализированными предприятиями, принадлежавшими ранее голландцам, в условиях военного положения в стране все в большей степени переходит в руки бюрократов-капиталистов. Большое место в заявлении отводилось оценке мер правительства по подавлению сепаратистских мятежей. Эти меры оценивались как недостаточные и неэффективные. Политбюро ЦК КПИ подчеркивало, что внешняя политика правительства все еще не соответствует интересам антиимпериалистической борьбы индонезийского народа, особенно в виду недостаточного развития и активизации дружеских отношений с социалистическими странами. ЦК КПИ потребовал активизировать борьбу за освобождение Западного Ириана.

Таким образом, Компартия Индонезии, поддерживая установление системы «направляемой демократии» давала понять, что эта поддержка не является безоговорочной и что критерием в оценке действия правительства для партии по-прежнему остается степень соответствия его политики интересам трудящихся масс. Хотя заявление критически оценивало политику кабинета в целом, отрицательные аспекты деятельности правительства рассматривались как отклонение от политического курса, выдвинутого в «Политическом манифесте» президента — главы правительства. Иными словами, партия открыто заявила о своем намерении вести борьбу за последовательное претворение в жизнь национально-демократической программы «Политического манифеста» и одновременно

---

[2] «Review of Indonesia», July, 1960, стр. 9—12; «Harian Rakjat», 8.VII.1960.

предлагала Сукарно свою поддержку против группировок, стремящихся на деле лишить этот документ всякого революционного значения.

Наиболее болезненную и резкую реакцию опубликование заявления политбюро ЦК КПИ вызвало со стороны командования сухопутной армии. Оно не без основания отнесло на свой счет критику, содержавшуюся в этом заявлении. Именно армейские офицеры, как правило, становились директорами и управляющими национализированными предприятиями и плантациями, и не трудно было догадаться, кого в первую очередь имело в виду политбюро ЦК КПИ, когда оно разоблачало «капиталистов-бюрократов», злоупотребляющих военным положением. Упрек в недостаточной эффективности борьбы с мятежниками также относился прежде всего к армии. В рассматриваемый период ее командование на практике все больше затушевывало антинациональный характер мятежей и обращалось с мятежниками, как с «блудными сынами», которых республика готова принять в свое лоно.

Заявление политбюро ЦК КПИ вызвало раздражение и в кругах Машуми и ПСИ — политических партий, выступавших за капиталистическое развитие Индонезии и ориентировавшихся на империалистический Запад. Создавшие к этому времени так называемую Демократическую лигу [3], эти партии обрушились на заявление с резкими нападками, утверждая, что КПИ взяла на вооружение «новую агрессивную тактику» и предприняла попытку «создать конфликт между вооруженными силами и президентом» [4]. Правые тем самым открыто предлагали армии союз против КПИ.

Во второй половине июля ряд членов политбюро ЦК КПИ были подвергнуты военными властями Джакарты аресту и допросам. Центральный орган компартии газета «Хариан ракьят» была временно закрыта (с 16 июля по 2 августа). 29 июля был наложен запрет на распространение заявления под угрозой годичного тюремного заключения. За этим последовала серия антикоммунистических провокаций.

Сложившаяся ситуация таила в себе угрозу кризиса новой политической системы. Многое теперь зависело от действий президента. В это время Сукарно предпринял ряд важных политических шагов. На конгрессе Национальной партии Индонезии во второй половине июля президент подчеркнул необходимость единства националистических, мусульманских и коммунистических сил, резко осудил «коммунистофобию» и

---

[3] Демократическая лига была создана 24 марта 1960 г. по инициативе 15 членов распущенного парламента от партий Машуми, ПСИ, Католической, Христианской и ИПКИ и некоторых других групп. Эта организация выступала против усиления влияния коммунистов и заявляла, что установление «направляемой демократии» будто бы ему благоприятствует.

[4] «Review of Indonesia», July, 1960, стр. 9—10.

провокации против КПИ. 17 августа он распустил Машуми и ПСИ. При этом Сукарно указал, что лидеры этих партий виновны в организации антиправительственных мятежей, причем ни Машуми, ни ПСИ не выступили с принципиальным осуждением такой деятельности своего руководства[5]. После того как командующие военными округами Южной Суматры, Южного Сулавеси и Южного Калимантана запретили деятельность КПИ в своих округах, президент объявил о временном прекращении «всякой политической деятельности» по всей стране. Таким путем компартия была как бы «уравнена в правах» с другими политическими организациями. В то же время Сукарно заявил, что в дальнейшем не потерпит критики действий своего правительства, так как такая критика противоречит принципам «направляемой демократии». И только в апреле 1961 г. Сукарно формально закрыл судебное дело, возбужденное военными властями против КПИ, подчеркнув, однако, что оно будет возобновлено, если партия снова допустит подобное «нарушение».

Все эти меры, разумеется, не могли устранить причин назревавшего кризиса, так как ни одно из положений, выдвинутых в заявлении политбюро ЦК КПИ и отражавших коренные интересы развития национально-демократической революции даже не рассматривалось по существу. Своеобразие положения состояло прежде всего в том, что в критический момент партии удалось избежать поражения не в результате опоры на активную поддержку масс, а исключительно вследствие вмешательства президента. На фоне этих событий Сукарно становился политическим деятелем первостепенной важности: он оказался единственной фигурой, способной поддерживать неустойчивое равновесие в стране.

Весной и летом 1960 г. проходило и окончательное политическое и административное оформление новой системы. После того как 5 марта был распущен выборный парламент, президент объявил о создании «парламента сотрудничества», утвердил его структуру и распределение мест между политическими партиями и группами. В новом парламенте было первоначально 261 место, из которых 130 мест представлялось 9 политическим партиям, а 131 место — 21 «функциональной группе». К числу последних относились сухопутная армия, ВМС, ВВС, полиция, рабочие, крестьяне, мусульманские священнослужители, молодежь, женщины, интеллигенция и т. д. В новом парламенте Национальная партия Индонезии получила 44 места, а компартия — 30.

---

[5] «Abadi», 18.VIII.1960. Видные руководители запрещенных партий С. Шарир, Сукиман Вирьосанджойо, М. Рум, Правото Мангкусасмито и некоторые другие были впоследствии подвергнуты аресту. См.: «Daily Telegraph», 12.I.1962; «The Times», 20.VIII.1962.

Вскоре после декрета о прекращении деятельности парламента Сукарно объявил о создании так называемой высшей военной администрации под своим руководством. В условиях военного положения эта администрация фактически наделялась неограниченными полномочиями. Министр обороны генерал Насутион был назначен заместителем высшего военного администратора.

15 августа президент образовал Временный народный консультативный конгресс (ВНКК) в составе 283 членов парламента, 232 представителей функциональных групп и 92 представителей провинций[6]. Председателем ВНКК был назначен Хайрул Салех, примыкавший к националистической мелкобуржуазной партии Мурба, а его заместителями — Али Састроамиджойо (НПИ), Идхам Халид (НУ), председатель ЦК КПИ Д. Н. Айдит и полковник Вилуйо Пуспоюдо (вооруженные силы).

При анализе изменений, происшедших в высших органах государственной власти Индонезии в 1960 г., следует иметь в виду, что они не сводились к перераспределению мест между политическими партиями и группировками, поскольку иными стали прерогативы и функции этих органов. Парламент и ВНКК, члены которых назначались президентом и решения которых подлежали его утверждению, должны были стать орудием политики главы государства. Этому способствовал и тот факт, что существовавшая система комплектования ВНКК и парламента, не снимая политических разногласий, тем не менее давала возможность представить ВНКК и парламент как органы национального единства, поставленные над борьбой партий.

Вскоре новые высшие органы государственной власти единогласно декларировали ряд позитивных мер, важнейшими из которых были: новый аграрный закон, утверждение восьмилетнего плана экономического развития и принятие Политического манифеста в качестве основного направления государственной политики.

В силу особенностей формирования ВНКК и парламента и характера их взаимоотношений с президентом одобрение этих решений отнюдь не означало готовности выполнить их со стороны всех политических партий и группировок в стране. Вокруг этих решений развернулась острая политическая борьба, исход которой во многом должен был определить судьбу национально-демократической революции в Индонезии и на деле зависел от степени организованности масс, их политической сознательности и активности, их сплоченности вокруг авангарда прогрессивных сил страны — Коммунистической партии Индонезии.

---

[6] A. Brackman, Indonesian Communism, стр. 275.

Что касается антиправительственных мятежей, то в рассматриваемый период они уже не представляли собой серьезной политической проблемы.

Весной и летом 1961 г. правительственным войскам сдались ведущие деятели мятежного движения на Суматре — Шафруддин Правиранегара, М. Натсыр, Симболон, Хусейн. З. Л. Лубис. В сентябре был убит мятежный полковник Д. Джамбек. В ноябре сдался в плен руководитель мятежа в Аче Дауд Бере. Только остатки отрядов движения Даруль ислам под руководством Картосувирьо продолжали отчаянное сопротивление на Западной Яве. Потеряв надежду найти опору в массах, остатки мятежных групп пытались найти спасение в физическом устранении президента Сукарно. 7 января 1962 г., когда президент направлялся на митинг в честь советского космонавта Г. С. Титова в Макассаре (Ю. Сулавеси), в машину Сукарно была брошена граната. В результате взрыва был ранен 31 человек, трое из них смертельно[7]. Президент не пострадал. В мае 1962 г. штаб Картосувирьо направил в Джакарту девять агентов, каждый из которых получил задание убить президента. 14 мая один из этих агентов сделал несколько выстрелов в президента, присутствовавшего на богослужении перед дворцовой мечетью. Было ранено пять человек, находящихся рядом с Сукарно, в том числе Идхам Халид — председатель партии Нахдатул Улама. Это было пятое по счету покушение на жизнь Сукарно.

В первой половине 1962 г. правительство активизировало военные действия по ликвидации банд Картосувирьо. Даруль ислам терпел поражение за поражением[8]. К июню 1962 г. отряды Картосувирьо насчитывали не более 1500 человек при 800 единицах оружия и были разбросаны по горным районам Западной Явы[9]. 4 июня 1962 г. Картосувирьо, несколько недель скрывавшийся с отрядом личной охраны от преследователей, сдался в плен правительственным войскам.

Антиправительственные мятежи дорого обошлись индонезийскому народу. По свидетельству генерала Насутиона, только в ходе борьбы с мятежом ПРРИ на Суматре до августа 1961 г. погибло 10 150 человек, в том числе — 5592 гражданских лица. Были ранены 9262 человека, пропали без вести 3944 человека[10]. И в ту пору массовые убийства совершались под флагом «защиты религии и демократии от коммунистической опасности».

---

[7] «Antara», 8.I.1962; «Antara», 15.V.1962.

[8] В 1960 г. мятежники на Западной Яве потеряли 1501 человека, в 1961 г.— 2510, до 28 мая 1962 г.— 1141 человека («Antara», 1.VI.1962).

[9] Там же.

[10] «Antara», 4.IV.1962. Мятежники потеряли 22 174 человека убитыми.

Успехи в борьбе с мятежниками не привели к отмене военного положения и проведению всеобщих выборов несмотря на неоднократные обещания правительства.

В мае 1962 г. первый министр Джуанда объявил о решении правительства отложить всеобщие выборы до воссоединения Западного Ириана с Индонезией [11]. Прогрессивные силы Индонезии положительно отнеслись к этому решению, поскольку, во-первых, оно явилось альтернативой антидемократическому законопроекту, а во-вторых, тогда можно было ожидать, что успешное завершение национальной кампании за освобождение Западного Ириана создаст более благоприятную для них предвыборную обстановку. Вместе с тем компартия сочла тогда необходимым подчеркнуть, что «направляемая демократия» неотделима от всеобщих выборов [12].

2 июля 1962 г. президент образовал комиссию по пересмотру законопроекта о порядке проведения всеобщих выборов. Эта комиссия должна была завершить свою работу не позже января 1963 г. Законопроект о всеобщих выборах так и не был представлен на рассмотрение парламента.

Отказ от всеобщих выборов был только одним из путей торможения политической активности масс. Что касается таких непосредственных массовых выступлений, как демонстрации, митинги, взятие под контроль иностранной собственности, конфликты с властями на местах, то они во все большей степени «приводились в соответствие с правительственной политикой». Консолидирующийся бюрократический капитал был заинтересован прежде всего в том, чтобы лишить массы реального влияния на внутриполитическое развитие страны и таким образом «заморозить» революционную волну.

Во внешней политике эта тенденция нашла отражение не сразу — слишком сильны были антиимпериалистические традиции масс и ни одна власть в Индонезии не могла быть прочной, не учитывая этот важнейший политический фактор. Во многом благодаря этому «направляемая демократия» продолжала получать поддержку прогрессивных сил как внутри страны, так и вне ее. Кроме того, в 1960—1962 гг. Политический манифест, ставший программным документом, еще мог явиться основой борьбы национально-революционных сил. Государственная идеология при всей своей расплывчатости и мелкобуржуазности могла быть использована в интересах антиимпериалистического освободительного движения. В этот период Сукарно выдвинул на первый план лозунг НАСАКОМ (Насионалис — Агама — Комунис), предусматривавший единство националистических, религиозных и коммунистических сил. Лозунг НАСАКОМ, отвечавший популярным в индоне-

[11] «Antara», 21.V.1962.
[12] «Antara», 24.V.1962.

зийском народе представлениям о национальном единстве, при определенных обстоятельствах мог быть использован в интересах создания подлинного национально-демократического фронта. Это произошло бы, если на деле он означал курс на союз не с националистическими или религиозными течениями в целом, а с прогрессивными элементами в каждом из них как снизу, так и сверху, при максимальной активизации революционного движения масс, при условии сохранения инициативы и самостоятельности наиболее последовательных революционных сил, в первую очередь Коммунистической партии Индонезии.

Однако этот период тем и характерен, что во всех аспектах «направляемой демократии» постепенно усиливались негативные тенденции, трудно различимые — даже если они были уже сильны — под традиционной прогрессивной оболочкой. Эти тенденции уже указывали на стремление правящих кругов ограничить демократические права трудящихся, лишить левые организации свободы действий, используя призыв к «национальному единству». Так, выступления народных масс носили все более «направляемый» правительством характер. Демонстрации планировались все в большей степени правительственными органами и призваны были служить свидетельством массовой поддержки проводимых властями мероприятий. Это искусственное «возбуждение» народных масс в конечном счете вело к снижению их подлинной политической активности. Аналогичные тенденции, хотя и не столь явственно, проступали и во внешней политике.

В речи Сукарно на Белградской конференции неприсоединившихся стран 1 сентября 1961 г. была впервые официально изложена концепция «новых нарождающихся сил». Суть ее состояла в том, что в век ядерного оружия идеологический конфликт между великими державами может решаться только мирными методами и вследствие этого отступает на второй план в сравнении с конфликтом между национально-освободительным движением, с одной стороны, и империализмом и колониализмом — с другой. Объединяя под общим понятием «новые нарождающиеся силы» социалистические государства и развивающиеся страны, Сукарно отводил первым подчиненную роль в общей антиимпериалистической борьбе. Прогрессивный сам по себе лозунг единства социалистического и национально-освободительного движения в такой трактовке таил в себе противоречия, которые проявились в отношениях между Индонезией и большинством социалистических стран несколькими годами позже.

Другая слабая сторона концепции «новых нарождающихся сил» состояла в том, что она фактически не затрагивала различия в политической ориентации и в путях социального развития молодых стран Азии, Африки и Латинской Амери-

ки и фактически ограничивалась лишь геополитическим подходом к проблеме единства. В этом и состояла причина той холодности, с которой эта теория была принята неприсоединившимися государствами, не видевшими в ней реальной основы для сотрудничества. Вместе с тем именно эта позиция стала идеологической основой для сближения между индонезийскими руководителями и лидерами КНР.

Эта концепция была прелюдией к тому курсу, который позже нашел наиболее откровенное выражение в словах теоретика и пропагандиста направляемой демократии Р. Абдулгани: «Мы должны помнить, что представляем собой стомиллионную нацию, т. е. в пять раз больше, чем Филиппины, в десять раз больше, чем Малайзия. Нам принадлежит руководящая роль» [13].

Борьба за Западный Ириан

На всю политическую жизнь Индонезии в 1960—1962 гг. общенациональная кампания за освобождение Западного Ириана наложила глубокий отпечаток. Помимо своей антиимпериалистической направленности эта кампания, с одной стороны, способствовала изоляции таких партий, как Машуми и ПСИ, внутри страны и сужала их свободу действий, а с другой — привела к конкретной переориентации внешнеполитического курса Индонезии. Итоги ежегодных голосований на сессиях Генеральной ассамблеи ООН по индонезийско-голландскому конфликту убедительно свидетельствовали, что социалистические государства, а также неприсоединившиеся страны Азии и Африки являются неизменными союзниками Индонезии, хотя их голосов и не было достаточно для решения этого вопроса в пользу республики. Разрыв в 1957 г. экономических отношений с Голландией, являвшейся долгое время почти монопольным партнером Индонезии, также требовал поисков новых соглашений о торговле и сотрудничестве в области экономики. Хотя эти изменения осуществлялись медленно и непоследовательно, о чем говорилось в документах VI и VII съездов Компартии Индонезии, они все же происходили, и наиболее характерными в этом смысле являются индонезийско-советские отношения.

Уже в феврале 1960 г. в Богоре было подписано второе генеральное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Индонезией, предусматривавшее значительное расширение экономической помощи со стороны Советского Союза, в том числе предоставление кредита

---

[13] B. Grant, Indonesia, стр. 149.

в сумме 250 млн. ам. долл. на оплату выполняемых советскими организациями работ и поставок оборудования [14].

Уточнение объема и сфер сотрудничества было проведено в июле 1960 г. в Москве во время визита первого министра Индонезии Джуанды. Тогда же было подписано долгосрочное торговое соглашение. В 1960—1962 гг. активизировался обмен делегациями советских и индонезийских государственных, военных и общественных деятелей. Проблема Западного Ириана неизменно фигурировала как на переговорах, так и в совместных заявлениях. Правительство СССР, как и правительства других социалистических стран, последовательно выступало в поддержку позиции Индонезии в этом конфликте.

В сентябре 1960 г. парламентом Нидерландов был принят закон «О частичном изменении управления Западным Ирианом», который предусматривал создание бесправного Совета Новой Гвинеи, находившегося под контролем голландского губернатора. В феврале 1961 г. под надзором голландских властей состоялись выборы, а в середине 1961 г. началась подготовка к созданию марионеточного государства Западное Папуа [15].

Перед лицом маневров колонизаторов и явной невозможности эффективно решить вопрос в ООН, как это явствовало из многолетнего опыта, индонезийское правительство решило прибегнуть к другим методам. 2 января 1961 г. в Москву прибыла правительственная делегация Индонезии, в состав которой входили видные военные деятели. В подписанном 6 января совместном коммюнике говорилось, в частности, что «правительство Советского Союза пошло навстречу просьбам Индонезии относительно закупок нового оружия, в котором настоятельно нуждаются вооруженные силы Индонезии» [16].

Таким образом, в кампании за воссоединение Западного Ириана Индонезия получила со стороны Советского Союза не только политическую поддержку, но и военные средства. Антиимпериалистическая сущность конфликта Индонезии с Голландией обеспечила республике поддержку многих азиатско-африканских стран. Некоторые из них запретили остановки в своих портах и на аэродромах кораблей и самолетов, перебрасывающих голландские подкрепления на Западный Ириан.

Осенью 1961 г. голландское правительство, не оставляя своих планов «деколонизации», начало делать прозрачные намеки на возможность «интернационализации» Западного Ириана с участием ООН. Представитель МИД Индонезии Ганис

---

[14] См.: И. Фаризов, Советско-индонезийское экономическое сотрудничество, М., 1964, стр. 74.

[15] См.: Г. Кессельбренер, Вон колонизаторов из Западного Ириана!, М., 1962, стр. 26—27.

[16] «Правда», 8.I.1961.

Харсоно заявил, что если правительство Голландии не намерено решать вопрос путем переговоров, то Индонезия будет вынуждена сама искать пути его решения [17]. Ту же точку зрения высказал на митинге 10 ноября 1961 г. президент Сукарно: «Я заявляю официально, что если ООН будет введена в заблуждение и примет решение, выгодное для Голландии, то — с ООН или без нее — мы возвратим Западный Ириан под власть республики» [18]. Индонезия и на этот раз не получила поддержки большинства делегатов Генеральной ассамблеи ООН.

12 декабря был создан Совет национальной обороны под председательством президента, а 14 декабря — Верховное командование по освобождению Западного Ириана, куда вошел президент и главнокомандующие сухопутными войсками, ВМС и ВВС [19].

19 декабря 1961 г. президент Сукарно заявил, что отдает приказ вооруженным силам находиться в готовности к освобождению Западного Ириана. Обращаясь к народу, президент объявил свой «тройственный приказ», позже получивший название «Трикора» и состоявший из трех пунктов: сорвать создание голландскими колонизаторами марионеточного государства Папуа; водрузить красно-белое знамя на территории Западного Ириана; быть готовыми к всеобщей мобилизации для защиты независимости и единства [20].

Это было официальным оформлением уже проводившейся политики, поскольку и раньше было ясно, что правительство Индонезии не откажется от своей позиции и может в любой момент прибегнуть к силе.

1 января 1962 г. было принято решение об образовании особой провинции Западный Ириан [21]. 15 января произошло нападение голландских эсминцев, поддержанных авиацией, на три индонезийских торпедных катера. Был потоплен катер, на котором находился заместитель главнокомандующего ВМС Индонезии коммодор Сударсо [22]. Это первое вооруженное столкновение наглядно показало, насколько обстановка в этом районе была чревата взрывом. В заявлении Советского правительства от 9 февраля 1962 г. вновь подтверждалась поддержка позиции Индонезии и содержалось предупреждение об опасности расширения конфликта [23].

Представляет большой интерес позиция западных держав в эти критические месяцы. Что касается США, то отношение

---

[17] «Правда», 21.IX.1961.

[18] «Irian Barat adalah Tuntutan seluruh Rakjat Indonesia», Pidato Presiden Sukarno di Semarang 10.XI.1961, Djakarta, 1961, стр. 17.

[19] «Komando Rakjat» (сборник документов), Surabaja, 1962, стр. 7—8.

[20] «Irian Barat...», стр. 22.

[21] «Antara», 1.I.1962.

[22] «Правда», 17.I.1962.

[23] «Правда», 9.II.1962.

американского правительства выражалось в словах командующего 7-м флотом США, заявившего, что американские ВМС вступят в действие, как только будет получен приказ президента[24], или в словах младшего брата президента — Р. Кеннеди, неосторожно бросившего студентам в Бандунге: «Вы — безумцы, если думаете, что Америка против голландцев»[25]. Правительство Англии наложило запрет на экспорт военной техники и оружия в Индонезию[26]. Открыто антииндонезийскую позицию занимало правительство Австралии.

21 февраля 1962 г. Сукарно подтвердил решимость индонезийского правительства продолжать борьбу за Западный Ириан и заявил о готовности вести переговоры с Голландией «по вопросу о способах возвращения Западного Ириана Индонезии». В то же время президент поклялся, что этот вопрос будет решен еще в 1962 г.[27].

Весной и летом того же года активизировались действия индонезийских вооруженных сил по высадке на Западном Ириане десантов, создавших там партизанские отряды. Одновременно шло укрепление боевой мощи индонезийской армии. По возвращении правительственной делегации из Москвы в мае 1962 г. было опубликовано заявление, в котором говорилось, что оружия, приобретенного в результате визита, более чем достаточно, чтобы противостоять Голландии[28]. Развитие событий и прежде всего активная помощь Индонезии со стороны социалистических стран и среди них СССР, изоляция Голландии во всем азиатском и африканском мире, неспособность США выступить с военной поддержкой Голландии при общей неблагоприятной для США и Англии обстановке в Юго-Восточной Азии вынуждали империалистический Запад оказывать давление на Голландию с целью заставить ее пойти на уступки. В мае 1962 г. Организация Объединенных Наций опубликовала предложения американского дипломата Банкера, суть которых сводилась к следующему: правительство Нидерландов передает управление Западным Ирианом в руки исполнительного органа, действующего под руководством Генерального секретаря ООН, который назначит по согласованию с обеими сторонами администрацию из числа граждан третьих стран на срок от одного до двух лет. По истечении первого года должна начаться замена чиновников индонезийскими должностными лицами, заканчивающаяся не позднее чем к концу второго года. Затем Индонезия с помощью и при участии ООН предоставит возможность населению

---

[24] «Красная звезда», 23.I.1962.
[25] «Правда», 18.II.1962.
[26] «Daily Telegraph», 24.I.1962.
[27] «Tri-Komando Berdjalan Terus», Djakarta, 1962, стр. 13—15.
[28] «Antara», 9.V.1962; Edisi «B», стр. 13.

Западного Ириана самому решить, останется ли эта территория в составе республики.

Переговоры на основе этих предложений продолжались в Нью-Йорке в течение всего лета 1962 г., хотя уже само принятие плана Банкера означало для Голландии капитуляцию. 15 августа было подписано соглашение, в целом соответствовавшее плану Банкера с изменениями в пользу Индонезии — в сторону сокращения сроков пребывания администрации ООН на Западном Ириане. По соглашению окончательная передача Индонезии суверенитета над этой территорией должна была состояться 1 мая 1963 г. (т. е. через 8,5 месяцев вместо двух лет) [29].

Эта крупная победа нанесла удар не только по системе колониализма, но косвенно и по западным военным союзам, недаром голландский премьер Ян де Куай сказал, что его правительство идет на уступку ввиду отсутствия поддержки со стороны союзников и угрозы войны со стороны Индонезии [30]. Значение этой победы было тем большим, что она была достигнута на основе тесного единства с социалистическими странами и развивающимися государствами Азии и Африки.

Политика «направляемой демократии». Торможение революционного процесса

В речи 17 августа 1960 г. «Путь нашей революции» президент говорил: «Земля не должна быть орудием эксплуатации! Земля — крестьянину! Земля — тем, кто действительно ее обрабатывает! Земля — не тому, кто сидит сложа руки и жиреет, заставляя других обрабатывать ее!» [31]. Прогрессивное изменение характера аграрных отношений, ликвидация феодальных пережитков в деревне действительно относились к числу важнейших и неотложных задач национально-демократической революции. Как осуществлялись эти лозунги на деле?

Принятый в 1960 г. Закон № 2 о разделе урожая касался жизненных интересов многомиллионных масс индонезийского крестьянства. По данным министерства по аграрным делам, в 1960 г. 60% всех индонезийских крестьян были издольщиками [32]. Как правило, индонезийский крестьянин-арендатор был вынужден отдавать землевладельцу не менее 50% валового урожая; в отдельных же районах доля землевладельца

---

[29] См.: «Harian Rakjat», 20.VIII.1962.

[30] «Newsweek», 27.VIII.1962, стр. 32.

[31] «Djalannja Revolusi Kita», Pidato Presiden RI pada Hari Ulang tahun RI jang ke — 15, 17.VIII.1960, Departemen Penerangan RI, Djakarta, 1960, стр. 34—35.

[32] K. J. Peltzer, The Agricultural Foundation,— «Indonesia», New Haven, 1963, стр. 499.

доходила до 70—80%. Новый закон предусматривал, что арендная плата не должна превышать 50% урожая на орошаемых полях и 1/3 урожая — на суходольных землях [33]. При этом предполагалось, что раздел урожая должен был производиться после вычета из валового урожая в пользу крестьянина той части, которая соответствовала затратам на производство продукта (до 20% стоимости урожая) [34]. Все соглашения о разделе урожая подлежали официальной регистрации у местных властей.

Юридическую основу для конкретной законодательной деятельности в области аграрных отношений составил так называемый Основной аграрный закон, изданный в сентябре 1960 г. На основании ст. 33 конституции 1945 г. этот закон провозглашал, что верховная власть над землей принадлежит государству. Это не означало отмены частной собственности на землю, напротив, она утверждалась законом за индонезийскими гражданами. Иностранные юридические лица были лишены прав собственности на землю, а их землепользование подлежало государственной регламентации. Согласно Основному аграрному закону собственники земли в принципе должны были обрабатывать ее своими силами, не допуская эксплуатации. В связи с этим признавалось необходимым установление максимального размера участков обрабатываемой земли, находящихся в распоряжении отдельных лиц или отдельной семьи. Несомненно, что формулировки этого закона имели ярко выраженную антиимпериалистическую и антифеодальную направленность. Положения закона были сформулированы таким образом, что государство, объявившее себя «верховным распорядителем» земли, получало известные возможности оказывать влияние на дальнейшее развитие аграрных отношений в стране. Строго говоря, этот закон уже сам по себе направлял сельское хозяйство Индонезии скорее на капиталистический путь развития, чем на некапиталистический. Выбор пути зависел от подлинного политического характера государственной власти в стране, но она, эта власть, не несла в себе необходимого антикапиталистического заряда. Сохраняя помещичье землевладение, она одновременно формировала новую городскую буржуазию. А этого было достаточно, чтобы деревня шла в капиталистическом направлении.

В развитие этого закона правительство издало постановление № 56 (декабрь 1960 г.) об «установлении максимальных размеров участков обрабатываемой земли различных видов, находящихся во владении отдельного лица или отдель-

---

[33] Для сравнения: в Индии аграрное законодательство 1948—1960 гг. определяло долю землевладельца в 1/6 урожая, а в Бирме арендная плата (рента) помещикам в 1964 г. полностью отменена.

[34] См.: Ю. Г. Александров, Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве, М., 1964, стр. 171—172.

ной семьи». Эти размеры устанавливались в зависимости от плотности населения и величины обрабатываемой земельной площади по областям и были различными для орошаемых и неорошаемых земель, как это видно из следующей таблицы.

Таблица

Максимальные размеры участков обрабатываемой земли во владении отдельного лица или отдельной семьи по постановлению № 56*

Районы	Орошаемые земли, *га*	Неорошаемые земли, *га*
Слабонаселенные (менее 50 человек на 1 *кв. км*)	16	20
С небольшой плотностью населения (51—250 человек на 1 *кв. км*) . . .	10	12
Со средней плотностью (251—400 человек на 1 *кв. км*)	7,5	8
С высокой плотностью (свыше 400 человек на 1 *кв. км*)	5	6

* Постановление № 56 изложено по тексту, содержащемуся в газете «Bintang Timur» от 5.I.1961г.

Общая площадь орошаемых и неорошаемых земель, находящихся в распоряжении одного лица или семьи, не должна была превышать 20 *га*. Земельные излишки подлежали регистрации в местных аграрных управлениях в трехмесячный срок — продажа их запрещалась. Постановление № 56 не определяло, к кому должны были перейти отчуждаемые излишки. Ст. 5 гласила, что окончательное решение этого вопроса будет определено правительством «с учетом пожеланий заинтересованных сторон». Из дальнейших заявлений правительства вытекало, что излишки земли предполагалось передать безземельным и малоземельным крестьянам за выкуп, равный стоимости земли, с рассрочкой на 15—20 лет[35].

Вскоре после принятия постановления № 56 началось создание комиссий по проведению аграрной реформы в центре и на местах. К середине 1962 г. такие комиссии были созданы в 19 (из 22) провинциях республики и в 207 районах (из 258). К этому времени перепись земельных излишков была закончена в 171 районе[36].

---

[35] См.: И. Г. Ананьев, Сельское хозяйство современной Индонезии, М., 1965, стр. 41.

[36] «Antara», 7.VII.1962, Edisi «B», стр. 5.

Приведем некоторые данные о регистрации излишков земли (в тыс. *га*) в масштабе страны и в трех провинциях Явы, в частности[37]:

Вся Индонезия к декабрю 1961 г.	—	212	тыс. *га*
Вся Индонезия к июлю 1962 г.	—	223	»
Восточная Ява к октябрю 1963 г.	—	63,5	»
Центральная Ява к январю 1962 г.	—	42,2	»
Западная Ява к январю 1962 г.	—	98,2	»

Согласно заявлению правительства, сделанному в 1961 г., предполагалось, что в результате земельной реформы будет распределено свыше 400 тыс. *га* земли[38]. Как видно из приведенных неокончательных данных регистрации, при последовательном осуществлении реформы отчужденные излишки, будучи переданы безземельным и малоземельным крестьянам, с учетом определенного в постановлении «минимума земельной площади» в 2 *га*, против которого возражали прогрессивные организации, могли бы удовлетворить земельный голод не более 200 тыс. крестьянских хозяйств. Означало ли это радикальное решение земельного вопроса там, где он был особенно острым, т. е. на Яве, и может ли этот вопрос быть в принципе разрешен путем перераспределения земли на этом острове? Вот некоторые статистические данные[39].

Размеры владений, *га*	Число хозяйств, тыс.	%
Менее 0,5	7144	78,03
0,6— 1,0	1074	11,74
1,1— 2,0	624	6,82
2,1— 5,0	274	3,00
5,1—10,0	32	0,35
10,1—20,0	4,8	0,05
Более 20	1,3	0,01

При этом следует иметь в виду, что общая площадь обрабатываемых земель на Яве и Мадуре (включая плантации) в 1959 г. составила менее 9 млн. *га*[40]. Из этого следует, что земельный голод на Яве, где живет две трети населения страны, в принципе не может быть ликвидирован путем перераспределения земли. Аграрная реформа, однако, могла подорвать относительно крупное помещичье землевладение, частично уменьшить зависимость крестьянина от ростовщика. Но земельный голод, т. е. явная и все нарастающая нехватка земли в условиях, когда на Яве свыше половины крестьян

[37] См. соответственно «Antara», 9.II.1962, Edisi «B», стр. 1—2; 7.VII.1962, Edisi «B», стр. VI; «Harian Rakjat», 6.II.1964. «Antara», 2.I.1962, Edisi «A», стр. 1; 16.I.1962, Edisi «A», стр. V.

[38] «Antara», 7.VII.1961, Edisi «B», стр. VI; а также «Harian Rakjat», 12.XII.1964.

[39] K. J. Peltzer, The Agricultural Foundation, стр. 127.

[40] Там же, стр. 121.

вообще не имели земли, мог быть устранен только путем трансмиграции и освоения Внешних островов с громадными свободными площадями пригодной для обработки земли. Поскольку массовая и отвечающая интересам крестьян трансмиграция потребовала бы большой финансовой поддержки со стороны государства, условием ее осуществления является наличие прогрессивной государственной власти, проводящей в жизнь широкую программу экономического развития страны.

Как бы то ни было, последовательное осуществление аграрной реформы 1960 г. и закона о разделе урожая могло бы сыграть известную позитивную роль в развитии национально-демократической революции.

Все это объясняет, почему прогрессивные силы Индонезии выступили с активной поддержкой этого умеренного по своему характеру аграрного законодательства и стали бороться за его проведение в жизнь. Коммунистическая партия Индонезии и Крестьянский фронт Индонезии (БТИ) требовали скорейшей реализации постановления № 56 путем привлечения народных масс к непосредственному участию в проведении аграрной реформы «на всех уровнях». Именно этим и объясняется относительно эффективное выявление излишков в 1961—1962 гг.

Однако эти первые успехи прогрессивных сил натолкнулись на нараставшее сопротивление сельских эксплуататоров, действовавших в союзе с бюрократическим капиталом. Эти круги начали открытый саботаж аграрной реформы в таких масштабах, которые были бы невозможны без попустительства и соучастия всесильной военной и гражданской администрации.

Перед лицом упорного сопротивления со стороны реакции Компартия Индонезии развернула широкую кампанию по организации односторонних действий крестьянства, заключавшихся в осуществлении закона о разделе урожая и постановления № 56 явочным путем: крестьяне занимали помещичьи земли и делили урожай в провинции 5 : 5. Односторонние действия приняли особый размах на Центральной и Восточной Яве. В ряде районов отмечались случаи вооруженных столкновений между крестьянами и сельскими эксплуататорами (например, в районах Пурвокерто и Вонособо) или расправы полиции с безоружными крестьянами — районы Индрамаю, Джембер и др. 18 ноября 1964 г. в Бойолали (Центральная Ява) полиция открыла огонь по крестьянам, требовавшим уменьшения арендной платы с 70 до 50% урожая. Трое крестьян были убиты [41]. Заместитель председателя ЦК КПИ М. Лукман писал в связи с этими событиями:

[41] «Harian Rakjat», 8.XII.1964.

«Справедливую борьбу крестьян, даже в рамках действующих законов, таких, как Основной аграрный закон и Закон о разделе урожая, клеветнически называют нарушением спокойствия и подрывом авторитета властей. Их изгоняют из деревень, у них отбирают земли, уничтожают посевы, их арестовывают и даже расстреливают» [42].

Летом 1964 г. правые группировки, недовольные односторонними действиями КПИ и БТИ в деревне, попытались убедить президента в том, что последние наносят ущерб единству и ведут к анархии в сельском хозяйстве. Тем не менее в своей речи 17 августа 1964 г. Сукарно потребовал скорейшего проведения аграрной реформы. В своем выступлении на съезде БТИ, состоявшемся в президентском дворце, президент подчеркнул прогрессивное значение деятельности КПИ и ее руководителей и вновь поставил вопрос о необходимости осуществления аграрных преобразований.

Через несколько месяцев, однако, стало ясно, что в позициях политических сил страны произошли серьезные сдвиги, первые признаки которых обнаружились в разгар кампании односторонних действий. Влиятельные группировки в таких партиях, как Мурба, Христианская, Католическая, ИПКИ, Национальная, Нахдатул Улама, развернули широкую кампанию против КПИ, обвиняя ее в расколе Национального фронта, в намерении захватить власть, в «навязывании марксистских идей» под флагом учения Сукарно. Наступление на КПИ приняло форму «защиты сукарноизма». 1 сентября 1964 г. этот блок организационно оформился в Общество защиты сукарноизма (БПС).

Особое раздражение противников КПИ, естественно, вызывала ее роль в деле защиты интересов крестьян. Наиболее характерной в этом отношении явилась решительная поддержка, оказанная в то время противникам КПИ со стороны такой влиятельной партии, как Нахдатул Улама, которая более всего была заинтересована в сохранении сложившихся в индонезийской деревне традиционных порядков. Будучи мусульманской партией, Нахдатул Улама через свою газету «Дута Машаракат» повела кампанию против «атеизма», требуя от всех сторонников «Панча сила» безоговорочного признания первого принципа («вера в бога») в его буквальном понимании.

Во время продолжительного отсутствия президента осенью 1964 г. широкий блок, выступавший против КПИ, активизировал свою деятельность, пользуясь при этом поддержкой военных кругов. Этой активизации способствовали слухи об обострении болезни президента. 24 ноября представители партии Мурба и министр, главком сухопутных войск

---

[42] «Harian Rakjat», 4.XII.1964.

А. Яни выступали перед участниками конференции СОКСИ [43] с пропагандой в духе «общества защиты сукарноизма» и нападками на КПИ. Блок противников КПИ в то время сплотился и организационно оформился вокруг БПС. Его выступления против КПИ, будто бы «раскалывавшей национальное единство», становились все более решительными и откровенными.

Страна вступила в период политического кризиса. Этот кризис был вызван резкой поляризацией сил по вопросам отношения к наиболее важным проблемам демократической революции. Перед КПИ, отстаивавшей интересы народных масс, встала объединенная военно-политическая группировка, не без основания усмотревшая в действиях компартии в аграрном вопросе посягательство на священный принцип частной собственности. Именно в этом духе выступали газеты Национальной партии и партии Нахдатул Улама, которые в ряде других случаев шли совместно с КПИ [44]. По сути дела компартия была поставлена перед выбором отказаться от методов классовой борьбы или идти на риск вооруженного столкновения в явно невыгодных условиях.

Своеобразие индонезийской ситуации, однако, состояло в существовании еще одной силы, которая, не могла устранить причины кризиса, но на некоторое время могла отодвинуть взрыв противоречий. Этой силой был президент Сукарно, хотя и его положение было весьма затруднительным. Желая отвести от компартии готовящийся удар (открытое столкновение противоречило бы его излюбленному принципу НАСАКОМ и противопоставило бы президента военной группировке, силу которой он умерял с помощью влияния компартии), он тем не менее, исходя как всегда, из реального соотношения политических сил, вынужден был отказаться от своей прежней точки зрения на аграрную реформу.

12 декабря президент созвал в Богоре представителей всех 10 политических партий. Один из пунктов принятого совещанием решения гласил: «Мы единодушны в нашей решимости поддерживать и укреплять революционное и прогрессивное национальное единство на основе НАСАКОМ». Партии согласились также воздержаться от взаимной критики идеологических доктрин (иными словами, это означало обя-

---

[43] СОКСИ («Сентрал органисаси карьяван селурух Индонесиа») — организация так называемых тружеников. В нее входят рабочие и предприниматели, а также служащие государственного аппарата. СОКСИ была создана военными и пользовалась поддержкой военных кругов. Руководители СОКСИ в 1964 г. утверждали, что их организация тогда насчитывала 7 млн. человек.

[44] 19 июня 1964 г. газета Национальной партии «Сулух Индонесиа» писала, что односторонние действия крестьян являются посягательством на принцип частной собственности на землю и проявлением классовой борьбы, с чем сторонники учения мархаэнизма согласиться не могут.

зательство прекратить идеологические нападки на КПИ). Президент противопоставил противникам компартии свой все еще мощный политический авторитет [45]. Вместе с тем раздел третий Богорской декларации гласил: «...чтобы разрешить национальные проблемы, в частности связанные с проведением в жизнь Основного аграрного закона и Закона о разделе урожая, мы придаем важнейшее значение системе консультаций и переговоров в духе национально-революционного сотрудничества на основе НАСАКОМ как между самими партиями, так и между партиями и правительством в центре и на местах. Мы считаем, что при разрешении аграрных конфликтов официальные лица и крестьяне также обязаны идти по пути переговоров, не прибегая к инсинуациям, запугиванию и оружию» [46].

Это было соглашение о прекращении односторонних действий [47]. Индонезийскому крестьянству, получившему на основе постановления № 56 лишь 42 тыс. *га* земли [48], предлагалось разрешать свои конфликты с помещиком, интересы которого охранял военно-полицейский аппарат, исключительно мирным путем, т. е. фактически мириться с существующим положением. Как отмечают сейчас в своих документах индонезийские коммунисты, тогда началось катастрофическое падение авторитета компартии в массах. Богорский компромисс во многом предопределил то безразличие крестьянства к судьбам «направляемой демократии», которое проявилось впоследствии.

На протяжении всего рассматриваемого периода материальное положение трудящихся продолжало резко и непрерывно ухудшаться. Особенно тяжелым было положение трудящегося городского населения. Цены на основные продовольственные товары с 1958 по 1964 г. возросли более чем на 2000% [49]. По заявлению вице-губернатора Центральной Явы, в феврале 1964 г. 12 тыс. жителей провинции находились на излечении в больницах вследствие недоедания (из них 50 скончались). Цена на рис возросла со 100—120 рупий за 1 *кг* в 1960 г. до 340 рупий в феврале 1964 г. (на дневной заработок джакартского рабочего можно было купить 100—200 *г* риса). В сентябре 1965 г. цены на рис в Джакарте под-

---

[45] Дело не ограничилось «моральным давлением». 17 декабря Сукарно декретировал роспуск БПС как организации, противодействующей «единству революционных и прогрессивных национальных сил», а 9 января 1965 г. запретил деятельность партии Мурба.

[46] Цит. по газ.: «Harian Rakjat», 14.XII.1964.

[47] «Односторонние действия были позже приостановлены самой партией»,— говорится в подпольном документе индонезийских коммунистов «За правильный путь индонезийской революции». См. «Information Bulletin», Prague, «Peace and Socialism Publishers», 1967, № 18, стр. 59.

[48] «Harian Rakjat», 12.XII.1964.

[49] «Harian Rakjat», 19.XI.1964.

нялись до 900—1000 рупий за 1 *кг*. Летом 1965 г. правительство отменило систему натуроплаты для ряда категорий государственных служащих и рабочих государственных предприятий (часть заработной платы ранее выдавалась рисом по твердой цене) и «компенсировало» потери путем номинального повышения заработной платы.

Забастовки в стране были запрещены еще в июле 1960 г., а в 1963 г. установлены меры наказания за участие в забастовке — тюремное заключение сроком до одного года [50]. Фактически были запрещены и демонстрации, целью которых не было выражение поддержки правительству. Упорно и настойчиво правящие круги Индонезии преграждали трудящимся доступ к массовым средствам борьбы.

В 1964 г. большинство государственных предприятий использовало менее 50% (а во второй половине 1965 г.— 30%) своих производственных мощностей. Поступления в казну от государственных торговых компаний и предприятий государственного сектора составляли от 2 до 15% сумм, подлежавших выплате. Многие государственные предприятия были объявлены убыточными, что подготовляло почву для их реприватизации.

В 1963—1964 гг. были взяты под контроль английские плантации и предприятия. В феврале 1963 г. правительство начало контролировать американские плантации на Суматре общей площадью в 64 тыс. *га*, в марте — нефтяные компании «Шелл», «Станвак» и «Панам». За некоторыми исключениями, такие меры не означали собственно национализации, передачи предприятий в собственность государства. Вместе с тем продолжалась децентрализация управления государственными предприятиями и передача их частным фирмам, принявшая наиболее широкий размах летом 1964 г. При этом иностранные кредиторы пользовались правом финансирования экономической деятельности частных лиц. Эта так называемая новая экономическая политика явилась в конечном итоге следствием глубоких изменений в характере государственной власти с конца 50-х годов и сводилась к законодательному оформлению процесса частнокапиталистического накопления, осуществлявшегося военной и гражданской бюрократией [51].

Как оценивали эти изменения прогрессивные силы страны?

В докладе председателя ЦК КПИ Д. Н. Айдита на пленуме ЦК партии в декабре 1963 г. говорилось, что «полити-

---

[50] «Far Eastern Economic Review», Yearbook, 1964, стр. 182—183.

[51] Эта политика нашла наиболее полное отражение в опубликованной в марте 1963 г. так называемой экономической декларации правительства и в особенности в изданных вскоре в развитие этой декларации нескольких правительственных декретах.

ческое положение в стране в течение последних десяти лет и особенно последних лет и месяцев продолжает сдвигаться влево» и что «реакционеры внутри страны терпят поражение за поражением». Однако уже в конце 1964 — начале 1965 г. руководство компартии в центре и на местах выступило с рядом заявлений, из которых вытекало, что капиталисты-бюрократы все больше укрепляют свое положение в стране и стоят у политической власти.

Эта принципиально новая оценка характера государственной власти в Индонезии, естественно, требовала выработки соответствующей политической линии, которая бы получила активную поддержку трудящихся масс, прежде всего городского пролетариата. В настоящее время индонезийские коммунисты, действующие в подполье, пришли к выводу, что в тот период партия не уделяла достаточного внимания развитию массовых революционных действий. «Действия масс, направленные на улучшение их положения, акции рабочих, выдвигавших требования о повышении заработной платы, направлялись по руслу „мушаварах" (консультаций); была занята лицемерная позиция в отношении закона о запрещении забастовок; рабочих, взявших под контроль предприятия империалистов, уговаривали не волноваться из-за того, что эти предприятия попали в руки капиталистов-бюрократов под предлогом того, что классовые интересы должны быть подчинены национальным интересам»,— говорится в цитировавшемся выше документе «За правильный путь индонезийской революции».

Так называемые советы предприятий, создание которых на государственных предприятиях было декретировано правительством в 1961 г. по предложению СОБСИ и которые были призваны, по замыслу коммунистов, обеспечить участие рабочих в управлении производством, не получили никакого права контроля над администрацией. Более того, поскольку позиции представителей рабочих в этих советах не подкреплялись массовыми действиями, они очень скоро растворились в администрации и свели свои функции к вопросам «увеличения производства» [52].

Поскольку те уступки, на которые шло руководство КПИ, непосредственно затрагивали коренные, насущные интересы народных масс, политическое положение партии становилось затруднительным. В этих условиях резко возросла зависимость руководства партии от президента Сукарно. Теперь тот

[52] К концу 1962 г. на государственных предприятиях в Индонезии было создано 160 таких советов (см.: D. Hindley, The Communist Party of Indonesia, 1951—1963, Barkly — Los Angeles, 1964, стр. 292). Интересно отметить, что в 1965 г. местные организации КПИ часто воздерживались от посылки своих представителей в «советы предприятий». Так обстояло дело, например, на одном из крупных предприятий Джакарты — химической фабрике «Патна».

или иной маневр президента мог оказать самое серьезное влияние на дальнейшие судьбы КПИ.

Сам же президент, ответственность за действия которого КПИ фактически принимала на себя своей политикой безоговорочной поддержки, был крайне заинтересован в этой поддержке, обеспечившей ему возможность противостоять правым силам и армии. В то же время он сохранял еще огромный политический авторитет и имел возможность блокировать любую попытку компартии апеллировать к массам, если эта апелляция грозила нарушить равновесие сил, сложившееся в стране. Характерными в этом отношении являются переговоры президента с руководством КПИ о вооружении народа для «противостояния Малайзии».

В речи по радио 14 января 1965 г. Д. Н. Айдит рассказал о состоявшейся в этот день встрече с Сукарно: «Я от имени КПИ предложил президенту Сукарно, чтобы президент и правительство Индонезии вооружили организованных рабочих и крестьян в ответ на действия Англии, продолжающей наращивать свои вооруженные силы в Малайзии. Услышав это, президент Сукарно рассмеялся и закивал головой». Сукарно уклонился от прямого ответа на это предложение. Он так и не вооружил трудящихся.

Противостояние Малайзии

Классовая политика направляемой демократии во внешнеполитическом плане нашла отражение в так называемом противостоянии Малайзии (1963—1965 гг.).

После завершения западноирианского конфликта индонезийские вооруженные силы насчитывали около 400 тыс. человек. Серьезное сокращение численности армии (а речь идет прежде всего о сухопутной армии, на которую приходилось не менее 80% этой цифры), как и уменьшение военного бюджета, привели бы к столь сильной оппозиции со стороны этой группировки, что правительство не желало идти на риск, зная к тому же, что истощенная индонезийская экономика не примет всех, кого пришлось бы демобилизовать.

Но дело было не только в проблемах армии. Правящим кругам Индонезии нужно было найти такую проблему, которая по своему характеру и масштабам могла бы стать субститутом только что решенного западноирианского конфликта. И здесь неоценимую «услугу» правящим кругам Индонезии оказал британский империализм с его планами создания федерации Малайзии, состоящей из Малайи, Сингапура и колоний Англии на Северном Калимантане — Брунея, Саравака и Сабаха [53].

---

[53] Подробнее об этом см. в кн.: «Политика Англии в Южной и Юго-Восточной Азии», М., 1966.

Необходимо с самого начала подчеркнуть, что планы создания федерации из бывших английских колоний вблизи индонезийских границ не могли не вызвать беспокойства и подозрений со стороны Индонезии, не раз становившейся объектом интриг и прямой интервенции со стороны колонизаторов. В 1964 г. в печати появилось интересное признание министра информации Малайзии Энчик Сену Абдурахмана, бывшего в 1957—1958 гг. послом в Джакарте. Он заявил, что в период мятежей на Суматре посольство Малайи в Индонезии часто посещали причастные к мятежам деятели. По соглашению между правительством Малайи и английскими властями мятежникам была оказана помощь [54].

Неоколониалистский характер, который хотели бы придать Малайзии англичане, был достаточно ясен, а оппозиция со стороны Индонезии такого рода планам вполне закономерна. Однако именно внутриполитические факторы, о которых говорилось выше, заставили индонезийское правительство превратить малайзийский вопрос в центральную политическую проблему.

Первая реакция официальных кругов Индонезии на сообщения о возможности создания Малайзии была сдержанной. Выступая на пресс-конференции в Сингапуре, министр иностранных дел Индонезии Субандрио отрицал, что между Индонезией и Малайей существует конфликт в связи с планами создания Малайзии, но отметил, что Индонезия с вниманием относится к этому вопросу, так как имеет общую границу с будущей федерацией [55]. Однако тогда же Субандрио заявил, что, если в Сараваке, Брунее или на Северном Калимантане после включения этих территорий в Малайзию будут созданы военные базы, Индонезии придется принять «ответные меры» [56].

Позиция Индонезии в международных делах в то время внешне оставалась неизменной. Поддерживались активные отношения с социалистическими странами, индонезийские руководители еще охотно вспоминали о помощи СССР в освобождении Западного Ириана. Так, министр — главнокомандующий ВМС Индонезии адмирал Мартадината говорил: «Советский Союз — единственная страна, изъявившая готовность помогать нам на тех условиях, которые нас устраивают» [57].

Единственной проблемой, в связи с которой можно было заметить ростки новых тенденций в индонезийской внешней политике, был индийско-китайский пограничный конфликт.

---

[54] «Harian Rakjat», 1.VIII.1964. См. также: J. M. van der Kroef, Indonesia, Malaya and the North Borneo Crisis,— «Asian Survey», 1963, vol. III, № 4, стр. 173—174.

[55] «Harian Rakjat», 26.IX.1962.

[56] «The Straits Times», 27.IX.1962.

[57] «Harian Rakjat», 1.XII.1962.

Хотя официальная линия правительства Индонезии заключалась в призывах к мирному урегулированию, антииндийские настроения проступали все более явственно. Председатель мусульманской партии ПЕРТИ Сираджуддин Аббас заявил, что «было бы лучше», если бы Индия обратилась к Сукарно с просьбой об оказании добрых услуг, так как «затягивание войны с КНР... не соответствует стремлениям народов Азии и Африки вообще и народа Индонезии в частности» [58]. Такая позиция объяснялась отнюдь не тем, что с точки зрения Индонезии Индия несла бóльшую ответственность за конфликт, чем КНР. Индонезийские руководители уже тогда явно претендовали на ведущее место среди неприсоединившихся стран и считали Индию соперником Индонезии на пути к гегемонии.

Не случайно именно летом 1962 г. активизировалась политика КНР в отношении Индонезии. Сукарно и его правительству очень польстила просьба Китая о посредничестве в урегулировании конфликта с Индией [59]. Последовавшие затем встречи государственных деятелей немало способствовали сближению двух стран.

Тем временем события подготавливали почву для занятия Индонезией более решительной позиции в отношении проблемы Малайзии. В английских колониях на Северном Калимантане развивалось повстанческое движение. Глава Народной партии Брунея Азахари, выступая в Маниле, заявил, что народы Сабаха, Саравака и Брунея не согласны на вхождение в Малайзию, они могли бы создать федерацию на Калимантане [60]. Вслед за тем он обратился к Индонезии и другим странам Азии и Африки с просьбой прислать добровольцев в помощь повстанцам, что встретило доброжелательное отношение в Джакарте [61]. В начале декабря в Индонезию прибыла делегация Народной партии, которая открыла там «Информационное бюро Северного Калимантана» [62], фактически выполнявшее функции постоянного представительства при правительстве Индонезии.

До начала 1963 г. шаги Индонезии не выходили за рамки помощи антианглийскому движению на Северном Калимантане. Однако уже в январе 1963 г. индонезийская политика приняла новые формы. 20 января (вскоре после возвращения из Пекина) Субандрио заявил, что Индонезия вынуждена перейти к политике противостояния Малайзии, поскольку «эта страна в настоящее время представляет собой сообщника неоколониализма и неоимпериализма, проводя враждебную

---

[58] Там же.
[59] «Suluh Indonesia», 26.XI.1962.
[60] «Harian Rakjat», 5.XI.1962.
[61] «Semesta», 14.XII.1962.
[62] «Asian Survey», 1963, vol. III, № 4, стр. 171.

политику в отношении Индонезии»[63]. В какие формы предполагалось облечь это противостояние, не указывалось, равно как и не объяснялось, чем курс Малайи в отношении Индонезии изменился за последнее время.

Ясность внес министр — главнокомандующий сухопутными войсками генерал А. Яни, заявивший 1 февраля, что «армия готова и ждет приказа»[64]. Тем самым индонезийское правительство фактически объявило о своей готовности использовать регулярные войска в конфликте с Малайей. На что могла опереться Индонезия в проведении этой политики?

В 1963 г. республика обладала наиболее сильной и современной армией в Юго-Восточной Азии. Сухопутные войска насчитывали более 300 тыс. человек и имели на вооружении около 4 тыс. бронированных машин, в том числе 350 танков, а также 30 вертолетов и более 100 легких самолетов. ВВС располагали 80 бомбардировщиками, 90 истребителями и 50 транспортными самолетами (бомбардировочная и истребительная авиация в значительной степени была оснащена реактивными самолетами). Корабельный состав флота достигал 250 единиц, большинство которых были предназначены для обороны побережья[65]. Необходимо учитывать, однако, что на вооруженных силах лежала задача обороны островного государства площадью около 2 млн. *кв. км* с очень небольшим числом современных аэродромов и военно-морских баз. Вооруженный конфликт развивался бы прежде всего в воздухе и на море, а Англия даже в мирное время содержала в Сингапуре свою дальневосточную эскадру, 9 эскадрилий авиации, базу бомбардировщиков с запасами ядерного оружия, стратегический резерв Содружества наций и около 5 тыс. солдат[66]. К тому же в руках западных компаний в Индонезии находился такой мощный рычаг, как производство горючего. Экономика страны была крайне слабой и не смогла бы выдержать сколько-нибудь длительной войны.

Когда сейчас многие индонезийские деятели говорят, что противостояние было ошибкой, они забывают сказать, что в стране не было ни одной силы, которая выступила бы против этой ошибки. Ни один военный или государственный деятель не рискнул тогда сказать, что расширение конфликта, перенесение его за пределы Северного Калимантана недопустимо. Расчет был на то, что оказание помощи повстанцам для Индонезии не составит никаких трудностей и позволит создать обстановку нагнетания националистических настроений. Даже если бы конфликт принял затяжной характер, это

[63] Там же, стр. 173.
[64] B. Grant, Indonesia, стр. 173.
[65] «Eastern World», 1964, vol. XVIII, № 4, стр. 12—14.
[66] «Красная звезда», 9.VIII.1963.

не противоречило бы внутриполитическим целям правительства Сукарно.

На Западе всерьез и не рассматривали возможность широкого вооруженного выступления Индонезии. Зимой 1964 г. журнал «Пасифик афферз» писал: «Даже сейчас, в условиях политики открытого противостояния Малайзии, в условиях разрыва дипломатических отношений и широко развернувшейся экономической борьбы, представляется очевидным, что менее всего можно ожидать открытого вторжения индонезийских войск» [67].

Однако даже «война нервов» требовала серьезной международной поддержки. Индонезийское правительство с основанием рассчитывало, что антиимпериалистический аспект его борьбы против английского владычества в ЮВА обеспечит ему помощь социалистических стран. Однако Сукарно и его помощникам, видимо, было ясно и другое, а именно, что их гегемонистские устремления и авантюристические методы вряд ли найдут понимание в социалистическом лагере. Исключение могла составить лишь КНР.

В этих условиях внешнеполитическая активность Индонезии развивалась по трем направлениям. Были приняты меры к тому, чтобы поддержать отношения с социалистическим лагерем. В марте по приглашению индонезийского правительства состоялся визит в Индонезию министра обороны СССР маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского [68]. В апреле — мае в СССР побывали генерал Яни и командующий корпусом морской пехоты Индонезии генерал Хартоно [69]. Однако уже тогда начали вырисовываться новые тенденции со стороны Индонезии в отношении СССР.

Так, советской делегации, прибывшей осенью 1963 г. в Джакарту на конференцию журналистов стран Азии и Африки [70], по настоянию китайских, индонезийских и некоторых других делегатов был предоставлен лишь статус наблюдателей под тем предлогом, что СССР якобы не является азиатской державой. Представители Индонезии в международных общественных организациях все чаще выступали на стороне Пекина. Так было, в частности, на сессии исполкома Организации солидарности народов Азии и Африки в Никозии в сентябре 1963 г. [71].

Здесь проявилось второе и главное направление в дипломатической активности Сукарно, заключавшееся в сближении с руководством КНР.

---

[67] «Pacific Affairs», 1963—1964, vol. XXXVI, № 4, стр. 386.
[68] «Красная звезда», 26.III.1963.
[69] «Красная звезда», 12.IX.1963.
[70] «Красная звезда», 7.V.1963.
[71] «Правда», 19.IV.1963

Уже говорилось о поездке Субандрио в Пекин в начале января 1963 г. В апреле Индонезию посетил председатель КНР Лю Шао-ци и был встречен так торжественно, как, пожалуй, не принимали ни одного главу иностранного государства. В совместном заявлении, подписанном 20 апреля, указывалось на общность взглядов обеих стран по основным международным вопросам. Китайской дипломатии удалось добиться от индонезийской стороны одобрения позиции КНР «в мирном решении китайско-индийского пограничного конфликта». Со своей стороны китайская делегация выразила поддержку политики Индонезии в отношении Малайзии и согласилась с идеей Сукарно о проведении «спортивных игр новых растущих сил»[72].

В своих планах руководители КНР отводили Индонезии немаловажное место. Их роднили с правящими кругами Индонезии резко националистическая окраска внешней политики, стремление решить внутренние проблемы за счет внешнеполитических акций, попытки «подтолкнуть» национально-освободительное движение путем вмешательства извне. Кроме того, обострение обстановки в ЮВА рассматривалось Пекином как лучший путь к установлению своего влияния в этом районе мира. Гегемонизм Сукарно не был препятствием для этого — в Пекине отлично понимали, что добиться своих целей в одиночку он не сможет, и направили все усилия на откол Индонезии от социалистического лагеря, на развитие тех элементов индонезийской политики, которые противоречили курсу социалистических стран, международного коммунистического движения. Успех этой линии должен был прочно привязать Индонезию к курсу КНР как в политическом, так и в экономическом отношениях. Разжигание конфликта с Малайзией было важнейшим шагом в осуществлении этой линии.

Эта общность устремлений и методов и послужила основой индонезийско-китайского сближения. В ней же были заложены ростки будущих расхождений Индонезии с социалистическими странами.

Одновременно правительство Индонезии начало прилагать усилия к некоторой переориентации своих связей со странами Запада. Не решаясь на более активное развитие экономических отношений с социалистическими странами, руководители Индонезии в то же время, отдавая дань антиимпериалистическим настроениям, не считали возможным ориентироваться на США. Был взят курс на восстановление контактов с Голландией под тем предлогом, что все спорные вопросы уже разрешены. В мае 1963 г. Субандрио заявил голландским журналистам, что Индонезия хотела бы заклю-

---

[72] «Djakarta Daily Mail», 22.IV.1963.

чить договор о дружбе с Голландией. Он сказал, что в Индонезии «найдется место голландцам наряду с американцами, русскими и многими другими иностранцами»[73]. Еще в марте были начаты переговоры о восстановлении дипломатических отношений между Индонезией и Голландией[74]. На первых порах эти шаги вызвали сдержанное отношение в Голландии, деловые круги которой выдвигали требование компенсировать убытки в размере 500—600 млн. гульденов за национализированную голландскую собственность в Индонезии[75]. Однако довольно скоро те же круги поняли выгоды, открывающиеся для них в Индонезии в связи с осложнением индонезийско-малайских отношений.

В этот же период принимались меры для сближения с Японией и Западной Германией. Эта политика имела целью получить рынки сбыта взамен Сингапура и Пенанга и подготовить позиции для более решительных действий в отношении нефтяных монополий Англии и США.

14 мая 1963 г. был принят декрет правительства Индонезии, по которому нефтяные компании США и Англии должны были заключить с Индонезией контракт на разработку нефтяных ресурсов, выделять 60% прибылей в распоряжение индонезийского правительства и увеличить ту часть нефтепродуктов, которая реализовывалась в Индонезии. Наибольшее сопротивление вызвало именно второе требование. Американское правительство предложило свои услуги в деле разрешения этого конфликта, опасаясь, что излишне твердая позиция может привести к тому, что монополии США будут вынуждены покинуть Индонезию[76].

В начале июня в Токио были проведены переговоры между индонезийской делегацией и личным представителем президента Кеннеди Виаттом. Индонезийской стороне удалось добиться принятия многих своих требований[77].

Тогда же в Токио состоялась встреча Сукарно с премьер-министром Малайи Тенку Абдул Рахманом. В совместном коммюнике было указано, что стороны договорились прекратить взаимные нападки[78]. Это было воспринято как признак смягчения политики Индонезии. Эту оценку косвенно подтвердил Сукарно, который, заявив, что Индонезия продолжает выступать против Малайзии, сделал примечательную оговорку: «Все зависит от того, как понимать политику противостояния»[79]. Позже президент Сукарно говорил, что на

[73] «Suluh Indonesia», 21.V.1963.
[74] «Suluh Indonesia», 2.III.1963.
[75] «Djakarta Daily Mail», 10.IV.1963.
[76] «Djakarta Daily Mail», 1.VI.1963.
[77] «Suluh Indonesia», 3.VI.1963.
[78] «Warta Bhakti», 3.VI.1963.
[79] «Djakarta Daily Mail», 7.VI.1963.

встрече в Токио Абдул Рахман обещал ему вернуться к вопросу о создании Малайзии на будущей встрече в Маниле и сообщить своему народу результаты этой встречи»[80].

Дальнейшее развитие малайзийского конфликта летом 1963 г. характеризуется резкими сменами обострения и смягчения напряженности. Можно предположить, что индонезийские руководители стремились удержать ситуацию на той грани, где проблема Малайзии достаточно привлекала бы к себе внимание внутри и вне Индонезии и в то же время не вынуждала бы индонезийское правительство к каким-то далеко идущим решительным шагам.

7 июня в Маниле начались переговоры трех министров иностранных дел — Индонезии, Малайи и Филиппин. Результаты их были неожиданными. Министры приняли рекомендации главам правительств одобрить создание конфедерации трех государств (эта идея была выдвинута президентом Филиппин Макапагалом). Предполагалось создать аппарат для проведения взаимных консультаций по вопросам безопасности, «политической стабильности», экономического, социального и культурного развития. Было также решено не позже конца июля созвать конференцию глав государств в Маниле[81]. Характерны заголовки, появившиеся в индонезийской печати на следующий же день, т. е. 13 июня: «Дипломатический сюрприз. Малайзия растворилась. Существует Мафилиндо» («Сулух Индонесиа»). Особое удовлетворение выразил Вашингтон. Государственный департамент расценил идею конфедерации как результат «дальновидной государственной мудрости»[82], а Дин Раск на радостях призвал оказывать помощь Индонезии[83].

Действительно, внешне все выглядело так, как будто проблема решена и Западу удалось добиться резкого поворота Индонезии в сторону сближения с Филиппинами и Малайей и даже подобия блока между этими странами. Но Индонезия могла всерьез рассматривать эту идею лишь при условии своей независимости — если не гегемонии — внутри конфедерации. Надежды же на это были весьма слабыми. Вскоре начали проясняться некоторые закулисные планы западных держав в связи с проектом Мафилиндо. Вице-президент Филиппин Пелаез выступил с идеей присоединения к конфедерации Таиланда и Австралии[84], что превратило бы этот союз в своего рода филиал СЕАТО, где Индонезия находилась бы в одиночестве.

---

[80] «Semesta», 22.VII.1963.
[81] «Suluh Indonesia», 12.VI.1963.
[82] «Antara», 14.VI.1963, стр. 7.
[83] «Djakarta Daily Mail», 15.VI.1963.
[84] «Suluh Indonesia», 20.VI.1963.

Упоение «дипломатической победой» продолжалось недолго. Когда были полностью опубликованы доклады министров своим правительствам, там содержалась следующая фраза: «Индонезия и Филиппины заявили, что они будут приветствовать создание Малайзии при условии, что согласие населения территорий на Борнео будет установлено независимыми и беспристрастными лицами — Генеральным секретарем ООН или его уполномоченными» [85].

В ответ Абдул Рахман заявил, что Малайзия будет провозглашена 31 августа, и фактически отверг идею референдума [86]. 8 июля 1963 г. в Лондоне было подписано соглашение о создании федерации.

Реакция на эти события в Индонезии была настолько острой, что перспективы дальнейших переговоров стали весьма сомнительными. Видимо, и в Лондоне и в Куала-Лумпуре поняли, что ситуация становится чревата неожиданностями и для достижения своих целей надо искать другие пути.

На совещании в Маниле, открывшемся 30 июля, Абдул Рахман после долгих дебатов согласился на проведение опроса комиссией ООН до провозглашения Малайзии. В Манильской декларации вновь подчеркивалась приверженность идее Мафилиндо [87].

Обследование, проведенное на Северном Калимантане, дало неожиданные для Индонезии результаты. Миссия ООН сделала вывод, что народы Сабаха и Саравака поддерживают создание Малайзии [88]. Стало ясно, что надежды, возлагавшиеся на антималайзийские выступления в Сабахе и Сараваке, не оправдались. Однако на карту было поставлено слишком многое. Сукарно и его дипломатия не могли отступить или избрать другой путь. Правительство Индонезии отвергло выводы миссии ООН [89]. Аналогичную позицию заняли Филиппины.

15 сентября было провозглашено создание Федерации Малайзии. На следующий день прошли бурные демонстрации в Джакарте, а 17 сентября Малайзия разорвала дипломатические отношения с Индонезией и индонезийское посольство в Куала-Лумпуре подверглось разгрому. Днем позже были сожжены посольства Англии и Малайзии в Джакарте [90]. Первый этап борьбы не увенчался для Индонезии успехом.

Хотя правящие круги Вашингтона втайне злорадствовали по поводу того, что Англия увязает в ЮВА в конфликте, ана-

---

[85] «Djakarta Daily Mail», 20.VI.1963.
[86] «Suluh Indonesia», 9.VII.1963.
[87] «Semesta», 6.VIII.1963.
[88] «Antara», 14.IX.1963, стр. 7—8.
[89] «Antara», 16.IX.1963, стр. 1.
[90] «Правда», 18.IX.1963; «Известия», 19.IX.1963.

логичном вьетнамскому, тем не менее правительство США не могло остаться безучастным. 18 сентября посол Индонезии был вызван в государственный департамент. Беседа проходила в таких тонах, что, уходя, посол «дрожал от гнева» [91]. Вслед за этим представитель госдепартамента заявил, что «решение относительно помощи США по программе стабилизации индонезийской экономики еще не принято» [92]. Эти меры, однако, натолкнулись на сопротивление президента Кеннеди, вовсе не желавшего расставаться с таким орудием давления, как экономическая помощь. За ним стоял большой бизнес, взгляды которого корреспондент агентства «Антара» в Вашингтоне комментировал следующим образом: «С точки зрения американских предпринимателей разрыв торговых отношений между Индонезией, с одной стороны, и Сингапуром и Пенангом — с другой, носит постоянный характер... С их стороны не видно желания осудить Индонезию за этот шаг. Более того, они хотят наилучшим образом использовать эту возможность, чтобы получить сырье непосредственно из Индонезии. Они не хотят такого положения, когда они были вынуждены иметь дело с третьими странами» [93]. Индонезийское правительство имело основания ожидать, что деловые круги других западных стран будут не более солидарны с англичанами, чем американцы.

Во время визита в Индонезию в октябре — ноябре 1963 г. президент ФРГ Любке получил заверения, что «тесные связи Индонезии с социалистическими странами не помешают тесным связям с дружественными государствами на Западе» [94].

Еще в сентябре были получены гарантии премьер-министра Японии Икеда, что Япония готова продолжать расширение экономической и технической помощи Индонезии [95], после чего японские монополии заключили семилетний контракт на весь экспорт никеля с Юго-Восточного Сулавеси (в 1963 г. этот экспорт составил 45,5 тыс. *т*) [96]. Тогда же Сукарно предложил, чтобы японские компании занялись разработкой месторождений нефти в некоторых районах Индонезии, в том числе на Западном Ириане и Калимантане, что встретило самый живой интерес со стороны Икеда [97].

Активизировались связи с Голландией. Как объяснил руководитель индонезийской миссии, посетивший Голландию, это «объяснялось тем, что Нидерланды хорошо осведомлены

---

[91] «Известия», 19.IX.1963.
[92] «Suluh Indonesia», 27.IX.1963.
[93] «Antara», 19.XII.1963, стр. 2.
[94] «Antara», 4.XI.1963, стр. 3
[95] «Suluh Indonesia», 30.IX.1963.
[96] «Antara», 19.XII.1963, стр. 8.
[97] «Far Eastern Economic Review», 1963 vol. XLIII. № 12, стр. 640.

в вопросах производства и потребностей Индонезии». Появились планы создания смешанных индонезийско-голландских компаний по экспорту и импорту [98]. В результате Голландия стала закупать 25—40% каучука, который раньше шел через Малайю и Сингапур [99].

Начало 1964 г. характеризовалось растущим нажимом на Индонезию со стороны Соединенных Штатов. 20 января было организовано новое свидание в Токио Сукарно и министра юстиции США Р. Кеннеди, имевшего целью «разъяснить позиции США в малайзийском конфликте — у США есть военные союзы с Англией и Австралией, и Америке будет трудно остаться в стороне, если начнутся открытые военные действия» [100].

Противостояние Малайзии к январю 1964 г. длилось уже целый год, не принося заметных успехов. Более того, можно согласиться с теми политиками, которые утверждают, что напряженность в отношениях с соседями оказывала цементирующее воздействие на федерацию.

В этих условиях основной упор был сделан на подготовку второй конференции стран Азии и Африки. По мысли Сукарно, эта конференция должна была стать демонстрацией мощи и влияния Индонезии в «третьем мире» и обеспечить поддержку ее политики в ЮВА.

Обстановка, в которой проходила подготовка второй азиатско-африканской конференции, значительно отличалась от обстановки 1955 г., когда в Бандунге впервые собрались представители стран этого региона. Индонезийская дипломатия стремилась создать хотя бы видимость поддержки своего курса, так как она встречала непонимание со стороны многих стран Азии и Африки. Для руководителей индонезийской внешней политики главным аспектом подготовки к конференции стало дальнейшее сближение с Китайской Народной Республикой. В качестве платы за поддержку руководящие деятели индонезийского правительства пошли на усиление антисоветских тенденций в своей внешнеполитической деятельности и на довольно откровенное признание гегемонии КНР.

Так, министр — генеральный секретарь Национального фронта Индонезии Судибьо в выступлении на закрытии семинара ученых Индонезии в марте 1964 г., используя пекинскую терминологию, обрушился на «ревизионистов», которые якобы «считают, что борьба народов Азии и Африки угрожает делу мира во всем мире, ревизуют все, что антиимпериалистично, приукрашивают характер империализма». Он

---

[98] «Antara», 22.XI.1963, стр. 3.
[99] «Antara», 21.XII.1963, стр. 2.
[100] «Far Eastern Economic Review», 1964, vol. XLIII, № 5, 203—204.

заявил, что одна из задач индонезийской революции заключается в том, чтобы «сокрушить ревизионизм»[101].

Свою лепту внес и Хайрул Салех. В речи на Сулавеси 1 апреля он доказывал, что «китайская революция может иметь большее влияние на весь мир, чем Великая Октябрьская революция, породившая Советский Союз», что «в деле развития социалистических стран КНР, безусловно, будет конкурировать с Советским Союзом, поскольку история показывает, что по численности населения, людским ресурсам, а также по уровню культурного прогресса КНР стоит на более высокой ступени, чем СССР»[102]. Суть высказываний подобного рода состояла в том, чтобы сыграть на разногласиях, возникших внутри социалистического лагеря.

Если сравнить приведенные высказывания с теми оценками роли СССР, которые давались индонезийскими государственными деятелями тремя-четырьмя годами раньше, возникает вопрос: почему эти антисоветские выпады появились именно тогда, когда Индонезия начала заходить в тупик в своей политике противостояния, когда она стала еще больше нуждаться в союзниках? Ответ, видимо, заключается в следующем. Банкротство постигало не борьбу против империализма, а попытки использовать лозунги антиимпериалистической политики для замораживания решения коренных задач индонезийской революции, для прикрытия сделок бюрократической буржуазии с империализмом. Продолжение этого курса неминуемо вскрывало противоречия с внешней политикой социалистических государств и толкало Индонезию в объятия Китайской Народной Республики. Все это с наибольшей очевидностью проявилось на подготовительном совещании министров иностранных дел в Джакарте в апреле 1964 г.

На совещании, открывшемся 10 апреля, было представлено 22 государства. С первого дня его работы четко обозначился китайско-индонезийский блок. Оппозицию этому блоку осуществлял представитель Индии. Разногласия начались при обсуждении вопроса о месте и времени проведения афро-азиатской конференции. КНР и Индонезия выдвинули предложение провести конференцию в 1964 г. до намеченной на октябрь встречи глав правительств неприсоединившихся стран[103]. Цель этого предложения заключалась в том, чтобы противопоставить идею азиатско-африканской солидарности концепции неприсоединения, которую индонезийские руководители к этому времени фактически уже отвергали (в цитировавшейся выше речи генеральный секретарь Национально-

---

[101] «Harian Rakjat», 25.III.1964.
[102] «Harian Rakjat», 10—11.IV.1964.
[103] «Far Eastern Economic Review», 1964, vol. XLIII, № 6, стр. 295.

го фронта Судибьо заявил, что «конференция неприсоединившихся государств ставит своей задачей спасти империалистов и колонизаторов от поражения») [104].

Основным предметом разногласий стал состав участников будущей конференции. Министр иностранных дел Индии предложил пригласить Советский Союз. Индонезийская делегация поддержала резко отрицательную реакцию Чэнь И, а близкая к индонезийскому МИД газета «Индонезиан геральд» обвинила индийцев в том, что они «хотят ошеломить Китай и помешать дальнейшему ходу встречи» [105]. КНР и Индонезия выступили и против предложения Индии перенести решение этого вопроса на конференцию [106]. Вопрос о приглашении Советского Союза остался открытым.

Другое предложение Индии — о приглашении на конференцию представителей Малайзии — также было встречено отрицательно. С формально юридической точки зрения, независимо от ее связей с Англией, Малайзия имела не меньше прав участвовать в конференции, чем члены СЕАТО — Филиппины и Пакистан, приглашенные на конференцию. И если ставить своей целью оказание влияния на политику этой федерации, то привлечение ее к форуму азиатско-африканских стран могло оказаться более целесообразным и, возможно, дало бы положительные результаты. Тем не менее это предложение было в самой резкой форме отвергнуто Индонезией и КНР. В результате было принято компромиссное, но бесперспективное решение — выразить «надежду, что причины, которые не позволили достичь согласия по приглашению (Малайзии), будут скоро устранены. В этом случае приглашение будет направлено в возможно кратчайшие сроки» [107].

Хотя китайско-индонезийская группировка сумела помешать принятию индийских предложений, далеко не все страны Азии и Африки были согласны с этим раскольническим курсом.

Советское правительство в заявлении в связи с итогами совещания в Джакарте [108] указало, что считает правомерной постановку вопроса о приглашении Советского Союза как крупнейшей евро-азиатской державы на предстоящую конференцию. В заявлении были подвергнуты аргументированной критике попытки Пекина расколоть прогрессивные силы по расовому признаку с целью использовать этот раскол в своих гегемонистских интересах. Правительство СССР заявило о своей поддержке созыва конференции афро-азиатских стран,

---

[104] «Antara», 25.III.1964, стр. 14.
[105] «Asian Survey», 1965, vol. V, № 7, стр. 365.
[106] Там же, стр. 366.
[107] «Far Eastern Economic Review», 1964, vol. XLIV, № 6, стр. 296.
[108] «Правда», 5.V.1964.

«если целью этой конференции поставлено сплочение всех сил, борющихся против империализма, против колониального рабства и если не преследуются иные цели — разъединение этих сил».

Совещание в Джакарте показало, что индонезийское правительство все ближе смыкается в своей внешней политике с Пекином и противопоставляет свой внешнеполитический курс политике стран социалистического лагеря.

В июне 1964 г. Джакарту посетила представительная делегация Верховного Совета СССР во главе с первым заместителем председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном. Советская делегация приложила все усилия для нормализации советско-индонезийских отношений. А. И. Микоян и другие члены делегации в своих выступлениях разъясняли политику Советского Союза по основным международным вопросам. В речи в парламенте Индонезии 25 июня А. И. Микоян говорил: «...к сожалению, мы не имеем такого единства, какое нужно иметь. Необходимо объединить все прогрессивные силы мира, всех, кто ставит своей целью уничтожение империализма, колониализма и неоколониализма во всех формах... Пусть же разногласия, где они есть, отодвинутся перед общей целью» [109]. Глава советской делегации напомнил о дружественном сотрудничестве, которое развивалось между СССР и Индонезией в течение ряда лет в области политической, экономической и военной. Отвечая тем, кто в Индонезии и за ее пределами нападал на миролюбивую внешнюю политику Советского Союза, А. И. Микоян указал, что, выступая за разоружение и запрещение ядерного оружия, СССР действует в пользу развивающихся государств и всех народов мира [110].

10 июля 1964 г. в Москву прибыла делегация Индонезии во главе с Субандрио. В подписанном 16 июля совместном заявлении говорилось: «Стороны пришли к взаимопониманию, что все прогрессивные антиимпериалистические и антиколониальные силы должны постоянно проявлять заботу о достижении и сохранении солидарности и недопущении того, чтобы эти огромные объединенные силы были разобщены» [111]. В ходе переговоров обсуждались также вопросы военных поставок, экономического сотрудничества и торговли между СССР и Индонезией. В заявлении было выражено удовлетворение обеих правительств итогами переговоров. Оценивая военный аспект переговоров, Сукарно заявил, что «в ближайшем будущем Индонезия по крайней мере сможет нейтрали-

---

109 «Новое время», 17.VII.1964, стр. 39.
110 Там же, стр. 42.
111 «Правда», 17.VII.1964.

зовать иностранные военные базы, окружающие ее в настоящее время»[112].

Таким образом, несмотря на явный поворот во внешней политике в сторону КНР, руководители Индонезии не шли на полное свертывание сотрудничества с СССР, отлично сознавая, какой невосполнимый ущерб это нанесло бы как обороноспособности страны, так и ее международному престижу. Однако индонезийское правительство не смогло отказаться от следования пропекинскому раскольническому курсу в вопросах борьбы против империализма. Касаясь проблем, связанных с проведением второй азиатско-африканской конференции, президент Сукарно в своей речи 17 августа 1964 г. выразил «надежду, что вопрос о составе участников второй конференции стран Азии и Африки не послужит причиной для раскола между прогрессивными революционными силами»[113]. Фактически же это означало призыв к Советскому Союзу не настаивать на своем участии в конференции. В заявлении Советского правительства от 8 августа 1964 г. вновь указывалось на правомерность участия СССР в конференции, особенно в условиях «открытого проявления узконационалистических гегемонистских тенденций у китайских руководителей»[114]. «Если какие-то силы, — говорилось далее в заявлении, — в своих фракционных целях не хотят присутствия на конференции Советского Союза, то очевидно, что такая линия причиняет вред национально-освободительному движению, подрывает дело сплочения народов». Вместе с тем правительство СССР подчеркнуло, что Советский Союз не может допустить, чтобы вопрос о его приглашении был использован для внесения разлада между странами Азии и Африки. «Советский Союз не проявлял инициативы в постановке вопроса о своем участии во второй конференции стран Азии и Африки. Он не проявляет ее теперь и не связывает ни себя, ни других какими-либо решениями на этот счет».

Конец «направляемой демократии»

Начало 1965 г. характеризовалось продолжением политической кампании КПИ против капиталистов-бюрократов. Выступая с новогодней речью, председатель ЦК КПИ Д. Н. Айдит отметил, что «династия капиталистов-бюрократов — это люди, богатые долларами и рупиями, они хранят свое имущество в мировых банках, их действия разоряют страну. Капиталисты-бюрократы также являются покровителями помещиков, они подстрекают различные государственные органы и настраивают их против крестьян, они выступают против

[112] «Harian Rakjat», 24.VII.1964.
[113] «Правда», 18.VIII.1964.
[114] «Правда», 14.VIII.1964.

проведения аграрной реформы, так как их политические и экономические интересы переплетаются с интересами помещиков... Они не только коррумпируют или просто расхищают, они имеют политические цели, угрожающие индонезийской революции» [115].

16 января Национальный совет СОБСИ выступил с заявлением, в котором призвал пересмотреть постановление № 7/1964, предусматривавшее передачу частному сектору государственных предприятий, ввести представителей профсоюзов в состав администрации государственных предприятий, расстрелять коррупторов, похитивших более 100 млн. рупий, конфисковать английские и взять под контроль американские предприятия и т. д.

Состоявшееся в середине января заседание Высшего совещательного совета (ДПА) приняло решение, в котором, в частности, говорилось, что против «экономической династии» должны быть приняты самые суровые меры и если необходимо — расстрел [116].

Эта кампания, однако, обладала той характерной особенностью, что ее острие было направлено не против правительства, определявшего государственную экономическую политику, а против определенных деятелей кабинета, занимавшихся вопросами экономики и связанных с Обществом пропаганды сукарноизма. Следует подчеркнуть также, что кампания против кабиров ограничивалась резкими заявлениями политических деятелей и организаций, демонстрациями с разрешения властей и не сопровождалась самостоятельными выступлениями масс, а потому, естественно, не достигла целей. Подвергшиеся критике члены кабинета были дискредитированы, но реальная политическая и экономическая власть бюрократического капитала осталась неприкосновенной.

В связи с Богорскими решениями волна односторонних действий крестьян, поднявшаяся в 1964 г. и принесшая тогда некоторые успехи, в начале 1965 г. была на спаде. Правительство, ссылаясь на Богорскую декларацию, требовало от крестьян решать конфликты «без инсинуаций, без запугивания и без оружия» и выдвигало на первый план задачу повышения производительности труда. Материальное положение трудящихся города и деревни продолжало ухудшаться.

В этих условиях Сукарно и возглавляемый им кабинет усиленно выдвигали на первый план лозунг «единства нации», всемерно подчеркивая при этом свои левые устремления. Единство, однако, было только кажущимся. Богорское соглашение лишь отсрочило взрыв, но не устранило конфликта.

---

115 «Harian Rakjat», 6.I.1965.
116 «Harian Rakjat», 23.I.1965.

Крупнейшая мусульманская партия Нахдатул Улама попрежнему видела в КПИ угрозу существующим аграрным отношениям в деревне и, что бы ни говорили ее лидеры в своих официальных речах, считала ее своим основным политическим противником. В Национальной партии шла ожесточенная борьба между группировкой Али Састроамиджойо и набиравшей силу фракцией Иснаэни — Харди, которая выступала против сближения с компартией. Все более укреплялись связи между противниками компартии в политических партиях и военными.

В то же время КПИ с 3 млн. членов, возглавлявшая массовые организации, куда входило не менее 16 млн. человек, продолжала оставаться наиболее массовой организованной силой в стране.

Нараставшее торможение революционного процесса внутри страны, естественно, продолжало находить отражение во внешнеполитическом курсе, причем и здесь происходившие изменения прикрывались революционной фразеологией. 7 января 1965 г. президент объявил о выходе Индонезии из ООН в связи с избранием Малайзии в качестве непостоянного члена Совета Безопасности. Вслед за этим Индонезия вышла из специализированных организаций ООН и отказалась от помощи в общем размере около 50 млн. долл., которую она получала по этим каналам. 31 января Сукарно в интервью «Коламбиа бродкастинг систем» заявил, что Индонезия вернется в ООН только после ее реорганизации. Накануне председатель Национальной партии Али Састроамиджойо одобрительно отозвался по поводу предложения Чжоу Энь-лая о создании «революционной ООН». Президент Сукарно был, однако, более осторожен, сказав 31 января, что Индонезия «в настоящее время» не имеет намерения создать «Союз новых развивающихся сил», а ставит вопрос лишь об организации КОНЕФО — конференции этих сил.

Уход Индонезии из ООН ослаблял те силы в этой организации, которые обычно использовали ООН как трибуну в антиимпериалистических целях. Руководители социалистических стран и ряда государств Азии и Африки безуспешно пытались убедить индонезийское правительство пересмотреть решение, противоречившее и интересам самой Индонезии.

В декабре 1964 — январе 1965 г. начался новый этап индонезийско-китайских отношений. В январе в Пекин была направлена делегация индонезийского правительства во главе с Субандрио. Обращало на себя внимание включение в делегацию ряда военных деятелей, в том числе министра ВМС вице-адмирала Мартадината. Подписанное 28 января совместное заявление [117] дает ясное представление о том, на

[117] «Harian Rakjat», 29.1.1965.

какой основе произошло сближение между лидерами Индонезии и Китая. В заявлении говорилось, в частности: «Стороны подчеркнули, что не может быть мирного сосуществования между новыми растущими силами и старыми силами (НЕФО и ОЛДЕФО); правительство и народ Китая горячо одобряют и полностью поддерживают решение президента Сукарно о выходе из ООН. Указанное решение является мудрым, решительным и смелым и поможет покончить с иллюзиями в отношении ООН и подтолкнет народы всего мира в их революционном движении против империализма и колониализма». Как позже выяснилось, Субандрио заверил Пекин, что Индонезия не вернется в ООН [118]. «Стороны обменялись опытом, достигнутым в национальном строительстве, и считают, что опора на собственные силы является разумной политикой для недавно освободившихся государств», стороны «решили укрепить сотрудничество в технической области, расширить торговлю и морские перевозки и развивать военное сотрудничество». Это заявление окончательно оформило индонезийско-китайский блок Пекин—Джакарта. Для закрепления его Индонезии был предоставлен кредит на сумму 80 млн. долл. [119].

Одним из результатов этого сближения было дальнейшее отдаление Индонезии от стран Азии и Африки, что достаточно определенно обнаружилось в апреле 1965 г., когда в Джакарте проводились празднества в связи с десятой годовщиной Бандунгской конференции. Из более чем 60 стран, приглашенных на празднование, приглашение приняли лишь 35, причем 4 страны были представлены своими послами [120].

Для внешнеполитического курса Индонезии на этом этапе весьма характерны заявления президента Сукарно, сделанные им в речах на открытии III сессии Временного народного консультативного конгресса 11 апреля 1965 г. и на праздновании годовщины Бандунгской конференции 18 апреля. В этих выступлениях содержались, в частности, такие высказывания: «Концентрация стратегических центров международной экономической борьбы в форме „общего рынка" в Западной Европе и Комэкона в европейском социалистическом мире, а также система имперских преференций Содружества наций вынуждают недавно освободившиеся и развивающиеся страны объединять свои экономические усилия и возможности в мировом масштабе с тем, чтобы дать отпор и покончить с этим заговором неоколониализма и империализма („неколим")» [121]. Здесь социалистические страны,

[118] «Angkatan Bersendjata», 4.X.1966.
[119] «Far Eastern Economic Review», 1965, vol. XLVII, № 2, стр. 87—89.
[120] «Far Eastern Economic Review», 1965, vol. XLVII, № 7, стр. 319.
[121] «Berdiri Diatas kaki sendiri»,— «Harian Rakjat», 14.IV.1965, стр. 11.

входящие в СЭВ, в недвусмысленной форме были отнесены к силам «неколим». Как никогда прежде, в апрельских речах Сукарно четко обозначилось стремление утвердить гегемонию Индонезии в Южной Азии. Именно так следует рассматривать утверждение о том, что авангардом и главной опорой мировой революции являются народы Азии, Африки и Латинской Америки и что Индонезия выступает как «маяк авангарда» [122].

В целом внешнеполитическая деятельность индонезийского правительства в этот период довольно полно соответствовала интересам и устремлениям руководителей КНР, а идеологическое обоснование этой политики часто заимствовалось из китайского арсенала. В дальнейшем, летом 1965 г., сближение с КНР по политической и идеологической линиям, усиление элементов авантюризма во внешней политике и развитие антисоветских тенденций продолжали нарастать.

Как оценивало руководство КПИ политическую ситуацию в стране в первой половине 1965 г.?

В связи с 45-й годовщиной со дня создания партии политбюро ЦК КПИ опубликовало тезисы, в которых рассматривались наиболее важные проблемы текущего этапа революции [123]. В разделе «Крестьянское движение» Основной аграрный закон и Закон о разделе урожая (1960 г.) характеризовались как «политическая победа крестьянского движения»; в качестве причины «замораживания» этих законов указывалось сопротивление помещиков и реакционных сил, позиция же государственной власти упоминалась в положительном смысле — указанные законы, говорилось в тезисах, были «официальным признанием необходимости антифеодальной аграрной программы в национально-демократической революции». Фактически был снят лозунг односторонних действий, и наряду с этим констатировался рост числа выступлений крестьян «за преодоление замораживания аграрных законов и в деле развертывания противостояния Малайзии».

В разделе «Манипол» в полном противоречии с действительностью отмечалось, что «народный аспект государственной власти все больше растет и держит инициативу в своих руках», а «антинародный аспект», будучи все еще «довольно сильным», отступает, «зажимается» народным аспектом.

Политбюро констатировало наличие «все созревающей и растущей революционной ситуации». Были указаны три признака этой ситуации: активная борьба народа за улучшение условий существования, «зажим антинародного аспекта» и, как это ни странно, все большее соответствие политики пра-

---

[122] Там же, стр. 13.
[123] «Tesis 45 tahun PKI»,— «Harian Rakjat», 7.V.1965.

вительства требованиям народа, все большее участие народа в определении государственной политики.

Капиталисты-бюрократы были охарактеризованы в тезисах как главный фактор, ставящий под угрозу развитие национальной экономики. Но если в декабре 1964 — январе 1965 г. руководство КПИ указывало, что кабиры фактически держат в своих руках политическую власть, то в мае 1965 г. оно указывало лишь на их намерение захватить эту власть путем государственного переворота. Если ранее (в 1960—1961 гг.) руководство КПИ считало, что установление государственной собственности на отобранные у иностранного капитала предприятия полезно народу лишь при наличии широких демократических прав трудящихся и при устранении бюрократического капитала, то тезисы 1965 г. безоговорочно объявили национализацию иностранных предприятий «движением индонезийской экономической системы влево», безотносительно к роли рабочего класса.

В докладе председателя ЦК КПИ на IV пленуме ЦК (11 мая 1965 г.) [124] была подтверждена верность Богорской декларации. Констатировалось, что народ стал «формировать государственную политику», отмечалось некоторое ускорение темпов аграрной реформы; осуждались «непродуманные акции» некоторых деятелей БТИ, забывших о том, что действовать надо «справедливо, полезно и зная границы»; подчеркивалось значение «антиимпериалистических выступлений крестьян»; одобрялось решение президента о наделении командующих военными округами правами «командующих осуществлением программы правительства в округах». При этом указывалось, что это не означает сохранения военного положения. В докладе подчеркивалось, что некоторый рост заработной платы рабочих за последние восемь месяцев достигнут не путем забастовочной борьбы.

По вопросам международного коммунистического движения руководство КПИ к этому времени занимало позиции, весьма близкие к взглядам руководителей КПК.

В Обращении Марксистско-ленинской группы позиция руководства КПИ по отношению к международному коммунистическому движению представлена следующим образом. Авторы Обращения считают, что изменения в этой позиции произошли в конце 1963 г. После того как в международном коммунистическом движении началась «большая дискуссия», КПИ «вначале заняла позицию, заключавшуюся в том, что априори не обвинять или оправдывать какую-либо сторону, а критически изучить все материалы и аргументацию в указанной большой дискуссии, чтобы внести свой вклад в дело восстановления единства в международном коммунистиче-

---

[124] «Harian Rakjat», 12, 13, 14, 15.V.1965.

ском движении». В дальнейшем, однако, руководство КПИ стало «оправдывать одну сторону и учить ненавидеть другую». «Хотя наши формальные и официальные связи были все еще хорошими и дружескими, но по существу мы уже заняли ошибочную линию, относились к тем, кого считали „ревизионистами“, как к врагу». Авторы Обращения показали, что руководство КПИ покинуло согласованную позицию международного коммунистического движения, в частности по вопросам о главном противоречии нашей эпохи, о мирном сосуществовании государств с различным социальным строем, о путях развития национально-освободительных революций, о единстве коммунистического движения. В документе указывается, что переломным рубежом в этой эволюции руководства партии явился II пленум ЦК КПИ (декабрь 1963 г.).

Действительно, лидеры КПИ после возвращения делегации партии из КНР осенью 1963 г. выступили с критикой линии международного коммунистического движения, зафиксированной на международных форумах компартий с участием представителей Коммунистической партии Индонезии.

После II пленума ЦК КПИ (декабрь 1963 г.) лидеры партии перешли на позиции Пекина и, сохраняя формальные контакты с братскими партиями, выступающими с позиций мирового коммунистического движения, повели борьбу против них.

Действия руководства КПИ в период, непосредственно предшествовавший разгрому партии, получили высокую оценку Пекина. В письме по поводу 45-летия КПИ (май 1965 г.) руководство КПК писало, что КПИ ведет «решительную борьбу с современным ревизионизмом». «Коммунистическая партия Китая гордится тем, что у нее есть такой преданный и надежный соратник, как Коммунистическая партия Индонезии». Оно безоговорочно одобрило и внутриполитический аспект деятельности руководства КПИ: «Центральный Комитет Коммунистической партии Индонезии умело претворяет в жизнь и творчески развивает марксизм-ленинизм, исходя из реальной обстановки индонезийской революции, блестяще проводит индонезиацию марксизма-ленинизма, свободно устанавливает линию и политику революции, соответствующие основным интересам народа Индонезии, и таким образом руководит революционной борьбой Индонезии и ведет ее к дальнейшим успехам»[125].

Глава делегации КПК на праздновании 45-летия КПИ в мае 1965 г. заявил, что генеральная линия Компартии Индонезии обладает «безграничной жизненной силой». Он

---

[125] «Harian Rakjat», 25.V.1965.

выразил удовлетворение по поводу укрепления единства Сукарно и компартии [126].

Иными словами, руководство КПК открыто подчеркивало, что руководители КПИ являются ее союзниками в борьбе против большинства международного коммунистического движения, и горячо одобряло их политический курс. Что касается международного коммунистического движения, то братские партии, подвергавшиеся нападкам со стороны лидеров КПИ, неоднократно по-товарищески указывали им на ошибочность их политики.

В мае 1965 г. предстояло празднование 45-й годовщины компартии. В этих условиях военные решили продемонстрировать свою мощь. 16 апреля исполнилось 13 лет со дня решения Хатты о формировании РПКАД (полка парашютистов-десантников сухопутных войск). Спустя месяц после этой даты (16 мая) министр — главком сухопутных войск Яни решил отметить ее показательной высадкой десанта в Джакарте. Общее руководство операцией осуществлял генерал Яни. Кроме обычных прыжков был продемонстрирован спуск тяжелого вооружения [127]. При высадке десанта присутствовали высшие офицеры всех родов войск. Демонстрация мощи проводилась на виду у многих тысяч зрителей. В своем выступлении Яни указал на важную роль РПКАД в подавлении мятежей, антиправительственных выступлений.

В день окончания работы IV пленума ЦК КПИ генерал Яни предпринял первые шаги к концентрации отборных частей из всех родов войск в мощную ударную силу, находившуюся под прямым контролем командования сухопутных войск. 13 мая Яни в качестве начальника штаба Верховного оперативного командования (КОТИ) [128] передал на авиабазе Халим, под Джакартой, в распоряжение КОЛАГА (командование «Готовность», формально предназначенное для борьбы с Малайзией) [129] ряд контингентов ВВС (в том числе десантные соединения, эскадрильи истребителей, бомбардировщиков и вертолетов) [130]. Важно отметить также, что изъятие отборных соединений для формирования эффективного орудия внутреннего подавления (под флагом противостояния Малайзии) было начато с ВВС, т. е. с того рода войск, в котором позиции президента и КПИ были относительно сильны.

---

[126] «Harian Rakjat», 27.V.1965.

[127] «Suluh Indonesia», 17.V.1965.

[128] Верховное оперативное командование было создано в феврале 1963 г. с официальной задачей координации всех действий по борьбе с Малайзией.

[129] Создание КОЛАГА «в целях борьбы против Малайзии» было декретировано еще 2 февраля 1965 г. Сухопутные войска в командовании КОЛАГА были представлены начальником стратегического резерва армии генералом Сухарто.

[130] «Indonesian Herald», 14.V.1965.

В интервью 14 мая Д. Н. Айдит выступил за «насакомизацию» вооруженных сил и заявил, что поскольку партийная деятельность в вооруженных силах не допускается, при военных органах могут быть созданы комиссии, в которые войдут представители всех трех элементов НАСАКОМ и которые совместно с соответствующими министрами будут определять и направлять деятельность военных органов. 18 мая требование «насакомизации во всех областях» поддержал председатель НПИ Али Састроамиджойо.

С одобрения Сукарно 45-летие КПИ отмечалось как национальный праздник [131]. Повсюду можно было видеть знамена КПИ рядом с государственными флагами, гигантские изображения серпа и молота и лозунги КПИ. 23 мая на центральном стадионе было устроено грандиозное празднество. Против главной трибуны были помещены портреты Маркса, Энгельса, Сукарно, Ленина, Сталина. Речь председателя ЦК КПИ содержала несколько важных элементов [132]. Во-первых, он прямо заявил, что между КПИ и Сукарно существует «ясная и законная связь». Во-вторых, он подчеркнул, что «все большей и определяющей становится роль народных масс в политической жизни страны». В-третьих, он обратил внимание на то, что «индонезийский народ не голодает». В-четвертых, он призвал к «наступлению на современный ревизионизм во всех областях». Д. Н. Айдит потребовал «насакомизации во всех областях» и, подчеркнув, что «империалисты не боятся регулярной армии, ибо сами имеют такую же и даже лучше оснащенную армию», потребовал вооружения народа.

В ответной речи [133] Сукарно отметил свое единодушие с председателем ЦК КПИ: «Друзья! То, что здесь говорил Д. Н. Айдит, правильно. Д. Н. Айдит прав». И далее: «Я, как великий вождь индонезийской революции, привлекаю к себе КПИ». Как и Д. Н. Айдит, он подчеркнул связь «великого вождя революции» с КПИ. Как и Д. Н. Айдит, он заявил: «У нашего народа еды полно».

Командование вооруженных сил расценило требование «насакомизации» как попытку лишить армию ее роли самостоятельной, обособленной политической силы. 21 мая в Индонезию возвратился генерал Насутион. Еще 18 мая в Голландии он недвусмысленно заявил, что «будет бороться против установления в стране коммунистического режима в какой бы то ни было форме». После прибытия Насутиона военная верхушка стала интенсивно наращивать силы для сокрушения системы «направляемой демократии».

---

131 «The Program of the 45-th Anniversary of the PKI», Djakarta, 12.V.1965.

132 «Harian Rakjat», 24.V.1965.

133 Там же.

Уже 22 мая А. Яни публично заявил, что не понимает заявления Айдита о «насакомизации армии»: ведь в душе каждого индонезийца, согласно учению Бунга Карно, живут все элементы НАСАКОМ [134]. Утром 24 мая, т. е. на следующий день после грандиозного праздника на Центральном стадионе, Насутион нанес визит Сукарно. После этой встречи начальник штаба вооруженных сил заявил корреспондентам, что он полностью солидаризуется с генералом Яни и поддерживает мысль о том, что каждый воин индонезийской армии — «насакомист». Отвечая на вопрос о предложении Д. Н. Айдита по поводу «насакомизации» вооруженных сил, генерал сказал, что решение этого вопроса полностью зависит от президента. «Но,— сказал он далее,— дело не пойдет, если под насакомизацией имеется в виду такое положение, когда, скажем, командующий принадлежит к Национальной партии, его первый заместитель — к партии Нахдатул Улама, а второй — к КПИ». Сославшись на «опыт», генерал снова добавил, что такая «насакомизация» в вооруженных силах не пойдет [135]. Несколькими часами позже президента посетил Яни, который после этого визита сообщил, что Сукарно желает «духовной насакомизации» [136]. 23 мая командир РПКАД полковник Сарво Эди поместил в воскресном выпуске газеты сухопутных войск «Брита Юдха» заявление о том, что «РПКАД готов выполнить свои задачи в любой момент, где бы то ни было и как бы то ни было — на земле, на море или с воздуха».

27—29 мая в Джакарте состоялось экстренное совещание всех командующих военными округами. Открывая его, генерал Яни заявил, что «следует крепить бдительность и что президент сигнализирует о признаках извращения принципа НАСАКОМ». В тот же вечер заместитель председателя ЦК КПИ Ньото выступил перед началом театрализованного представления, посвященного истории КПИ, с речью, в которой указал, что сотрудничество народа и вооруженных сил «никогда еще не было таким прочным» [137]. В ночь на 28 мая Субандрио в сопровождении Ньото вылетел в Гуанчжоу, где в течение нескольких часов совещался с Чжоу Энь-лаем и Чэнь И. 28 мая президент выступил перед командующими округами с разоблачениями: империалисты, заявил он, замышляли совершить убийство Сукарно, Субандрио и Яни [138]. Это могло означать лишь одно: для успокоения военных Сукарно решил продемонстрировать свое полное единодушие с командованием сухопутных войск. В той же речи, в которой Сукарно разоблачил заговор империалистов, он дословно, но

---

[134] «Angkatan Bersendjata», 24.V.1965.
[135] «Berita Republik Pembela Pantja Sila», 25.V.1965.
[136] «Angkatan Bersendjata», 25.V.1965.
[137] «Harian Rakjat», 28.V.1965.
[138] «Harian Rakjat», 29.V.1965.

уже от своего имени, повторил слова Насутиона о «насакомизации» армии: «Глава государства,— сообщило агентство „Антара“,— разъяснил, что твердо придерживаться принципа НАСАКОМ вовсе не значит, что если командующий из НАС, то его заместители должны быть из А или КОМ». 31 мая было опубликовано заявление командующих военными округами [139]. Командующие объявили сухопутные войска «защитниками народа, государства, религии и индонезийской революции» и призвали к «повышению единства, бдительности и национальной готовности в каждом округе Индонезии, в отношении всех сторон развития революции». Наконец, 31 мая информационная служба сухопутных войск заявила, что индонезийская армия «не знает и не будет знать так называемых политических комиссаров». Во избежание недоразумений было пояснено, что речь идет о предложениях деятелей КПИ [140]. Это означало, что идея «насакомизации» армии категорически отвергнута генералами и что президент более ее не поддерживает. Пришлось отступить и руководству КПИ, фактически снявшему это предложение с повестки дня. Оно ограничилось тем, что в сатирическом уголке партийной газеты подчеркнуло, что президент, отказываясь от «насакомизации» армии, лишь повторил слова Насутиона [141].

Под шум приветствий в связи с 45-летием КПИ от министров и различных политических организаций военные продолжали наступление на позиции компартии. В 20-х числах мая военная пресса развернула кампанию по поводу гибели сержанта Суджоно, убитого крестьянами — членами примыкавшего к КПИ Крестьянского фронта. Руководство фронта отвечало, что крестьяне не желали нарушать порядок, что виноват чиновник, приказавший распахать их посевы, что именно он нарушил Богорскую декларацию. Оно призвало крестьян «крепить единство с военными», соблюдать Богорскую декларацию и «еще больше и по-настоящему трудиться» [142].

Во второй половине мая и в июне происходило интенсивное наращивание боевой мощи КОЛАГА. 22 мая генерал Сухарто принял в распоряжение КОЛАГА из состава ВМС части морской пехоты, бригаду десантников, подразделения полевой и зенитной артиллерии и бронемашины [143]. 3 июня КОЛАГА были переданы некоторые сухопутные части, расположенные на Калимантане и Суматре, а также стратегическое командование сухопутными войсками (КОСТРАД). 10 июня Яни передал в распоряжение КОЛАГА «оперативные части» полиции. 5 июля были приняты меры по укрепле-

---

[139] «Angkatan Bersendjata», 31.V.1965.
[140] Там же.
[141] «Harian Rakjat», 31.V.1965
[142] Там же.
[143] «Angkatan Bersendjata», 24.V.1965; «Suluh Indonesia», 24.V.1965.

нию КОСТРАД, который был усилен несколькими дивизионами полевой и самоходной артиллерии[144].

Процесс формирования КОЛАГА означал передачу ряда соединений ВМС, ВВС и полиции в непосредственное подчинение руководства сухопутных войск [КОЛАГА было подчинено Верховному оперативному командованию (КОТИ), повседневным руководителем которого был министр — главком сухопутных войск Яни, а внутри КОЛАГА решающие позиции занимал командующий стратегическим резервом сухопутных войск Сухарто].

Все силы на Калимантане и Суматре к этому времени уже находились в распоряжении командования сухопутных войск, так как заместители министра—главкома пс Суматре (генерал-майор Мокогинта) и по Калимантану (генерал-майор Пангабеан) возглавляли все войска на соответствующих территориях. Поэтому концентрация ряда соединений ВМС, ВВС и полиции и подчинение их командованию сухопутных войск в рамках КОЛАГА была укреплением позиции этого командования не столько на Внешних островах, сколько на Яве.

Из характера сообщений о формировании КОЛАГА следовало, что соединения, передаваемые в это командование, предполагалось оставить на Яве (для осуществления «оборонительных функций»). В КОЛАГА передавались, как правило, мобильные соединения: десантные (разных видов), танковые, транспортные и боевые военно-воздушные, самоходно-артиллерийские и т. п.

Создание КОЛАГА имело целью формирование мощной и мобильной силы внутреннего подавления на Яве, находящейся под прямым контролем командования сухопутных войск с одновременным ослаблением ВМС и ВВС в их качестве потенциального противника в случае вооруженного столкновения.

Одновременно предпринимались меры к сосредоточению в руках командующих округами всей полноты власти. Еще в 1964 г. командующие округами решением КОТИ стали «командующими по проведению в жизнь двух приказов президента (ПЕПЕЛРАДА)». Поскольку второй приказ содержал требование «крепить революцию во всех областях», то указанное решение само по себе означало наделение командующих важными гражданскими правами. Летом же 1965 г. эти права были еще более расширены.

7 июля в Джакарте открылось совместное совещание штаба КОТИ с ПЕПЕЛРАДА всех округов. Обсуждался вопрос о «задачах и полномочиях ПЕПЕЛРАДА». В тот же день Сукарно, покинувший Индонезию 26 июня, возвратился в Джакарту. 8 июля президент обратился к совещанию с посла-

---

[144] «Angkatan Bersendjata», 6.VII.1965.

нием [145], в котором содержалось следующее заявление: «ПЕПЕЛРАДА в качестве командующего проведением в жизнь двух приказов президента в округе играет весьма важную роль: он должен держать в своих руках руководство всеми элементами государственного аппарата и общественных сил в своем округе, используя все меры и полномочия, а также все имеющиеся у него возможности». По сути дела это было открытым объявлением военного положения в стране, формально отмененного в 1963 г., но фактически продолжавшего существовать, и передачей командующим округами всей полноты власти на местах.

Наступление генералов продолжалось. 9 июля Сукарно предложил Насутиону представить соображения, касающиеся «улучшения организации обороны в областях, не расположенных на территории КОЛАГА» (т. е. на Яве, так как формально Ява в сферу действия КОЛАГА не входила) [146]. Насутион, проведя совещания с министрами—главкомами родов войск, немедленно внес предложения. Их суть сводилась к следующему: КОЛАГА — ударная, наступательная сила, но необходимы и меры по обороне. Все рода войск должны подвергнуться «интеграции». С этой целью следует создать единое командование как в центре, так и на местах [147]. Президент был вынужден одобрить эти предложения.

Во второй половине июля — начале августа Насутион провел ряд совещаний с министрами-главкомами. Всякий раз после совещаний он докладывал президенту о необходимости «интеграции вооруженных сил». В результате он получил у Сукарно письменную инструкцию, в которой ему предписывалось принять меры к созданию единого командования вооруженными силами. Этот вопрос был поручен особой комиссии во главе с Насутионом, что явилось крупной победой военного командования на пути к сосредоточению в своих руках фактического руководства вооруженными силами страны.

Во второй половине августа — сентябре Насутион побывал в важнейших стратегических и политических центрах страны (он инспектировал военные округа на Суматре и Калимантане, посетил Семаранг, Бандунг, Сурабаю, Соло, Джокьякарту и всюду проводил оперативные совещания с генералитетом и выступал перед офицерами). 27 сентября было объявлено, что 5 октября, в день 20-й годовщины вооруженных сил, в Джакарте будет высажен десант, который даст показательное сражение условному «противнику, захватившему плацдарм на побережье». В тот же день генералы осмотрели с воздуха место сосредоточения условного «противника» [148].

---

145 «Angkatan Bersendjata», 8.VII.1965.
146 «Angkatan Bersendjata», 9.VII.1965.
147 «Angkatan Bersendjata», 13.VII.1965.
148 «Angkatan Bersendjata», 28.IX.1965.

6 сентября Яни заявил, что революция вступила в решающую стадию и что победа у ворот [149].

В этих условиях руководство КПИ стремилось защитить партию от надвигающейся справа опасности под лозунгом спасения власти Сукарно и революции. 7 августа в Индонезию возвратился Д. Н. Айдит, прервавший из Китая свою поездку по зарубежным странам. К этому времени деятели, стоявшие во главе КПИ, уже не могли существенным образом повлиять на ход событий. Даже формы и методы деятельности партии определялись не ими. Левацкий стратегический курс и связанная с ним оппортунистическая политика руководства КПИ создали условия, в которых оно было лишено возможности действовать, опираясь на массы. В конце концов для него оказались закрытыми как мирный, так и вооруженный пути массовой борьбы. Открытым оказался лишь путь поддержки дворцового заговора подполковника Унтунга — командира одного из батальонов личной охраны президента. Марксистско-ленинская группа КПИ уже после 30 сентября 1965 г. назвала всю эту линию КПИ «левацкой самоубийственной политикой», приведшей к разгрому партийных рядов. Будучи уверены в успехе превентивного заговора группы офицеров, направленного против так называемого совета генералов, руководители КПИ, как указывает Марксистско-ленинская группа, совершенно не подготовили партию к организованному отпору на случай нападения реакции. В течение нескольких недель после того, как реакция обрушила на партию беспощадный террор, ее руководство, ни в какой мере не пытаясь организовать сопротивление, взывало лишь о помощи к президенту Сукарно. Как пишет Марксистско-ленинская группа КПИ, «руководство партии капитулировало и полностью возложило свои надежды на президента Сукарно и его политическое решение, а не на силу масс».

Вот уже на протяжении 20 лет любое сколько-нибудь важное событие в политической жизни Индонезии было связано с этим именем. Все эти годы Сукарно выступал как центральное действующее лицо в сложнейшей игре интересов, страстей, противоречий, развертывавшихся на политической сцене Индонезии.

Этот феномен не может быть понят вне связи с некоторыми особенностями национальной психологии индонезийского народа. Через века чужеземного господства индонезийский народ нес мечту об освобождении и связывал ее с приходом мессии — освободителя, который возглавит борьбу против поработителей. Не удивительно поэтому, что победа, достигнутая индонезийским народом над колонизаторами, персонифицировалась в наиболее выдающемся лидере общенародного

[149] «Angkatan Bersendjata», 7.IX.1965.

движения. Таким лидером стал Сукарно. Несколько десятилетий он был признанным руководителем национального антиимпериалистического движения. Прекрасно зная психологию своего народа, он облекал свое обращение к массам в наиболее импонирующую им форму. Как никто другой, он владел традиционным индонезийским политическим стилем, который отличается неторопливостью, стремлением избежать открытого проявления противоречий, тщательным соблюдением условностей и альтернативой которому, как хорошо было известно Сукарно, мог быть только взрыв необузданных страстей. Как никто другой, он знал возможности, заложенные в патерналистском укладе жизни индонезийцев, и умело использовал свой авторитет духовного отца нации для неуклонного расширения и углубления своего политического влияния и власти.

Ликвидация парламентской демократии дала Сукарно рычаги, казалось бы достаточные для того, чтобы единолично и эффективно направлять ход политической жизни страны.

Имел ли, однако, Сукарно реальную возможность применить эти необъятные полномочия для достижения провозглашенных им целей? Дело в том, что режим Сукарно не был личной диктатурой в обычном смысле этого слова. Политические условия Индонезии не позволяли ему создать собственную организацию, через каналы которой он мог бы обеспечить себе непосредственный контроль над политической жизнью страны.

Между верховным главнокомандующим и вооруженными силами (сухопутными войсками в особенности) стояли их повседневные руководители, связанные с армейской массой узами патернализма и кастовости; между председателем Национального фронта и массами были влиятельные политические партии, отстаивавшие вполне определенные классовые интересы; между президентом-премьером и страной стоял разъедаемый коррупцией государственный аппарат, в конце концов морально и политически поглотивший Сукарно. Военные и гражданские представители этого аппарата обладали зачастую неограниченной реальной властью на местах. В системе «направляемой демократии» все эти группировки сохраняли автономию, а в ряде случаев — полную самостоятельность.

В этих условиях власть Сукарно могла существовать лишь постольку, поскольку мощные противоборствующие политические группировки до поры до времени нуждались в ней или для достижения своих часто взаимоисключающих целей, или для заключения временного компромисса. Рост авторитета Сукарно не сопровождался соответствующим усилением его реальной власти. Напротив, его свобода действий все более ограничивалась интересами политических партий и группировок, между которыми он маневрировал, попеременно идя им

на уступки, а объем этих последних, естественно, определялся степенью фактического влияния политических сил.

Таким образом, политика Сукарно определялась соотношением политических сил в стране и составляла их подвижную равнодействующую. Этим и объясняется тот факт, что по мере усиления позиций бюрократического капитала в стране общее направление осуществлявшейся под эгидой и под руководством Сукарно государственной политики все более отвечало интересам кабиров.

Вместе с тем было бы грубой ошибкой представлять Сукарно в 1961—1965 гг. как человека, плетущегося в хвосте событий. Его способность находить выгодный для себя выход из самых запутанных политических ситуаций была поистине поразительной. Вмешательство президента в события июля — августа 1960 г. разрядило обстановку и предотвратило назревавший кризис ценой принципиальных уступок со стороны прогрессивных сил. Богорская декларация в декабре 1964 г., временно приостановившая наступление противников КПИ на ее позиции, также явилась результатом вмешательства президента, однако и на этот раз компромисс был достигнут за счет прогрессивных сил, вынужденных пойти на дальнейшие уступки. Но даже мастерски проведенные компромиссы могли лишь загнать противоречия вглубь, отсрочить на некоторое время назревавший взрыв, но не предотвратить его. Прошло несколько месяцев после Богора, и Сукарно снова оказался в обстановке, когда весь баланс сил, на котором держалась его система, оказался под угрозой. Сила военной группировки нарастала с опасной скоростью, ее решимость расправиться с компартией была так велика и очевидна, что достижение компромисса явно становилось не под силу даже Сукарно. Но и летом 1965 г., шаг за шагом сдавая свои позиции под натиском военных, он не сложил оружия. И только когда дело дошло до открытой схватки, окончательно выяснились действительные масштабы власти и влияния, которыми он располагал. «Большие батальоны» оказались не на его стороне, а в массах, которые в другое время можно было бы противопоставить противнику, влияние Сукарно было поколеблено годами хозяйственного хаоса, полуголода, инфляции, провалившихся планов экономического «процветания», неимоверной коррупции и произвола военщины. Перерождение системы «направляемой демократии» настолько дискредитировало ее в глазах трудящихся, что удар по Сукарно и связанным с ним прогрессивным силам не встретил массового сопротивления.

КПИ — партия, долгие годы выступавшая как боевой авангард освободительного движения, в этот период была уже не в состоянии оказывать прежнего активного воздействия на ход национально-освободительной революции.

Одной из причин ослабления позиций КПИ и ее поражения в 1965 г. явился отход группы лидеров партии от установок, разработанных съездами и пленумами ЦК партии в 50-е годы. Руководство КПИ избрало тактику проникновения в аппарат власти как бы рядом с Сукарно путем включения своих людей в хозяйственный, идеологический, административный, отчасти военный аппарат, рассчитывая таким образом укрепить свои позиции с тем, чтобы затем в подходящий, по их мнению, момент прийти к власти. Первый в истории опыт массового включения членов компартии по существу в антинародный и антидемократический аппарат показал, что такой метод борьбы за власть не приводит к успеху. Что же касается решающих органов власти, то коммунисты попросту не были туда допущены. Все попытки занять известное положение в командовании армией кончились неудачей. Точно так же обстояло дело и с правительством. Д. Н. Айдит, Лукман и Ньото были допущены в кабинет на такие посты, на которых они не могли оказывать какого-либо серьезного влияния на его политику: кроме того, в условиях «направляемой демократии», особенно находясь в правительстве, они не могли подвергать критике его деятельность и отмежеваться от его политики, все более приобретавшей антинародные черты.

* * *

Подводя итог, следует сделать вывод, что в первой половине 60-х годов в Индонезии происходил политический сдвиг, сопровождавшийся не только ослаблением национально-революционных сил, но и существенными изменениями в самом их характере. Этот сдвиг привел к спаду освободительного движения индонезийского народа. Кризис, разразившийся осенью 1965 г., явился одним из этапов этого спада.

События, начавшиеся в Индонезии в октябре 1965 г., окончательно обнажили глубокие противоречия, существовавшие и развивавшиеся в индонезийском обществе в предшествовавшие годы. Ни сами эти события, ни процессы политической жизни страны последних лет не являются предметом исследования в настоящей работе. Что касается попытки переворота в ночь на 1 октября 1965 г., то она вполне достойна самостоятельного изучения, тем более что механизм этого выступления, роль отдельных лиц и группировок, участвовавших в нем с обеих сторон, все еще далеко нельзя считать достаточно выясненным. Что же касается дальнейшего развития событий, то, как неоднократно указывалось в советской печати, в прогрессивной прессе за рубежом, в документах индонезийского коммунистического подполья, недостаточно ясная по своим политическим целям и неподготовленная в военном отношении акция подполковника Унтунга была сознательно

и планомерно использована правыми кругами в качестве повода для тщательно организованного фронтального наступления на прогрессивные силы в стране, прежде всего на Коммунистическую партию Индонезии, вслед за этим на левонационалистические партии и на левые группировки в целом.

Несомненно, что те негативные аспекты режима «направляемой демократии» и политики КПИ в системе этого режима, о которых говорилось выше, в значительной степени облегчили задачу правых кругов. Разочарование экономической и социальной политикой, деятельностью правительства Сукарно и деятельностью организаций, безоговорочно поддерживавших эту политику, стало источником той, казалось бы, неожиданной пассивности, с которой трудящиеся Индонезии встретили удары белого террора. Они не оказали организованного массового сопротивления. Это в конечном итоге и предопределило исход данного этапа борьбы.

В результате возникла серьезнейшая угроза основным завоеваниям индонезийской революции. Провозглашение антикоммунизма одной из основных частей внутриполитического государственного курса, активизация остатков ранее разбитых правых партий и организаций, возникновение огромного слоя отверженных, обвиняемых в том, что в прошлом они принадлежали к Коммунистической партии или к ее массовым организациям, сотни тысяч политических заключенных в тюрьмах и концлагерях — все это не только образует заслон на пути внутреннего развития индонезийского общества, но и в очень большой мере снижает сопротивляемость страны империалистическому проникновению. Это проникновение — как политическое, так и экономическое — осуществляется монополиями США, ФРГ, Японии, Голландии, Австралии в индивидуальном порядке, а также коллективно, в частности, под вывеской так называемого консорциума стран — кредиторов Индонезии, оказывающего возрастающий нажим на проведение экономической политики страны. Возвращение в страну иностранного промышленного и финансового капитала, происходящее во все более широких масштабах, денационализация собственности зарубежных компаний делают весьма отдаленными перспективы достижения Индонезией экономической самостоятельности, усиливают позиции западных стран в их стремлении полностью вовлечь Индонезию в сферу своего политического и идеологического влияния.

Наряду с этим устранение с легальной политической арены Коммунистической партии Индонезии, левонационалистических группировок, обескровленных преследованиями и террором, открыло благоприятные перспективы для проимпериалистических сил внутри страны. Помещики пользуются благоприятной для них ситуацией, чтобы положить конец всяким надеждам крестьян на проведение аграрной реформы. Кор-

рупция в условиях тяжелого экономического положения разрослась в гигантскую опухоль, поразившую экономику, государственный аппарат и вооруженные силы. Об этом сейчас пишет вся индонезийская печать.

Национально-освободительное движение индонезийского народа переживает сейчас один из самых сложных и тяжелых периодов своей многолетней истории. Прогрессивным силам Индонезии предстоит еще упорная работа по восстановлению и сплочению своих рядов, по завоеванию на свою сторону масс с тем, чтобы вывести страну на путь победоносной борьбы против империализма и реакции, за национальную независимость, за лучшее будущее для индонезийского народа. Марксистско-ленинская группа КПИ выдвинула позитивную программу восстановления партии на основе марксизма-ленинизма, борьбы за демократию и социальный прогресс, объединения всех национально-демократических сил в Фронте национального единства. Эта программа изложена в выпущенном группой в 1969 г. документе «Насущные задачи коммунистического движения в Индонезии».

В своей борьбе, протекающей в чрезвычайно тяжелых условиях, индонезийские коммунисты получают поддержку и солидарность мирового коммунистического движения. В обращении международного Совещания коммунистических и рабочих партий к индонезийским коммунистам, принятом 14 июня 1969 г., говорилось: «Мы убеждены в том, что индонезийские коммунисты, твердо придерживаясь принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, в союзе с другими прогрессивными демократическими силами Индонезии поведут свой народ к победе светлых идеалов подлинной национальной независимости, прогресса, социализма» [150].

---

[150] «Правда», 15.VI.1969.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдул Джамиль, тенгку 52
Абдул Рахман, тенгку 266, 267, 268
Абдулгани Руслан 64, 233, 246
Абдулмаджид 91, 117, 137
Абдулькахар Музаккир 63
Абикусно Чокросуйосо 63
Агус Салим 63, 114
Азахари 262
Азиз Салех 207
Айдит Дипа Нусантара 50, 64, 69, 208, 210, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 233, 234, 235, 238, 242, 258, 260, 274, 282, 283, 287, 290
Алимин Правиродирджо 90, 136, 137
Анди Абдул Азис 157, 158, 159
Аруджи Картавината 187
Ахмади 233

Бамбанг Сугенг 182
Бамбанг Утойо 182, 183
Банкер Э. 249, 250
Барлиан 207
Басри Хасан 142
Бейл Л. 103, 111, 115, 116, 130, 148, 149
Босх, ван дер 10
Бур Ф. 104
Бурхануддин Харахап 183, 184, 186, 201, 214

Вароу 214
Вартабоне Нани 37
Вахид Хашим 63
Вельтер Ш. 111
Вестерлинг 104, 156, 157
Виатт 266
Виджойоатмоджо А. 122
Викана 50, 59, 69, 70, 78, 91, 117, 136, 233
Вилопо 166, 167, 169, 170, 177
Вилуйо Пуспоюдо 242
Вильгельм I, король Нидерландов 10
Вильгельмина, королева Нидерландов 82
Виранатакусума 157
Вольф Ч. 40

Гамид II, султан 151, 157, 159
Гани Аднан Капал 114
Ганис Харсоно 247
Гербранди П. С. 81, 82, 111
Грэхем 123, 124

Даллес Дж. Ф. 216
Дауд Бере 172, 243
Дахлан 136
Джамбек Д. 214, 243
Джойобойо 57
Джойонегоро С. 233
Джокосуйоно 136, 137
Джуанда Картавиджайя 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 213, 214, 216, 219, 221, 228, 230, 233, 234, 239, 244, 247
Диах Бурхануддин 64
Димьяти Мухаммад 41
Дрейс В. 130, 150, 174
Дханупойо 37
Дюбуа У. 129

Ива Кусумасумантри 205
Идхам Халид 242, 243
Икеда 269
Иса Аншари 64
Иснаэни Мохаммад 276

Йонкман И. А. 115

Картосувирьо 143, 243
Картини 25
Кейн Дж. 57
Кеннеди Дж. Ф. 266, 269
Кеннеди Р. 249, 270
Керр А. К. 101, 109
Ки Хаджар Деванторо 76
Киллерн М., лорд 109
Кирдиат С. 37
Киудзиро Хаяши 44
Койсо Куниаки 45
Коуст Дж. 129, 145
Кохрэн М. 129, 176, 177
Кристисон Ф. 83
Критчли Т. К. 129
Куай Я., де 250
Кумар Гошал 6
Куснан 164

Латиф 200
Ли Дж. 146

Леймена И. 207, 233
Ленин В. И. 27, 98, 282
Логеман И. Х. 103
Лубис Зулкифли 182, 193, 207, 210, 214, 215, 223, 243
Лукман 231, 254, 290
Лю Шао-ци 265
Любке 269

Маарсефен И. Х. 151
Макапагал Д. 267
Маладй 233
Малик Адам 57, 133
Малик Я. А. 146
Малиновский Р. Я. 264
Маллаби А. 84
Мамбу 37
Манай Софьян 168
Мононуту 154
Мао Цзэ-дун 191
Марамис А. 63
Маркс К. 282
Марсуди 30
Мартадината Эдди 233, 261, 276
Маруто Дарусман 90, 117, 137, 138
Маунтбеттен Л., лорд 81
Микоян А. И. 273
Мокогинта 285
Моок Х., ван 82, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 121, 122, 126, 128, 130, 131
Муссо Мановар 90, 134, 135, 136, 137, 138
Муради 54
Мэнсерг Е. С. 84

Насутион Абдул Харис 53, 77, 141, 142, 168, 199, 201, 202, 203, 206, 207, 208, 209, 210, 213, 214, 215, 217, 218, 219, 221, 223, 227, 230, 232, 233, 234, 242, 243, 282, 283, 284, 286
Натерс Г. 112
Натсыр Мохаммад 88, 161, 162, 164, 167, 176, 177, 195, 214, 243
Неру Дж. 108, 139, 144
Ньоно 92, 226
Ньото 233, 283, 290

Осаму 44

Паданг М. 205
Паку Алам, князь 71
Палар Л. Н. 144, 179
Памуджи 90
Пангабеан Мараден 285
Паттерсон Р. 81, 83
Пелаез 267
Плас Ш, ван дер 81
Полл М., ван 103, 104, 114
Поуп А. Л. 216
Правироатмоджо 55
Правото Мангкусасмито 241
Прийоно 233

Раджиман Ведиодининграт 65, 67, 70
Раск Д. 267
Рафлз Стэмфорд 9, 10
Робсон П. 107
Роен И. Х. 149
Ромме 112
Рукорем 53
Рум Мохаммед 88, 114, 149, 170, 174, 241

Саджарво 233
Сакирман 91, 233
Саленду 52
Сарво Эди 283
Сарджоно 90, 98, 106, 138
Сартоно 89, 187
Сасен Е. М. 130
Састроамиджойо Али 76, 89, 170, 171, 172, 173, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 194, 203, 220, 222, 242, 276, 282
Севак 157
Сетиаджид 91, 117
Сидик Кертапати 40, 51
Симболон 194, 207, 214, 215, 223, 243
Сираджуддин Аббас 262
Смит 102, 121
Сомба 207
Сталин И. В. 134, 282
Старкенборгх Стахувер, ван 35
Стиккер 130
Субандрио 233, 261, 262, 265, 273, 276, 277, 283
Субарджо Ахмад 59, 63, 70, 177
Сувирьо 203, 204
Сударсо 248
Сударсоно 98, 133
Суджоно 284
Судибьо 233, 270, 272
Судирман 85, 140, 141
Судисман 91
Сукарни Картодивирьо 57, 64, 70, 78, 97, 133, 138
Сукарно 32, 33, 43, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 69, 70, 72,

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
107	14 св.	захватили	задержали
174	20 сн.	вначале	с самого начала
233	4 сн.	шаг, умаляющий значение партии в системе государственной	альной государственной доктрины. Доктрина представляла

Зак. 241

73, 75, 76, 79, 83, 84, 86, 87, 89, 98, 99, 100, 101, 105, 113, 127, 131, 132, 136, 137, 138, 139, 140, 153, 154, 168, 169, 182, 184, 187, 190, 191, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 223, 224, 225, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 248, 249, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 264, 265, 266, 268, 269, 270, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 281, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291
Сукаят 90
Сукиман Вирьосанджойо 163, 165, 166, 167, 173, 176, 177, 241
Сумарсоно 136
Сумитро Джойохадикусумо 214, 215
Сумуал 203, 207, 208
Сунанто 54
Сунарьо 180
Супрайоги 219
Супрапто 57
Сурипно 131, 133, 134, 136, 137, 138
Суприйяди 54, 76
Сурьядарма 233
Сусанто Тиртопроджо 80, 114, 155
Сутарто 136
Сутомо 32, 84, 233
Сухарто 281, 284, 285
Схермерхорн В. 103, 104, 114

Таджуддин Ноор 182
Тамбунан 166
Тан Линг Джи 125, 136, 137
Тан Малака 96, 97, 98, 99, 113, 118, 133, 134, 138, 139, 143
Терауги 66, 67, 81
Титов Г. С. 243
Тобинг 207
Тэйлор А. М. 121

Унтунг 287
Урип Сумохарджо 77

Фишер Л. 212, 220
Флекке Б. 36
Фокс М. 145, 146

Хадикусумо 164
Хазаирин 182, 185
Хайрул Салех 64, 69, 70, 78, 97, 133, 195, 233, 242, 271
Халим 155
Хаменгку Бувоно IX, султан 71, 167, 169, 207, 214, 215, 219
Ханафи 219
Харди 276
Хартоно 264
Харьоно 92, 138
Хатта Мухаммад 32, 33, 43, 57, 59, 63, 67, 68, 69, 70, 73, 75, 86, 87, 95, 96, 99, 100, 113, 124, 125, 126, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 145, 151, 153, 154, 164, 167, 179, 184, 190, 194, 195, 200, 203, 206, 207, 208, 209, 214, 215, 218, 219, 230, 281.
Хидаят 77
Хусейн Ахмад 193, 194, 207, 208, 215, 243

Чжоу Энь-лай 276, 283
Чокроаминото Харсоно 64
Чэнь И 272, 283

Шарир Сутан 32, 57, 59, 86, 87, 91, 98, 99, 107, 109, 114, 116, 120, 124, 125, 190, 208, 241
Шарифуддин Амир 50, 51, 52, 56, 76, 86, 91, 96, 111, 116, 117, 122, 123, 124, 125, 126, 130, 131, 132, 136, 137, 138
Шафруддин Правиранегара 140, 214, 243
Шмидт 172

Энгельс Ф. 282
Энчик Сену Абдурахман 261
Эрнингпраджа Ахэм 212, 233

Юлиана, королева Нидерландов 151
Юнгслагер 172
Юсуф Кунто 70
Юсуф Мохаммад 90

Ямамото Мотиро 65, 66
Ямин Мухаммад 63, 74, 97, 133, 219, 233
Яни Ахмад 256, 263, 264, 281, 283, 284, 285, 287

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 3

Основные особенности национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны (вместо введения) . 5

Глава I
Национально-освободительное движение в годы японской оккупации (1942—1945) 35

Глава II
Августовская революция и борьба против империалистической агрессии (1945—1949) 68

Глава III
Борьба за укрепление национальной независимости (1949—1956) 148

Глава IV
Национально-освободительное движение в Индонезии в 1957—1960 гг. 189

Глава V
Утверждение и кризис «направляемой демократии» (1960—1965) 237

Указатель имен 293

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В ИНДОНЕЗИИ
(1942—1965)

Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *В. Н. Кюзаджян*
Технический редактор *Н. А. Суровцова*
Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 23.V.1969 г. Подписано к печати 28.XI.1969 г. А-02469.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага № 2. Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 19,67.
Тираж 2500 экз. Изд. № 2399. Зак. № 975. Цена 1 р. 28 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 1 р. 28 к.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИНДОНЕЗИИ